

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МЕДИЦИНЫ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ,
ГУМАНИТАРНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК имени А.П. ЧЕХОВА

На правах рукописи

Пролыгина Ирина Викторовна

Галеновский корпус и риторическая культура Второй софистики

Специальность 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Общая характеристика работы	5
Актуальность предмета исследования	5
Степень разработанности проблемы	8
Объект и предмет исследования	17
Цель и задачи исследования	17
Источниковая база исследования	18
Методология исследования	21
Научная новизна работы	22
Теоретическая и практическая значимость работы	23
Положения, выносимые на защиту	24
Апробация работы	27
Структура работы	28
Глава I. ГАЛЕН И ВТОРАЯ СОФИСТИКА	29
I. 1. Гален и греческая <i>παιδεία</i>	29
I. 1. 1. Происхождение и начальное образование	30
I. 1. 2. Риторическое образование	35
I. 1. 3. Философское образование	39
I. 1. 4. Медицинское образование	45
I. 1. 5. Воспоминания о Пергаме	51
I. 2. Гален и медицинская риторика периода Второй софистики	52
I. 2. 1. Риторика и медицина в классический период	53
I. 2. 2. Медицинская риторика Галена	58
I. 2. 3. Риторика в медицинской прозе II-III вв. н. э.	61
I. 2. 4. Публичные медицинские диспуты	65
I. 2. 5. Агонистический характер медицинской прозы	72
I. 2. 6. Стиль Галена в контексте письменной традиции II-III вв. н. э.	77
I. 3. Гален о греческом языке и культуре	85

I. 3. 1. Замечания о греческом языке: эллины vs. варвары	85
I. 3. 2. Билингвизм Галена	93
I. 3. 3. Утраченные сочинения по риторике, грамматике и лексикологии	94
I. 4. Библиотека Галена и цитирование	97
I. 4. 1. Библиотека Галена и культурная катастрофа 192 г. н. э.	98
I. 4. 2. Список цитируемых авторов	100
I. 4. 3. Виды и функции цитирования	103
I. 4. 4. Техника цитирования	108
I. 5. Выводы	114
Глава II. РИТОРИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В КОРПУСЕ ГАЛЕНА	
II. 1. Ρήτωρ и термины его лексической семьи	117
II. 2. Другие риторические термины	125
II. 2. 1. <i>σαφήνεια</i> и <i>ἀσάφεια</i>	125
II. 2. 2. <i>ἀσύνδετον</i>	128
II. 2. 3. <i>βραχυλογία</i> и <i>μακρολογία</i>	129
II. 2. 4. <i>συντομία</i> и <i>πλεονασμός</i>	138
II. 2. 5. <i>σολοικισμός</i>	139
II. 3. Теория метафоры	145
II. 4. Гален о семантике медицинских терминов	155
II. 5. Выводы	162
Глава III. ГАЛЕН И ЕГО СИСТЕМА АРГУМЕНТАЦИИ	
III. 1. Семиотика и герменевтика: от прогностики к комментариям ...	165
III. 1. 1. Семиология Галена	165
III. 1. 2. Диагностика и прогностика	167
III. 1. 3. Коллекция клинических случаев	169
III. 1. 4. Комментарии на книги Гиппократа.	173
III. 1. 5. Анатомия как раскрытие тайн природы	177

III. 2. Полемика как риторический способ убеждения	178
III. 2. 1. Логика: силлогизмы и другие типы доказательств	181
III. 2. 2. Категория «вероятного».....	186
III. 2. 3. Извектика: приемы судебного красноречия	189
III. 2. 4. Протрептик: полемика в увещании.	203
III. 3. Выводы	211
Глава IV. ПОВЕСТВОВАНИЕ И ОПИСАНИЕ У ГАЛЕНА	214
IV. 1. Виды и функции повествования.	214
IV. 1. 1. Роль рассказа в сочинениях Галена	216
IV. 1. 2. Повествовательный параллелизм	224
IV. 1. 3. Рассказы Галена как исторические источники о жизни и нравах римского общества	233
IV. 1. 4. Исторический экфрасис в медицинских текстах	239
IV. 2. Описание: образы и способы их визуализации	245
IV. 2. 1. Образ как способ утверждения собственного авторитета ...	245
IV. 2. 2. Образ и географические отступления	248
IV. 2. 3. Описание и анатомические демонстрации	265
IV. 3. Выводы	277
Глава V. ГАЛЕН И ЕГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ	281
V. 1. Проблема и методы «периавтологии»	283
V. 2. Интеллектуальный и моральный автопортрет	293
V. 3. Научно-исследовательские путешествия	296
V. 4. Апелляция к авторитетам	300
V. 5. <i>Medice, cura te ipsum.</i> Гален о собственных болезнях	302
V. 6. Образ идеального врача-философа	306
V. 7. Выводы	310
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	314
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	319
БИБЛИОГРАФИЯ	324

ПРИЛОЖЕНИЕ. Список сочинений «Галеновского корпуса» 354

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы

Реферируемая работа посвящена исследованию риторического своеобразия сочинений Галена Пергамского в контексте греко-римской литературы поздней Античности и определению роли его медицинской риторики в культуре Второй софистики.

Актуальность предмета исследования

Еще полвека назад исследователи позднеантичной истории и литературы оставляли без внимания культурную жизнь грекоязычного мира на окраинах Римской империи и фигуру Галена Пергамского (ок. 129/131-210/217 гг. н. э.) как одного из выдающихся авторов, принадлежащих кругу Второй софистики. Несмотря на то, что существовал ряд исследований, посвященных софистике и отдельным софистам того времени, Гален до недавнего времени воспринимался всего лишь как медицинский автор, писавший «техническую» прозу. Литературная сторона его внушительного по своему объему наследия, которое составляет приблизительно одну десятую всех сохранившихся текстов на греческом языке до середины IV в. н. э., оставалась практически неизученной в силу отсутствия научного интереса, не всегда удовлетворительного издания источников и недостаточного числа комментированных переводов. Тем не менее за последние десятилетия отмечается значительный рост интереса к Галену как к одному из самых ярких интеллектуалов своего времени и авторитетному свидетелю научной и культурной жизни эпохи Антонинов и Северов.

Изменение подхода к проблеме коснулось не только Галена. В целом стало иным отношение к роли софистов и Второй софистики в римском обществе того периода. На смену теории существования какого-либо софистического движения в императорский период пришло понимание

софистики как причастности греческому образованию и традиции публичных декламаций на разные темы, восходящей еще к эллинистическому периоду. В результате Гален стал впервые обсуждаться как *πεπαιδευμένος* наряду с другими эрудитами и интеллектуалами того времени. За последние годы появилось немало работ, в которых исследователи обратили внимание на взаимодействие литературы и общества, в частности, на связь между софистикой, риторикой и античной литературой. Позднеантичные авторы стали рассматриваться в социально-политическом, культурном и интеллектуальном контексте. В настоящее время практически ни одно серьезное историческое, философское или литературоведческое исследование периода II-III вв. н. э. не может обойтись без отсылок к корпусу сочинений Галена.

Приблизительно с конца XX века Гален попал в круг интересов филологов-классиков, которые стали обращать внимание на проблемы аутентичности его корпуса, стилистические маркеры, жанровые особенности его текстов, их литературное сходство с текстами других авторов, принадлежавших кругу Второй софистики, а также на его сочинения по риторике, грамматике и лексикологии. За последние 30 лет сразу в нескольких авторитетных издательствах классических текстов вышли в свет новые критические издания его трудов с переводами на современные языки¹. В поле серьезного изучения оказались разные аспекты литературного наследия Галена: комментарии, автобиография, методология, логика, эпистемология, медицинская терминология и др. Результатом более глубокого знакомства с его текстами и детального анализа литературной традиции того времени стала переоценка места Галена в культуре Второй софистики. В частности, исследователи пришли к единому мнению о том, что круг интересов Галена был намного шире, чем это представлялось ранее, и простирался далеко за пределы медицины. И, хотя его нельзя считать софистом в том смысле, в каком

¹ См., напр., издания CUF (Collection des Universités de France, издания с 1990 г.), берлинской серии CMG (Corpus medicorum graecorum, <http://cmg.bbaw.de>) и серии Гарвардского университета Loeb Classical Library.

ими были его современники Фаворин или Элий Аристид, он имел схожее с ними фундаментальное классическое образование, писал в ту же эпоху и выступал на тех же площадках. Подобно Плутарху, Лукиану, Элию Аристиду и Героду Аттику² он был публичным интеллектуалом и, соответственно, владел тем же набором риторических методов и приемов для убеждения своих слушателей, что и софисты, которых описывает Филострат.

Исследования последних лет показали, что корпус текстов Галена далеко неоднороден. Его сочинения различаются по объему, жанровой специфике и целевой аудитории. Кроме того, каждый его текст встроен в определенный контекст. В связи с этим, при изучении стиля его нарративов, комментариев, полемических трактатов, интеллектуальной автобиографии и других жанров необходимо учитывать культурный фон того времени.

Как нам представляется, в настоящее время изучение языка науки, взаимосвязи науки и литературы, научного дискурса и роли ученого в обществе выступает одной из приоритетных задач современных историко-филологических исследований. В этом плане исследование риторической культуры Галена, причем не изолированно, а в широком контексте предшествующей и современной ему традиции, актуально как для более точного понимания его собственного метода рассуждения о научных проблемах, который является оригинальным синтезом медицины и риторики, так и для изучения рецепции и трансформации его литературного наследия в Византии, в средневековой Европе, в эпоху Возрождения и вплоть до начала Нового времени, когда на смену старой научной парадигме, восходящей к Аристотелю и Птолемею, пришла новоевропейская наука, заложившая основу для современного естествознания³.

² В. Наттон (Nutton 2021: 115) приводит ссылки на сочинения Галена *De plac. Hipp. et Pl.* 3, 2, 18 (K. V, 500); *Comm. Plat. Tim.* 4, 33 (CMG Suppl. 1.33); *De opt. med. cogn.* 9.18-22 (CMG Suppl. Or. 4.112-4), в которых содержится намек на то, что Элия Аристида и Герода Аттика Гален мог знать лично. Б. Болдуин предположил, что именно Гален изображен в сочинении Лукиана «Лексифан» (Baldwin 1973: 38-40).

³ Temkin O. Galenism. Rise and Decline of a Medical Philosophy. Ithaka, 1973; Hankinson R. The Cambridge Companion to Galen. Cambridge, 2008. P. XV-XVIII.

Степень разработанности проблемы

Отношение Галена к софистам и так называемой Второй софистике, которая охватывает период приблизительно с 50 по 250 гг. н. э., обсуждается в научной литературе уже более пятидесяти лет. Фундаментальной монографией, определившей последующий интерес историков древнего мира к софистам в Римской империи и, почти случайно, к Галену, стала работа Г. Бауэрсока «Греческие софисты в Римской империи» (1969 г.), которая включала главу под названием «Престиж Галена»⁴. Как отмечали некоторые из ее рецензентов, это утверждение было довольно провокационным, поскольку прежде исследователи текстов Галена почти не обращали внимание на его широкий интеллектуальный мир. Несмотря на то, что существовало несколько кратких исследований, посвященных отдельным софистам того времени, ни историки античного мира, ни исследователи греческой литературы не интересовались Галеном и культурной жизнью греческого мира того времени.

В 1971 г. Б. Риардон, ученик выдающегося французского эллиниста Ж. Бомпера, автора известного исследования сочинений Лукиана⁵, опубликовал работу под названием «Греческие литературные течения», в которой Гален впервые стал рассматриваться как один из полноправных представителей интеллектуальной элиты того времени⁶. Много полезных наблюдений над текстом Галена и замечаний по поводу его места в кругу софистов Римской империи встречается и в работе немецкого исследователя Й. Палма «Рим, римская культура и империя в греческой литературе императорского периода» (1959 г.)⁷. В 1960-х гг. на взаимодействие литературы и общества, в частности, на связь между софистикой, риторикой и классической литературой, обратил внимание британский филолог, специалист по поздней Античности, Ю. Боуи,

⁴ Bowersock G. W. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford, 1969. P. 59-75.

⁵ Bompaire J. Lucien écrivain. Paris, 1958.

⁶ Reardon B. P. Courants littéraires grecs des IIe et IIIe siècles après J.-C. Paris, 1971.

⁷ Palm J. Rom, Römertum und Imperium in der griechischen Literatur der Kaiserzeit. Lund, 1959.

опубликовавший статью под названием «Греки и их прошлое во Второй софистике», в котором античные авторы рассматривались в социальном, политическом и интеллектуальном контексте⁸.

После публикации этой работы многие исследователи стали обращать внимание на социо-культурные связи софистов. В частности, В. Наттон в работе, посвященной изданию и исследованию сочинения Галена «О прогнозе» (1979 г.), отводит значительное место анализу культурно-исторического контекста, в котором был написан этот текст⁹. Более широкий взгляд на место софистов в Римской империи был представлен в книге Й. Хана «Философ и общество. Самооценка, общественные и народные ожидания в позднеримской империи» (1989 г.)¹⁰.

Г. Бауэрсок обратил также внимание на социальное происхождение софистов, большинство из которых имели довольно высокий статус. Так, Гален в своих сочинениях упоминает о том, что был достаточно обеспечен¹¹, поскольку принадлежал к семье потомственных архитекторов. Как замечает В. Наттон в статье «Гален и софисты» (2021 г.), «Гален не был ни Геродом, ни Полемоном Лаодикейским, но по своему богатству и влиянию он определенно был равен Адриану Тирскому или Скопелиану»¹².

Второй задачей Г. Бауэрсока и его последователей было изучение взаимоотношений между софистами и их городами. Они показали, как эти публичные интеллектуалы помогли укрепить позиции греков в Римской империи, не только подчеркивая единую культуру, которую укрепляли их публичные выступления в Восточном Средиземноморье, но и обеспечивая связь между своей родиной и Римской империей. Известно, что многие из знаменитых врачей, так же как выдающиеся софисты, были щедрыми

⁸ Bowie E. Greeks and their Past in the Second Sophistic // *Past and Present* 46, 1970. P. 3-41.

⁹ Nutton V. *Galeni De praecognitione*. CMG V 8, 1. Berlin, 1979.

¹⁰ Hahn J. *Der Philosoph und die Gesellschaft. Selbstverständnis, öffentliche und populäre Erwartungen in der hohen Kaiserzeit*. Stuttgart, 1989.

¹¹ *De animi aff. dign.* 1, 9 (K. V, 49). См. Samama 2003: 405, n. 300.

¹² Nutton V. *Galen and the Sophists* // *Aion-Sez. di filologia e letteratura classica* 43, 2021. P. 118.

меценатами восточных городов¹³. Софисты, скорее всего, были вовлечены в местную политику, независимо от того, путешествовали ли они, как Дион Хрисостом, или принадлежали кругу местной аристократии. Таким образом, семья Галена, скорее всего, играла значительную роль в местной политике Пергама. По крайне мере, он упоминает о том, что его отец Никон был вынужден занять городскую должность практически против своей воли благодаря репутации честного человека¹⁴.

И, наконец, важным этапом в изучении софистов и Второй софистики явилась статья оксфордского историка древнего мира П. Бранта «Мыльный пузырь Второй софистики» (1994 г.), в которой он решительно выступил против идеи существования какого-либо софистического движения в императорский период, подчеркивая преемственность греческого образования и традицию публичных декламаций на разные темы, существовавшую еще в эллинистический период¹⁵.

Приблизительно со второй половины прошлого века Гален попадает в круг интересов филологов-классиков, которые стали обращать внимание на литературные особенности его текстов, их стилистическое сходство с текстами других авторов, принадлежавших кругу Второй софистики, и на его сочинения по грамматике, риторике, лексикологии и критике текста. Филологические исследования языка и стиля Галена, в целом, можно условно разделить на несколько направлений: на исследования, касающиеся издания и критики его текстов¹⁶; на исследования его собственных замечаний относительно критики текста, грамматики и лексикологии; и на исследования языка и стиля его сочинений. Последние два направления часто дополняют друг друга.

¹³ Nutton V. Ancient Medicine. London and New York, 2013. P. 260-263.

¹⁴ *De animi aff. dign.* 1, 8 (К. V, 41), *De praec.* 9, 2 (К. XIV, 648).

¹⁵ Brunt P. The Bubble of the Second Sophistic // Bulletin of the Classical Studies 39, 1994. P. 25-52.

¹⁶ В частности, в Павии с 2007 г. ежегодно издается журнал *Galenos. Rivista di filologia dei testi medici antichi*, который посвящен изданию, атрибуции, критическому изданию, комментированию и исследованию античных медицинских текстов, сохранившихся на греческом, латинском и восточных (арабском, сирийском, иврите) языках. Кроме того, за последние тридцать лет прошло несколько конференций и симпозиумов, касающихся проблемы их издания.

Долгое время исследования языка и стиля Галена ограничивались отдельными замечаниями издателей или краткими очерками, однако в последние годы отмечается резкий рост интереса к этой проблеме. Греческий язык Галена становился объектом исследования еще редакторов конца XIX века. В середине прошлого века вышел в свет лингвистический комментарий к сочинениям Галена А. Вифстранда «Eikota: Текстологические конъектуры и интерпретации греческих прозаиков императорской эпохи. Гален в третий раз», который представляет собой важный рабочий инструмент и в настоящее время¹⁷. Однако краткость и недостаточная аргументированность выводов делают эту работу скорее отправной точкой, чем результатом исследований в этой области. Продолжение работы в этом направлении нашло отражение в «Словаре медицинских терминов Галена» Р. Дёрлинга (1993 г.), который на сегодняшний день служит наиболее авторитетным источником по лексикологии Галена¹⁸. Исследования словаря Галена также представлены в работе Ф. Шкода «Гален лексиколог» (2001 г.). Гален часто дает лингвистический комментарий к тем или иным терминам, разъясняя их посредством подбора синонимов или развернутого определения, что указывает на то, что автор не только стремился к терминологической ясности и точности, но также интересовался когнитивным процессом обозначения и наименования разных предметов и явлений, образованием и историей слов, структурой терминов¹⁹. Ф. Шкода опубликовала также самое подробное на сегодняшний день историко-филологическое исследование по этимологии анатомических и клинических греческих терминов «Античная медицина и метафора» (1988 г.)²⁰.

¹⁷ Wifstrand A. Eikota: Emendationen und Interpretationen zu griechischen Prosaikern der Kaiserzeit, VIII. Galenos zum dritten Mal. Lund, 1964.

¹⁸ Durling R. J. A dictionary of medical terms in Galen. Leiden, 1993.

¹⁹ Skoda F. Galien lexicologue / M. Woronoff, S. Follet, J. Jouanna (eds.). Dieux, héros et médecins grecs. Hommage à Fernand Robert. Besançon: Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 2001. P. 177-196.

²⁰ Skoda F. Médecine ancienne et métaphore. Le vocabulaire de l'anatomie et de la pathologie en grec ancien. Paris, 1988.

Ряд ценных филологических замечаний встречается в предисловиях и комментариях критических изданий. К сожалению, большинство изданий Галена, вышедших в прошлом веке в серии CMG (*Corpus Medicorum Graecorum*), изданы без перевода, пояснительных примечаний и комментариев, хотя некоторые из них и ряд других изданий все же приводят замечания о стиле и словаре автора, например, издания В. Наттона «О прогнозе» (1979 г.), А. Баригацци и В. Будон в изданиях «Протрептика» (1991 г. и 2002 г.), А. Баригацци в издании трактата «О наилучшем учении», направленном против софиста Фаворина (1966 г.), Ф. де Ласи в издании «О первоэлементах согласно Гиппократу» (1996 г.), В. Будон-Мийо, Ж. Жуанна и А. Пьетробелли в издании трактата «О том, что не стоит печалиться» (2010 г.)²¹.

Важные филологические наблюдения о языке Галена приведены в статье И. Слёттер «Текстуальная терапия. Об отношении между медициной и грамматикой у Галена» (2010 г.)²², которая показала, что медицина была тесно связана с филологией через герменевтику. Терминологическая точность в языке считалась необходимой для точности в медицине, поэтому анализ текстов приравнивался к диагностике, а работа по исправлению, комментированию и толкованию текстов была своего рода «терапией» – исправлением ошибок, ведущих к неправильному пониманию. В коллективной монографии под редакцией Х. Лопеса Фереса «Гален. Язык, литературная композиция, лексика, стиль» (2015 г.) проанализированы разные аспекты языка и стиля Галена²³. Однако самым полным и известным исследованием на сегодняшний день остается написанная на латыни диссертация В. Хербста о

²¹ Nutton V. Galeni De praecognitione. CMG V 8, 1. Berlin, 1979; Barigazzi A. Galeno, Protrettico. CMG V 1, 1. Berlino, 1991; Boudon V. Galien. T. II. *Exhortation à l'étude de la médecine. Art medical*. Paris, 2002; Barigazzi A. Galeni De optimo docendi genere / Favorino di Arelate: Opere (Testi greci e latini con commento filologico 4). Firenze, 1966. P. 179-190; de Lacy Ph. Galeni De elementis ex Hippocratis sententia. CMG V 1, 2. Berlin, 1996; Boudon-Millot V., Jouanna J., Pietrobelli A. Galien. T. IV. *Ne pas chagriner*. Paris, 2010.

²² Sluiter I. Textual Therapy. On the relationship between medicine and grammar in Galen // M. Horstmanshoff (ed.). *Hippocrates and Medical Education. Selected Papers presented at the Hippocratic Colloquium (Leiden, 24-26 August 2005)*. Leiden, 2010. P. 25-52.

²³ López Férez J. A. (ed.) Galeno. *Lengua, composición literaria, léxico, estilo*. Madrid, 2015.

Галене и аттицизме (1911 г.)²⁴, хотя автор опирался на достаточно ограниченное число критических изданий, главным образом, на тексты первого критического издания собрания сочинений Галена Г. Кюна (1819-1833 гг.)²⁵. С того времени Галеновский корпус достаточно сильно изменился и пополнился: аутентичность ряда текстов была поставлена под сомнение, были опубликованы новые тексты, сохранившиеся на арабском (например, 1 книга трактата «О медицинской лексике», *De nominibus medicis*, 1931 г.), несколько трактатов на греческом (например, «О том, что не стоит печалиться», *De indolentia*), ряд ранее неизвестных фрагментов и новые критические издания, что иногда делает выводы Хербста устаревшими. Так, например, критическое издание трактата «О свойствах пищи» (*De alimentorum facultatibus*) Г. Хельмрайха (1923 г.) исключает из текста ряд фраз и предложений, занимавших важное место в анализе пергамского диалекта греческого языка Галена у В. Хербста.

Надежным введением в язык Галена служит глава С. Суэйна в его монографии «Эллинизм и империя. Язык, классицизм и власть в греческом мире 50-250 гг. по Р. Х.» (1996 г.), посвященная отношению Галена к ясности (*σαφήνεια*) и аттицизму²⁶. Исследователь показал, что Гален в своих текстах достаточно часто комментировал правильное словоупотребление и стиль других авторов, в частности, Гиппократа. При этом, он подчеркнуто дистанцировался от дурного стиля своих предшественников, например, Архигена Апамейского, подчеркивая, что убедительная аргументация не может обойтись без терминологической ясности и точности. Исследованию Галена как филолога, грамматика и комментатора текстов Гиппократа посвящены работы Д. Манетти и А. Розелли «Гален – комментатор Гиппократа» (1994 г.), В. Будон-Мийо «Гален – комментатор Гиппократа: об аутентичности гиппократовских трактатов» (2008 г.), статья Р. Флемминга о

²⁴ Herbst W. Galeni Pergameni de Atticissantium studiis testimonia. Leipzig, 1911.

²⁵ Galeni Opera Omnia. Rec. C. G. Kühn. T. 1-20. Leipzig, 1819-1833 (repr. Hildesheim, 1965).

²⁶ Swain S.C.R. Hellenism and Empire. Language, Classicism and Power in the Greek World 50-250 A.D. Oxford, 1996. P. 56-62.

комментариях Галена в коллективной монографии «Кембриджское руководство к изучению Галена» (2008 г.), статья М. Бёрно и С. Коглина «Гален о дурном стиле (*kakozēlia*): толкование Гиппократа у Галена и некоторых его предшественников» (2020 г.), а также наша статья о развитии жанра научного комментария в его сочинениях (2024 г.)²⁷.

Среди последних исследований, касающихся стиля прозы Галена, стоит назвать несколько биографических исследований о Галене, в частности, В. Будон-Мийо «Гален Пергамский. Греческий врач в Риме» (2012 г.), Г. Шланге-Шёнингена «Римское общество у Галена. Биография и социальная история» (2003 г.), С. Маттерн «Князь медицины: Гален в римском мире» (2013 г.), В. Наттона «Гален – мыслящий врач в императорском Риме» (2020 г.)²⁸ и коллективную монографию К. Гилла, Т. Уитмарша и Дж. Уилкинса «Гален и мир знания» (2009 г.). Важные наблюдения о риторике Галена и взаимосвязи медицины и литературы приведены в монографии К. Пети «Гален Пергамский или риторика Провидения» (2018 г.)²⁹ и в ее статье «Гален, риторика и вторая софистика» (2024 г.)³⁰. Достаточно полная библиография по Галену и его отношению ко Второй софистике приведены в статье С. Маттерн,

²⁷ Manetti D., Roselli A. Galeno commentatore di Ippocrate // ANRW II 37. 2. Berlin-New York, 1994. P. 1529-1635; 2071-2080; Boudon-Millot V. Galien commentateur d'Hippocrate: de l'authenticité des traités hippocratiques / P. Hummel, F. Gabriel (eds.). Verités Philologiques. Études sur les notions de vérité et de fauxseté en matière de philologie. Paris, 2008. P. 75-92; Flemming R. Commentary / R. J. Hankinson (ed.). The Cambridge Companion to Galen. Cambridge, 2008. P. 323-354; Börno M., Coughlin S. Galen on bad style (*kakozēlia*): Hippocratic exegesis in Galen and some predecessors // V. Nutton, L. Totelin (eds.). Ancient medicine, behind and beyond Hippocrates: essays in honour of Elizabeth Craik. Technai, 11. Pisa; Roma, 2020. P. 145-176.

Пролыгина И. В. Развитие жанра научного комментария в Галеновском корпусе // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 13, № 4 (49), 2024. С. 85-89.

²⁸ Boudon-Millot V. Galien de Pergame, un médecin grec à Rome. Paris, 2012. Schlangen-Schöningen H. Die römische Gesellschaft bei Galen. Biographie und Sozialgeschichte. Berlin, 2003; Mattern S. P. Prince of Medicine: Galen in the Roman World. Oxford, 2013; Nutton V. Galen a Thinking Doctor in Imperial Rome. London and New York, 2020. Gill C., Whitmarsh T. and Wilkins J. (eds.) Galen and the World of Knowledge. Cambridge, 2009.

²⁹ Petit C. Galien de Pergame ou la rhétorique de la Providence. Leiden, Boston, 2018.

³⁰ Petit C. Galen, Rhetoric, and the Second Sophistic / P. N. Singer, R. M. Rosen (eds.) The Oxford Handbook of Galen. Oxford, 2024. P. 87-99.

посвященной Галену в коллективной монографии «Оксфордский справочник по Второй софистике» (2017 г.)³¹.

За последние десятилетия были опубликованы фундаментальные работы в Л. Прелли (1989 г.) и А. Гросса (1990 г.)³² в области научной риторики и, в частности, Дж. Сегал (2005 г.)³³ в области медицинской риторики, благодаря которым Гален признается одним из выдающихся литературных авторов и мыслителей своей эпохи.

В России специального изучения литературного наследия корпуса сочинений Галена Пергамского не проводилось, и, в целом, интерес к этому автору был достаточно низким, что объясняется, в первую очередь, отсутствием переводов на русский язык. Первый и единственный в XX в. перевод текста Галена, его главного анатомо-физиологического трактата «О назначении частей человеческого тела» (*De usu partium*) был выполнен С. П. Кондратьевым под ред. В. Н. Терновского лишь в 1971 г.³⁴. Начиная с 2012 г. были опубликована серия наших комментированных переводов сочинений Галена, призванных восполнить существующий пробел в отечественной литературе, касающийся мысли Галена, и сделать доступными его тексты для широкого круга исследователей. Нами были выполнены комментированные переводы его био-библиографических сочинений и во многом дополняющего их трактата «О том, что не стоит печалиться» (*De indolentia*), а также ряд других его медицинских и философских сочинений³⁵. Два сочинения Галена

³¹ Mattern S. P. Galen. / D. S. Richter and W. A. Johnson (eds.). The Oxford Handbook of the Second Sophistic, Oxford, 2017. P. 371-388.

³² Prelli L. J. A Rhetoric of Science. Inventing Scientific Discourse. Columbia, 1989; Gross A. The Rhetoric of Science. Harvard University Press, 1996.

³³ Segal J. Z. Health and the Rhetoric of Medicine. Southern Illinois University Press, 2005.

³⁴ Клавдий Гален. О назначении частей человеческого тела. Пер. с древнегреч. проф. С. П. Кондратьева под ред. акад. В. Н. Терновского. М., 1971.

³⁵ Гален. О порядке собственных книг // Историко-философский ежегодник 2016. Институт философии РАН. М., 2016. С. 50-68; Гален. *De libris propriis*. О собственных книгах // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 11, № 2, 2017. С. 636-677; Гален. О том, что не стоит печалиться // Философский журнал, Т. 11, № 4, 2018. С. 180-186; Философский журнал, Т. 12, № 1, 2019. С. 181-189. Гален Пергамский и его трактат «О том, что наилучший врач есть также философ» // Историко-философский ежегодник 2011. Институт философии РАН. М., 2013. С. 82-100; Гален. Увещание к занятию медициной // ВДИ № 3 (286), М., 2013. С. 283-299; Гален. *Ars*

«О толках для начинающих» (*De sectis ad eos qui introducuntur*) и «О моих возврениях» (*De propriis placitis*) вышли в 2015 и 2016 г. в переводе Е. В. Афонасина³⁶. Что касается исследований места Галена в риторической культуре Второй софистики на русском языке, то проблеме медицинской риторики Галена и влиянию классического греческого образования на его медицинскую прозу посвящено несколько наших статей последних лет³⁷. Кроме того, нами были рассмотрены отдельные стороны его полемического, повествовательного и автобиографического дискурса, а также функция и техника цитирования в его сочинениях³⁸.

С 2014 по 2022 г. сотрудниками кафедры истории медицины Сеченовского Университета были подготовлены 6 томов сочинений Галена, предназначенных, как отмечают авторы издания в аннотации, для ученых, занимающихся проблемами истории и философии естествознания³⁹.

medica. Медицинское искусство // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 2. М., 2014. С. 95-129; Вып. 3. М., 2016. С. 108-153; Гален. Об упражнении с маленьким мячом // Философия. Журнал ВШЭ. Том III. № 1 (2019). С. 253-261; Гален. О костях для начинающих // Hypothekai. Вып. 5. Учебные тексты в Античности. М., 2021. С. 141-171.

³⁶ Гален Кл. О толках для начинающих // *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 9; № 1, 2015. С. 56-72; Гален Кл. О моих возврениях // *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 10; № 1, 2016. С. 190-215.

³⁷ Пролыгина И. В. О медицинской риторике Галена // *Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры*. 2023. № 7. С. 147-158; Пролыгина И. В. Гален как представитель греческой *paideia* эпохи Второй софистики // *Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры*. 2024. № 8. С. 55-73; Пролыгина И. В. Гален о греческом языке медицины: отголоски софистических споров об аттицизме и азианизме // *Филология: научные исследования*. № 3, 2025. С. 171-179.

³⁸ Пролыгина И. В. О роли семиотической интерпретации в античной медицинской традиции // *Когнитивные исследования языка*. Вып. 58. Когнитивный подход к описанию терминологических систем и специальных видов дискурса. Москва, Тамбов, 2024. С. 553-558; Пролыгина И. В. Приемы «периавтологии» в трактате Галена Пергамского «О методе лечения» // *Мир науки, культуры, образования*. № 5 (108), 2024. С. 498-500; Пролыгина И. В. Типы и маркеры повествовательного дискурса в анатомических сочинениях Галена // *Филология: научные исследования*. № 2, 2025. С. 34-42; Пролыгина И. В. *Artifex artificibus* или *idiota idiotis*: топос «любовной болезни» в медицинском нарративе Галена // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIX* (2). СПб.: ИЛИ РАН, 2025. С. 319-331; Пролыгина И. В. Функции и техника цитирования в корпусе текстов Галена // *Мир науки, культуры, образования*. № 2 (111), 2025. С. 485-488.

³⁹ Гален Кл. Сочинения. Т. 1-6. Общ. ред., сост., вступ. ст. и comment. Д. А. Балалыкина. М.: Практическая медицина, 2014-2018, 2022.

Подводя итог, можно заключить, что несмотря на большой объем проведенных за последние годы исследований в области медицинской риторики и различных аспектов литературного наследия Галена, остается значительный пробел в исследовании риторики Галена как составной части риторической традиции его времени, с одной стороны, и его риторики как фундамента для научного и медицинского дискурса последующих поколений врачей и ученых.

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования выступает интеллектуальная греко-римская культура периода Второй софистики (50-250 гг. н. э.), которая рассматривается в широком историко-литературном контексте позднеримской империи.

Предметом диссертационного исследования являются особенности риторической культуры в корпусе текстов Галена как одного из выдающихся представителей Второй софистики.

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы провести системное исследование стилистического и жанрового своеобразия сочинений Галена Пергамского в контексте греко-римской литературы поздней Античности и установить степень его причастности к риторической культуре Второй софистики. При этом под Второй софистикой в данной работе понимается не узкий круг софистов и ораторов периода I-III вв. н. э., специализирующихся на эпидейктическом красноречии, а общекультурное интеллектуальное движение, основанное на преемственности литературных и образовательных традиций, восходящих еще к эпохе эллинизма.

Проблематика исследования предполагает решение следующих задач:

- реконструировать интеллектуальную биографию Галена на основе его собственных свидетельств о своем происхождении, семейном воспитании, а также риторическом, философском и медицинском образовании;
- исследовать феномен медицинской риторики в ее диахронии, начиная с текстов «Гиппократова сборника» до сочинений медицинских авторов III в. н. э., и определить вклад Галена в развитие этого явления;
- определить место медицинской риторики в агонистической культуре Второй софистики, рассмотрев свидетельства Галена о публичных медицинских диспутах;
- выявить круг авторов, цитируемых Галеном, установить виды, функции и технику его цитирования, а также рассмотреть его свидетельства о собственной библиотеке;
- исследовать риторическую терминологию Галена и показать его отношение к риторике и софистике того времени;
- проанализировать теорию метафоры у Галена и рассмотреть его замечания о семантике медицинских терминов;
- изучить систему аргументации в корпусе текстов Галена – его приемы опровержения и убеждения, а также способы и методы его герменевтики и экзегетики;
- рассмотреть виды и функции повествования и описания в его сочинениях;
- дать оценку автобиографическим свидетельствам Галена и их жанровой специфике.

Источниковая база исследования

Первичные источники. Текст диссертации опирается на оригинальные греческие тексты Галена. Корпус дошедших до нас текстов Галена на греческом языке составляет приблизительно 10 % всех сохранившихся текстов греческой литературы до 350 г. н. э⁴⁰. Эти тексты насчитывают более 20 000

⁴⁰ Nutton 2013: 390, n. 22.

страниц в 22 томах классического издания К. Г. Кюна (*Galeni Opera Omnia / Rec. C. G. Kühn. T. 1-20. Leipzig, 1821-1833, repr. Hildesheim, 1965*) – первого критического издания собрания сочинений Галена. Несмотря на то, что рукописная база текстов Галена в настоящее время значительно расширилась, для многих сочинений оно остается единственным текстуальным источником. Часть галеновских текстов сохранилась только в латинских или арабских переводах.

В ряде случаев дополнительно указывается последнее критическое издание текста в серии CUF (*Collection des Universités de France*, издания с 1990 г.), берлинской серии CMG (*Corpus medicorum graecorum*, издания с 1914 г.), собрании SM (*Scripta minora*, издания с 1884 по 1893 гг.) или серии Гарвардского университета Loeb Classical Library. При выборе текста предпочтение отдавалось последним критическим изданиям, хотя приоритетом все же оставался необходимый для исследования охват релевантных текстов, даже если некоторые из них еще не имеют надежного критического издания.

В конце диссертации приводится Приложение, которое содержит список сочинений Галена с указанием общепринятых латинских наименований, соответствующих названий на русском языке, основных критических изданий, переводов на современные европейские языки, а также приблизительные датировки сочинений. Русские переводы текстов Галена, если не указано иное, принадлежат нам. Удобным инструментом для работы с огромным числом изданий выступает ежегодно обновляемая библиография Галенова и Псевдо-Галенова корпуса Г. Фихтнера, которую можно найти в свободном доступе на сайте CMG⁴¹ или в «Оксфордском справочнике по Галену» Сингера и Розена 2024 г.⁴².

⁴¹ Последняя версия – декабрь 2023 г.: <https://cmg.bbaw.de/fileadmin/Webdateien/Dateien/Galen-Bibliographie.pdf>.

⁴² Singer P. N., Rosen R. M. The Oxford Handbook of Galen. Oxford, 2024. – Appendix List of Galen’s Works: Titles, Editions, Translations and Online Resources. P. 675-696.

Вторичные источники. Для установления источников медицинского, философского и риторического учения Галена или его сопоставления с учением других авторов в диссертации привлекаются тексты классического, эллинистического и римского периодов. Среди медицинских текстов чаще всего упоминается «Гиппократов сборник» в связи с объемным корпусом комментариев Галена на сочинения Гиппократа. Гиппократ был для Галена почти абсолютным авторитетом, поэтому цитаты или аллюзии на его тексты встречаются почти в каждом его сочинении. Кроме того, Гален часто полемизирует или ссылается на других медицинских авторов, среди которых, прежде всего, следует назвать двухalexандрийских врачей – Эразистрата и Герофила Александрийского, сочинения которых сохранились лишь во фрагментах. Среди сочинений ближайших современников Галена, врачей и авторов медицинских сочинений, были использованы тексты Аретея Каппадокийского, Руфа Эфесского и Цельса.

Из числа античных ораторов, софистов и теоретиков стиля, предшественников и современников Галена, были привлечены следующие авторы и их сочинения: Аристотель («Риторика», «Протрептик»), Демосфен («О венке» и др.), Псевдо-Гермоген («Прогимнасмы»), Афтоний («Прогимнасмы»), Риторика к Гереннию, речи Элия Аристида, Диона Хрисостома, псевдо-Квинтилиан («VIII большая декламация»), Квинтилиан («Риторические наставления»), Цицерон («О нахождении» и др.), фрагменты Элия Феона, Псевдо-Дионисия и др.

Также привлекались философские тексты Платона («Апология Сократа», «Федон», «Хармид» и др.), Аристотеля («Большая этика», «О частях животных» и др.), Секста Эмпирика («Пирроновы положения», «Против ученых»). Кроме того, были использованы тексты античных историков и прозаиков – Фукидида, Плутарха («О похвале самому себе», «Как юноше слушать поэтические произведения»), Плиния старшего («Естественная история»), Страбона, Колумеллы, Апулея, Лукиана («Лжец», «Геракл» и др.), авторов греческого романа – Харитона, Ахилла Татия, Гелиодора и некоторых

других. Ссылки на сочинения античных авторов даются в сокращении, принятом в 4-ом издании OCD (Oxford Classical Dictionary), и приведены в списке сокращений, помещенном перед библиографией.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют традиционные методы комплексного историко-филологического анализа, основанного на лингвистическом, литературоведческом, компаративном, контекстуальном, культурологическом и источниковедческом изучении оригинальных греческих текстов, рассмотренных на фоне сложившейся историко-литературной традиции II-III веков, с исследованием релевантных терминов и понятий, используемых для его характеристики. Данные методы, во-первых, позволили учесть специфику рассматриваемых текстов, которые, по нашему мнению, задумывались автором не только как технические медицинские сочинения, но и как важный инструмент аргументации в высоко конкурентной среде римского общества, игнорирование которой не позволило бы адекватно оценить авторский замысел. А во-вторых, они дали нам возможность оставить за рамками исследования такие методы анализа, как исследование рукописной традиции текстов и изучение медицинского содержания сочинений Галена. Все рассматриваемые в исследовании тексты Галена Пергамского, а также тексты привлекаемых к рассмотрению авторов переведены нами с древнегреческого языка. Применительно к понятийно-терминологическому аппарату встречающейся медицинской лексики в корпусе текстов Галена мы опирались на словарь медицинских терминов Р. Дёрлинга⁴³ с целью унификации терминов внутри корпуса его сочинений, а также для установления терминологической и понятийной связи с работами его медицинских предшественников. В работе использовались электронные

⁴³ Durling R. J. A dictionary of medical terms in Galen. Leiden, 1993.

текстовые базы данных (TLG, Perseus, Diogenes)⁴⁴, что позволило учесть почти весь корпус релевантных греческих текстов.

Научная новизна работы

Научная новизна состоит в том, что впервые предпринят комплексный историко-филологический анализ литературных особенностей сочинений Галена как одного из представителей культурного движения Второй софистики. В диссертации предложен новый подход к анализу его текстов, которые рассматриваются не изолированно как «технические» тексты медицинского автора, но как часть греко-римской литературы II-III вв. со всем многообразием ее жанров и риторических традиций. Определяется роль Галена как одного из основоположников научной риторики императорского периода, который разработал медицинский дискурс, ставший образцом для последующих поколений позднеантичных и средневековых врачей.

В диссертации впервые исследуются не только риторические приемы, которыми Гален и его современники, принадлежавшие кругу Второй софистики, владели благодаря усвоенному ими со школьных лет греческому классическому образованию, но и система его аргументации, установлена взаимосвязь между традиционными для аргументации семантическими полями (например, категориями достоверного и вероятного или знаковой системы) и специфическими для медицины проблемами (например, диагностикой, прогностикой, способами общения с пациентами и поддержания авторитета). Благодаря сопоставительному анализу текстов Галена с текстами его современников – авторами риторических сочинений, философских трактатов, греческого романа и эпистолярной литературы уточняются причины т. наз. *φιλιατρία*, моды на медицину среди римских

⁴⁴ TLG: Thesaurus Linguae Graecae (<https://stephanus.tlg.uci.edu/>); Perseus Digital Library (<http://www.perseus.tufts.edu/>); Diogenes (<https://d.iogen.es/>).

интеллектуалов, и место медицинских дебатов и анатомических демонстраций в агонистической культуре Второй софистики.

Начиная с середины прошлого века, на Западе вышло уже более десятка коллективных монографий и более сотни научных статей, посвященных медицинскому и литературному наследию Галена, а большинство его сочинений были переведены на европейские языки. Однако в отечественной науке роль Галена в истории античной литературы до сих пор остается практически неизученной. Вместе с тем исследование литературной стороны его корпуса важно и актуально потому, что оно проясняет место медицинских сочинений в литературе поздней Античности и проливает свет на ход развития медицинской риторики в последующие века. Настоящая диссертация призвана отчасти восполнить этот пробел в отечественной историко-филологической науке. Диссертационное исследование носит междисциплинарный характер, способствуя разрешению научных проблем, касающихся взаимосвязи науки и литературы и лежащих на стыке сразу нескольких гуманитарных специальностей – классической филологии, истории античной философии, науки и медицины.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что полученные в результате исследования данные могут быть использованы в различных сферах научной и педагогической деятельности. В диссертационной работе был разработан новый теоретико-методологический подход к анализу медицинских текстов Галена, которые рассматриваются в литературном и социо-культурном контексте своего времени и позволяют получить новые данные в области жанровой специфики позднеантичной литературы и места медицины в риторической культуре Второй софистики. Полученные общетеоретические выводы и прикладные результаты могут быть полезны для разрешения вопроса аутентичности ряда текстов псевдо-Галенова корпуса, а также служить основой для исследований, касающихся истоков

научного и медицинского дискурса. Материалы диссертационного исследования могут найти применение в подготовке учебных пособий, курсов лекций и программ по истории античной литературы, философии, науки и медицины, лингвистике и культурологии.

Положения, выносимые на защиту

Исходя из результатов исследования, на защиту выносятся следующие положения:

1. Исследование автобиографических свидетельств Галена о его воспитании и образовании – философском, риторическом и медицинском, а также анализ круга его цитирования показывает, что он получил фундаментальное греческое образование, позволившее ему, несмотря на провинциальное происхождение, стать частью римской интеллектуальной элиты и достичь статуса придворного врача в эпоху Антонинов.

2. Гален был не только наследником письменной медицинской традиции, но и классической греческой литературы, восходящей к прозе Фукидида. Он прекрасно владел риторическими приемами, позволявшими обогатить его рассказы ссылками и аллюзиями на греческих авторов, тем самым подчеркивая свою принадлежность греческой образованности (*παιδεία*). Диапазон ссылок на античных авторов у него столь же широк, как и у других прозаиков и ораторов его времени, поэтому Галена никак нельзя считать только «техническим» автором.

3. Многочисленные свидетельства Галена об интеллектуальной жизни римской элиты проясняют роль медицинских дебатов (на анатомические, хирургические или доксографические темы) как одного из видов софистических диспутов, характерных для культуры Второй софистики. Использование спортивной терминологии, метафор и сравнений публичных декламаций с состязаниями атлетов указывает на агонистический характер медицинской профессии во II-III вв.

4. Сохранившиеся тексты Галена по риторике, литературной критике и лексикологии, а также анализ его риторической терминологии показали, что он признавал важность изучения ораторского искусства для получения классического греческого образования, прекрасно владел риторическим инструментарием как в теории, так и на практике, но его взгляды, цели и методы существенно отличались от тех, что использовали софисты, которые занимались преимущественно эпидейктическим красноречием. Исследовательский характер его сочинений, разработанная система аргументации, использование силлогизмов, а также постоянная апелляция к Платону и Гиппократу указывают на то, что его целью была, прежде всего наука (*ἐπιστήμη*), а не красноречие (*ἐπίδειξις*).

5. Гален придерживался собственного лингвистического проекта языка науки, разработав теорию метафоры, которая восходила к Аристотелю, но содержала ряд важных дополнений. В языке науки, по его мнению, используются, с одной стороны, термины «буквальные», а с другой – метафорические, которым присущи такие бинарные оппозиции, как первичность-вторичность, исходность-производность, общность-частность, нормативность-отклонение, естественность-чуждость, точность-двумысленность, однозначность-многозначность, субстанциальность-акцидентальность, ясность-неясность. Метафора характеризуется отсутствием ясности (*σαφήνεια*), а потому допустима в качестве термина лишь в крайнем случае.

6. Медицинская теория и практика Галена была тесно связана с интерпретацией различных знаков – установлением прогнозов и диагнозов, комментированием текстов Гиппократа и раскрытием тайн природы на примере анатомии человека. Благодаря целому ряду риторических приемов Гален изображает себя врачом, который не только близок по духу Гиппократу, Платону и Аристотелю, но и посвящен в тайны Демиурга.

7. В своих методах Гален выступает как эклектик. Используя логический аппарат Аристотеля и стоиков, а также геометрические доказательства

Евклида, он разработал собственный синтетический доказательный метод, позволявший эффективно решать медицинские проблемы. Однако, сохраняя видимость приверженности только диалектическим методам ведения аргументации, он нередко пользуется риторическими и софистическими методами убеждения, признавая при этом их вероятностный (*πιθανόν*), а не доказательный характер.

8. Полемическая направленность в корпусе текстов Галена характерна не только для его памфлетов, но служит неотъемлемой частью практически всех его сочинений, в которых он использует риторический инструментарий судебного красноречия для опровержения или высмеивания своих оппонентов, убеждения слушателей и защиты собственной позиции.

9. Рассказы и описания у Галена служат, с одной стороны, способом аргументации (клинические случаи, анатомические демонстрации), с другой – развлечения (романтические истории, исторические и географические экфрасисы), а с третьей – назидания и воспитания нравов (*ἡθοποιεία*). Они не только содействуют научной пользе, передаче знаний и убедительности, но и придают стилистическую утонченность его текстам, призванную произвести более сильное впечатление на слушателей.

10. Гален создал новую модель медицинского описания, которую отличает, во-первых, строгость и точность клинического и анатомического наблюдения, во-вторых, стремление к визуализации и наглядности (*ἐνάργεια*), позволявшее создавать запоминающиеся образы, а в-третьих, сдержанность в передаче аффектов и «ужасов» анатомирования.

11. Галена можно по праву считать основоположником нового литературного жанра – интеллектуальной автобиографии. Новизна его в том, что Гален вписал свою автобиографию в интеллектуальную историю своего времени, создал эпистемологический проект, не имеющий аналогов в истории Античности, который впоследствии станет примером для создания автобиографии ученого. Ему удалось представить автопортрет идеального грека, совершенный образец «калокагатии», создав образ врача-философа,

друга Марка Аврелия, исследователя, путешественника и экспериментатора, достигшего вершин медицинской карьеры.

12. Аудитория Галена не ограничивалась только его учениками или практикующими врачами. Интерес к медицинским вопросам и исследованию человеческого тела выходил далеко за пределы медицинского круга и был частью культуры Второй софистики. Следы своеобразной моды на медицину (φιλιατρία) можно обнаружить в сочинениях многих его современников: у Лукиана и Авла Геллия, в риторических произведениях Аристида и Псевдо-Квинтилиана, в греческом романе и у Апулея, в этических сочинениях Сенеки и в письмах Фронтона.

Апробация работы

Работа прошла апробацию на заседании кафедры латинского языка и основ терминологии Научно-образовательного института социальных, гуманитарных и экономических наук им. А. П. Чехова Российского университета медицины. Основные положения и результаты диссертации были опубликованы в отечественных и зарубежных научных журналах и представлены к обсуждению на научных семинарах, международных и всероссийских конференциях: Всероссийском научном интердисциплинарном симпозиуме «Медицинская антропология в России и за ее пределами» (Москва, 2013 г.), Осенней школе молодых ученых. Аристотелевское наследие в биологии, медицине и этике (Москва, 2015 г.), Всероссийской научно-учебно-методической конференции с международным участием «Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии» (Санкт-Петербург, 2016 г.), VIII Международной конференции Школы философии НИУ ВШЭ (Москва, 2017 г.), Всероссийской научной конференции с международным участием «Когнитивные исследования в гуманитарных науках» (Тамбов, 2018 г.), VIII Международном конгрессе по когнитивной лингвистике «Cognitio и communicatio в современном глобальном мире» (Москва, 2018 г.), IX Международном конгрессе по когнитивной

лингвистике «Интегративные процессы в когнитивной лингвистике» (Тамбов, 2019 г.), Всероссийской научно-методической конференции с международным участием «Концептуально-терминологическое пространство медицинского знания» (Москва, 2021 г.), научном семинаре «Медицинское образование в Античности: город и болезнь» (Москва, 2021 г.), Научных чтениях, посвященных памяти Л. П. Поняевой «Классическая филология в контексте мировой культуры – XVI» (Москва, 2023 г.), Всероссийской научной конференции «Проблемы цитирования в античной и средневековой литературе» (Москва, 29-30 ноября 2024 г.).

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, пяти глав (разбитых на разделы, содержащие параграфы), заключения, списка сокращений, библиографии, в которой приводится перечень источников и литературы, использованных в настоящем исследовании, и приложения, посвященного корпусу текстов Галена.

Глава I. ГАЛЕН И ВТОРАЯ СОФИСТИКА

I. 1. Гален и греческая *παιδεία*

Гален, несмотря на медицинский дискурс большинства своих сочинений, имеет много общих формальных черт с прозаиками I-III вв. н. э., в том числе с софистами, что позволяет отнести его к кругу авторов Второй софистики⁴⁵. Дискуссии о месте Галена среди представителей этого направления осложняются научными дебатами о правомочности самого этого термина и явления как такового. Термин «Вторая софистика» как обозначение круга «новых» софистов и ораторов периода 50-250 гг. н. э., специализирующихся на эпидейктических выступлениях, впервые встречается у Филострата, а в научной литературе используется с середины прошлого века. В настоящее время этот термин подразумевает общекультурное движение, основанное на преемственности литературных и образовательных традиций, восходящих еще к классическому периоду⁴⁶. Задача образования (*παιδεία*) состояла, прежде всего, в том, чтобы овладеть классическими греческими дисциплинами (прежде всего, грамматикой, риторикой и философией) и достичь статуса *πεπαιδευμένος*, «образованного» человека, интеллектуала, способного вести дискуссии на разные темы.

Среди исследований греческого образования периода Второй софистики большое внимание уделялось автобиографическим свидетельствам Галена, которые сохранились в целом ряде его сочинений. Полученное им в детстве и юности образование, блестящая грамматическая, риторическая и философская подготовка позволили ему овладеть инструментами, необходимыми для его

⁴⁵ О происхождении этого термина и его характеристики см. в хронологическом порядке Bowersock 1969; Bowie 1970; Kerferd 1981; Whitmarsh 2005, 2013, 2017; Richter and Johnson 2017: 3-10. О Галене как представителе Второй софистики см. Kollesch 1981: 1-11; Pearcy 1993; von Staden 1997: 33-54; Petit 2018, 2024: 87-99; Nutton 2021.

⁴⁶ Brunt 1994: 25-52. Об образовании в греко-римском мире см. Mappu 1998, об образовании в период Второй софистики см. Cribiore 2001, Watts 2006 и Webb 2017: 139-153, Пролыгина 2024: 55-73.

научных поисков, а позднее – добиться авторитета в кругу римских интеллектуалов.

Под термином *παιδεία* Гален понимал, прежде всего, владение греческим языком и культурой, которое достигается как изучением самого языка (грамматики, риторики, диалектики), так и греческой мифологии, истории, литературы, доксографии и поэзии. Кроме того, греческое образование подразумевало и изучение предметов, которые позволяли овладеть методами логического доказательства, а именно, геометрии, арифметики, логики, музыки и астрономии. Как известно, Филон Александрийский считал все эти предметы неотъемлемой частью так наз. *ἐγκύριος παιδεία*, «всестороннего образования»⁴⁷. Этот термин, вновь введенный неопифагорейцами, начиная с I в. до н. э. использовался для обозначения идеала базового образования, необходимого для овладения любой будущей профессией. В список предметов Галена входили, скорее всего, грамматика, философия, риторика, музыка, арифметика, геометрия, астрономия и медицина.

I. 1. 1. Происхождение и начальное образование

Наиболее вероятная дата рождения Галена относится к 129 г. н. э⁴⁸. Датировка основана на собственных указаниях Галена, который в разных местах своего корпуса дает косвенные ссылки на свой возраст. В библиографическом трактате «О собственных книгах» он сообщает о том, что вернулся из Рима на родину, в Пергам, когда ему «исполнилось тридцать семь лет от роду»⁴⁹. В другом сочинении «О прогнозе» Гален датирует время своего возвращения из Рима приблизительно временем возвращения в столицу войск Луция Вера⁵⁰. Празднование победы Луция Вера, соправителя и названного

⁴⁷ Rijk 1965: 92. Сам термин *ἐγκύριος παιδεία* у Галена не встречается.

⁴⁸ Ilberg 1905: 277, п. 1; Ilberg 1930; Boudon-Millot 2012: 21.

⁴⁹ *De libr. pr.* II, 1 (К. XIX, 16 = Boudon-Millot 2007: 140, 13-14).

⁵⁰ *De praec.* 9 (К. XIV, 649, 12 = CMG V 8, 1, Nutton 1979: 118, 16).

брата Марка Аврелия, в войне с парфянами относится к лету 166 г⁵¹. Если Галену в этом году было 37 лет, то он родился в 129 г.

Семья Галена принадлежала к зажиточной муниципальной знати г. Пергама на протяжении как минимум трех поколений. Он упоминает о том, что его прадед был геометром, а дед – архитектором⁵². Отец же, как следует из трактата «О собственных книгах», обладал теоретическими познаниями в области геометрии, арифметики и счета, которые унаследовал, в свою очередь, от своего отца и деда⁵³, а также с детства упражнялся подле своего отца в изучении архитектуры и астрономии⁵⁴. Гален нигде не упоминает отца по имени, однако в статье словаря «Суда» упоминается, что Гален был «сыном Никона, геометра и архитектора⁵⁵». Таким образом, Гален первым в своей семье стал заниматься медицинской профессией.

Что касается гражданского статуса Галена, то достоверно неизвестно, имел ли он римское гражданство или был перегрином⁵⁶. Одним из веских аргументов в пользу последнего предположения выступает отсутствие упоминаний о т. наз. *tria nomina (praenomen, nomen и cognomen)*, которые были характерны для римских граждан. У более поздних античных авторов, также как в самых ранних рукописях Гален упоминается только под именем *Galenos*. Однако вполне возможно, что отсутствие трех имен объясняется не их отсутствием, а, напротив, широкой известностью и авторитетом Галена. Так, например, в I в. н. э. римский поэт Марциал в «Эпиграммах» упоминает только *cognomen* известного врача императора Траяна Критона, уроженца Гераклеи в Карии, никогда не называя все три его имени (Тит Статилий Критон), о которых известно только из эпиграфических свидетельств. Также Гален и все другие авторы, которые цитируют этого врача, используют только одно это

⁵¹ *Historia Augusta, Vita Marci* 12, 8; *Vita Commodi* 11, 13. См. Ilberg 1905 и Nutton 1973.

⁵² *De indol.* 59 (Boudon-Millot, Jouanna 2010: 19).

⁵³ *De libr. pr.* XIV, 4 (Boudon-Millot 2007: 164-165 = К. XIX, 40).

⁵⁴ *De indol.* 59 (Boudon-Millot, Jouanna 2010: 19); *De animi aff. dign.* 8 (К. V, 42, 4-6 sq.).

⁵⁵ *Souda* (ed. Adler 1967-1971), vol. I. P. 506.

⁵⁶ Schlange-Schöningen 2003: 52.

имя, что объяснялось как известностью Критона, так, скорее всего, и традицией именования выходцев из восточных областей Римской империи, где традиционно разговаривали на греческом языке.

Что касается первого имени Галена Клавдий, которое иногда предшествует имени Галена в некоторых изданиях, то оно, скорее всего, позднего происхождения и связано с некорректной расшифровкой латинской аббревиатуры «Cl.» (*clarissimus*, «знаменитейший»)⁵⁷. Однако следует отметить, что имя Клавдий Гален без аббревиации встречается также в двух греческих рукописях XV в⁵⁸.

Гален не сообщает, в каком точно возрасте он приступил к обучению, но скорее всего, обучение начиналось в самом раннем возрасте, приблизительно с 7 лет, если его отец следовал обычной греческой практике. Квинтилиан пишет, что для подготовки идеального оратора он взял за основу греческую модель образования, где ребенок начинал свое образование дома в возрасте 7 лет с изучения грамматики или посещал школу⁵⁹. В «Протрептике» Гален вспоминает о т. наз. грамматистах (γραμματιστής), преподавателях грамоты, обучавших детей чтению и письму, которые составляли первый элементарный уровень грамматических знаний. За изучением чистописания, по всей видимости, следовали занятия с грамматиком (γραμματικός), который преподавал подросткам чтение и критику классических текстов, составлявших фундамент греческой пайдеи, а позднее и с ритором (ρήτωρ), обучавшим их искусству составления речей. В «Протрептике» Галена грамматисты принадлежат кругу творческих или ремесленных практических искусств таких, как живопись, скульптура и архитектура, тогда как грамматики принадлежат кругу представителей благородных и теоретических искусств наряду с геометрами, арифметиками, философами, врачами и астрономами⁶⁰.

⁵⁷ von Brunn 1937, Kalbfleisch 1902.

⁵⁸ *Phillips* 1524 и *Vlatadon* 14. См. Boudon-Millot 2012: 289, n. 47.

⁵⁹ Quintilianus. *Inst.* 1. 1. 15 ff.

⁶⁰ *Protrept.* 5 (Boudon-Millot 2002: 88-89 = K. I, 7).

Гален неоднократно упрекает в невежестве тех, кто «никогда не обучался у ритора, ни – что совершенно обычно – у учителя грамматики, но настолько необучен речам, что не в состоянии следовать за теми словами, что слышат от нас» и кто подобен «ослам, слушающим лиру»⁶¹. Он ничего не сообщает нам об изучении латинского языка, которым он тем не менее, видимо, неплохо владел по прибытии в Рим, и следы которого можно встретить в ряде его сочинений⁶².

Гален упоминает о том, что обучался под руководством своего отца вплоть до 14 лет и за это время получил прекрасное образование в области геометрии, арифметики, архитектуры и астрономии. При этом отец, скорее всего, не просто обеспечивал его образование, но и фактически обучал его, поскольку со слов Галена известно, что он сам был достаточно силен в тех же предметах, а также в литературе⁶³. Точных деталей того, каким образом и где проходили эти занятия, каково было их содержание, Гален не приводит.

Наряду с отцовским интеллектуальным образованием Гален, скорее всего, занимался и гимнастикой под руководством педотриба. Упоминание о традиционных методах воспитания юноши из хорошей семьи сохранилось в сочинении Галена «Совет ребенку эпилептику»⁶⁴, в котором он упоминает об обязательных занятиях в палестре и физических упражнениях под руководством опытного педотриба.

Помимо прекрасной подготовки в области точных наук отец Галена обладал высокими нравственными качествами, унаследованными им как от своего отца, так и приобретенными благодаря посещению лекций разных философов⁶⁵. По словам Галена он презирал власть, деньги, почести и славу, но старался следовать таким добродетелям, как справедливость, воздержание,

⁶¹ *De animi aff. dign.* II, 2 (K. V, 64 = CMG V 4, 1, 1, De Boer 1937: 46).

⁶² Boudon-Millot 2008: 71-80; Boudon-Millot 2012: 32.

⁶³ *De animi aff. dign.* 8 (K. V, 41 sqq. = CMG V 4, 1, 1, De Boer 1937: 28); *De ord. libr.* IV (Boudon-Millot 2007: 99).

⁶⁴ *Pro puero epileps. cons.* (K. XI, 357-378).

⁶⁵ *De indol.* 59 (Boudon-Millot, Jouanna 2010: 19).

бесстрашие и мудрость, которыми большинство людей хвалятся, но не обладают. Он неоднократно упоминает о том, что его воспитание в семейном кругу было неразрывно связано с воспитанием моральных качеств, поскольку отец с детства стремился внушить ему такие качества, как «справедливость (*δικαιοσύνη*), умеренность (*σωφροσύνη*), мужество (*ἀνδρεία*) и рассудительность (*φρόνησις*)»⁶⁶. Другой добродетелью его отца была невозмутимость и умение не расстраиваться по разным пустякам, особенно из-за лишения каких-либо материальных благ⁶⁷. Впоследствии Гален посвятит аффектам души, в частности, печали, отдельный трактат, а в конце своей жизни напишет длинное письмо под названием «О том, что не стоит печалиться». Сам Гален признает, что никогда не сталкивался с полной утратой благ или уважения, но благодаря отцовскому воспитанию никогда не переживал из-за утраты быка, лошади или слуги, полагая, что достаточно обладать деньгами только в том количестве, которое позволяет не испытывать голода, жажды или холода. А если их больше, то следует их расходовать на благородные занятия, такие как изготовление или приобретение книги, обучение писцов стенографии или, напротив, изящному и аккуратному письму, а также корректному чтению. Эти три технических навыка требовались от переписчиков книг, к которым Гален неоднократно обращался в своей литературной и медицинской практике⁶⁸. Кроме того, будущий врач унаследовал от отца, которого он называет *φιλογέωργος*, то есть «любящим земледелие»⁶⁹, прекрасное знание сельской жизни, которое неоднократно пригодится ему впоследствии в его трудах по фармакологии.

⁶⁶ *De animi aff. dign.* I, 8 (К. V, 42-43).

⁶⁷ *Ibid.* I, 8 (К. V, 43).

⁶⁸ *Ibid.* I, 9 (К. V, 48).

⁶⁹ *De bon. suc.* 1, 16 (К. VI, 755, 18) и 5, 8 (К. VI, 783).

I. 1. 2. Риторическое образование

Гален практически нигде не упоминает о своем обучении ораторскому искусству, хотя блестяще владел искусством составления речей, а потому, несомненно, обучался у ритора (ρήτωρ). В трактате «*O собственных книгах*» он говорит о том, что «первоначальное образование (πρώτη παιδεία), которое дети эллинов получают сначала у грамматиков и риторов», позволяет человеку, получившему такое образование, по стилю сразу отличить по первым двум строчкам подлинное сочинение от подложного, как произошло однажды с его сочинениями на римском книжном рынке⁷⁰. На его принадлежность к ораторской традиции указывает тематика многих его сочинений, их жанровая специфика, а также постоянная практика импровизированных выступлений, которая позволяет считать его если не софистом подобно Диону Хрисостому и Фаворину, то, по крайней мере, их конкурентом⁷¹. Общее грамматическое, риторическое и философское образование придавало схожие черты речам греческих и отчасти римских интеллектуалов императорского периода. И Гален, несмотря на медицинскую тематику своих выступлений, которые были направлены в большей степени на научное знание (ἐπιστήμη) с опорой на систему доказательств, aristotelевскую теорию научного метода и иерархию посылок (научных, диалектических, риторических и софистических), постоянную апелляцию к мнению Платона и Гиппократа, а не торжественное красноречие (ἐπίδειξις), не являлся исключением. Как замечает Г. фон Штаден, «аудитория Галена, курсировавшая между выступлениями софистов и медицинскими дебатами, вероятно, предъявляла схожие риторические, театральные и эмоциональные требования к обоим видам выступлений. Если верить рассказам Галена, он не обманул ее ожиданий: слушатели встретили высокообразованного интеллектуала, прекрасно начитанного в вопросах истории, литературы и риторики, опытного оратора и

⁷⁰ *De libr. pr. prol.* 2-3 (Boudon-Millot 2007: 134 = К. XIX, 9).

⁷¹ См. von Staden 1995: 47-66.

полемиста, чья техническая виртуозность восхищала и наставляла удивленную публику»⁷².

Как мы уже сказали, Гален прямо практически нигде не говорит о своем риторическом образовании. Для некоторых исследователей этот факт послужил основанием для того, чтобы исключить его из числа авторов, принадлежащих культуре Второй софистики⁷³. Однако помимо прямых свидетельств следует обратить внимание на часть его утраченных сочинений по риторике, грамматике и лексикологии, которые Гален приводит в XX главе трактата «О собственных книгах»⁷⁴. Список этих сочинений ясно показывает живейший интерес Галена к вопросам языка и стиля и свидетельствует о том, что он признавал риторику, как минимум, самостоятельной дисциплиной.

Еще один отрывок из его сочинения «О собственных книгах» позволяет сделать вывод о том, что риторика не рассматривалась Галеном как дисциплина, позволяющая убедить слушателей. Для нахождения аргументации Гален предпочитает говорить о диалектике и доказательном методе:

πάσιν οὖν τοῖς κατ' ἐκεῖνον τὸν χρόνον ἐνδόξοις Στωϊκοῖς τε καὶ Περιπατητικοῖς ἐμαυτὸν ἐγχειρίσας πολλὰ μὲν ἔμαθον ἄλλα τῶν λογικῶν θεωρημάτων, ἢ τῷ μετὰ ταῦτα χρόνῳ σκοπούμενος ἄχρηστα πρὸς τὰς ἀποδείξεις εὑρον <...> καὶ νὴ τοὺς θεούς, ὅσον ἐπὶ τοῖς διδασκάλοις, εἰς τὴν τῶν Πυρρωνείων ἀπορίαν ἐνεπεπτώκειν ἀν καὶ αὐτός, εἰ μὴ καὶ τὰ κατὰ γεωμετρίαν ἀριθμητικήν τε καὶ λογιστικήν κατεῖχον, ἐν αἷς ἐπὶ πλεῖστον ὑπὸ τῷ πατρὶ παιδευόμενος ἐξ ἀρχῆς προεληλύθειν ἀπὸ πάππου τε καὶ προπάππου διαδεδεγμένῳ τὴν θεωρίαν. ὁρῶν οὖν οὐ μόνον ἐναργῶς ἀληθῆ φαινόμενά μοι τὰ κατὰ τὰς ἐκλείψεων προρρήσεις ὠρολογίων τε καὶ κλεψυδρῶν κατασκευὰς ὅσα τ' ἄλλα κατὰ τὴν ἀρχιτεκτονίαν ἐπινενόηται, βέλτιον ὡήθην εἶναι τῷ τύπῳ τῶν γεωμετρικῶν ἀποδείξεων χρήσθαι· καὶ γάρ

⁷² Von Staden 1997: 53-54.

⁷³ Brunt 1994: 44.

⁷⁴ *De libr. pr.* XX (Boudon-Millot 2007: 173 = K. XIX, 48). Об этих сочинениях речь пойдет ниже, в разделе I. 3. 3 «Утраченные сочинения Галена по риторике, грамматике и лексикологии».

καὶ αὐτοὺς τοὺς διαλεκτικωτάτους καὶ φιλοσόφους οὐ μόνον ἀλλήλοις ἀλλὰ καὶ ἑαυτοῖς ηὗρισκον διαφερομένους ἐπαινοῦντας ὅμως ἅπαντας ὡσαύτως τὰς γεωμετρικὰς ἀποδείξεις· <...> ὅσοι τοίνυν ἐθέλουσι κατὰ τὰς γραμμικὰς ἀποδείξεις ἀσκηθῆναι, παιδευθῆναι μὲν [έν] αὐτοῖς ἐν ἐκείναις συμβουλεύω, μετ' ἐκείνας δὲ τὴν ἡμετέραν ἀναλέξασθαι περὶ τῆς ἀποδείξεως πραγματείαν, ἦν ἐν πεντεκαίδεκα βιβλίοις ἐποιησάμην.

«И вот, препоручив себя всем знаменитым стоикам и перипатетикам того времени, я узнал множество иных логических теорем, которые при дальнейшем рассмотрении нашел бесполезными для доказательств. <...> И, клянусь богами, насколько это зависело от учителей, я и сам впал бы в пирроново сомнение, если бы не придерживался принципов геометрии, арифметики и счета, в которых изначально преуспел благодаря образованию, полученному главным образом от отца, унаследовавшего эти теоретические знания от деда и прадеда. И вот, видя, что мне представляются отчетливо истинными не только все те вещи, которые относятся к предсказаниям затмений и устройствам солнечных и водяных часов, но и все иное, изобретенное согласно [законам] архитектуры, я решил, что лучше пользоваться способом геометрических доказательств⁷⁵. Ибо я обнаружил, что даже величайшие знатоки диалектики и философы расходятся во мнениях не только друг с другом, но и сами с собой, однако все единодушно восхваляют геометрические доказательства. Таким образом, я еще больше осознал, что надо воздерживаться от рассуждений философов, но следовать своеобразию линейных доказательств. <...> И вот, тем, кто желает поупражняться в линейных доказательствах, я советую выучиться им самим, а затем прочитать наше сочинение «О доказательстве», которое я составил в пятнадцати книгах»⁷⁶.

⁷⁵ О сложной модели геометрического анализа у Галена см. Lloyd 1990: 60 sqq.

⁷⁶ *De libr. pr.* XIV, 3-8 (Boudon-Millot 2007: 164-166 = К. XIX, 40-41). Рус. пер. Пролыгина 2017: 665.

Как следует из этого отрывка, Гален не упоминает о риторике как о важной составляющей своего профессионального образования. По всей видимости, у авторов научной прозы не было необходимости демонстрировать риторические приемы, за исключением профессиональных софистов. В области медицины, начиная с Гиппократа, ее заменяла философская диалектика, которой Гален также посвятил целый ряд сочинений, упоминаемых в трактате «О собственных книгах»⁷⁷.

Однако, несмотря на этот факт, риторика, несомненно, было частью базового образования Галена, и владение ее основными приемами было необходимым условием публичных выступлений. Известно, что в системе античного образования она следовала сразу за изучением грамматики и включала изучение классиков и составление так называемых «прогимнасм» (προγυμνάσματα), предварительных риторических упражнений. Сохранились античные учебные пособия, которые содержали курс основных типов текстов для изучения: басню, повествование, анекдот, восхваление, инвективу, сравнение, описание, тезис, опровержения и др.⁷⁸. Изучив формальные композиционные и жанровые особенности этих текстов и овладев необходимыми знаниями в области мифологии, литературы и классической афинской истории, ученики переходили к составлению собственных декламаций (μελέται) на разные темы и публичным выступлениям⁷⁹. В корпусе сочинений Галена можно встретить примеры почти всех школьных упражнений такого рода: и повествования, и анекдоты, и инвективы, и восхваления, и опровержения и проч. с полным набором приемов риторической аргументации, которую не стоит недооценивать. В корпусе его сочинений сохранилось даже отдельное произведение, которое по своим

⁷⁷ Гален упоминает о своих «сочинениях, полезных для доказательств» (XIV), «сочинениях, относящихся к философии Платона» (XVI), «сочинениях, относящихся к философии Аристотеля» (XVII), о книгах, касающихся «разногласий с философией стоиков» (XVIII).

⁷⁸ Kennedy 2003: 173-228; Patillon, Bolognesi 1997.

⁷⁹ Penella 2015.

жанровым характеристикам можно смело отнести к энкомию с чертами тезиса – «Об упражнении с маленьким мячом»⁸⁰.

Таким образом, при реконструкции мысли Галена и характеристике его сочинений следует помнить об этом усвоенном им с детства базовом риторическом образовании, даже если явно Гален о нем и не говорит. Можно привести цитату автора «Прогимнасм» Элия Феона, который замечает: «Я изложил это не потому, что думал, что все это подходит для всех начинающих, но для того, чтобы мы знали, что занятие этими упражнениями совершенно необходимо не только будущим ораторам, но также тому, кто желает заниматься искусством поэтов, историков или других писателей. Ибо это своего рода основы любого вида словесности, и как кто заложит их в душу юношей, таковы непременно будут и последующие результаты. Вот почему необходимо, чтобы в дополнение к сказанному и сам учитель, составив некоторые совершенные опровержения и утверждения, предписал юношам их пересказывать, чтобы они, усвоив эти примеры, смогли им подражать»⁸¹. Полученный в юношеском возрасте опыт устного и письменного изложения своих мыслей, по всей видимости, воспринимался как нечто вполне обыденное и естественное, и не требовал дополнительных комментариев от автора, который использовал риторический инструментарий как нечто само собой разумеющееся подобно тому, как это делали Плутарх, Лукиан, Дион Хрисостом, Плиний или Цицерон.

I. 1. 3. Философское образование

По свидетельству Галена в возрасте 14 лет он обратился к изучению философии⁸². Четырнадцатилетний возраст знаменовал собой переход от детского возраста (*παῖς*) к отроческому или юношескому (*μειράκιον*), который

⁸⁰ Gibson 2014, рус. пер. Пролыгина 2019: 245-252, 253-261.

⁸¹ Aelius Theon. *Progymn.* 70 Spengel. Пер. авт.

⁸² *De animi aff. dign.* I, 8 (К. В, 41).

продолжался по словам Галена до 25 лет⁸³. Отец, тем не менее, по-прежнему контролировал его образование, иногда сопровождая его на лекции и наблюдая за преподаванием и личными качествами наставника⁸⁴. Изучение философии, так же как риторики, завершало классическое образование и открывало для молодых людей из провинциальной элиты возможности продвижения по социальной и карьерной лестнице в Римской империи. С другой стороны, изучение философии, как говорит Гален, давало ему возможность изучить логику и метод геометрических или линейных доказательств ($\tau\acute{a}\iota\varsigma\ \gamma\rho\alpha\mu\iota\chi\kappa\iota\varsigma$ $\grave{\alpha}\pi\grave{\o}\delta\acute{e}\iota\acute{\xi}\epsilon\varsigma\iota$), позволявший отличить истину от заблуждений⁸⁵. В сочинении «О собственных книгах» Гален замечает, что больше всего он стремился к изучению теории доказательства:

“Απαντας ἀνθρώπους ὄρων, ἐν οἵς ἀμφισβητοῦσιν, ἔαυτούς τ' ἀποδεικνύειν ἐπαγγελλομένους ἐλέγχειν τε τοὺς πέλας ἐπιχειροῦντας <...> ἡξίωσά τε παρὰ τῶν φιλοσόφων <...> εἰ μέν τι καὶ ἄλλο κατὰ τὸ λογικὸν μέρος τῆς φιλοσοφίας διδάσκεται, φυλάττειν εἰσαῦθις, τὴν <δ'> ὡδῖνα τῆς περὶ τὰς ἀποδείξεις ἐπιθυμίας παῦσαι διδάξαντας, ἥτις ἄρα μέθοδός ἐστιν, ἦν δὲ μαθὼν ἐτέρου τε λέγοντος λόγον ἀποδεικτικὸν ἀκριβῶς γνωρίσει, πότερον ὄντως ἐστὶ τοιοῦτος ἢ καθάπερ τι νόμισμα κίβδηλον ἔοικε μὲν τῷ δοκίμῳ, μοχθηρὸς δὲ κατ' ἀλήθειάν ἐστιν, αὐτός τε δυνήσεται καθ' ἔκαστον τῶν ζητουμένων ὁδῷ τινι χρώμενος ἐπὶ τὴν εὔρεσιν αὐτοῦ παραγενέσθαι.

«Видя, что все люди в спорных вопросах утверждают, что именно они предлагают верное доказательство и пытаются обличить ближних <...>, я стал настоятельно просить у философов <...>, чтобы они отложили на будущее другие аспекты преподавания логической части философии и положили конец моим мукам, вызванным влечением к доказательствам,

⁸³ Затем следовал период расцвета или зрелости ($\nuεανίσκος$ или $\grave{\alpha}\chiμά\acute{\zeta}\omegaν$) приблизительно до 35 лет и, наконец, зрелости и старости ($\gamma\acute{e}\rhoων$), начиная с 40 лет.

⁸⁴ *De animi aff. dign.* I, 8 (К. V, 42), *De foet. form.* (К. IV, 695).

⁸⁵ *De animi aff. dign.* I, 8 (К. V, 42), *De libr. propr.* XIV (Boudon-Millot 2007: 164 = К. XIX, 39).

научив меня, какой метод позволит изучившему его распознать с точностью в речи другого доказательный довод, действительно ли он таков или подобно фальшивой монете только похож на подлинный, а на самом деле ложный, и с другой стороны, позволит самому в каждой проблеме с помощью некоторого способа [исследования] достичь ее разрешения»⁸⁶.

Гален сообщает, что на протяжении двух лет он посещал занятия у четырех преподавателей философии, уроженцах Пергама⁸⁷, которые были представителями разных философских школ. Он не называет этих учителей по именам, но упоминает, в свою очередь, о том, что все они были учениками известных философов. В хронологическом порядке он упоминает: стоика – ученика Филопатора, платоника – ученика Гая и еще одного платоника Альбина⁸⁸, перипатетика – ученика Аспазия и эпикурейца из Афин. Первый из них, стоик Филопатор, достаточно мало известен⁸⁹. О втором, представителе среднего платонизма по имени Гай, также сохранились скудные сведения⁹⁰. Перипатетик Аспасий часто упоминается как комментатор Аристотеля⁹¹. Сохранилась часть его комментариев к «Никомаховой этике», также Гален упоминает о его комментарии к «Категориям» Аристотеля, которые рекомендует к прочтению⁹². К сожалению, Гален не приводит детальной информации о содержании своих занятий у каждого из этих философов.

Упоминание об изучении четырех основных философских систем того времени: стоицизма, платонизма, аристотелизма и эпикуреизма, несомненно,

⁸⁶ *De libr. pr. XIV* (Boudon-Millot 2007: 164 = К. XIX, 39).

⁸⁷ *De foet. form.* (К. IV, 695)

⁸⁸ Альбин был также учеником Гая и представителем среднего платонизма, от которого сохранилось небольшое сочинение под названием «Введение к диалогам Платона». Также известно, что он издал лекции Гая «О платоновском учении» в 11 книгах, см. АФ ЭС 2008, 101-102.

⁸⁹ Филопатор, по всей видимости, придерживался учения Хрисиппа о судьбе и свободе, см. DPhA 2011: 435. Его трактат «О судьбе», скорее всего, был лобщим источником заключительных глав трактата Немезия «О природе человека» и сочинения Александра Афродисийского «О судьбе».

⁹⁰ АФ ЭС 2008: 245; Диллон 2002: 271-272.

⁹¹ АФ ЭС 2008: 192-194.

⁹² *De libr. pr. XIV* (Boudon-Millot, 2007: 167 = К. XIX, 43).

должно было свидетельствовать о том, что Гален получил самое полное и основательное философское образование своего времени, которое дает ему право считать себя образцом идеального врача-философа. Хронологический порядок, в котором он упоминает представителей разных школ говорит о том, что стоицизм занимал первое место в системе философского образования того времени, предваряя изучение других философских систем. Впоследствии он окажет значительное влияние на весь его корпус. В трактате «О собственных книгах» он упоминает о том, что уже в период обучения у стоика, «который преподавал мне логическую теорию Хрисиппа и знаменитых стоиков, я составил для себя самого комментарии на силлогистические книги Хрисиппа»⁹³. Еще два философских направления – кинизм и пирронизм или скептицизм не упоминаются по очевидным причинам: эти две школы отрицали ценность логической теории и не пользовались системой доказательств⁹⁴.

Вспоминая о периоде своей учебы у философов, он говорит, что его интересовала, прежде всего, логика и доказательная теория. Однако несмотря на то, что он узнал множество логических теорем, большинство из них содержали противоречия и были бесполезны для системы доказательств, поэтому посещение этих лекций принесло ему глубокое разочарование:

ἔμαθον ἄλλα τῶν λογικῶν θεωρημάτων, ἀ τῷ μετὰ ταῦτα χρόνῳ σκοπούμενος ἀχρηστα πρὸς τὰς ἀποδείξεις εὑρον, ὀλίγιστα δὲ χρησίμως μὲν αὐτοῖς ἐζητημένα καὶ τοῦ προκειμένου σκοποῦ τυχεῖν ἐφιέμενα, διαπεφωνημένα δὲ καὶ ταῦτα παρ' αὐτοῖς ἐκείνοις, ἔνια δὲ καὶ ταῖς φυσικαῖς ἐννοίαις ἐναντία.

⁹³ *Ibid.* О Хрисиппе из Сол (ок. 278 – ок. 205 до н. э.), третьем схолархе Стои и преемнике Клеанфа см. АФ ЭС 2008: 785-789. Какие именно сочинения Хрисиппа Гален подразумевает под названием «силлогистические книги» (*συλλογιστικῶν βιβλίων*) до конца не ясно. В *De libr. prop. XVIII*, 1 он говорит, что составил комментарий в трех книгах к «Первой силлогистике» Хрисиппа и комментарий в одной книге ко «Второй силлогистике». Возможно, речь идет о сочинении Хрисиппа «Введение о силлогизмах». Эти комментарии Галена утрачены.

⁹⁴ Об осуждении кинизма см. *De animi aff. dign.* II, 3 (К. V, 71).

«Я узнал множество иных логических теорем, которые при дальнейшем рассмотрении нашел бесполезными для доказательств. Лишь их незначительное число исследовалось с пользой и позволяло достичь поставленной цели. Уже у них [т. е. у философов – прим. авт.] самих эти теоремы содержали разногласия, а некоторые даже противоречили понятиям физики»⁹⁵.

В итоге он пришел к выводу, что перипатетики, стоики и платоники расходятся во мнениях не только друг с другом, но и внутри самих школ. Как замечает Гален, «у перипатетиков разногласие достаточно незначительное, а у стоиков и платоников большое»⁹⁶. Тем не менее все знатоки диалектики, то есть логики, и философы единодушно признают справедливость геометрических доказательств в логической теории. Поэтому он советует всем опираться именно на эту систему доказательств, которую изложил в своем сочинении в 15 книгах «О доказательстве»⁹⁷, с которого советовал начинать изучение медицины. К сожалению, этот текст утрачен, поэтому определить, каким образом Гален использовал геометрические доказательства для решения медицинских проблем, затруднительно. Однако сохранилось достаточно много ссылок на этот трактат как у самого Галена, так и у целого ряда позднеантичных авторов⁹⁸. Согласно реконструкции, предложенной в целом ряде работ⁹⁹, этот трактат представлял собой проект эпистемологического обоснования медицины и был частью общей дискуссии о соотношении разума и опыта. Логика служила для Галена инструментом для построения доказательств, который позволял врачу приобрести точное знание,

⁹⁵ *De libr. pr.* XIV, 3 (Boudon-Millot, 2007: 164 = K. XIX, 40).

⁹⁶ *Ibid.* XIV, 1-7 (Boudon-Millot, 2007: 164-167 = K. XIX, 39-41).

⁹⁷ *Ibid.* XIV, 4-8 (Boudon-Millot 2007: 164-165 K. XIX, 39-40), *De animi aff. dign.* (K. V, 70), *De ord. libr.* I, 13. От трактата *De demonstratione* сохранилось только несколько фрагментов на греческом и несколько цитат на арабском.

⁹⁸ В частности, у Фемистия (317-388), Симпликия (490-560), Немезия Эмесского (390-?), Иоанна Филопона (490-570).

⁹⁹ См. Frede 1981: 75; Hankinson 1991: 17-22; Barnes 2003: 6-8; Lloyd 1990, 2005: 110-130; van der Eijk 2005; Chiaradonna 2009: 43-77, Havrda 2015: 265-287, Пролыгина 2018: 33-51.

структурированное посредством аксиом и теорем. Под доказательствами геометрического типа, скорее всего, имеются в виду логические умозаключения, вытекающие из постулатов Евклида, которые основаны на доводах, формализованных с помощью диаграмм, нарисованных в виде геометрических фигур. Для Галена «наука геометра относительно учений, представленных в «Элементах» Евклида, такова же, каково для большинства людей утверждение, что дважды два четыре¹⁰⁰». Позднее в своем «Комментарии на книгу Гиппократа «О диете при острых болезнях» Гален будет описывать этот тип доказательства следующим образом:

οὐ μόνον γάρ αὐτοὺς τοὺς μανθάνοντας πείθουσιν, ἀλλὰ καὶ παρὰ τοῖς ἴδιώταις δόξαν ἔχουσιν ὡς ἀληθέσταται. γραμμικαῖς οὖν ἀποδείξεσι κεχρήσθαί φασι τοὺς ἐναργῶς τι καὶ ἀναμφιλέκτως δείξαντας.

«Ибо эти [т.е. линейные] доказательства убеждают не только тех, кто их изучает, но имеют славу самых истинных даже у обычных людей. Поэтому говорят, что те, кто привел очевидные и неопровергимые доказательства, пользуются линейными доказательствами»¹⁰¹.

Конечно, не все проблемы, по мнению Галена, подлежат разрешению с помощью этой системы доказательств. Например, вопрос о тварности или нетварности вселенной, ее конечности или бесконечности, или например, о числе волн в океане не может быть разрешен с ее помощью. Поэтому, прежде всего необходимо исследовать статус проблемы, в каких случаях применимо исследование такого рода. Однако, Гален считает, что, если найти доказательный метод, который приводит к разрешению основных геометрических проблем таких как, например, вписан ли многоугольник в окружность или описан около нее, или вписана ли окружность в многоугольник или описана около него, тогда можно попытаться использовать

¹⁰⁰ *De animi aff. dign.* II, 1 (К. V, 59).

¹⁰¹ *In Hipp. de victu acut.* I, 14 (К. XV, 440).

доказательный метод применительно к вещам, которые нельзя с очевидностью доказать, но о которых можно высказать убедительные и вероятные предположения¹⁰².

Изучению философии Гален посвятил не менее двух лет, и в возрасте 16 лет наряду с изучением философии приступил к изучению медицины¹⁰³.

I. 1. 4. Медицинское образование

В возрасте 16 лет Гален под влиянием отца наряду с философией приступил к изучению медицины:

ἀριθμητικῆς τε καὶ λογιστικῆς καὶ γραμματικῆς θεωρίας ἐπιστήμων ἡμᾶς ἐν τούτοις τε κἀν τοῖς ἄλλοις, ὅσα παιδείας μαθήματα, θρέψας, ἡνίκα πεντεκαιδέκατον ἔτος ἥγομεν, ἐπὶ τὴν διαλεκτικὴν θεωρίαν ἥγεν ὡς μόνη φιλοσοφίᾳ προσέξοντας τὸν νοῦν, εἴτ' ἐξ ὀνειράτων ἐναργῶν προτραπεὶς ἐπτακαιδέκατον ἔτος ἄγοντας καὶ τὴν ἰατρικὴν ἐποίησεν ἀσκεῖν ἄμα τῇ φιλοσοφίᾳ.

«Вырастив нас на изучении арифметики, логики, грамматики и других предметах, которые относятся к [начальному] образованию, когда нам шел пятнадцатый год, он подвел нас к изучению диалектики, чтобы мы обратили ум только к философии. Затем под влиянием отчетливых снов он на семнадцатом году нашей жизни побудил нас заниматься медициной, а вместе с ней и философией»¹⁰⁴.

Отцовское решение представлено как результат отчетливых и повторяющихся снов, на что указывает множественное число. Гален не сообщает здесь, кем были посланы эти веющие сны, Асклепием или богами вообще, хотя упоминает о божественном вмешательстве еще дважды в других

¹⁰² *De animi aff. dign.* II, 3 (К. V, 67).

¹⁰³ *De ord. libr.* IV, 2 (Boudon-Millot, 2007: 99 = К. XIX, 59)

¹⁰⁴ *Ibid.* IV, 4 (Boudon-Millot, 2007: 99-100 = К. XIX, 59), рус. пер. Пролыгина 2016: 64. Ср. *De anim. cuiusl. aff.* I, 8 (К. V, 41 и далее).

сочинениях¹⁰⁵. Очевидно, этот эпизод в автобиографическом рассказе Галена должен был свидетельствовать о божественном призвании и предвещать и легитимизировать его будущую медицинскую карьеру. Кроме того, вполне возможно, что мы имеем здесь дело с литературным топосом, характерным для жанра автобиографии¹⁰⁶. Хорошо известно, что вера в вещие сны была распространенным явлением в эпоху Галена. В трактате «О собственных книгах» Гален упоминает о том, как он отказался сопровождать Марка Аврелия в его германском походе под предлогом сна, в котором ему явился Асклепий и велел не отправляться в этот поход, и спокойной реакции императора¹⁰⁷. У Плутарха, например, можно насчитать около 50 упоминаний о вещих снах¹⁰⁸.

Выбор медицинской карьеры после нескольких лет занятий философией вполне соответствовал семейной традиции занятия «техническими специальностями», к которым относилась как архитектура и геометрия, так и медицина. Практическая сторона занятия медициной компенсировала теоретическое изучение философии.

Одновременное изучение философии и медицины, о котором Гален говорит в приведенной выше цитате, притом в столь юном возрасте, представлено в сочинениях Галена как нечто исключительное и достойное удивления. В своем сочинении «О методе лечения» он вкладывает в уста своих сокурсников следующие слова:

σὺ μὲν καὶ φύσει διαφερούσῃ κέχρησαι καὶ παιδείᾳ θαυμαστῇ διὰ τὴν τοῦ πατρός σου φιλοτιμίαν, καὶ ἡλικίαν δυναμένην μανθάνειν ἔχεις ὅθεν τε δαπανᾷν χρὴ σχολάζοντα μαθήμασι κέκτησαι·

¹⁰⁵ *De meth. med.* IX, 4 (К. X, 609, 8), *De praec.* 2 (К. XIV, 608).

¹⁰⁶ О дискусии по этому вопросу см. Kudlien 1981: 17-30.

¹⁰⁷ *De libr. pr.* III, 4-5 (Boudon-Millot 2007: 142 = К. XIX, 19).

¹⁰⁸ Brenk 1975. О роли сновидений в Античности см. также Солопова 2013, Петрова 2010, о поэтике снов см. Теперик 2008.

«Ты обладаешь и исключительной природой, и удивительным образованием благодаря честолюбию твоего отца, и находишься в том возрасте, который позволяет учиться, и владеешь состоянием, которое приходится издерживать на то, чтобы иметь досуг для занятий»¹⁰⁹.

Таким образом, Гален приступил к изучению медицины в более раннем по сравнению со своими однокурсниками возрасте, обладая при этом от природы прекрасными интеллектуальными способностями, хорошим образованием и финансовой свободой.

Вопрос о связи между изучением медицины и философии во времена Галена не подлежит никакому сомнению и уходит своими корнями еще в классический период. В частности, неоднократно подчеркивалось, что медицина как независимая дисциплина родилась из своего позиционирования по отношению к философскому знанию, как показал в своей монографии, посвященной Гиппократу, Ж. Жуанна¹¹⁰. Для Галена самостоятельный статус медицине придавал прежде всего разработанный Гиппократом метод. Уже Платон в «*Федре*»¹¹¹ восхваляет метод Гиппократа, а затем в «*Тимее*» излагает свои взгляды на философскую медицину. Гален был хорошо знаком и с Аристотелем, который, подчеркивая тесную связь между медициной и физикой, пишет в своем трактате «*О чувственном восприятии*» следующее:

«Поэтому большинство тех, кто изучает природу, и те врачи, кто следует своему искусству с достаточным знанием философии (φιλοσοφωτέρως) – первые заканчивают [свои исследования] медициной, а вторые начинают [изучение] медицины с физики»¹¹².

¹⁰⁹ *De meth. med.* VIII, 3 (К. X, 560-561).

¹¹⁰ Jouanna 1992: 366-403.

¹¹¹ Plato. *Phaedr.* 270 с.

¹¹² Arist. *De sensu* 436 a, 19 – b, 1. Пер. авт.

Несомненно, Гален относил себя к тем врачам, которые приступают к изучению медицины, опираясь на знание философии, а позже, став уже врачом, – к тем, кто «следует своему искусству с достаточным знанием философии». Доказательством тому служит трактат Галена «О том, что наилучший врач есть также философ», в котором он воздает хвалу Гиппократу и его методу. Таким образом, выбор двух направлений обучения свидетельствует не только о традиционной связи между философией и медициной, но и о личной концепции необходимости доказательного метода, владение которым требует в равной степени знания медицины и философии:

ὅπερ οὖν <Ἴπποκράτης> ἐπὶ τῶν κατὰ τὴν ἰατρικὴν πραγματείαν εἶπε, τοῦτο φαίνεται καὶ κατὰ φιλοσοφίαν ὑπάρχειν. <Ἴπποκράτης> δ' εἶπε τὰς ὄμοιότητας πλάνας καὶ ἀπορίας ἐργάζεσθαι καὶ τοῖς ἀγαθοῖς ἰατροῖς. Ὅστ' οὐ μόνον τῶν ἐπιτυχόντων ἰατρῶν ἐν ταῖς ὄμοιότησι σφαλλομένων, ἀλλὰ καὶ τῶν ἀρίστων οὐκ ἀπεικός ἐστι καὶ τοῖς ἀγαθοῖς φιλοσόφοις ἐν τοῖς κατὰ φιλοσοφίαν ἀπορίας τε καὶ πλάνας γίγνεσθαι.

«Что сказал Гиппократ о занятии медициной, то представляется применимым и к философии. Гиппократ сказал, что сходства порождают заблуждения и трудности даже для хороших врачей. Поэтому, если не только успешные, но и лучшие врачи ошибаются в случае сходств, то вполне естественно, что и у хороших философов возникают трудности и заблуждения в вопросах философии»¹¹³.

Против этих трудностей и заблуждений, по мнению Галена, существует единственное верное средство: ежедневные упражнения в методе доказательства.

По сложившейся еще со времен Гиппократа традиции изучение медицины могло занимать от 5 до 11 лет и было сопряжено с путешествиями с целью поиска наилучших учителей, знакомства с местными традициями

¹¹³ *De animi recc. dign.* II, 3 (К. V, 63).

врачевания, рецептурой и собрания личной аптеки. За это время молодой врач должен был приступить к практике врачевания. Во времена Галена ученики обычно выбирали для обучения одну из медицинских школ или путешествовали по Средиземноморью в поисках знаменитых врачей. Главными центрами изучения медицины в то время была континентальная часть Греции (Афины и Коринф), Кротон на юге Италии, о. Кос, полуостров Книд в Малой Азии, Антиохия, Смирна, Пергам, Кирена, Берит (Бейрут) и Александрия¹¹⁴.

Известно, что Гален сначала обучался в Пергаме в школе Сатира, ученика известного анатома Квинта, а затем переехал в Смирну в школу врача Пелопса. За это время он старался как можно лучше усвоить учение Гиппократа и изучить анатомию. Занятия заключались, по всей видимости, в теоретическом изучении и комментировании текстов Гиппократа, в практике диссекции животных и сопровождении наставника при лечении пациентов. К этому же периоду обучения у Сатира относится и встреча Галена с Элием Аристидом, о которой он упоминает позднее в своем «Комментарии к «Тимею» Платона»¹¹⁵. В это время, как пишет Гален в своем сочинении «Об анатомических процедурах»¹¹⁶, в Азии разразилась эпидемия антракса¹¹⁷. Обладая необходимыми знаниями о форме и расположении мышц, вен, артерий и нервов, ученики Сатира вполне эффективно, по словам Галена, лечили большое число пациентов, облегчая их страдания¹¹⁸. Напротив, те врачи, которые не владели в достаточной степени знаниями анатомии, были неспособны правильно определить затронутые болезнью органы и назначали бесполезное лечение или вовсе отказывались от лечения¹¹⁹.

¹¹⁴ Jouanna 1995: 30-33.

¹¹⁵ In *Plat. Tim. comm.* (CMG Suppl. 1, Schröder 1934: 33).

¹¹⁶ *De anat. adm.* I, 2 (К. II, 224).

¹¹⁷ См. Grmek 1983: 183. Эту эпидемию датируют 146/147 гг., см. Grmek-Gourevitch 1994: 1512. Это заболевание было вызвано, по-видимому, стафилококковой инфекцией и сопровождалось образованием больших кожных абсцессов, поражая в тяжелых случаях кости.

¹¹⁸ *De anat. adm.* I, 2 (К. II, 224).

¹¹⁹ *Ibid.* (К. II, 224-225).

Другим учителем Галена в Пергаме был Пелопс, известный своими познаниями в анатомии, фармакологии и комментировании сочинений Гиппократа. Гален познакомился с ним еще в Пергаме во время публичных прений между ним и врачом эмпирической школы по имени Филипп, посвященных роли опыта в медицине. Пелопс считал, что медицина не может полагаться только на опыт, тогда как Филипп доказывал, что может. Позже Гален посвятил этим памятным дебатам небольшое сочинение, где, как он говорит, «упорядочил доводы обоих собеседников», чтобы записать их для личного изучения¹²⁰. Эти дебаты показывают, какой интеллектуальный климат царил тогда в Пергаме, куда приезжали полемизировать знаменитые врачи. После Пелопса Гален учился у Стратоника, также уроженца Пергама и ученика Сабина, одного из известных комментаторов Гиппократа, которого Гален часто цитирует в своих сочинениях¹²¹. В одном из своих трактатов он с похвалой отзыается о его медицинской практике и лечении больных¹²². Еще одним пергамским учителем Галена, которого он слушал позже в Смирне, был некий Эфициан, о котором мало что известно, кроме того, что он был учеником Квинта¹²³.

После смерти отца Гален, по всей видимости, унаследовал хорошее состояние, которое позволило ему совершить ряд научно-образовательных путешествий по Средиземноморью. Практика совершать путешествия для посещения лекций авторитетных врачей, как было сказано выше, была вполне традиционной для греко-римской элиты того времени. И тем не менее, масштабы путешествий Галена впечатляют: он побывал в Смирне, Коринфе и провел несколько лет в Александрии¹²⁴.

¹²⁰ *De libr. pr.* II, 3-4 (Boudon-Millot 2007: 140-141).

¹²¹ *De ord. libr.* III, 11 (Boudon-Millot 2007: 99 = K. XIX, 58).

¹²² *In Hipp. Epid. VI*, V, 14 (CMG V 10, 2, 2 Wenkebach 1956: 287).

¹²³ *Ibid.*

¹²⁴ Nutton 1993: 12-26; Пролыгина 2022. О путешествиях Галена см. ниже, пар. V. 3 «Научно-исследовательские путешествия».

I. 1. 5. Воспоминания о Пергаме

В обширном корпусе текстов Галена постоянно встречаются ностальгические воспоминания о годах детства и юности, проведенных в Пергаме. Поводом для рассказов об этом азиатском городе, руины которого вместе со знаменитым Асклепионом можно наблюдать и в настоящее время, служит, как правило, сравнение жизни в Риме, полном опасностей, с размеренной жизнью в греческой провинции. В то время, как многие его современники, такие как Элий Аристид, посвящали хвалебные и торжественные речи Риму, Гален пишет о греческой провинции¹²⁵.

Воспоминания Галена, в целом, носят эпизодичный и отрывочный характер, не сохранилось ни одного фрагмента, который можно было бы назвать энкомием Пергаму, сравнимым, например, с более поздними описаниями Антиохии у Либания. Галена совершенно не интересует история или архитектура города. Он даже не приводит ни одного описания знаменитого пергамского Асклепиона, где, как известно, начал свою медицинскую карьеру¹²⁶. Как врач, он обращает внимание, в первую очередь, на местные продукты, различные субстанции и лекарства с их диковинными названиями, а также на распространенные в той области болезни и способы их врачевания. Например, он восхваляет пергамский мед, обладающий редкими лечебными свойствами, который мог бы служить заменой лучшим аттическим сортам, или интересуется свойствами основных ингредиентов противоядий, которые необходимо знать читателям-медикам¹²⁷, или упоминает об особой технике наложения бандажа, которая практиковалась в Азии, или описывает местные эпидемии антракса и элефантиаза и способы их лечения¹²⁸.

¹²⁵ См. Boudon-Millot 2012: 56-63. Об элогиях Риму Элия Аристида и Псевдо-Элия Аристида см. Pernot 1997.

¹²⁶ См. *De anat. adm.* I, 2 (К. II, 224-225).

¹²⁷ См. *De praen.* 1 (CMG V 8, 1, Nutton 1979: 69-74); *De antid.* I, 4 (К. XIV, 22-23).

¹²⁸ *De anat. adm.* I, 2 (К. II, 224); *De meth. med.* XIV, 10 (К. X, 980).

Жизнь в живописной сельской местности, в загородном поместье отца, местные обычаи и продукты Гален будет постоянно сравнивать впоследствии с местами, в которых он будет путешествовать, в частности, с разными областями Средиземноморья, изображая Пергам как своеобразный *locus atoenius*. Таким образом, воспоминания о Пергаме служат для Галена фоном для повествования о личных достижениях: путешествиях, обширных знаниях местных лекарств и методов врачевания, моральном облике аристократа малоазийской провинции, получившего греческое образование, врача-философа.

I. 2. Гален и медицинская риторика Второй софистики

Гален, как было отмечено выше, уделял большое внимание языку. Как врач он осознавал необходимость точности определений и терминологической ясности при постановке диагноза, назначении лечения, умения убедить пациентов и передать свой медицинский опыт в письменной форме¹²⁹. Как философ, искусный декламатор и участник импровизированных полемических дебатов на медицинские темы он ценил ясность мысли и убедительность речи, которая достигалась благодаря владению риторической аргументацией. Ему приходилось доказывать, уговаривать, убеждать и успокаивать. Его внимание к правильному использованию слов можно увидеть почти во всех его работах, где он осуждает как небрежное и неточное использование слов, так и чрезмерно придирчивое отношение к словам, которое вместо изучения предмета заводит слушателей в дебри софистических препирательств по поводу толкования слов.

Отношение Галена к риторике, как показал еще Л. Пирси¹³⁰, были неоднозначными и порой противоречивыми. Уже Платон, порицая ораторов за использование риторики в корыстных целях, отнес последнюю к категории

¹²⁹ См. Бекишева 2018: 134-140.

¹³⁰ Pearcy 1993: 445-456.

лести¹³¹, и эта репутация риторики как *κακοτεχνία*, по сути мошенничества, сохранилась за ней вплоть до эпохи Квинтилиана¹³². Взгляды, цели и методы Галена существенно отличались от взглядов софистов, которые практиковали и обучали преимущественно эпидейктическому красноречию. Научно-исследовательская направленность его сочинений, разработанный им логический метод построения аргументации, использование силлогизмов – диалектических, риторических и софистических указывают на то, что его основной целью было знание, а не публичное красноречие. Однако для того, чтобы убедительно обосновать превосходство своего научного подхода над словесными хитросплетениями софистов и риторов, Гален, как отметил Г. фон Штаден, «тоже вышел на публичную арену и вписал свои выступления в эпидейктическую культуру, представленную его современниками, известными как софисты»¹³³. И несмотря на то, что он часто упрекал их за недобросовестность и пустословие, сам в случае необходимости активно пользовался риторическими и софистическими приемами, подтверждая свою причастность культуре «Второй софистики».

I. 2. 1. Риторика и медицина в классический период

Среди большого числа античных медицинских текстов сохранились преимущественно те, которые обладали практической и педагогической ценностью, поскольку материал для копирования и передачи знаний был достаточно дорогим. Часть этих текстов сосредоточена на обзорных элементарных знаниях: справочники, как например, псевдо-Галеновы «Медицинские определения» (*Definitiones medicae*) или «Введение или врач» (*Introductio sive medicus*), сборники клинических случаев, как «Эпидемии» Гиппократа, компиляции коротких высказываний, как «Афоризмы»

¹³¹ *Gorgias* 465a.

¹³² Quint. 2.15.3. В 2.20.2-3 Квинтилиан замечает, что риторику также называют *nullam artem* или *atechnia*, а также *supervacua artis imitatio* или *mataiotechnia*. К этой же категории «пустых» или «тщетных» видов искусств относит риторику и Гален в «Протрептике» (IX, 1).

¹³³ von Staden 1997: 53-54.

Гиппократа, различные сочинения, предназначенные для начинающих и студентов такие, как четыре сочинения Галена по анатомии (т. наз. «Малая анатомия» Галена¹³⁴), сборники легкодоступных лекарств и рецептов, например, т. наз. *Euporista* псевдо-Галена¹³⁵, и тексты, написанные в формате «вопрос-ответ» (т. наз. ἐρωταποκρίσεις), например, псевдо-Гиппократово сочинение «Медицинские вопросы» (*Quaestiones medicinales*), псевдо-Галеново «Введение или врач» (*Introductio sive medicus*) или позднее некоторые разделы «Четверокнижия» (*Tetrabiblos*) Аэция Амидийского.

Согласно ряду недавних исследований стиль таких сочинений в целом соответствует базовому уровню риторики, который может включать посторонние литературные отступления, например, полемические выпады против оппонентов, развернутые описания, повествовательные нарративы или описание анатомических демонстраций¹³⁶. Кроме того, исследователи обратили внимание на сложные аргументационные аспекты медицинской прозы – искусство отстаивать свою точку зрения, которое предполагало использование риторических способов аргументации или опровержения, позднее – силлогизмов и апелляцию к личному опыту. Защита собственных утверждений лежит в основе уже многих трактатов Гиппократа. По словам Я. Лони, тексты Гиппократа «рационалистичны, смелы в гипотезах, изобретательны в аргументации, скептичны по отношению к общепринятым мнению и разделяют общую приверженность интеллектуальному анализу»¹³⁷. Убеждение во всех этих контекстах служит целям запоминания и демонстрации через ясность и наглядность неопровергимой истины, а система аргументации в медицинском контексте опирается не только на логику, но отчасти и на риторику¹³⁸.

¹³⁴ Пролыгина 2021: 141-171.

¹³⁵ Totelin 2021: 31-45.

¹³⁶ van der Eijk 1997, Petit 2012, Meeusen 2020.

¹³⁷ Lonie 1983: 149.

¹³⁸ Petit 2018: 93-97.

Уже ряд текстов «Гиппократова сборника» содержал общие литературные черты с другими сочинениями того периода, от поэтических до философских. Так, например, была установлена тесная связь между Гиппократом и Геродотом¹³⁹. Некоторые работы Гиппократа преследуют строго аргументативные цели и выдержаны в полемическом тоне, как сочинение «О священной болезни», первые главы которого направлены против разного рода заклинателей и шарлатанов, называемых *γόητες*, *ἀλαζόνες* и другими пренебрежительными именами. Затем автор переходит к доказательству и обоснованию рациональных причин и природы «священной болезни», которой называли эпилепсию. В других сочинениях Гиппократа можно обнаружить чертыproto-эпидейктического красноречия, например, в трактате «О ветрах», которые, как показал Ж. Жуанна, имеют много общих черт с речами Горгия¹⁴⁰. Достаточно подробный обзор риторических аспектов пяти трактатов Гиппократа корпуса («О древней медицине», «Об искусстве», «О ветрах», «О природе человека» и «О священной болезни») представлен в недавно опубликованном исследовании Дж. Кросса. Автор показал, что эти трактаты, которые он характеризует как «эссе», мало чем отличаются от других примеров аргументативной прозы той эпохи¹⁴¹. В этих текстах используются те же риторические стратегии, язык, технический инструментарий и обращается внимание на форму речи и аудиторию.

С другой стороны, медицинская литература, конечно, обладала собственными отличительными чертами и не всегда могла быть соотнесена с устоявшимися формами и канонами литературных жанров. Французский исследователь Ж. Пижо справедливо обращает внимание на 7 книг «Эпидемий» Гиппократа, написанных в форме кратких заметок о клинических историях болезни, которые оказали значительное влияние на последующую медицинскую литературу¹⁴². Эти тексты, написанные, по всей видимости

¹³⁹ Thomas 2000.

¹⁴⁰ Jouanna 1984: 26-44.

¹⁴¹ Cross 2018, см. также Lonie 1983: 155-158.

¹⁴² Pigeaud 1988.

тремя разными авторами, легли в основу медицинской интерпретации и породили множество комментариев и подражаний. К. Пети даже называет это собрание клинических случаевproto-экфрасисом¹⁴³, отмечая их творческое и эвристическое начало, отличающее их от общепринятой литературной практики классического периода. Однако П. ван дер Эйк справедливо предостерегает исследователей от создания какой-либо жесткой классификации работ Гиппократа, поскольку большинство из них имеют ярко выраженную авторскую интонацию¹⁴⁴. Таким образом, многочисленные и разнообразные медицинские сочинения целесообразно считать частью литературы и не выделять их в какую-то особую категорию технических текстов, проводя произвольные границы.

В свою очередь, медицинский язык, идеи и тексты были восприняты и усвоены классической литературой¹⁴⁵. Медицинские сочинения классического периода, благодаря своей композиции, словарю и методам аргументации, по всей видимости, оказывали влияние на прозу того времени. И медицина, и риторика относились к категории *τέχναι*, которые находились на стадии становления и свидетельствовали о взаимном развитии.

В эллинистический период «технические» сочинения в более широком смысле получили новое развитие в корпусе текстов Аристотеля. В Александрийский период доминирующей формой в научной литературе становятся комментарии, поэтому медицинские тексты стали рассматриваться как систематизирующие, технические и довольно скучные. Конечно, наше представление об истории медицинской литературы этого периода содержит множество пробелов вследствие утраты большинства медицинских текстов того времени. Сохранились лишь отдельные фрагменты сочинений Герофила Александрийского и Эразистрата – двух важнейших врачей эллинистического

¹⁴³ Petit 2023: 286.

¹⁴⁴ van der Eijk 2013: 147.

¹⁴⁵ О связи медицины и классических текстов см. недавнее исследование Р. Лейн Фокса (Lane Fox 2020: 253-282).

периода, которые совершили ряд анатомических открытий¹⁴⁶. Единственный сохранившийся пример многочисленных медицинских комментариев эллинистического периода – комментарий Аполлония Китийского к трактату Гиппократа «О суставах»¹⁴⁷. Таким образом, наши знания об эллинистической медицинской литературе и риторике достаточно ограничены.

С другой стороны, мы обладаем значительным объемом знаний в области натурфилософии, которая затрагивала смежные с медициной проблемы. Многие работы аристотелевского корпуса, включая Теофраста, посвящены исследованию природы, животных, растений, камней, минералов, физиологии и др. Новые способы описания науки, представленные в сочинениях Аристотеля, несомненно, оказывали значительное влияние на медицинскую литературу. Так, например, терминология Аристотеля и формы его аргументации повсеместно встречаются в текстах Галена и у всех последующих авторов вплоть до Нового времени¹⁴⁸.

Нового расцвета риторика достигла в эпоху Римской империи, оказав значительное влияние и на медицинскую литературу того времени. Как часть базового образования она стала основой для любого вида письменности, предлагая молодым людям более глубокое понимание изучаемых дисциплин и успешные карьерные перспективы. Изучение греческой, а затем и латинской риторики в Риме, значительно повышало шансы приезжих врачей достичь профессиональных и карьерных высот в жесткой конкурентной борьбе. Независимо от литературного жанра, прогимнасмы, по словам Элия Феона, были универсальной основой для любого рода устных декламаций или письменных сочинений¹⁴⁹, позволяющей авторам реализовывать свой творческий потенциал в любой сфере интеллектуальных занятий. Иными

¹⁴⁶ Фрагменты Герофила были исследованы и изданы Г. фон Штаденом (von Staden 1989), а фрагменты Эразистрата – И. Гарофало (Garofalo 1988). В настоящее время фон Г. фон Штаден готовит новое издание фрагментов Эразистрата.

¹⁴⁷ Критическое издание – см. Kollesch, Kudlien, and Nickel 1965.

¹⁴⁸ van der Eijk 2013: 146-147.

¹⁴⁹ Aelius Theon. *Prog.* 70 (Spengel). Cp. Penella 2011, 2015.

словами, владение риторикой было непременным условием для реализации своих профессиональных амбиций.

I. 2. 2. Медицинская риторика Галена

Обращаясь к Галену, прежде всего необходимо рассмотреть, почему его сочинения занимают исключительное положение среди всех дошедших до нас медицинских текстов с точки зрения их литературных качеств и художественного стиля. К. Пети считает, что Гален, по сути, олицетворяет медицинскую риторику, которая охватывает почти все его сохранившиеся сочинения¹⁵⁰. Подтверждением его интереса к риторическим, литературным и лингвистическим вопросам служит значительное число работ, предназначенных для ораторов, в которых он рассматривает проблемы языка, логической аргументации и лексикологии. Большая часть этих сочинений, к сожалению, утрачена, но даже перечень названий, который он приводит в сочинении «О собственных книгах»¹⁵¹, свидетельствует о его вовлеченности в вопросы языка и стиля. Он обращает пристальное внимание на наследие Гиппократа и других авторов прошлого, представляя ценную и детальную информацию об их словоупотреблении. Гален приводит множество цитат и ссылок на древние литературные тексты, часть из которых хорошо известны, а некоторые – упоминаются только в его текстах, как мы покажем ниже.

Риторические черты проявляются почти во всех типах галеновских текстов: и в ожесточенных спорах с конкурентами и оппонентами, доводы которых Гален стремится опровергнуть, и в длинных красочных повествованиях, и в разного рода описаниях, и в автобиографических сочинениях. Все настолько переплетено, что классифицировать их по типу текста почти невозможно. В научной литературе не раз обсуждалось мастерство Галена в технике аргументации с его системой логических

¹⁵⁰ Petit 2023: 289.

¹⁵¹ *De libr. pr.* XX (К. XIX, 48 = Boudon-Millot 2007: 173).

доказательств¹⁵². Для большинства его работ характерен полемический тон и владение искусством опровержения доводов противника. В главе, посвященной системе аргументации Галена, мы приведем ряд отрывков из его сочинений «Против Лика» и «Против Юлиана», в которых мастерство ведения полемического дискурса хорошо заметно почти в каждом предложении. В этом отношении Гален напоминает многих христианских апологетов того времени, например, Тертуллиана.

Исключительными литературными достоинствами обладают и повествования в прозе Галена. Он комментирует истории болезней Гиппократа, отмечая, что они способствуют достижению сразу двух целей – аргументации и развлечению читателя¹⁵³. Как показало исследование М. Бёрно и С. Коглина, для Галена стиль Гиппократа был даже одним из критериев аутентичности его текстов¹⁵⁴. Введение повествований с целью наставления и развлечения читателя занимает центральное место и в прозе самого Галена. Достаточно большую часть рассказов представляют истории болезней, список которых можно найти в исследовании С. Маттерн¹⁵⁵, но встречается множество и других историй. Некоторые из наиболее ярких и запоминающихся историй встречаются в его сочинении «О прогнозе», в котором истории болезней служат дополнительной цели самопрезентации Галена, а именно иллюстрации блестящих диагнозов и прогнозов, объясняющих его статус придворного врача Марка Аврелия. В этих историях Гален от первого лица выдвигает отдельные тезисы своего логического метода, позволяющего ему поставить правильный диагноз, например, обосновывает свой тезис о том, что не существует «любовного пульса» как такового, и по ходу дела дает полезные советы своим коллегам-врачам. Сами рассказы содержат описание ярких наглядных сцен и портретов с подробной передачей диалогов, которые подчеркивают глубокие знания и уникальные навыки Галена, обладающего исключительным опытом.

¹⁵² Tieleman 1996; 2009; Chiaradonna 2014.

¹⁵³ См., напр., *De sem.* 1, 4 (К. IV, 525 = CMG V 3, 1, De Lacy 1992: 76).

¹⁵⁴ Börno, Coughlin 2020.

¹⁵⁵ Mattern 2008: Appendix B.

Наконец, истории Галена содержат множество отголосков предыдущей и современной ему литературной традиции, которая не ограничивается репертуаром историй болезни Гиппократа, но также включает в себя множество примеров из литературы эллинистического периода¹⁵⁶, как мы покажем ниже в главе, посвященной повествованию и описанию. Иногда Гален объединяет в одно повествование два рассказа разных хронологических периодов, один из которых усиливает другой, показывая возрастающий с годами опыт. При этом его техника повествования и описания представляется эмоционально более сдержанной по сравнению с другими его современниками, напр., с Аретеем Каппадокийским. Гален часто сочетает повествование с ярким описанием, которое способствует достижению ἐνάργεια, риторического достоинства речи, призванного проиллюстрировать и аргументировать то или иное утверждение, как например, в рассказе о голоде в Малой Азии в начале сочинения «О хороших и плохих соках»¹⁵⁷.

Узко специализированные анатомо-физиологические сочинения Галена также содержат большое число риторических черт. Анатомия и физиология относится к той области медицинских знаний, которая необходима для понимания строения и функционирования тела, диагностики болезней и лечения ран. В этой области Гален создал целый ряд сочинений, начиная от произведений для начинающих и заканчивая большими анатомическими трудами с подробным описанием вскрытий и анатомических демонстраций, такими как трактаты «Об анатомических процедурах» и «О назначении частей человеческого тела». В последнем сочинении Гален предлагает детальное изображение человеческого тела, подчеркивая его красоту и совершенство и сравнивая его с совершенным произведением искусства, о чем свидетельствуют его многочисленные ссылки на знаменитых греческих художников греческой истории – от Фидия до Поликлета. Некоторые

¹⁵⁶ В частности, рассказ о даме, влюбленной в танцовщика, восходит к рассказу Эразистрата. См. *De praen. 6* (К. XIV, 630-633 = CMG V 8, 1, Nutton 1979: 100-102).

¹⁵⁷ См. Petit 2018: 140-145; Roby 2016: 2-3.

исследователи предлагают рассматривать это сочинение как монументальный экфрасис, прославляющий demiurgo, сотворившего столь совершенный образец природы, как человеческое тело¹⁵⁸. Сам же Гален выступает как интерпретатор (έρμηνευτής) божественных знаков, подражая в этой части многим софистам своего времени.

Наконец, в своих поздних сочинениях он создает собственный автопортрет, используя ряд устоявшихся риторических приемов. Подробно рассказывая о своем происхождении и семье, образовании, родине, друзьях, путешествиях, стойкости перед ударами судьбы он рисует портрет не только выдающегося ученого, но также человека, обладающего моральным авторитетом, который удостоился похвалы самого Марка Аврелия¹⁵⁹.

Мы выделили несколько аспектов прозы Галена, которые выходят за рамки чисто «технических» текстов и ставят его сочинения в один ряд с признанными литературными произведениями того времени, в частности, с сочинениями Лукиана, Элия Аристида или Клиmenta Александрийского. С другой стороны, медицина как основной предмет повествования не всегда поддается описанию из-за своей сложности и часто выходит за рамки стандартных средств выражения, требуя от автора особого мастерства для выбора правильного стиля изложения. Гален, несомненно, нашел такой верный и уравновешенный тон, который позволил ему сделать блестящую карьеру и стать придворным врачом римских императоров.

I. 2. 3. Риторика в медицинской прозе II-III вв. н. э.

Для понимания места Галена в медицинской письменной культуре II-III вв. н. э. необходимо ответить на вопрос, была ли риторика в сочинениях Галена закономерным явлением того времени или случай Галена был уникальным, и повлиял ли он на медицинскую прозу других авторов. Хотя Гален почти

¹⁵⁸ Petit 2023: 292.

¹⁵⁹ Petit 2018: 163-209.

полностью затмевает всех прочих медицинских авторов своего времени объемом, качеством и авторитетом корпуса своих сочинений, все же можно найти несколько других примеров медицинских сочинений его современников. Прежде всего, это сочинения псевдо-Галенова корпуса. Сама проблема авторства и датировки этих сочинений указывает на тесную связь этих текстов с мыслью и прозой Галена.

Среди этих сочинений стоит обратить внимание на такое сочинение, как «О териаке к Пизону» (*De theriaca ad Pisonem*). Этот трактат долгое время считался подлинным, однако в настоящее время его подлинность вновь подвергается сомнению. Как отметил В. Наттон, стиль этого текста действительно напоминает Галена¹⁶⁰. Благодаря отдельным историческим замечаниям известно, что он относится к периоду правления Северов в нач. III в. Однако ряд лингвистических особенностей указывает на то, что этот текст не принадлежит Галену, в частности, использование конъюнктива после частицы *εἰ* без частицы *ἄν* и другие признаки упрощенного синтаксиса. Текст адресован и посвящен могущественному покровителю: он начинается с длинной главы, восхваляющей широкие интеллектуальные интересы патрона и его глубокие познания в медицине и заканчивается молитвой о том, чтобы териак принес ему долголетие. Автор также стремится развлечь читателя и доставить ему эстетическое удовольствие, приводя рассказ о смерти Клеопатры¹⁶¹. Это стремление восхищать и поучать вполне соответствует целям риторики, которым следовал и Гален. Кроме того, в тексте встречаются многочисленные литературные аллюзии, также призванные доставить удовольствие читателю или слушателю, например, намек на смерть Поликсены (8, 12). Таким образом, это сочинение, скорее всего, написано одним из современников Галена в начале III в. и задуман в рамках эпидейктического красноречия, а не просто как техническое сочинение об известном лекарстве.

¹⁶⁰ Nutton 2021: 7-8.

¹⁶¹ *Ther. Pis.* 8, 14 (К. XIV, 237 = Boudon-Millot 2016, гл. 39-40).

Целым рядом художественных качеств обладают и другие сочинения псевдо-Галенова корпуса. В частности, еще одно сочинение о териаке – «О териаке к Памфилиану» (*De theriaca ad Pamphilianum*), в котором снова встречается ряд черт эпидейктической риторики¹⁶². Как и предыдущее сочинение, оно начинается с похвалы в адрес покровителя, то есть Памфилиана. Автор ссылается на длительное устное обсуждение проблемы составления и эффективности териака, предваряющее его письменное изложение. Первую главу своего сочинения автор завершает изящным каламбуром по поводу имени своего патрона в духе *potem est omen*: судьба наделила его именем Памфилиан, поскольку он был рожден для того, чтобы все (πάντες) его любили (φιλεῖσθαι). Большую часть текста занимает хвалебная речь полезным целительным свойствам этого препарата, хотя автор предостерегает читателей от того, чтобы считать териак панацеей (4, 24).

Оба сочинения о териаке написаны в ответ на просьбу высокопоставленного покровителя. Подобная практика существовала, конечно, задолго до Галена и авторов этих двух работ. Так, упомянутый в предыдущем параграфе комментарий Аполлония Китийского адресован царю Птолемею, к которому автор обращается в начале каждой книги. К сочинениям подобного рода можно отнести и сохранившееся только на латинском небольшое произведение под названием «О полезных свойствах василька» (*De virtutibus centaureae*), которое изначально было написано одним из греческих врачей с целью продать панацею и получило широкое распространение в эпоху Возрождения. По мнению В. Наттона, этот трактат, также как сочинения о териаке, происходит из среды образованных греческих или критских врачей, живших в Риме. К этой же группе текстов принадлежит и псевдо-Галеново сочинение «Введение или врач» (*Introductio sive medicus*), составленное для начинающих, которое также содержало большое число риторических фигур¹⁶³. Еще одно сочинение, приписываемое Галену, – «Живое ли существо то, что

¹⁶² См., в частности, I главу: *Ther. Pamph.* 1, 1-5 (К. XIV, 295-297 = 2016, гл. 2-3).

¹⁶³ В. Наттон отмечает ряд общих черт этого сочинения с сочинениями о териаке, см. Nutton 2021.

находится в утробе» (*An animal sit quod in utero est*) по своей форме напоминает декламацию или, по крайней мере, письменную версию какой-то речи или лекции и, скорее всего, принадлежало одному из софистов III в.¹⁶⁴. Тема эмбриологии касалась медицинских и натурфилософских вопросов и была крайне популярна среди образованных людей того времени. Текст мало чем отличается от сочинений Галена на эту тему и опирается на Платона и Гиппократа.

Таким образом, медицинская проза на рубеже III в. не ограничивается произведениями только Галена даже при его жизни. Медицинские проблемы, несомненно, широко обсуждались в кругу римских интеллектуалов и среди представителей разных медицинских школ, конкурирующих с Галеном, поскольку Гален был не единственным образованным греком, который делал медицинскую карьеру в Риме. Нам известно об этом также из его собственных сочинений, в которых он ссылается на множество соперников и самозванцев. Каждое из упомянутых сочинений по отдельности представляет собой короткое произведение, посвященное ограниченной проблеме и имеющее конкретный адресат и аудиторию. Но в целом они представляют разнообразную картину медицинской прозы периода жизни Галена.

Эти сочинения в значительной степени дополняют наши знания о медицине императорского периода, которая представлена такими именами, как Авл Корнелий Цельс с его написанным на латыни трактатом «О медицине»¹⁶⁵ и Аretей Каппадокийский с сочинением «Об острых и хронических болезнях». Последний в сохранившихся частях своего сочинения приводит самые впечатляющие в античной медицине истории болезней. Подражая языку и стилю Гиппократа, ему удалось придать своим рассказам яркие визуальные черты. В отличие от галеновского выверенного объективно-отстраненного стиля описания клинических случаев Аretей следует экфрастической модели

¹⁶⁴ Wagner 1914.

¹⁶⁵ О Цельсе и риторике см. Gautherie 2017.

описания каждой болезни с большим числом подробностей и деталей¹⁶⁶. Тем не менее стандартом в описании истории болезней стали все-таки тексты Галена с его строгим и сдержаным стилем, избегающим всякого натурализма и излишней эмоциональности. Двусмысленность, которая может возникнуть из-за выбора литературной формы или слов, недопустима в такой области, как медицина, где ясность должна стоять на первом месте.

Медицинский стиль Галена, благодаря его образованию, актерскому таланту и авторитету, несомненно, стал нормой и образцом для последующих медицинских авторов, а многочисленные метафоры, встречающиеся в его текстах, прочно вошли в литературный язык, заложив основы классической риторики в медицинских текстах¹⁶⁷. Его язык и стиль следуют литературным нормам своего времени, которое совпало с историческим моментом возрождения софистики и пристального внимания к качествам речи, и более отточены, чем у большинства технических авторов его времени, например, у Клавдия Птолемея или Артемидора Далдианского, проза которых придерживается простого стиля «технических» текстов, резко отличаясь от дискурсивной прозы Галена¹⁶⁸.

I. 2. 4. Публичные медицинские диспуты

Публичные дебаты на медицинские темы были достаточно распространенным явлением в среде римских интеллектуалов II-III вв. Некоторые выступления носили практический характер, например, анатомические или хирургические демонстрации, которые проводились для наглядного доказательства тех или иных спорных положений или для опровержения ошибочных доводов оппонентов. Другие касались только теоретических проблем, требовавших доказательства или истолкования с помощью т. наз. доксографической экзегезы. Оратор в этом случае должен был

¹⁶⁶ Hude 1958; Gleason 2020.

¹⁶⁷ Pigeaud 1985.

¹⁶⁸ Petit 2014: 167-168.

произнести речь на заданную тему со ссылками на своих предшественников и доказать ошибочность взглядов своих конкурентов¹⁶⁹. И хотя Гален не приводит детальной описательной информации о формате проведения этих выступлений, сохранились некоторые эпиграфические свидетельства о видах медицинских дебатов, часть из которых даже спонсировалась государством. Так, например, встречаются упоминания о четырех разновидностях медицинских состязаний: σύνταγμα, χειρουργία, πρόβλημα и δργανα, которые проводились ежегодно на Большом фестивале Асклепия, проходившем в Эфесе в нач. – сер. II в. н. э¹⁷⁰. Два вида этих состязаний – проблема и хирургия, подтверждают существование традиции, по крайней мере, в Малой Азии как публичных хирургических демонстраций, так и импровизированных медицинских дискуссий¹⁷¹. Плутарх, который был на поколение старше Галена, уже упоминает о врачах, выполнявших хирургические или анатомические процедуры в театрах за определенную плату¹⁷².

Эпидейктический характер этих выступлений был отличительной чертой интеллектуальной культуры поздней Римской империи, что прекрасно иллюстрируют тексты Галена. Рассмотрим известный отрывок из его сочинения «Содержится ли естественным образом кровь в артериях», в котором он приводит описание одного из публичных интеллектуальных состязаний или мелет (μελέται) на тему, касающуюся наличия крови в артериях. Гален сокрушается по поводу недостаточной теоретической подготовки врачей и заблуждений последователей Эразистрата:

Πρὸς ταῦτ' ἐγὼ μὲν ὡόμην αὐτοὺς μήτ' ἀντιλέξειν μηδὲν μαθήσεσθαί τε τὰ κακῶς ἐγνωσμένα. οὐ μὴν ἐθέλουσί γε, ἀλλ' ὥσπερ οἱ παντελῶς ἴδιωται παλαισμάτων οὐ γνωρίζοντες κείμενον ἐπὶ γῆς ἐνίστε τὸν νῶτον αὐτῶν ἔχονται τραχύλου τῶν

¹⁶⁹ Об агонистическом и зрелищном характере анатомических демонстраций см. von Staden 1995, Gleason 2007, Vegetti 1979.

¹⁷⁰ I. Eph. 1161-9, 4101 б. Книббе (1982: 136, прим. 146) датирует эту надпись сер. 130-х гг. н. э.

¹⁷¹ Nutton (2004: 211 и прим. 72).

¹⁷² Plut. Mor. 71 а.

καταβαλόντων ούδ' ἐπιτρέποντες ἀναστῆναι, τὸν αὐτὸν τρόπον καὶ οὗτοι ἀμαθεῖς ὄντες τῶν ἐν τοῖς λόγοις πτωμάτων οὐκ ἐπιτρέπουσιν ἀπαλλάττεσθαι καινάς τινας ἀεὶ στροφὰς στρεφόμενοι καὶ παντοίως λυγιζόμενοι μέχρι τοῦ μισήσαντά τινα τὴν τ' ἀναισχυντίαν ἄμα καὶ τὴν ἀμαθίαν αὐτῶν ἀποδυσπετήσαντα χωρισθῆναι.

«Я предполагал, что они не дадут на это никакого опровержения и не придут к пониманию тех вещей, которым научились неверно. Ибо они не хотят этого, но как новички в борьбе, не замечая, что иногда лежат спиной на земле, цепляются за шею тех, кто их уложил, и не дают себе возможности подняться, точно так же и эти [последователи Эразистрата], не понимая ошибочной аргументации, не дают себе возможности освободиться, все время изобретая некие новые трюки и всячески уворачиваясь, пока кто-нибудь не уйдет с отвращением и раздражением на их бесстыдство и невежество»¹⁷³.

Эта цитата ясно показывает отношение Галена к своим оппонентам в ходе публичных дебатов, которые он сравнивает с борьбой в палестре. Оппоненты, аргументы которых не выдерживают никакой критики из-за отсутствия образования или опыта, продолжают хватать профессионалов за шею, даже не понимая, что уже давно повержены. Они не хотят признавать поражения, потому что не понимают своей ошибочной аргументации. Интеллектуальная некомпетентность этих последователей Эразистрата усугубляется дерзостью и бесстыдством, которая вызывает нескрываемое отвращение зрителей. При этом читателя Гален изображает своим сторонником и арбитром, который также вовлечен в повествование, чтобы признать его победителем в этом медицинском состязании.

В других местах на первый план выдвигается не интеллектуальная некомпетентность соперника, а его низкие моральные качества. В сочинении «О свойстве очистительных лекарств» сохранился отрывок, в котором

¹⁷³ *In art. nat. sang.* (К. IV, 717). Похожий отрывок встречается в *De nat. fac.* (К. II, 79-80).

оппонентом Галена выступает один из последователей Асклепиада, сбежавший еще до того, как Гален привел свои доводы:

παραχρῆμα μὲν οὖν ἔδοξε τοῖς θιασώταις ὁ τοιοῦτος εὖ λέγειν καὶ πάντες ἐπεβόων αὐτῷ καὶ δρόμῳ πολλῷ καταλιπών ἡμᾶς ἀπηλλάττετο γιγνώσκων, οἶμαι, βεβαίως, ὅτι μένων ἔξελεγχθήσεται. διθέντος μέντοι κατὰ τὴν ὑστεραίαν ὑφ' ἡμῶν τοῖς χορευταῖς αὐτοῦ βιβλίου τινός, ἐν ᾧ τῶν οὕτως ἔξαιρνης ἀποτελμημένων ἦν ἔλεγχος, οὐκέτ' οὐδέποτ' αὐτοῖς ἐκεῖνος ἔθ' ὄμοιώς ἦν πιθανὸς ἀπορῶν διαλύσασθαι τὰ προβεβλημένα. ταυτὶ γάρ ἐνεγέγραπτο τῷ βιβλίῳ· χθὲς μὲν ἀπέδρας τὸν λόγον ὄμοιόν τι ποιήσας ἀγωνιστῇ τὸν στέφανον ἀρπάσαντι καὶ φυγόντι πρὶν ἀγωνίσασθαι, τήμερον δ' οὐκ ἐκφεύξῃ τὸν ἔλεγχον. ἀκολουθήσει γάρ σοι τουτὶ τὸ βιβλίδιον εἰς τὰς χείρας ἐμπεσὸν τῶν ἀμφί σε χορευτῶν. οὐδὲ γάρ ἥττόν τι πρὸς ἐκείνους ὁ λόγος ἐστὶν ἢ πρός σε, τοὺς οὐδέποτε μὲν ἐμπροσθεν ἀκηκοότας σοῦ συγχωροῦντος...

«И вот, поклонникам он сразу показался человеком, который умеет хорошо говорить, и все громко приветствовали его, а он, драпанув от нас, смылся, хорошо зная, как я полагаю, что вот-вот будет опровергнут. Однако на следующий день мы передали его свите одну книгу, которая содержала опровержение того, что он столь внезапно заявил. И с тех пор он уже никогда не был для них столь убедительным, поскольку недоумевал относительно разрешения предложенных проблем. Ибо в книге было написано следующее: «Вчера ты уклонился от дискуссии, поступив подобно борцу, который украл венок и убежал прежде состязания. Но сегодня ты не избежишь опровержения, ибо эта книжица, попав в руки твоей свиты, последует за тобой, поскольку эта дискуссия имеет не меньшее значение для них, чем для тебя, хотя прежде они никогда не слышали, чтобы ты в чем-либо уступал <...>»¹⁷⁴.

¹⁷⁴ *De purg. med. fac.* (К. XI, 332).

Подобно последователям Эразистрата в предыдущем отрывке этот последователь Асклепиада также не решается вступить в открытый диалог с Галеном. Зная, что его доводы будут опровергнуты, он крадет приз, убежав со спортивной арены. Дебаты опять представлены как спортивные состязания, на которых решение о победе выносят зрители, только оппоненты сражаются за награду, которая в медицинском контексте может варьироваться от репутации до клиентуры. В этом отрывке хорошо представлена терминология софистических дебатов. Последователь Асклепиада недоумевает ($\alpha\pi\sigma\omega\nu$) относительно того, как ответить на предложенную ему тему дискуссии ($\tau\alpha\pi\varphi\beta\epsilon\beta\lambda\mu\mu\epsilon\nu\alpha$). Интеллектуальные дебаты II в. н. э., как известно, часто состояли в том, что оратору импровизированно ($\alpha\upsilon\tau\sigma\chi\epsilon\delta\omega\nu$) предлагались разные темы ($\pi\varphi\beta\lambda\mu\mu\alpha\tau\alpha$), которые он должен был разрешить в присутствии зрителей ($\delta\eta\mu\sigma\iota\alpha$)¹⁷⁵.

По возвращении в Пергам в 157 г. из своего десятилетнего научно-образовательного путешествия по Средиземноморью Гален принял участие в публичном хирургическом состязании, которое представляло собой конкурс на должность главного врача гладиаторской школы. В сочинении «О распознавании наилучшего врача», сохранившемся только на арабском языке, он приводит рассказ о том, как он разрезал обезьяну, вынул ее кишечник и предложил другим присутствующим на демонстрации врачам вернуть кишки на прежнее место и зашить ее. Однако никто, включая самых опытных врачей, не смог справиться с этой задачей. Тогда Гален сам наложил необходимые брюшные швы, показав присутствующим, что человек, обладающий такими навыками, прекрасно знает анатомию и способен наилучшим образом заниматься лечением раненых¹⁷⁶. Из этого рассказа следует, что предложенный случай был достаточно неожиданным для его соперников, и тема застала их врасплох.

¹⁷⁵ Gleason 2009; Swain 1996, Whitmarsh 2005; von Staden 1997.

¹⁷⁶ *De opt. med. cogn.* 9, 4-7 = CMG Suppl. Or. IV, Iskandar 1988: 103-105.

В другом отрывке из трактата «Об анатомических процедурах» Гален дает совет своим ученикам заранее готовиться к неожиданным медицинским ситуациям, в которых они могут оказаться, и озабочиться изучением анатомии не только в теории, но и на практике. Он настаивает на необходимости изучения тел животных, дабы, если они столкнутся с человеческим скелетом, его строение было бы для них знакомо и понятно:

εὶ δ' ἀναγνώσει μόνῃ θαρρήσεις, ἄνευ τοῦ προεθισθῆναι τῇ θέᾳ τῶν πιθηκείων ὀστῶν, οὐκ ἄν οὕτε κατανοήσαις ἀκριβῶς ἀνθρώπου σκελετὸν ἔξαίφνης ἴδων, οὕτε μνημονεύσαις. ἢ γάρ τοι τῶν αἰσθητῶν πραγμάτων μνήμη συνεχοῦς ὄμιλίας δεῖται· καὶ διὰ τοῦτο καὶ αὐτῶν τῶν ἀνθρώπων ἐκείνους τάχιστα γνωρίζομεν, οἵς πολλάκις συνεγενόμεθα, τὸν δ' ἄπαξ ἢ δίς ὀφθέντα διὰ χρόνου πλείονος θεασάμενοι πάλιν παρερχόμεθα, μήτε γνωρίζοντες ὅλως, μήτε ἀναμιμνησκόμενοι τῆς ἔμπροσθεν θέας... ὀρᾶσθαι γὰρ χρὴ πρότερον ἐπὶ πολλῆς σχολῆς ἔκαστον τῶν μορίων, ἵν' ἔξαίφνης ὀφθέν γνωρισθῆ, μάλιστα μὲν ἐπὶ ἀνθρώπων αὐτῶν· εὶ δὲ μὴ, ἀλλ' ἐπὶ ζώων παραπλησίων ἀνθρώπων <...>.

«Но если ты будешь полагаться только на чтение, не привыкнув заранее к виду костей обезьян, ты не сможешь в точности понять и вспомнить скелет человека, внезапно его увидев. Ибо память о чувственно воспринимаемых вещах требует постоянного собеседования. Поэтому и мы быстрее всего узнаем тех самых людей, с которыми часто общаемся, но, увидев спустя долгое время того, кого видели всего раз или два, проходим мимо, вовсе не узнавая его и даже не помня, как он выглядел прежде <...>. Ибо необходимо увидеть каждую из частей заранее, не торопясь, чтобы распознать ее, внезапно увидев, лучше всего у самих людей, а если нет, то у животных, похожих на человека»¹⁷⁷.

Проведение сравнительных анатомических исследований на практике, на которых настаивает Гален, часто служило источником разногласий с

¹⁷⁷ *De anat. adm.* (К. II, 223-224).

эмпириками, которые отрицали важность теоретических знаний, а потому не могли справиться с непредвиденными медицинскими случаями¹⁷⁸.

Другой формой софистических дебатов, распространенных среди интеллектуальной элиты Римской империи, была доксографическая экзегеза, часто носившая филологический характер. Гален, как известно из его собственного каталога сочинений, приведенного в трактате «О собственных книгах» (гл. XX) также активно интересовался вопросами лексикографии и был, по всей видимости, участником этих публичных диспутов. Он упоминает о своих сочинениях по грамматике, лексикологии и риторике, многочисленных комментариях к античным медицинским и философским текстам, в которых уделяет большое внимание значению аттических терминов¹⁷⁹.

Правильное истолкование текстов также представляло собой своего рода соревнование, в котором Гален состязался средствами логической аргументации и ссылками на аттических авторов, таких как Аристофан, утверждая свой авторитет в качестве знатока и интерпретатора устаревших, сложных или испорченных текстов. Обычно он придерживался следующей тактики: начинал с сетования на то, что его современники неверно истолковали того или иного автора, на авторитет которого они полагались, а далее переходил к непосредственному исследованию источника или его фрагмента, показывая ошибочность их толкования или заблуждения самого автора, на которого они ссылались. К примеру такой публичной экзегезы можно отнести весь его трактат «О веносечении против Эразистрата».

В сочинении Галена «О собственных книгах» сохранился отрывок, в котором он описывает одно из таких публичных выступлений по истолкованию медицинской проблемы с указанием приблизительного сценария и процедурных деталей:

¹⁷⁸ Об отношении эмпириков к наблюдению и об их уклонении от исследований человеческого тела см. von Staden (1975: 186-92).

¹⁷⁹ Petit 2012: 49-75; Sluiter 1995: 519-535; Nutton 2009: 19-34.

καὶ λέγων γέ ποτ' εἰς τὰ τῶν ἰατρῶν τῶν παλαιῶν βιβλία δημοσίᾳ προβληθέντος μοι τοῦ περὶ αἵματος ἀναγωγῆς Ἐρασιστράτου καὶ γραφείου καταπαγέντος εἰς αὐτὸν κατὰ τὸ ἔθος, εἴτα δειχθέντος ἐπ' ἐκεῖνο τὸ μέρος τοῦ βιβλίου, καθ' ὃ τὴν φλεβοτομίαν παραιτεῖται, πλείω πρὸς αὐτὸν εἶπον, ὅπως λυπήσαιμι τὸν Μαρτιάλιον Ἐρασιστράτειον εἶναι προσποιούμενον.

«Однажды во время моего публичного рассуждения о книгах древних врачей мне предложили текст Эразистрата «*Об извержении крови*»¹⁸⁰, и в него по обычай был воткнут грифель, указывающий на ту часть книги, в которой автор осуждает веносечение. Я высказал достаточно много доводов против Эразистрата, чтобы досадить Марциалию, который строил из себя его последователя»¹⁸¹.

Как следует из этого отрывка, публичные дебаты происходили, по всей видимости, регулярно и в данном случае состояли в разрешении проблемы, которая была предложена Галену уже во время дискуссии. Механизм выбора обсуждаемой проблемы путем вставки стилуса в рулон книги предполагает, что тема могла выбираться наугад. В некоторых случаях на выступлении присутствовал также скорописец, записывающий речь для самого автора или слушателей, которая затем расходилась по рукам. Гален неоднократно сетует в своих сочинениях на такое бесконтрольное распространение своих речей и текстов¹⁸².

I. 2. 5. Агонистический характер медицинской прозы

Даже при беглом прочтении текстов Галена можно легко заметить их полемическую направленность. Эта черта, как мы уже отмечали выше, была в

¹⁸⁰ Кровохарканье считалось одним из симптомов полнокровия, для лечения которого применялось кровопускание. Однако в отличие от Галена и других врачей Эразистрат не признавал роли кровопускания при лечении этой патологии.

¹⁸¹ *De libr. pr. I*, 11 (К. XIX, 14).

¹⁸² *De ven. sect. contra Eras.* (XI, 194); *De diff. puls.* (К. VIII, 696); *De meth. med.* (К. X, 458).

целом характерна для греческой медицинской литературы уже в классический период. А для греческих текстов позднеримского периода она становится почти неотъемлемой частью¹⁸³. Таким образом, до конца неясно, в какой степени полемизм Галена выступает частью общей традиции интеллектуального письма II-III вв. н. э., а в какой – отличительной чертой его собственных взглядов и литературного стиля. И хотя большинство современных исследователей сходятся в оценке Галена как исключительно полемичного автора даже для его времени¹⁸⁴, его резкое отношение к современным и предыдущим медицинским авторам, видимо, не вызывало большого удивления у читателей, привыкших к агонистическому характеру медицинских текстов, начиная с «Гиппократова сборника»¹⁸⁵.

При общей полемической направленности Галена ее интенсивность, тем не менее, может варьироваться от трактата к трактату и от автора к автору. Так, например, общий тон в трактате «Об анатомических процедурах» более сдержанный по сравнению с трактатами «О прогнозе» или двумя первыми книгами «О методе лечения». В некоторых случаях один и тот же автор, например, Хрисипп, в разных контекстах может получать положительную или отрицательную оценку¹⁸⁶. Одним из отличительных лингвистических маркеров отношения Галена к тому или иному врачу выступает принадлежность последнего к классу древних (*παλαῖοι*) или более молодых (*νεώτεροι*) авторов, которые, по оценочному суждению Галена, уже заведомо менее образованы и интеллектуально развиты¹⁸⁷. Такая положительная

¹⁸³ Ср. напр., сочинения Лукиана, Элия Аристида, Диона Хрисостома и Герода Аттика.

¹⁸⁴ Barton 1994: 147-9; Lloyd 2008: 34-45; Mattern 2009: 7-26; Nutton 2012: 39-47; 2004: 238-9; von Staden 1995, 1997.

¹⁸⁵ Остро полемические черты можно встретить в таких сочинениях Гиппократова корпуса как «О природе человека», «О древней медицине», «О священной болезни», «О ветрах» и др.

¹⁸⁶ Frede 1985: xviii.

¹⁸⁷ У Галена различие между *παλαῖοι* и *νεώτεροι* часто соответствует нашему различию между классическими и эллинистическими авторами, хотя обычно это не столько временное, сколько оценочное различие. В том случае, если он критически оценивает какого-либо классического автора, например, атомистов за их нетелеологические объяснения мира природы, он не называет его «древним». В свою очередь, когда он хвалит эллинистического анатома Герофилла за его анатомические открытия, он не называет его «более молодым».

оценка классического прошлого, особенно связанного с Афинами, вполне соответствовала общей тенденции возрождения атицизма среди интеллектуалов II в., принадлежащих кругу Второй софистики.

Британский историк науки Дж. Ллойд показал, что агонистический характер греческой медицинской литературы и, в целом, интеллектуальной прозы, отчасти был связан с появлением в V в. до н. э. профессиональных ораторов, которые в эпоху развития полиса были вынуждены бороться за свой статус, разрабатывая приемы самоутверждения. Дж. Ллойд называет этот феномен «греческим эгоизмом» и считает его одной из возможных причин такой агонистической тенденции¹⁸⁸. Таким образом, состязательный характер греческой медицинской традиции, предшествовавшей Галену, имел свои корни в софистических дебатах, начиная с классического периода. Интеллектуалы II в. н. э., к которым принадлежал и Гален, по всей видимости, лишь развили и довели эти ораторские поединки до совершенства¹⁸⁹. При этом, достаточно трудно определить, где проходит грань между медицинскими и софистическими дебатами, которые, в свою очередь, были тесно связаны и с философией. В одной из своих работ Дж. Ллойд проследил связь между возникновением все более систематизированной греческой риторики V-IV вв. до н. э. и возрастающим интересом греков к исследованию мира и природы, включая медицинские тексты «Гиппократова сборника»¹⁹⁰. Риторика с ее системой аргументации была тесно связана с другими интеллектуальными занятиями в классический период и оказала значительное влияние на философских и медицинских авторов. Позднее в эллинистический период с появлением медицинских школ, в частности, догматиков и эмпириков, полемическая направленность в медицине только усилилась. А в римский период агонистический характер медицинской литературы усугубился

¹⁸⁸ Lloyd 1979: 86-98, 246-264; 1987: 56-70.

¹⁸⁹ О классическом периоде см. Lloyd 1979: 59-125; о софистических дебатах и медицине во II в. н. э., см. Gleason 1995; von Staden 1995.

¹⁹⁰ Lloyd 1979: 86-101.

возрождением аттицизма и все возрастающим интересом к личности и авторству, характерным для культуры Второй софистики¹⁹¹.

В своих сочинениях Гален достаточно часто использует терминологию состязаний и спортивные метафоры, прямо описывая интеллектуальную работу как борьбу и сравнивая медицину со спортивным состязанием. В качестве примера можно привести отрывок из его сочинения «О том, что наилучший врач также и философ»:

Οὗόν τι πεπόνθασιν οἱ πολλοὶ τῶν ἀθλητῶν ἐπιθυμοῦντες μὲν δλυμπιονῖκαι γενέσθαι, μηδὲν δὲ πράττειν ὡς τούτου τυχεῖν ἐπιτηδεύοντες, τοιοῦτόν τι καὶ τοῖς πολλοῖς τῶν ἰατρῶν συμβέβηκεν. ἐπαινοῦσι μὲν γὰρ Ἰπποκράτην καὶ πρῶτον ἀπάντων ἡγοῦνται, γενέσθαι δ' αὐτοὺς ὡς ὁμοιοτάτους ἐκείνῳ πάντα μᾶλλον ἡ τοῦτο πράττουσιν.

«Что претерпели многие из атлетов, которые стремились к победе на Олимпийских играх, но не предпринимали никаких усилий для достижения этой цели, то же случилось и с большинством врачей. Ибо они восхваляют Гиппократа и считают его первым из всех, однако сами скорее делают все, чтобы только не поступать сообразно ему»¹⁹².

В этом отрывке Гален не только сокрушается по поводу низкого уровня современных врачей, но и указывает на агонистическую природу медицинской профессии во II в. По мнению Галена, большинству римских врачей свойственна моральная и профессиональная деградация¹⁹³. Первенство в медицинской профессии Гален сравнивает с призом на спортивном

¹⁹¹ Как отмечалось выше, Вторая софистика в научной литературе может пониматься как хронологическое, культурное или литературное движение см. Bowersock 1969; Anderson 1993; Gleason 1995; Swain 1996; Schmitz 1997; Taplin 2000; Whitmarsh 2005, 2013; 2017; Richter and Johnson 2017: 3-10.

¹⁹² *Quod opt. med.* I, 53. Рус. пер. Пролыгина 2013: 92.

¹⁹³ К разновидности диатрибы о моральном и профессиональном упадке римских врачей во времена Галена можно отнести отрывок из *De praen.* XIV, 604-606.

соревновании. Врачи, как и спортсмены, соревнуются на публичной арене, где есть победители и проигравшие¹⁹⁴.

В греко-римском мире для занятия медициной не требовалось никакого диплома или лицензии. Не существовало никаких медицинских учебных заведений в современном понимании, где готовили бы врачей, также как не было единых стандартов и протоколов лечения¹⁹⁵. Авторитет и легитимность медицины, начиная с классического периода и до позднего императорского периода, приобретались в основном за счет успешной практики и репутации врача, которая складывалась в том числе и во время диспутов с конкурирующими врачами. Первенство на этом медицинском рынке часто зависело не только от успешного лечения пациента, которое иногда могло быть случайным, но и от правильного объяснения причинно-следственной связи между болезнью и успешным лечением, с публичным установлением диагноза и прогноза¹⁹⁶. Таким образом, лечение пациента можно было сравнить с соревнованием, в котором вместо атлетов состязались конкурирующие врачи, а призом был не венок, а римская клиентура.

Немалое значение, по всей видимости, имел для врачей и гонорар за успешное лечение. Так, в XIV главе трактата «О прогнозе» Гален упоминает о том, что за исцеление жены Флавия Бозета он получил сумму в размере 400 золотых¹⁹⁷. При этом следует отметить, что обычно Гален резко критиковал тех врачей, которые работали ради вознаграждения. В. Наттон, комментируя этот отрывок, также пишет о его непоследовательности в вопросе взимания платы за лечение. С одной стороны, Гален постоянно нападает на иностранцев, которые приезжают в Рим ради заработка, критикуя их алчность и стремление к славе. С другой, с гордостью упоминает о собственных высоких гонорарах.

¹⁹⁴ В. Наттон даже назвал эту своеобразную арену термином «медицинский рынок (medical marketplace)», Nutton 1992: 26.

¹⁹⁵ Nutton 1992: 15-58; Пролыгина 2022: 17-18.

¹⁹⁶ Проблема шарлатанства в медицине и критерии легитимности уже остро стояла в «Гиппократовом сборнике» (напр. в *De nat. hom.*, *De prisc. med.* и др.). См. Nutton 1992, Lloyd 1983.

¹⁹⁷ *De praen.* (К. XIV, 647).

В. Наттон объясняет это тем, что для стиля автобиографических сочинений Галена, как и для некоторых других его сочинений было присуще морализаторство и мотив собственный правоты и добродетели, в котором на первом месте стояли не деньги, а авторитет¹⁹⁸. Р. Хэнкинсон полагает, что непоследовательность Галена в отношении к деньгам связана также с агонистическим характером медицинской профессии, в которой конкуренция ради истины считалась допустимой, а конкуренция ради денег и славы презиралась с нравственной точки зрения¹⁹⁹.

I. 2. 6. Стиль Галена в контексте письменной традиции II-III вв. н. э.

Стиль Галена уже в византийские времена подвергался критике за многословие, агрессивный и полемический тон и постоянную апелляцию к самому себе. Современные научные дискуссии по этому вопросу также традиционно сводятся к эстетической критике либо характера Галена, либо характера его прозы²⁰⁰. Так, например, С. Фогт пишет: «Гален в своих фармакологических сочинениях демонстрирует свой собственный опыт употребления лекарств на протяжении всей своей карьеры (иногда в довольно анекдотичной и часто утомительной самовосхваляющей манере)»²⁰¹. Н. Уилсон во введении к своему переводу «Библиотеки» Фотия соглашается с критикой стиля и характера Галена: «Это точная оценка автора, который приложил большие усилия, чтобы писать точно, но при этом оскорбляет каждого современного читателя своим многословием и самоуверенным тоном»²⁰². В. Наттон в своей статье о стиле Галена в трактате «О методе лечения» пишет: «Но как бы ни восхищались риторическими способностями Галена, которые в худшем случае оживляют Fachprosa его технических

¹⁹⁸ Nutton 1979: 179-80.

¹⁹⁹ Hankinson 2008: 23-24. Р. Хэнкинсон ссылается на отрывок из трактата «О методе лечения» (*De meth. med.*, К. X, 5-7), в котором Гален рассуждает о роли ἥρις в медицинских диспутах, намекая на первые строки Гесиода из «Трудов и дней», 11-24.

²⁰⁰ См. Petit 2012; Nutton 2012; 2009; Mattern 2009.

²⁰¹ Vogt 2008: 316.

²⁰² Wilson 1994: 16.

аргументов, следует признать, что они не повышают его авторитет как врача или человека, а временами лишь служат усложнению и без того сложной проблемы»²⁰³. В той же статье В. Наттон называет стиль Галена «риторикой ненависти», а ослабление полемики в последних книгах трактата считает следствием старости и забывчивости, которая приносит большее спокойствие²⁰⁴. Далее он переходит от особенностей стиля Галена к его личности и сводит эстетические суждения к этическим, говоря: «Возможно, он был эгоцентричным, напыщенным и самоуверенным, но, на мой взгляд, не глупым»²⁰⁵. В одной из более поздних работ британский исследователь тщательно рассмотрел стилистические аспекты прозы Галена, сопоставив их со стилем двух ближайших современников Галена – врачей Руфа Эфесского и Арея Каппадокийского. Он подсчитал число самоотсылок Галена в сочинении «О сомнительных движениях» (*De motibus dubiis*) и пришел к выводу, что его краткий обзор «поразительно подтверждает эгоцентричность Галена», а приведенная статистика «более точно указывает на степень этого недостатка»²⁰⁶.

Однако в последние годы появился ряд работ, в которых обращается внимание на то, что стилистические особенности текстов Галена следует оценивать в контексте письменной культуры II-III вв. н. э. как результат общей риторической традиции позднеантичной прозы и избегать эстетических и этических оценочных суждений, характерных для более ранних исследований²⁰⁷. Так, К. Пети²⁰⁸ посвятила ряд работ интерпретации повествовательного стиля Галена, взяв за основу методологию исследования типов дискурса и дискурсивных частиц, разработанную для латинских текстов в работах К. Крун и Д. Лэнгслу²⁰⁹. Она заимствует у Крун набор

²⁰³ Nutton 1991: 14.

²⁰⁴ Ibid. 15.

²⁰⁵ Ibid. 21.

²⁰⁶ Nutton 2009: 62.

²⁰⁷ Petit 2012: 52-53; 2018; 2023: 284-307.

²⁰⁸ Petit 2012; 2021.

²⁰⁹ Kroon 1995; Langslow 2000.

дискурсивных различий, которые образуют определенный тип дискурса: монолог, диалог и полилог²¹⁰ и приходит к выводу, что большинство античных греко-римских медицинских текстов монологичны. Однако в текстах Галена в широком контексте монологического сочинения могут встречаться диалогические ходы. Такой тип дискурса, в котором автор обращается к фиктивному собеседнику, она называет диафоническим. Исследовательница также показала, что дискурсивные маркеры, которые Крун исследовала в латинских текстах, характерны и для греческих текстов Галена, причем частота употребления этих маркеров, скорее всего, была приблизительно одинаковой у авторов II в. Она ссылается на параллели между Галеном и латинскими авторами, которых можно отнести к софистам, такими как Апулей и Авл Геллий, показывая, что полученные в ходе исследования статистические данные свидетельствуют об общей риторической культуре того времени.

В исследовании повествовательного стиля Галена К. Пети пишет: «Несколько столетий спустя культура императорского периода и движение Второй софистики сделали ораторское мастерство столь важным, как никогда, в основном, для ученых и, следовательно, для врачей: только основательное риторическое и философское образование позволяло участвовать в публичных мероприятиях в духе софистов, отвечать на возражения коллег или на другие публичные обвинения, иногда серьезные, как например, обвинение в магии и гадании. Сам Гален выражает свои неоднократные опасения прослыть магом и рассказывает о несчастье, которое случилось с его учителем Квинтом, вынужденным покинуть Рим вследствие обвинений такого рода <...> Агонистический интеллектуальный контекст, в котором существовали такие врачи, как Гален в Риме, частично определил письменность и, в более широком смысле, способ выражения медицинской мысли того времени»²¹¹. Таким образом, эгоизм Галена, агонистичность его прозы, избыточный полемизм и

²¹⁰ Kroon 1995: 109-115.

²¹¹ Petit 2012: 51.

другие характерные черты его стиля отчасти можно считать общими для литературы того времени, а не просто отражением его характера.

Следуя методологии, предложенной К. Крун, мы рассмотрели маркеры повествовательного дискурса на примере анатомического сочинения Галена, «О костях для начинающих» (*De ossibus ad tirones*²¹²), которое относится к достаточно нейтральным по экспрессивности текстам для начинающих и почти не содержит полемических отступлений²¹³. К таким маркерам мы отнесли: а) глаголы, иногда вместе с личными местоимениями, в первом лице; б) самоотсылки и переход от прошедшего времени к настоящему и будущему, которые, по мнению Г. фон Штадена²¹⁴, служат инструментом управления всей структурой повествования и его связующими элементами; в) метадискурсивные выражения, которые влияют на взаимодействие с читателем, например, обращения к читателю с использованием *verba dicendi*, *putandi* и *sentiendi* во втором лице; г) выражения субъективных оценочных суждений, например, высказывание авторского мнения, убеждения и др.; д) использование экстраклаузальных компонентов, таких как междометия или частицы.

Трактат начинается с обоснования цели изучения костей, которые полезно знать для лечения переломов и вывихов. Первое предложение текста начинается с утверждения в первом лице: «Я утверждаю (φημί), что врач должен знать, какова каждая из костей сама по себе и как она соединяется с другими костями» (I a, 1). Таким образом, уже первое предложение трактата должно было произвести на читателя впечатление неоспоримого авторитета и уверенности в непреложности его мнения. Дальнейшее повествование развивается с чередующимися переходами от 1 лица единственного числа «я»: например, *σοι δίειμι*, «я расскажу тебе» (I b, 9); *ἐγώ ... καλῶ*, «я ... называю» (I b, 18) к 1 лицу множественного числа «мы»: например, *χρησόμεθα* – «мы будем

²¹² Garofalo 2005: 38-83 = К. II, 732-778.

²¹³ Пролыгина 2025: 34-42.

²¹⁴ von Staden 1994: 110-111.

использовать» (I a, 5); *σαφηνίζειν προαιρουμένων ἡμῶν* – «мы захотим разъяснить», (I a, 5) и др.

Несмотря на то, что трактат был составлен по просьбе друзей и учеников, он не имеет конкретного адресата. Тем не менее, в тексте трактата встречаются постоянные обращения к подразумеваемому собеседнику во 2 лице единственного числа повелительного наклонения или в условном предложении с *verba dicendi, sentiendi и putandi*. Такие диафонические вставки, как правило, появляются между смысловыми отрезками текста для разъяснения собственного мнения по спорным терминологическим вопросам или для привлечения внимания читателя к какой-то проблеме. Так, рассуждая о разных видах и названиях отростков шейки костей, он пишет: *διαφέρει δὲ οὐδὲν οὐδὲν δὲ εἰ κορωνὸν εἴποις*, «и нет никакой разницы, если ты назвал бы его [т.е. отросток – прим. авт.] короной» (I a, 16). Описывая расположение лямбдовидного шва черепа, он предлагает читателю представить его топографию: *νόει* (I b, 10). При объяснении строения поясничных позвонков, он замечает, что в них расположены отверстия для вен, которые не встречаются в других позвонках: *οὐδὲ δὲν ἰδοις*, «ты не увидел бы» (X, 3). Последняя фраза отсылает читателя непосредственно к воображаемой анатомической демонстрации, о деталях которой Гален дважды сообщает в этом сочинении. Как известно, остеология Галена опиралась, главным образом, на строение скелета обезьяны, который требовал предварительной обработки и освобождения от волокон путем вываривания. Гален упоминает об этой процедуре при описании кости нижней челюсти, строение которой отличается от строения этой кости у человека (VI, 1), и крестцовой кости (XI, 2).

К стилистическим особенностям этого текста Галена относятся и постоянные самоотсылки с переходами от прошедшего времени к настоящему и будущему. Часть из них выражена глаголами в 1 лице, а часть употребляется в неопределенno-личных конструкциях. Гален ссылается на то, что он сказал или о чем упомянул ранее, что он скажет позже, почему он говорит то, что

говорит и др.: ἐπεὶ δὲ ... εἴπομεν ἐφεξῆς ἀν εἴη ... εἰπεῖν, «поскольку мы сказали ..., далее следовало бы ... сказать» (I a, 20); ἐπεὶ δὲ ... ἐμνημονεύσαμεν, «поскольку мы упомянули» (I a, 22); εἴρηται μὲν ἥδη καὶ πρόσθεν ... οὐδέπω μὲν εἴρηται πρόσθεν, εἰρήσεται δὲ ἐν τῷδε, «прежде мы уже сказали ... сказано еще не было, но будет сказано далее» (I b, 1) и др.

Разговорные черты, встречающиеся в этом сочинении, лишают его ситуационного контекста. В повествовании отсутствует какой-либо намек на пространственно-временные отношения с читателем за пределами обсуждаемых анатомических проблем. Иногда Гален отвлекается на терминологические пояснения или объяснения строения той или иной кости, которое подтверждается путем ее соответствующего препарирования; иногда призывает читателей в свидетели очевидной нелепости претензий оппонентов, которых высмеивает в довольно резкой форме. Так, рассуждая о том, к каким частям тела следует относить зубы, он пишет: «К костям следует причислять и зубы, даже если некоторые из софистов иного мнения (εὶ καὶ τισι τῷ σοφιστῶν οὐ δοκεῖ). Впрочем, они были бы правы, если убеждали нас называть их не так, но давать им какое-то другое название. Однако совершенно очевидно, что называть их хрящами, или артериями, или венами, или жилами не подобает и, тем более, жиром, или волосами, или плотью, или железами, или какой-либо иной из частей тела вообще. Но если мы не будем говорить о них ни в анатомии вен, ни в анатомии артерий, нервов, мышц и внутренностей, ни в настоящем трактате о костях, мы не скажем о них вообще никогда (οὐδ' ὅλως ἐροῦμεν οὐδέποτε). Стало быть, следует послать софистов куда подальше (τοῖς μὲν δὴ σοφισταῖς μακρὰν χαίρειν ρήτεον) (V, 1-3)».

Еще одним маркером повествовательного дискурса Галена выступает передача авторского мнения, личного отношения к высказыванию или его субъективная оценка. Достаточно часто встречаются вводные слова, которые должны убедить читателя и создать впечатление очевидности и полной правоты автора. К таким вводным слова можно отнести выражения: ἵσως, «быть

может» (Ia, 5, 14; III, 1), *δοκεῖ* мοι, «мне кажется», «на мой взгляд» (Ia, 5; XXIV, 10); *ἄντικρυς δῆλον*, «совершенно очевидно» (Ia, 12; V, 2); *οὐδὲν ἵσως ἀτοπον...*, «и возможно, нет ничего неуместного ...» (Ia, 14); *δῆλον ἥδη γέγονεν*, уже стало ясно (IV, 3), *οἶμαι*, «как я думаю» (V, 4); *εἰκότως*, «что вполне справедливо» (VIII, 5); *διαφέρει γάρ οὐδὲν ... προσαγορεύειν*, «неважно как ... называть» (VII, 3); *εὐλόγως ἀντις εἶναι φήσειε*, «справедливо было бы сказать» (XIX, 3); *ώσπερ καὶ φαίνεται*, «как можно заметить» (XXII, 4).

И, наконец, в тексте Галена встречается большое число различных частиц, которые также служат признаком разговорного языка, когда автор хочет подчеркнуть свою точку зрения, перейти от одной темы к другой или сообщить о своих намерениях, поддерживая таким образом постоянную связь с читателем и выстраивая стройную аргументацию. Сложность изучения частиц заключается в том, что использование одной и той же частицы может служить разным целям в разных контекстах. При анализе частиц в трактате «О костях для начинающих» мы выделили два укрупненных вида частиц: соединительные и дедуктивные частицы²¹⁵. К соединительным частицам можно отнести частицы *δέ*, *μέν*, *δή*, *μήν*, *γε*. Они встречаются на протяжении всего текста и часто образуют у Галена сложные цепочки разных комбинаций с другими частицами, например, *καὶ μὲν δή καὶ* (Ib, 6; IX, 2; XIII, 2; XVI, 1; XXI, 2), *καὶ μέν γε καὶ* (XI, 1). Нюансы значений таких сочетаний не всегда легко уловить, особенно если полагаться только на семантику. Главным образом, они призваны либо усилить и подчеркнуть высказывание, либо обеспечить логический переход к новой теме, либо обосновать очевидность того или иного утверждения. К дедуктивным частица можно отнести частицы *τοι*, *γάρ*, *οὖν* и иногда *δή*, которые подводят итог предыдущему высказыванию, обеспечивают переход от одной мысли к другой и обосновывают дальнейший ход повествования. Несколько раз в этом трактате (I a, 22; X, 3) встречается частица

²¹⁵ Rijksbaron 1997, Wakker 1997: 215-250.

τοίνυν, которая по наблюдениям Дж. Дэнистона²¹⁶ была характерна для аттической прозы, особенно, для диалогов Платона и комедий Аристофана, где она часто встречается вместе с повелительным или сослагательным наклонением.

Таким образом, исследование стилистических маркеров в этом сочинении Галена показало, что повествование Галена ориентировано на диалог с читателем и имеет ряд ярко выраженных авторских особенностей. Гален ведет повествование от 1 лица с постоянными самоотсылками к тому, что было или еще только будет сказано, постоянно делает вставки, выражающее собственное мнение или дает свою оценку, обращаясь к читателю во 2 лице как к собеседнику. Большое число разнообразных частиц указывает на прекрасное знание и легкое владение автора классическим аттическим языком Платона и Аристофана, что позволяет говорить о том, что проза Галена имеет больше общих черт с сочинениями софистов его времени, принадлежавших кругу Второй софистики, чем с прозой его медицинских современников. Частицы играют важную роль и в системе его аргументации, передавая намерение, интонацию, а иногда и иронию и могут помочь пролить свет на логику его текста. Изучение стилистических маркеров в его текстах открывает широкие перспективы для анализа и картирования его текстов, которые позволяют увидеть скрытые на сегодняшний день интертекстуальные слои.

При анализе стилистических особенностей сочинений Галена мы также будем обращать внимание на список этих маркеров, которые влияют на взаимодействие автора с читателем.

²¹⁶ Denniston 1950: 568-569.

I. 3. Гален о греческом языке и культуре

I. 3. 1. Замечания о греческом языке: эллины vs. варвары

В своих сочинениях, будь то полемические экскурсы, комментарии или логические трактаты, Гален обращает самое пристальное внимание на владение греческим языком и правильной речью, которое считает неотъемлемым признаком греческой *παιδεία*, поскольку правильность, ясность и точность определений играла для него первостепенную роль.

Так, он обращается к хорошо известному топосу «диких варваров», противопоставляя цивилизованных эллинов диким или варварским народам:

ἀλλ' ἡμεῖς γε νῦν οὕτε Γερμανοῖς οὕτε ἄλλοις τισὶν ἀγρίοις ἢ βαρβάροις ἀνθρώποις ταῦτα γράφομεν, οὐ μᾶλλον ἢ ἄρκτοις ἢ λέουσιν ἢ κάπροις ἢ τισὶ τῶν ἄλλων θηρίων, ἀλλ' "Ελλῆσι καὶ ὅσοι τῷ γένει μὲν ἔφυσαν βάρβαροι, ζηλοῦσι δὲ τὰ τῶν Ἑλλήνων ἐπιτηδεύματα.

«Но мы пишем ныне эти строки не для германцев и не для других каких дикарей или варваров, ни тем более для медведей, или львов, или кабанов или других каких зверей, а для эллинов и всех тех, кто, хотя и родился варварами, но подражает эллинским обычаям»²¹⁷.

В этом отрывке не-эллинизированные варвары уподобляются животным и противопоставляются варварам, усвоившим греческую культуру. Шутка, по всей видимости, адресована грекам такого же происхождения, как и сам Гален, то есть грекоязычным провинциалам. С другой стороны, он часто критиковал своих оппонентов за плохое владение греческим языком, а следовательно, за варварство и дикость, как например, врача методической школы по имени

²¹⁷ *De san. tuenda* I, 10, 17 (К. VI, 51 = CMG V 4, 2, Koch 1923: 24). Теме варварства в Античности посвящена обширная научная литература. Среди авторов императорского периода противопоставление эллинов и варваров была вполне традиционным и выполняло уже, по всей видимости, риторическую функцию, см. Schmidt 1999.

Фессал, которого Гален высмеивает в своем сочинении «О методе лечения»²¹⁸, или своих знаменитых предшественников Диоскорида и Архигена, которых критикует, несмотря на их другие достоинства и заслуги²¹⁹.

Однако Галена нельзя считать пурристом. С. Суэн в своем исследовании о греческом языке Галена и его отношении к аттицизму справедливо отметил, что он старается дистанцироваться от аттицистов²²⁰, поскольку их излишний лексикографический пуранизм служил препятствием для необходимой ясности его научного дискурса. Благодаря своим филологическим знаниям, непримиримой логике и риторическому мастерству Гален мог на равных вести дискуссию с любым из софистов своего времени, однако он сознательно отступает от излишнего аттицизма в своих сочинениях, рискуя вызвать насмешки влиятельных грамматиков. Более того, иногда он пользуется терминологией аттицистов для защиты такого греческого языка, который был бы свободен как от провинциальных диалектизмов, так и от искусственной и малоупотребительной лексики аттицистов.

Гален нигде не упоминает о влиянии латинского языка на греческий язык медицины, однако делает довольно много критических замечаний о диалектах греческого языка. По всей видимости, это был не снобизм или излишний пуранизм, а вопрос сохранения определенного терминологического единства медицинского языка и его понятности для слушателей или читателей. Язык медицины во времена Галена, в условиях многоязычной Римской империи, конечно, не мог быть единообразным²²¹, однако стремление к стандартизации медицинской терминологии путем устранения диалектных и иноязычных вариантов показывает амбициозность замысла Галена и отражает его ясное понимание социальной роли языка. По мысли Галена, греческий

²¹⁸ *De meth. med.* I, 2, 2 (К. X, 11 = Johnston, Horsley 2011 (vol. I): 16).

²¹⁹ См., напр., *De simpl. med. ac temp.*, I, 36 (К. XI, 443 sq.), XI, 1 (К. XII, 330). Ср. Kollesch 1994: 260-263.

²²⁰ Swain 1996: 56-63.

²²¹ Руф Эфесский, например, упоминает о влиянии эллинизированных египетских врачей на терминологию швов черепа, см. Jouanna 2004: 1-21.

язык науки должен был обеспечить максимальную степень ясности и точности, которая достигалась благодаря соответствующей терминологии, технике письма и использованию всех лингвистических ресурсов (употреблению времен, наклонений, частиц и др.). Несмотря на прекрасное знание классической литературы, древней, восходящей к Аристофану, аттической и новой лексики, а также различных диалектов, он не занимался теоретическими вопросами языка – аттицизма и его словаря. Проблемы языка и стиля, которые Гален пытается решить путем стандартизации медицинского языка, чтобы сделать его общедоступным и понятным, вращаются, прежде всего, вокруг роли ясности. В своих сочинениях он сознательно избавляется от многих синонимов и диалектизмов, которые в изобилии встречаются, например, в текстах Диоскорида и различных позднеантичных гербариях, что указывает на то, что язык медицины был более разнообразным и неоднородным²²².

Гален, видимо, полагал, что излишний педантизм аттицистов угрожает ясности языка общения, которую он стремится достичь с помощью поиска подходящих слов из обыденной лексики. Так, например, редкие и малоупотребительные слова он старается разъяснять при помощи современных и понятных терминов. Отсюда же его постоянное внимание к этимологии терминов.

Но, наверно, сильнее всего его вкус к красивому греческому языку проявляется в его изящном и точном синтаксисе, где сложные литературные обороты придаточных предложений превалируют над простым стилем, который можно было ожидать в технических текстах. Можно указать, например, на частое использование косвенного оптатива, частиц и двойственного числа независимо от жанра трактата. Таким образом, Гален отдавал предпочтение ясности, но в рамках правил (особенно синтаксических) классического греческого языка древних. В этом вопросе Гален явно уступал

²²² Пролыгина 2025: 171-179.

требованиям своих коллег-софистов и отличался от технических авторов своего времени, например, от Артемидора или Птолемея²²³. То же самое можно сказать и о его жанровом разнообразии. Рассказы, диатрибы, элогии, биография, пропретик – жанры у Галена намного более разработаны, чем у его современников – авторов научной прозы.

Приведем довольно длинный, но репрезентативный отрывок из сочинения Галена «О разновидности пульсов», в котором он рассуждает о вопросах многоязычия в Римской империи и защищает правильный греческий язык от диалектизмов, иностранных слов и излишнего лингвистического пуританства:

ἡμεῖς μὲν οὖν συνηρήμεθα τὴν κοινὴν καλουμένην διάλεκτον, εἴτε μία τῶν Ἀτθίδων ἐστί, πολλὰς γάρ εἰληφε μεταπτώσεις ἡ τῶν Ἀθηναίων διάλεκτος, εἴτε καὶ ἄλλη τις ὅλως. δείκνυμι γάρ ἐτέρωθι τὴν ἡμετέραν περὶ τούτου γνώμην. καὶ ταύτην τὴν διάλεκτον πειρώμεθα διαφυλάττειν, καὶ μηδὲν εἰς αὐτὴν παρανομεῖν, μηδὲ κίβδηλον ἐπεισάγειν φωνῆς νόμισμα, μηδὲ παραχαράττειν. σὺ δέ, εἰ μὲν ἐπιθυμεῖς κατ’ αὐτὴν ἡμῖν διαλέγεσθαι, πρότερον ἐκμαθεῖν αὐτὴν πειράθητι, εἰ δ’ ἄλλη τινὶ χρᾶς, καὶ τοῦτο μήνυσον. εἰ μὲν γάρ, τῶν Ἑλληνίδων ἐστὶ μία, πάντως που καὶ ταύτην γνωρίζομεν· καὶ γάρ καὶ τὰ τῶν Ἰώνων καὶ τὰ τῶν Αἰσλέων καὶ τὰ τῶν Δωριέων ἀνελεξάμεθα γράμματα· εἰ δ’ οὐδεμία τούτων, ἀλλά τις τῶν βαρβάρων, καὶ τοῦτ’ εἰπέ, μόνον πειρῶ φυλάττειν αὐτὴν ἄχραντον, ἥ τις ἀν ἥ, καὶ μή μοι τρία μὲν ἐκ Κιλικίας φέρειν ὀνόματα, τέσσαρα δ’ ἐκ Συρίας, πέντε δ’ ἐκ Γαλατίας, ἔξ δ’ Ἀθήνηθεν. ἐγὼ γάρ οὕτω πολλὰς ἐκμανθάνειν οὐ δύναμαι διαλέκτους, ἵν’ ἀνδράσιν εἰς τοσοῦτον πολυγλώττοις ἐπωμαῖ. δίγλωττος γάρ τις ἐλέγετο πάλαι, καὶ θαῦμα τοῦτο ἦν, ἀνθρωπος εἰς ἀκριβῶν διαλέκτους δύο· σὺ δὲ ἡμᾶς ἀξιοῖς πολλὰς ἐκμαθεῖν, δέον αὐτὸν ἐκμανθάνειν μίαν, οὕτω μὲν ἴδιαν, οὕτω δὲ κοινὴν ἄπασιν, οὕτω δ’ εὔγλωττον, οὕτω δ’ ἀνθρωπικήν. ὅπερ ἐὰν προσχῆς τὸν νοῦν ταῖς φωναῖς τῶν βαρβάρων διαλέκτων, εἴση σαφῶς, τὰς μὲν ταῖς τῶν συῶν, τὰς δὲ ταῖς τῶν βατράχων, ἥ

²²³ Petit 2012: 49-75.

κολοιών, ἥ κοράκων ἐοικυίας, ἀσχημονούσας τε καὶ κατ' αὐτὸ τὸ τῆς γλώττης τε καὶ τῶν χειλέων καὶ παντὸς τοῦ στόματος εἶδος. ἥ γὰρ ἔσωθεν ἐκ τῆς φάρυγγος τὰ πολλὰ φθέγγονται τοῖς ρέγχουσι παραπλησίως, ἥ τὰ χείλη διαστρέφουσι καὶ συρίττουσιν, ἥ κατὰ πάσαν αὔξουσι τὴν φωνήν, ἥ κατ' οὐδεμίαν δλως, ἥ κεχήνασι μέγιστον, καὶ τὴν γλῶτταν προσσείουσι, ἥ διανοίγειν οὐδαμῶς δύνανται τὸ στόμα, καὶ τὴν γλῶτταν ἀργὴν καὶ δυσκίνητον καὶ ὥσπερ δεδεμένην ἔχουσιν. εἰτα σὺ παρεὶς τὴν ἡδίστην τε καὶ ἀνθρωπικωτάτην διάλεκτον, ἥ τοσοῦτον κάλλος ὄραται καὶ χάρις ἐπανθεῖ, ἐκ πολλῶν ἀπόπων καὶ δεινῶν ἀθροίζεις ὀνόματα; πολὺ ρᾶσιν ἥν μίαν ἐκμαθεῖν τὴν καλλίστην ἥ μυρίας μοχθηράς. ἀλλ' οὐ μόνον αὐτοὶ μανθάνειν δλιγωροῦσιν, ἀλλὰ καὶ ἡμᾶς ἀναγκάζουσιν, ἐν ἥ τεθράμμεθα καὶ πεπαιδεύμεθα φωνῇ, ταύτην καταλιπόντας, ἐκμανθάνειν τὰς ἐκείνων. οὐ βούλει μαθεῖν ἄνθρωπε τὴν τῶν Ἑλλήνων διάλεκτον; ὡς ἐπιθυμεῖς, βαρβάριζε. μόνον, ὥσπερ ἐγὼ συγχωρῶ καθ' ὃν αὐτὸς προήρησαι τρόπον λαλεῖν, οὕτω κἀμοὶ συγχώρησον ὡς ἔμαθον διαλέγεσθαι. πατήρ ἥν ἐμοὶ ἀκριβῶν τὴν τῶν Ἑλλήνων διάλεκτον, καὶ διδάσκαλος καὶ παιδαγωγὸς "Ἑλλην. ἐν τούτοις ἐτράφην τοῖς ὀνόμασιν. οὐ γνωρίζω τὰ σά. μήτ' ἐμπόρων μοι, μήτε καπήλων, μήτε τελωνῶν χρῆσιν ὀνομάτων ἔπαγε, οὐχ ὡμίλησα τοιούτοις ἀνθρώποις. ἐν ταῖς τῶν παλαιῶν ἀνδρῶν βίβλοις διετράφην. καὶ ταῦτα λέγω, μηδενὶ πώποτ' εἰπὼν, μήθ' ὅτι βαρβαρίζεις ὡς οὕτος, μήθ' ὅτι σολοικίζεις, μήθ' ὅτι κακῶς καὶ οὐ κυρίως ὠνόμασας, ἀλλ' ἐπιτρέπω πᾶσιν ὡς βούλονται φθέγγεσθαι. κἄν ὁ κυβερνήτης εἴπη φέρε τὸν πούς, οὐδὲν ἐμοὶ διαφέρει. ταῦτα Φαβωρῖνος καὶ Δίων, οὐκ ἐγὼ μέμφομαι· συνιέναι μόνον βούλομαι τοῦ λεγομένου. ὅταν δέ ποτε καὶ κατ' αὐτὸ τοῦτο ταράττωμαι, τότε ἀναγκαίως πυνθάνομαι, τίς δηλοῦν βούλεται τοῦνομα, καὶ μηνύσαντος ὁ βούλεται, σιωπῶ, μήτ' ἐξελέγχων, μήτε μεμφόμενος, εἰ παρὰ τὴν τῶν Ἑλλήνων εἰρηται συνήθειαν. ἐνὸς γάρ μοι μόνου φροντίς, τοῦ γνῶναι τὸν νοῦν τοῦ λεγομένου. τοῖς δέ, ὡς ἔοικεν, οὐκ ἀρκεῖ τὸ τοιοῦτον, ἀλλ' ὅταν ἡμεῖς τοῖς τῶν Ἑλλήνων ὀνόμασι χρησώμεθα, τότ' ἐκεῖνοι πρῶτον μέμφονται, τὰ μὲν ὡς διαλεκτικοί, τὰ δὲ ὡς φυσικοί τινες ἄνδρες, τὰ δ' ὡς ῥήτορες, τὰ δὲ ὡς γραμματικοί. πολυειδῶς γὰρ ἐπηρεάζουσιν.

«И вот, мы выбрали диалект, называемый общим, один ли он с аттическим (ибо афинский диалект претерпел множество изменений) или совершенно иной. Ибо я высказываю свое мнение по этому вопросу в другом месте²²⁴. И мы стараемся сохранить этот диалект, и ни в чем не нарушать его правил, и не вводить в него ни одного поддельного слова, и не фальсифицировать его. И если ты хочешь разговаривать со мной на этом языке, постарайся сначала выучить его, если же ты используешь какой-то другой диалект, то сообщи мне и об этом. Ведь если это один из греческих диалектов, то, конечно, и его мы более или менее понимаем, ибо прочитали сочинения и ионийцев, и эолийцев и дорийцев. Если же это не один из них, а какой-то варварский язык, то скажи и об этом, только постарайся сохранить его в чистом виде, каким бы он ни был, а не говори мне трех слов из Килиции, четырех из Сирии, пяти из Галатии и шесть из Афин! Ибо я не могу выучить столько диалектов, чтобы поспевать за столь многоязычными мужами! Ибо раньше о ком-то говорили, что он двуязычен, и это было чудом, когда один человек в совершенстве владел двумя наречиями. А ты хочешь, чтобы мы выучили многие языки, тогда как нужно выучить всего один, и столь особенный, столь общий для всех, столь приятный для слуха, столь удобный для человека. Если ты обратишь внимание на звуки варварских наречий, то ясно поймешь, что одни похожи на крики свиней, другие – на крики лягушек, или галок, или ворон, и что они обозначают сам вид языка, и губ, и всего рта. Ибо они или вызывают из глотки звуки, близкие к хрому, либо искривляют губы и свистят, либо усиливают голос, либо полностью его заглушают, либо заставляют широко разевать рот, и сотрясать языком, или вообще не позволяют открыть рот и делают язык вялым и малоподвижным, словно связанным. И после этого ты

²²⁴ Возможно, речь идет об утраченном сочинении Галена об аттицизме, о котором он упоминает в *De libr. propr. XX* (Boudon-Millot 2007: 173 = K. XIX, 48).

пренебрегаешь самым приятным и удобным для человека языком, в котором созерцается такая красота и процветает благодать, и собираешь слова из множества нелепых и ужасных языков? Проще было выучить один, самый прекрасный, чем множество ужасных. Но они не только пренебрегают его изучением, но и нас принуждают отказаться от языка, на котором мы были воспитаны и образованы, и выучить языки тех людей! Неужели ты не хочешь, о человек, выучить греческий язык? Как пожелаешь, оставайся варваром. Только, поскольку я согласен на то, чтобы ты говорил таким образом, каким выбрал, позволь и мне разговаривать так, как я научился. У меня был отец, который в совершенстве владел греческим языком, а мой учитель и воспитатель были греками. Я был воспитан на словах этого языка. Я не знаю твоих. Не навязывайте мне слов, которые используют купцы, или лавочники, или сборщики налогов, я не общался с такими людьми. Я вырос среди книг древних мужей. И я говорю это, никогда никому не сказав: «о несчастный, ты допускаешь варваризмы», или «солецизмы», или «ты сказал неправильно и употребил слово не в его собственном смысле», но допускаю, чтобы все говорили так, как они хотят. И если кормчий скажет: «принеси каната» вместо «канат», мне все равно. Такие упреки делают Фаворин и Дион, а не я! Я просто хочу понять сказанное. Когда же меня что-то смущает, тогда в силу необходимости я спрашиваю, что означает это слово, и как только мне объясняют его значение, я умолкаю, не предлагая ни опровержения, ни упрека, даже если это слово противоречит обычаям эллинов. Ибо у меня есть только одна забота: понять смысл сказанного. Для других же, видимо, этого недостаточно, но, когда мы употребляем греческие слова, они сразу начинают упрекать: одни как диалектики, другие как физики, третьи как риторы, четвертые

как грамматики. Ибо они проявляют свою злобность многими способами²²⁵.

Этот эмоциональный отрывок усиливается диалогом с вымышленным оппонентом с рядом асиндтонов, который придает ему дополнительную убедительность в глазах читателя. Из слов Галена можно сделать несколько выводов. Прежде всего, мы видим, что Гален исключительно привержен греческому языку, который, по его мнению, следует считать самым прекрасным языком, и гордится тем, что владел им с детства. В самом начале он уточняет, что говорит на «койнэ», в основе которого лежит аттический диалект²²⁶, и стремится сохранить его без всяких посторонних языковых примесей. С другой стороны, он владеет и другими диалектами, поскольку знаком с трудами авторов, писавших на ионийском, эолийском и дорийском. Вполне вероятно, что он был знаком и с некоторыми «варварскими» языками, однако резко выступает против языкового смешения, которое затрудняет понимание сказанного. Кроме того, «варварские» языки, по его мнению, сильно искажают мимику лица и неблагозвучны, напоминая звуки, издаваемые разными животными. Судя по последним предложениям этого отрывка, провинциалы, для которых греческий был не родным языком, подвергались упрекам со стороны грекоязычных философов, риторов и софистов, таких как Фаворин или Дион, за неправильное словоупотребление. Здесь и во многих других местах Гален настаивает на бесполезности лингвистических споров о правильном словоупотреблении и замечает, что сам никогда не поправляет своих собеседников.

Все эти замечания прекрасно иллюстрируют фундаментальный «эллиноцентризм» Галена, который наивысшим достоинством языка считает его «приятность и удобство для людей» (*τὴν ἡδίστην τε καὶ ἀνθρωπικωτάτην*

²²⁵ *De diff. puls.* (К. VIII, 584-588).

²²⁶ К. Бриксе отмечает, что «койнэ», распространенный в Малой Азии, был достаточно разнообразным, см. Brixhe 2010: 228-252.

διάλεκτον). В споре о греческом языке, который остро обсуждался софистами его времени, Гален, как мы видим, стремится занять умеренную позицию. С одной стороны, он осуждает тех, кто создает языковую путаницу, смешивая разные диалекты, а с другой стороны, выступает против неумеренного педантизма софистов и риторов, которые занимаются бесполезным, по его мнению, занятием. Гален предоставляет здесь интересное свидетельство разнообразия и смешения языков своего времени, в том числе, видимо, и медицинского языка, изобилующего терминами разного происхождения.

I. 3. 2. Билингвизм Галена

Несмотря на то, что Гален был выходцем из малоазийской провинции, процветающего, многонационального и преимущественно грекоязычного Пергама, сопоставимого по богатству, архитектуре и культурному разнообразию разве что с соседним Эфесом и Антиохией, ему удалось сделать успешную карьеру в столице империи. Он постоянно подчеркивает, как мы увидим чуть ниже, свое греческое происхождение и владение греческим языком с его культурным кодом. В многотомном корпусе его сочинений достаточно трудно найти упоминания о Риме. Гален находится словно бы в изоляции и в отличие от некоторых своих современников никогда не упоминает ни о латинском языке, ни о Риме, ни о римской литературе и латинских авторах²²⁷. В его сочинениях встречаются лишь несколько транслитерированных латинских имен и несколько цитат из Скрибония Ларга, который писал свои рецепты как на латинском, так и на греческом языках²²⁸.

Несомненно, медицинским языком в Римской империи, как, собственно, и языком науки, был греческий язык. Как известно, на латинском языке в период жизни Галена медицинская терминология была разработана очень слабо, причем, большая ее часть представляла собой калькированные

²²⁷ См. Swain 1996: 363-372; Woolf 1994: 116-143; Nutton 2009: 24 и прим. 32; Nutton 2013: 227.

²²⁸ *De antid.* II, 12 (К. XIV: 183); Boudon-Millot 2008: 71-80; Nutton 2013: 172.

переводы с греческого или транслитерированные греческие термины²²⁹. Но также несомненно, что Гален, будучи придворным врачом Марка Аврелия и впоследствии его сына Коммода, не мог не владеть латинским языком²³⁰. Пример некоторых его современников, также эрудитов и провинциалов по происхождению, таких как Фаворин из Арля, указывает на то, что билингвизм и бикультуализм софистов был вполне распространенным явлением того времени. Фаворин, обладавший познаниями в разных областях, в том числе и в медицине, с легкостью использует как греческий, так и латинский языки в зависимости от обстоятельств. Другое дело, что о его интересе к стилю и ясности в обоих языках мы узнаем из свидетельств его ученика Авла Геллия, тогда как внешних свидетельств о Галене мы практически не имеем²³¹. Таким образом, нельзя исключать возможность некоторых познаний Галена в области латинского языка и римской литературы, хотя в своих биобиографических сочинениях он об этом и не упоминает.

I. 3. 3. Утраченные сочинения по риторике, грамматике и лексикологии

В сохранившемся каталоге собственных сочинений, который Гален приводит в трактатах «О порядке своих книг» и «О собственных книгах», содержится краткий список его сочинений по лексикологии, грамматике и риторике, а также работ, касающихся вопросов аргументации, которые относятся к вопросам языка²³². К сожалению, все они были утрачены еще при жизни Галена во время пожара, случившегося в 192 г. в храме Мира, где хранились его рукописи²³³. Среди этих сочинений Гален называет 48 книг «О лексике аттических писателей», которые представляли собой лексикон или

²²⁹ См. Langslow 2000; Sabbah 1991; Boscherini 1993; Mazzini 1997 (1): 123-71; Migliorini 1997; Debru 1998.

²³⁰ Nutton 2013: 227.

²³¹ См. Rochette 2015: 101-122. О свидетельствах Авла Геллия о Фаворине см. подборку текстов в I томе его сочинений, изданных Е. Амато (Julien, Amato 2004).

²³² *De libr. pr. XX* (Boudon-Millot 2007: 173 = К. XIX, 48); *De ord. libr. V*, 4-6 (Boudon-Millot 2007: 101-102).

²³³ *De indol.* 20 (Boudon-Millot 2010: 8).

словарь аттических писателей, собранный в алфавитном порядке. О содержании этого текста сохранилось несколько его замечаний:

ἀλλὰ διὰ τὸ πολλοὺς ἰατροὺς καὶ φιλοσόφους, ἐν οἷς αὐτοὶ νομοθετοῦσι καὶ οὐκανόμενα τῶν Ἑλληνικῶν ὄνομάτων, ἐν τούτοις ἐτέροις <...>, διὰ τοῦτο καὶ τῶν ὄνομάτων τὴν ἐξήγησιν ἐποιησάμην ἐν ὀκτὼ καὶ τεσσαράκοντα βιβλίοις ἀθροισάμενος <ἐκ τῶν> Ἀττικῶν συγγραφέων αὐτά, καθάπερ ἐκ τῶν κωμικῶν ἄλλα. γέγραπται μὲν οὖν, ὡς ἔφην, ἡ πραγματεία διὰ τὰ σημανόμενα·

«Но по причине того, что многие врачи и философы порицают других за те греческие слова, для которых они сами устанавливают новые значения, я составил истолкование этих слов в 48 книгах, собрав их у аттических писателей, также как другие слова – у комических. Итак, это сочинение написано, как я сказал, ради значений [этих слов]»²³⁴.

С одной стороны, сам факт составления подобного лексикона говорит о том, что внимание к языку было важной составляющей для утверждения статуса интеллектуала, занимающегося медицинской профессией. С другой стороны, из этого отрывка становится очевидно, что Гален не разделял стремления некоторых современников таких, как Лукиан или Фаворин, к чрезмерному лингвистическому пуританству, присоединяясь скорее к критике гиператтицизма Лукиана Самосатского²³⁵. В своих сочинениях он неоднократно выражает негативное отношение к чисто терминологическим дискуссиям, которые ведутся о «словах» (ὄνοματα), а не о «фактах» (πράγματα)²³⁶. Тем не менее, он прикладывает немало усилий к тому, чтобы сделать словарь античных и современных ему авторов сопоставимым и понятным и избежать неправильных терминологических толкований.

²³⁴ *De ord. libr.* V, 1-4 (Boudon-Millot 2007: 100-101), рус. пер. Пролыгина 2016: 66.

²³⁵ *Demonax* 26, см. Swain 1996: 56-63.

²³⁶ *Quod opt. med.* IV. 1 (Boudon-Millot 2007: 291-292); *De diff. puls.* III (К. VIII, 494, 697), см. также von Staden 1995: 499-518.

Далее в списке своих грамматических и лексикографических сочинений Гален поместил книги, посвященные лексике комедиографов: 3 книги «Об общеупотребительной лексике Евполида»²³⁷; 5 книг «Об общеупотребительной лексике Аристофана»; 2 книги «Об общеупотребительной лексике Кратина»; книгу «Примеров особой комедийной лексики» и книгу под названием «Полезно ли чтение древней комедии учащимся»²³⁸. Гален, как следует из списка, интересовался не только словарем Аристофана, но и его современников Эвполида и Кратина, которые входили в канон комедиографов классического периода. Как показали Г. фон Штаден и В. Наттон, Гален часто использовал словарь комедиографов V и IV вв. до н. э. для объяснения медицинского или иного термина, особенно, в комментариях на Гиппократа²³⁹. В конце главы он упоминает еще 3 сочинения: 7 книг «Против тех, кто порицает допускающих солецизмы в речи»; книгу «О ложных аттицизмах»; «О ясности и неясности» и книгу «Можно ли быть одновременно критиком и грамматиком».

К этому списку можно добавить еще комментарий к трактату Евдема «О стиле», о котором Гален упоминает в XIV и XVI главе сочинения «О собственных книгах». И если число филологических сочинений Галена, известных нам только по названиям, не так велико, то корпус комментариев Галена, который также свидетельствует о богатой литературной эрудиции автора и его требовательности к лингвистической точности, насчитывает более 70 текстов. Здесь следует отметить, что при комментировании текстов Гиппократа Гален обращает внимание читателей на то, что в качестве языка, помогающего понять значения отдельных слов того времени, наиболее всего подходит язык комедии, которая использовала повседневную разговорную

²³⁷ Под «общепотребительной лексикой» (*πολιτικὴ ὀνόματα*) Гален имеет в виду, скорее всего, разговорную бытовую лексику, отличную от диалектизмов или от любой научной лексики, требующей комментария.

²³⁸ О языке комедии в сочинениях Галена см. Coker 2019: 63-90.

²³⁹ von Staden 1998: 65-95; Nutton 2009, 30-31.

речь. Язык философов был слишком техническим, а трагиков и поэтов – слишком образным и возвышенным²⁴⁰.

Конечно, эти утраченные сочинения представляли важную сумму знаний о греческом языке в Римской империи II-III вв. н.э: о его словаре и способах его сохранения. Частично в арабском переводе сохранилось сочинение «О медицинской лексике» (*De nominibus medicis*), в котором подчеркивается важность словарного запаса комедий для правильного понимания медицинских текстов²⁴¹. Сочинения, посвященные солецизмам или дебатам об аттицизме, свидетельствуют о живом участии Галена в софистических дебатах его времени.

Несмотря на утрату этих сочинений, Гален сохранил в своих медицинских и философских сочинениях большое число замечаний о греческом языке и стиле других авторов, таких как Гиппократ или Диоскорид и Архиген, как, например, вышеприведенный отрывок из сочинения о пульсе, который представляет значительный по объему материал для анализа греческого языка того времени.

I. 4. Библиотека Галена и цитирование

В текстах Галена встречается большое число ссылок, цитат и аллюзий на классических и современных ему авторов, что также подтверждает высокий уровень его образования и блестящую эрудицию. Практика цитирования в кругу авторов Второй софистики была вполне устоявшейся и составляла неотъемлемую часть красноречия. К сожалению, судьба его библиотеки, которая представляла собой, по всей видимости, одно из самых уникальных собраний его времени, неизвестна, в отличие от некоторых других библиотек выдающихся софистов, например, библиотеки Фаворина, которую последний завещал Героду Аттику.

²⁴⁰ *Hipp. Epid.* III, 32 (К. XVII A, 678).

²⁴¹ Meyerhof, Schacht 1931.

I. 4. 1. Библиотека Галена и культурная катастрофа 192 г. н. э.

Все, что нам известно о библиотеке Галена и тех текстах, которыми он пользовался, мы знаем из его немногочисленных собственных свидетельств или анализа цитирования, косвенных ссылок и аллюзий в корпусе его сочинений. Определить точный список книжной коллекции Галена представляется невыполнимой задачей по ряду причин, изложенных В. Наттоном²⁴². Во-первых, Гален не приводит прямых автобиографических сведений о своем библиотечном собрании и не сообщает, какие рукописи имел под рукой или каких авторов изучал. Он лишь вскользь упоминает о том, что получил классическое греческое образование и перечисляет своих учителей по философии и медицине. Во-вторых, Гален почти никогда не уточняет, цитирует ли он то или иное произведение по первоисточнику или по какому-то собранию фрагментов. В-третьих, непонятно, имеет ли он текст перед глазами или цитирует его по памяти. Скорее всего, цитирование в древнем мире носило более гибкий и свободный характер, чем в наше время²⁴³. Гален часто упоминает о пользе разного рода синопсисов и компиляций, что указывает на то, что он и сам иногда пользовался подобными рабочими инструментами, которые никак при этом не подрывали авторитет автора и не влияли на эффект, производимый цитированием.

Важным историческим документом об организации культурной и издательской жизни в Риме конца II в. н. э. и роли в ней богатого римского врача-интеллектуала выступает трактат Галена «О том, что не стоит печалиться»²⁴⁴, в котором автор описывает последствия римского пожара 192 г. В результате этой катастрофы он утратил большую часть своих материальных ценностей, медицинский инструментарий, аптеку и, в том числе, библиотеку.

²⁴² Nutton 2009: 19-34.

²⁴³ Whittaker 1989: 63-95.

²⁴⁴ См. Boudon-Millot, Jouanna, Pietrobelli 2010; Polemis, Xenophontos 2023. Рус. пер. Пролыгина 2018: 180-186; 2019: 181-189.

По словам Галена пожар возник в храме Мира (§ 18), опустошив ее библиотеку и музей, затем распространился на магазины и склады, расположенные на Священной дороге (*Via sacra*), которые считались самым безопасным местом в городе, поскольку там не было деревянных построек и они охранялись (§ 8). В этом пожаре погибли все его философские и большинство медицинских сочинений, тексты античных авторов под его редакцией, лекарства, золотые и серебряные монеты, разная посуда и хозяйствственный инвентарь, документы и изготовленные на заказ медицинские инструменты. Некоторые из перечисленных предметов Гален собирался переправить в свою резиденцию в Кампании, но не успел (§ 10). Далее пожар распространился на палатинские библиотеки и так называемый *Domus Tiberiana*²⁴⁵ (§ 18). Гален перечисляет невосполнимые потери, которые причинил пожар этим библиотекам. Среди утраченных книг он называет важные сочинения Аристотеля, Теофраста, Хрисиппа и всех древних врачей (§ 15-17)²⁴⁶.

Что касается личных потерь Галена, то они свидетельствуют о его впечатительном состоянии, которое он поддерживал благодаря ренте с собственности в Малой Азии и своей профессиональной деятельности в Риме. Гален имел частный дом в Риме и виллу в Кампании, не считая собственности в Пергаме, большое число рабов, а также средства и людей для переписывания в двух экземплярах огромного корпуса его сочинений. Один из этих экземпляров предназначался для дома в Кампании, а другой для Пергамской библиотеки (§ 21).

В хранилище *Via sacra* находилась и его библиотека, которая также погибла во время пожара²⁴⁷. По свидетельствам Галена она состояла из трех

²⁴⁵ На Палатине находился императорский дворец, а также греческая и латинская библиотека храма Аполлона с собранием редких книг. *Domus Tiberiana*, «дворец Тиберия», в котором жил сам Марк Аврелий, также располагал богатой коллекцией книг, см. Roselli 1994: 135, Fedeli 2004: 29-64.

²⁴⁶ О трактате «О том, что не стоит печалиться» как источнике исторических сведений о римских библиотеках и их фондах см. Пролыгина 2024: 60-68.

²⁴⁷ О библиотеке Галена и его уратах в пожаре 192 г. см. Nutton 2009: 19-23, Stramaglia 2011, Touwaide 2014.

основных частей. Первую часть составляли копии редких книг, выполненные самим Галеном или по его поручению, как например, копии Феофраста или Аристотеля (§ 13, 17). Вторая часть состояла из текстов, которые Гален лично отредактировал и подготовил к изданию, например, некоторые тексты перипатетиков, Хрисиппа и древних врачей²⁴⁸ (§ 14-15). Третья часть включала в себя сочинения Галена, которые по его распоряжению переписывались в двух экземплярах. В одних случаях потери оказались невосполнимыми (§ 23b), поскольку погибли даже оригиналы, как произошло с его большим трактатом, посвященным лексике древней комедии, или с его синопсисами медицинских и философских книг, составленными для личного использования (§ 30). В других случаях Гален был вынужден заново переписывать свой текст или восстанавливать его по копиям, хранившимся у друзей.

Несколько глав Гален посвящает описанию погибшей коллекции ценных рецептов, записанных в трех пергаментных томах, которые он бережно хранил и использовал для обмена, чтобы приобретать новые рецепты (§ 31-36). Гален называет их «уникальными», «дивными» и «знаменитыми» и подробно описывает способы их приобретения. Знание этих редких рецептов, а также коллекция рецептов собственного изобретения, которые были собраны в его также утраченном сочинении «О составлении лекарств», несомненно, способствовали его высокому авторитету у богатых римских пациентов²⁴⁹.

Таким образом, несмотря на наши отрывочные знания о библиотеке Галена, можно считать, что сам корпус галеновских текстов представлял собой библиотеку различных знаний, собрание редких текстов и знаменитых цитат.

I. 4. 2. Список цитируемых авторов

Список цитируемых Галеном авторов и текстов достаточно широк и в целом соответствует кругу цитирования его современников: Гомер, Аристофан

²⁴⁸ Об издательской деятельности Галена см. Dorandi 2010: 161-74; Roselli 2010: 127-148.

²⁴⁹ См. Пролыгина 2018: 171-179.

и его комедии, трагедии, архаическая и классическая поэзия, историки, Платон, Аристотель и др. К списку традиционных школьных авторов, изучавшихся в Античности, согласно исследованию Т. Джонса²⁵⁰, выполненному на основе анализа цитирования у 18 греческих и латинских авторов, в порядке частотности относятся: Гомер, Платон, Еврипид, Гесиод, Ксенофонт, Софокл, Аристофан, Демосфен, Аристотель, Пиндар, Геродот, Фукидид, Эсхин, Эсхил, Менандр, Феопомп, Архилох, Феофраст, Исократ, Сапфо, Эпихарм, Арат, Лисий, Каллимах, Гиперид, Эзоп, Стесихор, Алкей, Симонид, Хрисипп, Кратин, Феогнид, Ликург, Гиппократ и Вакхилид. К. Эллиот в своей диссертации 2005 г., посвященной месту Галена в культуре Второй софистики, составил на основе анализа текстов TLG список греческих авторов Галена²⁵¹. По частоте прямого цитирования результаты оказались следующими: не считая Гиппократа, который цитируется 2570 раз в 87 сочинениях, Гален приводит ссылки на Гомера (52 цитаты в 22 сочинениях), Платона (503 / 56), Еврипида (24 / 7), Гесиода (15 / 6), Ксенофонта (9 / 6), Софокла (3 / 2), Аристофана (8 / 7), Демосфена (8 / 5), Аристотеля (233 / 36), Пиндара (7 / 6), Геродота (17 / 9), Фукидода (24 / 15), Эсхина (1 / 1), Эсхила (3 / 2), Менандра (5 / 5), Архилоха (4 / 3), Феофраста (66 / 18), Исократа (2 / 1), Сапфо (2 / 2), Арата (5 / 4), Лисия (3 / 3), Каллимаха (4 / 3), Гиперида (1 / 1), Эзопа (5 / 4), Стесихора (3 / 2), Симонида (1 / 1), Хрисиппа (345 / 23), Кратина (1 / 1), Феогнида (1 / 1) и Ликурга (5 / 2).

Приведенная статистика показывает, что чаще всего Гален цитирует античных философов – Платона, Аристотеля, Феофраста, Хрисиппа, что легко объясняется его интересом к физике, логике и этике, которые были частью философского знания. Среди античных поэтов и прозаиков Гален чаще всего цитирует Гомера, Еврипида, Фукидода и Гесиода, за которыми следуют Ксенофонт, Аристофан, Демосфен, Пиндар, Менандр и Каллимах. Порядок частотности цитирования, в целом, близок к порядку, установленному

²⁵⁰ Jones 1973: 39.

²⁵¹ Elliott 2005: 21-24.

Джонсом, за исключением, пожалуй, Каллимаха. Обращает на себя внимание тот факт, что Гален достаточно мало цитирует греческих ораторов, что может косвенно указывать на то, что тематика речей классических греческих ораторов была не так тесно связана с интересующими его вопросами.

Помимо школьных авторов, к которым мы отнесли в данном случае и Гиппократа, Гален приводит огромное число ссылок на медицинских авторов как древних, так и современных, с которыми он часто полемизирует и вступает в фиктивные диалоги. Таким образом, образование Галена в целом было схожим с образованием культурной элиты того времени, и его сочинения были написаны именно для этого интеллектуального круга. Сохранился живописный рассказ об одном случае на книжном рынке в Риме, в котором один из читателей Галена с легкостью по стилю определил подложность одного из сочинений, выставленных на продажу под его именем:

ἐν γάρ τοι τῷ Σανδαλαρίῳ, καθ' ὃ δὴ πλεῖστα τῶν ἐν Ἀράμη βιβλιοπωλείων ἐστίν, ἐθεασάμεθά τινας ἀμφισβητοῦντας, εἴτ' ἐμὸν εἴη τὸ πιπρασκόμενον αὐτὸ βιβλίον εἴτ' ἄλλου τινός· ἐπεγέγραπτο [μὴ] γάρ 'Γαληνὸς ἰατρός'. ὡνομένου δέ τινος ὡς ἐμὸν ὑπὸ τοῦ ξένου τῆς ἐπιγραφῆς κινηθείς τις ἀνὴρ τῶν φιλολόγων ἐβουλήθη γνῶναι τὴν ἐπαγγελίαν αὐτοῦ· καὶ δύο τοὺς πρώτους στίχους ἀναγνοὺς εὐθέως ἀπέρριψε τὸ γράμμα, τοῦτο μόνον ἐπιφθεγξάμενος, ὡς οὐκ ἔστιν ἡ λέξις αὕτη Γαληνοῦ καὶ ψευδῶς ἐπιγέγραπται τουτὶ τὸ βιβλίον. ὁ μὲν οὖν τοῦτ' εἰπὼν ἐπεπαίδευτο τὴν πρώτην παιδείαν, ἦν οἱ παρ' "Ελλησι παιδεῖς ἐξ ἀρχῆς ἐπαιδεύοντο παρά τε γραμματικοῖς καὶ ῥήτορσιν".

«Ибо в Сандалиарии²⁵², где располагается большинство книжных лавок Рима, я увидел, как некие люди спорят об одной книге, находящейся в продаже, принадлежит ли она мне или кому-то другому, поскольку она была озаглавлена *Врач, Галена*. И когда кто-то решил купить эту книгу,

²⁵² Сандалиарий, расположенный на северо-востоке римского форума мира, был известным кварталом, где располагалась книжные лавки и часто собирались городские интеллектуалы. О роли этих лавок в жизни римской интеллектуальной элиты см. White 2009, Tucci 2008.

считая ее моей, один муж из числа филологов, смущенный странностью заголовка, захотел ознакомиться с ее содержанием. Прочитав первые две строчки, он тотчас отбросил это сочинение, произнеся только, что это не стиль Галена и эта книга носит ложный заголовок. Сказавший это, несомненно, получил первоначальное образование, которое дети эллинов получают сначала у грамматиков и риторов»²⁵³.

Следует отметить, что достаточно большое число фрагментов античных авторов сохранилось только в цитатах Галена, например, цитата из первой версии комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий» или его похвала «Гомеровским изысканиям» Плутарха²⁵⁴. Кроме того, Гален приводит достаточно большое число разных античных историй и рассказов неизвестного авторства. Например, только у него сохранился рассказ о Парфении, который вмешался в спор между двумя грамматиками об аутентичности его сочинений, или рассказ в трактате «О нравах», который сохранился только во фрагментах на арабском, схожий с рассказом Бабрия о торговце, которого посетил во сне Гермес, когда тот рассуждал о том, стоит ли ему продавать статую бога для украшения храма или гробницы²⁵⁵.

I. 4. 3. Виды и функции цитирования

Цитаты, за исключением тех, которые приводятся для комментирования (Гиппократ, Платон, Хрисипп и др.), выполняли, главным образом, двойную функцию: с одной стороны, аргументативную, то есть обеспечивали авторитет и убедительность высказыванию, служили *demonstratio eruditioonis* автора, а с другой, – декоративную или эстетическую, то есть придавали речи красоту и

²⁵³ *De libr. propr.* I, 1-4 (Boudon-Millot 2007: 134-135), рус. пер. Пролыгина 2017: 494-495.

²⁵⁴ Nutton 2009.

²⁵⁵ *De propr. plac.* 1.1 (BJP: 172); *Mor.* 2, 2 (Davies 2013: 158). См. Walzer 1962, 167-169.

приятность (γλυκύτης и ἡδονή)²⁵⁶. В текстах Галена они могут сильно различаться по объёму, варьируясь от каких-либо изречений или коротких примеров до довольно пространных пассажей длиной в несколько страниц.

В полемическом контексте Гален использует свои знания поэзии и драматургии для того, чтобы опровергнуть теории своих конкурентов, обличить или высмеять их и обосновать собственные взгляды. Так, например, в трактатах «Против Лика», «Против Юлиана» или «Протрептике» цитаты используются как инструмент, позволяющий высмеять невежество и очернить оппонентов. В этом случае Гален, естественно, выбирает среди классических текстов те отрывки, которые касаются глупости и невежества, и цитаты, как было отмечено выше, выполняют одновременно аргументативную и декоративную функцию, подчёркивающие книжную культуру и образованность автора. Например, он выбирает хорошо знакомый отрывок из платоновского «Филеба» об истинном и ложном удовольствии («Против Лика»), пример гомеровского Терсита, символизирующего глупость, наглость и болтливость («Против Юлиана»), и отрывок о бесполезности атлетов из несохранившейся трагедии Еврипида «Автолик»²⁵⁷.

В сочинениях строго медицинской направленности цитаты выполняют другую функцию – подтверждение верности высказанных предположений, но могут служить также и украшением текста. В I книге сочинения по фармакологии «О темпераментах и свойствах простых лекарств» Гален излагает свой метод и разъясняет, как правильно его использовать. Подвергнув критике греческий язык врача Диоскорида, он в качестве образца хорошего греческого языка приводит длинный отрывок из платоновского «Тимея»²⁵⁸, который выполняет не только аргументативную, но и эстетическую функцию. Причем, удовольствие от хорошего текста здесь явно превалирует над

²⁵⁶ О роли цитирования в культуре «Второй софистики» см. Pernot 1993 (vol. 1): 726-738. Анализ основных функций и приемов цитирования у Галена представлен в нашей недавней статье, см. Пролыгина 2025: 485-488.

²⁵⁷ *Adv. Lyc.* (К. XVIII A, 209-210); *Adv. Jul.* (К. XVIII A, 253), *Protr.* X, 3 (Boudon-Millot 2002: 103).

²⁵⁸ *De simpl. med. fac. ac temp.* I, 37 (К. XI, 445).

соображениями пользы. С другой стороны, эта цитата сразу ставит Платона на сторону Галена, показывая необразованность и несовершенство других врачей и подчеркивая *ethos* самого Галена как утонченного интеллектуала.

Иногда цитата служит поводом для сложных научных размышлений и служит научным обоснованием его доводов. Так, в начале III книги «О назначении частей человеческого тела» Гален рассуждает о человеческой природе и невозможности Природы сотворить кентавров, которые существуют только в мифологии. Это рассуждение восходит к II пифийской оде Пиндара о рождении кентавров²⁵⁹, но имеет отражение и в научной греческой традиции, в частности, в дискуссиях о возможности или невозможности существования гибридов у Аристотеля. Можно привести еще один пример: в своем небольшом трактате «О семимесячных детях» Гален цитирует отрывок из Эвфориона²⁶⁰, в котором мать (возможно, Клитемнестра) говорит о том, что она носила ребенка в своем чреве около 300 солнц, прежде чем он вырвался из своей тюрьмы. Для Галена эти слова были подтверждением того, что в классической Греции поэты могли использовать слово ἥλιος, «солнце» как синоним дня, поэтому и Гиппократ мог иметь в виду то же самое при обсуждении рождения семимесячных детей²⁶¹.

Иногда Гален приводит не прямую цитату, а аллюзии. Эти аллюзии Галена перекликаются с хорошо известными его слушателям классическими текстами и их персонажами. Чаще всего речь идет о мифологических или исторических сюжетах и персонажах или античной доксографии в области моральных наставлений²⁶². Так, упоминаются всем известные гомеровские персонажи, герои античных трагедий и связанные с ними истории (Эдип, Орест, Елена и Менелай, Медея, Одиссей, Ахилл, Аякс, Гектор, Терсит и

²⁵⁹ *Pyth.* II, 44-48.

²⁶⁰ *Sept. part.* (Walzer 1962: 348); Euphorion, fr. 100 (Lightfoot).

²⁶¹ Nutton 2021: 121.

²⁶² См. Amato, Schamp 2005.

др.²⁶³), а также сюжеты и персонажи из греческой истории (Фемистокл и др²⁶⁴.) и речей аттических ораторов. Эти литературные аллюзии, вписанные в медицинский контекст, выполняли декоративную функцию, рассчитанную на образованную публику его времени, знакомую со школьными риторическими упражнениями – прогимнасмами и репертуаром их примеров. Таким образом, Гален избегает полного погружения в плоскую и скучную техническую тематику и всегда остается в живом диалоге со своей аудиторией.

Дополнительные смыслы привносили и скрытые цитаты или реминисценции, которые отсылали читателей или слушателей к хорошо известным контекстам. Эти неточные цитаты, выявление которых может составить отдельное филологическое исследование, вполне доступное благодаря современным программам типа TLG, делают систематические обзоры точных литературных цитат Галена, в некотором смысле, бесполезными, поскольку последние представляют лишь поверхностный слой огромного множества интертекстуальных ссылок Галена. Приведем отрывок из рассказа об афинской чуме, который перекликается с рассказом о чуме Фукидида, хотя он не упоминается явным образом в рассказе Галена²⁶⁵:

κατέσκηπτε γάρ ἐς αἰδοῖα καὶ ἐς ἄκρας χεῖρας καὶ πόδας, καὶ πολλοὶ στερισκόμενοι τούτων διέφευγον, εἰσὶ δὲ οἵ καὶ τῶν ὀφθαλμῶν.

«Ибо недуг поразил постыдные части и конечности рук и ног, и многие, лишившись их, спаслись, а есть и те, кто лишился глаз²⁶⁶».

πῶς δὲ ἐν καὶ δύναιτο μεταφέρειν οὗτος τὸ ζῷον, ὃς γε μηδὲ αὐτὸς κινεῖται; πεῖραν δὲ ἵκανὴν τοῦ λεγομένου δύο περιστάσεις πραγμάτων ἔναγχος γεγενημένων παρέσχηνται, ὃ τε

²⁶³ См., напр., *Protr.* V, 5; *De meth. med.* I, 2; *De plac. Hipp. et Pl.* III, 3; IV, 2 и IV, 6; *Adv. Iul.* 2; *De simpl. med. fac. ac temp.* XI, 26.

²⁶⁴ См., напр., *Protr.* VII, 5 и XIII, 7.

²⁶⁵ Этот пример приводят в своих исследованиях Gourevitch 2013: 57 и Petit 2018: 69.

²⁶⁶ Фукидид, «История Пелопон. войны». II, 49, 8.

λοιμὸς ὁ πολλοῖς κατασκήψας εἰς ἄκρους τοὺς πόδας καὶ ἡ τοῦ περὶ τὸ Κορακήσιον τῆς
Παμφυλίας ὡμότης ληστοῦ.

Но как могла бы служить передвижению животного стопа, которая сама не двигается? И в качестве достаточного доказательства этих слов можно привести два недавних события: **чуму, поражавшую у многих конечности ног**, и жестокость разбойника, свирепствовавшего возле Коракесия в Памфилии²⁶⁷».

Отдельные рассказы Фукидида, несомненно, заучивались наизусть еще в школе и часто использовались в качестве *exemplum* в разных риторических упражнениях. Знаменитый рассказ об афинской чуме был хорошо известен как Галену, так и его слушателям, которые без труда угадывали знакомый сюжет и терминологию²⁶⁸. Издатели трактата Галена «О том, что не стоит печалиться» отмечают и другие параллельные места с Фукидидом, обнаруженные в этом сочинении. В частности, отрывок из речи платеян к лакедемонянам (III, 59, 1; III, 67, 2 и IV, 37, 1) перекликается с рассказом Галена о бедствиях, которые претерпели люди во время правления императора Коммода (*De ind. 55*)²⁶⁹.

Еще одним классическим автором, который был легко узнаваем образованной аудиторией Галена, был Платон. Американский исследователь Ф. де Ласи в издании трактатов «О семени» (*De semine*), и «Об учениях Платона и Гиппократа» (*De placitis Hippocratis et Platonis*) идентифицировал в критическом аппарате изданий целый ряд скрытых ссылок. В частности, он обращает внимание на встречающееся у Галена платоновское выражение ἀτὰρ οὖν καί, которое используется в противительно-уступительном значении «и тем не менее» и практически не встречается у других авторов²⁷⁰.

²⁶⁷ Galien. *De usu part.* III, 5 (Helmreich, vol. I, p. 137 = K. III, 188).

²⁶⁸ См. Amato, Schamp 2005.

²⁶⁹ Garofalo, Urso, Fischer et al. 2010: 267-278.

²⁷⁰ См. De Lacy. Galen. *On semen*, CMG V 3, 1, 1992: 57; Petit 2021: 100-104.

Таким образом, хотя Гален прямо и не говорит о своей риторической подготовке, его знаменитые цитаты, широко известные литературные примеры, словарь тесно связывают его с современниками и предшествующей литературной традицией, что свидетельствует о высоком образовании, превосходной риторической подготовке и общей литературной культуре римского врача и его взыскательной аудитории. И даже когда он не прибегает к цитированию древних авторов или аллюзиям, он демонстрирует безупречный греческий язык и строгую приверженность греческой культурной традиции.

I. 4. 4. Техника цитирования

Для введения той или иной цитаты Гален использует ряд технических риторических приемов, которые были вполне стандартными для авторов того времени и восходят еще к практике классических авторов. Самым распространенным способом введения цитат были обращения к фиктивному читателю или слушателю с призывом: «Давайте послушаем Гиппократа», за которым следовала цитата, призванная подтвердить мысль Галена. Чаще всего он использует глаголы ἀκούειν, λέγειν и обращения в 1 лице множественного числа (*Conj. adhortativus*), во 2 лице единственного числа повелительного наклонения (послушай) или во 2 лице изъявительного наклонения прошедшего времени в вопросительном предложении (ты слышал …?).

Иногда Гален, дабы подчеркнуть важность цитаты, вводит ее в 2 этапа. Сначала он предлагает послушать автора (напр., ἀκούσωμεν εἰ βούλεσθε καὶ Πλάτωνος – «давайте послушаем, если угодно, и Платона»²⁷¹), а далее переходит к повелительному наклонению во 2 лице (ἀκουε τοίνυν τοῦ Πλάτωνος λέγοντος – «итак, послушай, что говорит Платон»²⁷²). В данном случае первое обращение служит введением и только после второго обращения к слушателю следует

²⁷¹ *De simpl. med. fac. ac temp.* I, 37 (К. XI, 445).

²⁷² *Ibid.* К. XI, 446.

цитата Платона. Такие обращения к читателю или слушателю, привносящие в текст живое авторское присутствие и разговорные черты с собеседником, встречаются у Галена достаточно часто и служат отличительным признаком его дискурса и авторского метода. Двойная подготовка к введению цитаты создавала эффект ожидания и акцентировала внимание на высказывании.

В других случаях Гален обращается не к аудитории, а к своему авторитетному предшественнику, с которым также вступает в вымышленный диалог. Как правило, этот прием просопопеи использовался для того, чтобы упрекнуть в чем-либо или поправить своего предполагаемого собеседника, причем иногда он без всяких колебаний вступает в спор с самим Аристотелем, Эмпедоклом или Герофилом, указывая на ошибочность их умозаключений²⁷³. Такие диалоги с древними были распространены в литературе того времени. К. Брешэ, который исследовал формы и жанры диалога с классическими авторами, приводит примеры такого рода у Плутарха и христианских авторов²⁷⁴. Однако эта риторическая техника, видимо, восходит еще к классическим временам, в частности, к Платону, который в «Государстве» (599 с-е) обращается к Гомеру как к своему собеседнику: *Ὥ Φίλε Ὀμῆρε, «Ο, любезный Гомер»* и задает ему ряд вопросов.

В большинстве же случаев цитаты используются в многочисленных комментариях Галена на сочинения Гиппократа, и за их введением следует развернутый комментарий. Часто Гален приводит ряд параллельных цитат, которые призваны прояснить значение непонятного слова или фразы. Такие цитаты выполняют, прежде всего, педагогическую и просветительскую функции, а сам Гален предстает в образе наставника и интерпретатора классических текстов, который преобразует двусмысленные и темные пассажи в простой и доступный текст. Для него это также возможность не только продемонстрировать свой интеллект и эрудицию, но и исключительные лингвистические способности. Приведем отрывок из «Комментария на книгу

²⁷³ О полемике Галена с Аристотелем см. van der Eijk 2009: 261-280; Хорькова 2017.

²⁷⁴ Bréchet 2015: 155-164.

Гиппократа «Об аптеке врача», в котором он приводит целый ряд цитат, чтобы разъяснить читателю значение термина *γνώμη* в тексте Гиппократа:

πολλῶν οὖν ὄντων εἰς τοῦτο μαρτυριῶν ὀλίγα παραθήσομαι. Κριτίας μὲν ἐν τῷ πρώτῳ ἀφορισμῷ τάδε γράφει· μήτε ἀ τῷ ἄλλῳ σώματι αἰσθάνεται μηδὲ ἀ τῇ γνώμῃ γιγνώσκει. καὶ πάλιν γιγνώσκουσιν οἱ ἄνθρωποι, εἴ τις μὲν ὑγιαίνει τῇ γνώμῃ καὶ ἐν ὄμιλιῷ προτέρῳ· εἰ δὲ αὐτὸς ἀσκήσειας, ὅπως γνώμῃ ἥ ἵκανός, ἥκιστα ἀν οὕτως ὑπ’ αὐτοῦ ἀν ἀδικηθείης καὶ πολλάκις ἐν τῷ αὐτῷ καὶ ἐν τῷ δευτέρῳ τῶν ὄμιλιῶν ἀντιδιαιρῶν ταῖς αἰσθήσεσι τὴν γνώμην, πολλάκις εἴρηκεν, ὥσπερ καὶ ὁ Ἀντιφῶν ἐν τῷ πρώτῳ περὶ τῆς ἀληθείας ἐν τῷ λόγῳ ταῦτα δὲ γνούς, εἰς ἔν τε οὐδὲν αὐτῷ οὐτέων ὄψει ὁρᾷ μακρότητα, οὐτέην γνώμη γιγνώσκει, ὁ μακρότητα γιγνώσκων. καὶ πᾶσι γάρ ἀνθρώποις ἡ γνώμη τοῦ σώματος ἡγεῖται καὶ εἰς ὑγείαν καὶ νόσον καὶ τὰ ἄλλα πάντα. καὶ ως ὁ Πλάτων πρὸς πρῶτον ἐν ἀλλοις τε καὶ κατὰ τὸ εἰρητείας. οὐκοῦν τούτου μὲν τὴν διάνοιαν, ως γιγνώσκοντος, γνώμην ἀν ὁρθῶς φαμὲν εἶναι, τοῦ δὲ δόξαντος, δόξαν. καὶ Λυσίας κατὰ Πολιούχου· ἐκεῖνος γάρ ὅσα τῇ ἑαυτοῦ γνώμῃ χρώμενος ὑπὲρ τοῦ ἡμετέρου πλήθους ἔπραξε, πανταχοῦ φανήσεται πολλῶν μὲν καὶ ἀγαθῶν αἰτίος τῇ πόλει γινόμενος, πλεῖστα δὲ καὶ ἄχρηστα τοὺς πολεμίους ἐργασάμενος. καὶ Αἰσχίνης δὲ κατὰ τούσδε ὁ Σωκρατικὸς ἐν τῷ Μιλτιάδῃ κατὰ τὸ αὐτὸ σημαινόμενον κέχρηται τῷ ὄνόματι καὶ Υπερίδης ἐν τῷ κατὰ τοῦ Διοκλέους καὶ ἄλλοι ρήτορές τε καὶ ιατροὶ καὶ ποιηταί. περιττὸν δὲ πάντων μνημονεύειν.

«И вот, несмотря на множество соответствующих свидетельств, я приведу лишь несколько. Критий в своем первом афоризме пишет следующее: «ни то, что он воспринимает иным телом, ни то, что познает мыслью»²⁷⁵. И еще: «знанием обладают люди, привыкшие к здравому мышлению», и в первой книге «Бесед»: «если ты сам будешь упражняться в том, чтобы мыслить, ты не сможешь быть обманут ощущением»²⁷⁶, и

²⁷⁵ Critias. Fr. B39.

²⁷⁶ Critias. Fr. B40.

часто в той же книге и во второй книге «Бесед», различая ощущения и мысль, он часто говорил об этом, как и Антифонт в первой книге «Об истине»: «узнав эти вещи, ты узнаешь, что в логосе нет никакого единства, ни среди вещей, которые предстают самому острому взору, ни среди тех, которые известны самой проницательной мысли». И еще: «ибо у всех людей мысль руководит телом, и в отношении здоровья и болезни, и в отношении всего остального»²⁷⁷. И Платон, в частности, в пятой книге «Государства»: «поэтому его состояние мышления мы правильно назвали бы познанием, потому что он познаёт, а у того, первого, мы назвали бы это мнением, потому что он только мнит»²⁷⁸. И Лисий в речи «Против Полиуха»: «Все, что сделал этот человек с помощью своей мысли ради нашего народа, будет видно повсюду, ибо он сделал много добра городу и огромное множество зла врагам»²⁷⁹. И сократик Эсхин, точно таким же образом, в «Мильтиаде» употребляет это слово в том же значении²⁸⁰, и Гиперид в речи «Против Диокла», и многие другие ораторы, врачи и поэты. Но излишне упоминать их всех»²⁸¹.

В этом отрывке каждая цитата в отдельности звучит достаточно убедительно, а девять цитат подряд делают доводы Галена совершенно неотразимыми и свидетельствуют об исключительной эрудиции автора. В конце отрывка Гален, замечая, что можно найти множество подобных примеров у ораторов, врачей и поэтов, но цитировать их всех излишне, ставит их, таким образом, на один уровень с литературной точки зрения, что говорит о его соответствующем восприятии и собственных сочинений.

²⁷⁷ Antiphon. *Fr.* B1 и B2.

²⁷⁸ Plato. *Resp.* 476 d.

²⁷⁹ Lysias. *Or.* XVIII, 2.

²⁸⁰ Скорее всего, речь идет о философе Эсхине, авторе диалогов в духе Платона, а не об аттическом ораторе.

²⁸¹ In Hipp. *De off.* (К. XVIII, 656-657).

Приведем еще один отрывок из «Комментария на «Прогностику» Гиппократа». Гален подробно описывает свой метод комментирования не до конца ясного слова *εὐήθης*, встречающегося у Гиппократа, с помощью объяснения его использования у классических авторов:

Εὐήθεις ἄνθρωποι λέγονται μὲν καὶ οἱ κακοήθεις ἐν ὑποκορίσει τινί, καθάπερ καὶ ὁ πίθηκος καλλίας, λέγονται δὲ καὶ οἱ ἐπαινετὸν ἔχοντες τὸ ἥθος. ἀλλὰ τοῦ μὲν προτέρου παμπόλλη χρῆσίς ἐστι παρὰ τοῖς "Ελλησι, τοῦ δὲ δευτέρου σπανιωτέρα. λέγουσι δ' οὖν ποτε καὶ οὗτως οὐ τὸν εὐήθη μόνον, ἀλλὰ καὶ τὴν εὐήθειαν ἐπὶ τῆς εὗ τὸ ἥθος ἔχούσης διαθέσεως. Δείναρχος μὲν οὖν ἐν τῷ πρὸς Δάωνα οὗτως εἶπε. "διοικῶν δὲ τὴν οὐσίαν ἔαυτοῦ Κεφαλίων μειρακιωδέστερον φύσει χρηστὸς ἦν καὶ εὐήθης". ὁ δὲ Δημοσθένης ἐν τῷ Κατ' Αἰσχίνου τοῖς δικασταῖς διαλεγόμενος ἔφη. "νῦν δὲ διὰ τὴν ὑμετέραν εὐήθειαν καὶ πραότητα εὐθύνας δίδωσι καὶ ταῦτα, ὅπηνίκα βούλεται." Πλάτων δ' ἐν τῷ τρίτῳ τῆς Πολιτείας φησίν. "εὐλογία ἄρα καὶ εὐαρμοστία καὶ εὐσχημοσύνη καὶ εύρυθμία καὶ εὐήθεια ἀκολουθεῖ, οὐχὶ ἄνοιαν οὖσαν, ἦν ὑποκοριζόμενοι καλοῦμεν εὐήθειαν, ἀλλὰ τὴν ὡς ἀληθῶς εὖ τε καὶ καλῶς τὸ ἥθος κατεσκευασμένην διάνοιαν." οὗτως οὖν καὶ τὸν εὐήθη κατὰ τὸν Εὐθύδημον εἶπεν ἐπὶ τοῦ τὸ ἥθος ἔχοντος ἀπλοῦν καὶ κεκοσμημένον "καὶ ὅς ἐθαύμασεν. οὗτως ἔτι νέος τε καὶ εὐήθης ἐστίν". ἀρκεῖ ταῦτα παραδείγματος ἔνεκα πρὸς τὸ γνῶναι σε τὴν τῶν Ἑλλήνων συνήθειαν ἐπί τε τῷ τῆς εὐηθείας ὀνόματι καὶ τοῦ εὐήθους κατὰ διττὸν σημαινόμενον γεγενημένην.

«Простодушными людьми могут называться и люди, обладающие тяжелым нравом, в смягченном смысле, как например, обезьяна – красавицей, и те, кто достоин похвалы за свой нрав. Но употребление этого слова в первом значении – весьма распространено у эллинов, а во втором – реже. И в этом смысле говорят не только о «простодушном» человеке, но и о «простодушии» относительно расположения, которому присущ простой нрав. И вот Динарх в речи «Против Даона» сказал так: «Управляя своим именем, Кефалион был по-ребячески добр и

простодушен»²⁸². И Демосфен, обращаясь к судьям в речи «Против Эсхина», сказал: «Ныне же благодаря вашему добродушию и снисходительности он предоставляет отчет, когда пожелает»²⁸³. «Значит, ладная речь, благозвучие, благообразие и ладный ритм – это следствие простодушия: не того недомыслия, которое мы смягченно называем простодушием, но подлинно безупречного нравственно-духовного склада»²⁸⁴. Также и в «Евтидеме» он назвал простодушным того, кто имеет легкий и сдержанный нрав: «И он удивился: он еще столь молод и простодушен»²⁸⁵. Этих примеров достаточно, дабы ты понял, что эллины употребляют слова «простодушие» и «простодушный» в двойном смысле»²⁸⁶.

Гален решает проблему двусмысленности термина, а следовательно, смыслового отрывка в тексте Гиппократа с помощью примеров из речей классических аттических ораторов и диалогов Платона. Как было показано выше, аттические ораторы, наряду с Платоном и Гомером, составляют значительную часть цитат Галена, которые в данном случае служат чтению и разъяснению текста Гиппократа. Последовательное цитирование примеров выполняет здесь не только аргументативную функцию, но также явно служит риторическим украшением.

Независимо от того, цитировал ли Гален по памяти или по какому-то сборнику цитат, были ли эти примеры частью заученных в молодости отрывков или подобранных к случаю цитат, ему удалось достичь желаемого эффекта – убедительно донести свою мысль, создав впечатление обладания огромной библиотекой и доказав свою исключительную эрудицию.

²⁸² Dinarchus. *Fr. lxxviii* (2), *Conomis* (Teubner, p. 134).

²⁸³ Demosthenes. *De fals. legat.*, 104.

²⁸⁴ Plato. *Resp.*, 400 e.

²⁸⁵ Plato. *Euthyd.*, 279 d.

²⁸⁶ *Comm. in Hipp. Progn.* (К. XVIII B, 236-238 = CMG V 9, 2 Heeg 1915: 331-332).

Выводы

Сочинения Галена, несмотря на их медицинскую тематику *par excellence*, свидетельствуют о том, что их автор был тесно связан с греческой культурой, риторической традицией и философской мыслью эпохи Римской империи, а потому занимал важное место в культурном и интеллектуальном движении Второй софистики.

Будучи провинциалом по происхождению, Гален получил прекрасное греческое образование (παιδεία), включавшее изучение грамматики, риторики, философии и точных наук, которые позволили ему овладеть инструментами, необходимыми для его научных поисков, а позднее – добиться авторитета в кругу римских интеллектуалов и достичь статуса придворного врача в эпоху Антонинов. Благодаря изучению различных философских школ (стоицизма, платонизма и аристотелизма) Гален разработал собственную методологию диагностики и лечения больных, основанную на логике и доказательствах, в которых он отдавал предпочтение геометрическому методу и силлогизмам Аристотеля. С другой стороны, воспитание в духе греческих традиций, полученное от отца, заложило основы его высоких моральных качеств.

Многочисленные цитаты, ссылки и аллюзии на классических греческих авторов показывают не только глубокую связь Галена с предшествующей литературной традицией, но и превосходное знание современной ему книжной культуры. Жанровое разнообразие прозы Галена, основанное на его эрудиции и безупречной риторической подготовке, и диапазон ссылок на классических авторов у него столь же широки, как и у других прозаиков и ораторов его времени, поэтому Галена нельзя считать только «техническим» медицинским автором.

Высокой историко-филологической ценностью обладают его свидетельства о книжной культуре в Риме II-III вв. и коллекциях римских библиотек, включая его собственную, которая включала редкие рукописи

античных авторов. Утрата этих книжных собраний в пожаре 192 г. стала невосполнимой потерей для античной науки.

Для всех сочинений Галена характерен «эллиноцентризм». Он постоянно акцентирует внимание читателя на своем прекрасном владении греческим языком и литературой, критикуя как варваризмы, так и чрезмерный атицизм. Его утраченные сочинения по грамматике и лексикологии, изобилие цитат и аллюзий, постоянные лингвистические и стилистические замечания свидетельствуют о его глубоком интересе к вопросам филологии.

Однако его классицизм смягчается тем, что он реализуется в медицинских текстах, где главной целью выступает польза, поскольку большинство его сочинений предназначены или для врачей, или для друзей, интересующихся медицинскими вопросами (*φιλίατροι*). В отличие от большинства медицинских технических текстов, для которых была характерна краткость, сжатость, однообразный синтаксис, многочисленные повторы, тексты Галена содержат множество литературных отступлений. При этом они никогда не лишены связи с медицинским предметом обсуждения. Достаточно витиеватая, порой синтаксически трудная, насыщенная разнообразной лексикой и бесконечными аллюзиями проза Галена была адресована либо врачам, получившим классическое образование, либо эрудированным интеллектуалам, увлеченным медицинскими вопросами. Результатом его исключительной литературной плодовитости, долгой творческой и интеллектуальной жизни стал корпус текстов, уникальный по своим размерам, значению и влиянию на последующую медицину.

Многочисленные свидетельства Галена об интеллектуальной жизни римской элиты проясняют роль медицинской риторики и, в частности, медицинских дебатов (на анатомические, хирургические или доксографические темы) как одного из видов софистических диспутов в культуре Второй софистики. Ярко выраженная полемическая направленность многих сочинений Галена, использование спортивной терминологии, метафор

и сравнений публичных декламаций с состязаниями атлетов указывает на агонистический характер медицинской профессии во II-III вв.

Гален признавал важность изучения риторического искусства для получения классического греческого образования, прекрасно владел риторическим инструментарием как в теории, так и на практике, но его взгляды, цели и методы существенно отличались от взглядов софистов, которые занимались преимущественно эпидейктическим красноречием. Исследовательский характер его сочинений, разработанная система аргументации, унаследованная от аристотелевской теории метода, использование силлогизмов, стремление к ясности и убедительности, а также приверженность учению Платона и Гиппократа указывают на то, что его целью было, прежде всего, научное знание (*ἐπιστήμη*), а не публичное красноречие (*ἐπίδειξις*).

Таким образом, Гален интересен для истории античной литературы не только как выдающийся врач, но и как яркий представитель интеллектуальной культуры Второй софистики, сочетавший научную строгость с литературным мастерством и философской глубиной. Его наследие отражает синтез медицины, риторики и философии, характерный для эллинистическо-римской образованности II–III вв. н. э.

Глава II. РИТОРИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В КОРПУСЕ ГАЛЕНА

В этой главе мы рассмотрим риторическую терминологию, которую использует Гален в своих сочинениях. Диапазон употребления риторических терминов, частота их использования и анализ контекстов позволит оценить степень владения Галеном риторическими терминами и прояснить его отношение к риторике как таковой. Для анализа данных мы воспользовались поисковой базой TLG (Thesaurus Linguae Graecae), которая позволила получить результаты частоты употребления терминов и провести анализ соответствующих контекстов.

II. 1. Ρήτωρ и термины его лексической семьи

Лексическая семья термина *ρήτωρ* представлена главным образом терминами: *ρήτορικός*, *ρήτορικώς*, *ρήτορεία* и *ρήτορεύω*. Рассмотрим каждый из этих терминов.

1. *ρήτωρ*²⁸⁷

Этот термин встречается у Галена 48 раз в разных контекстах²⁸⁸. В целом, профессия оратора, по мнению Галена, относится к более низким по сравнению с медициной и философией видам искусства (*ρήτορσιν ἐλάττονα τέχνην μετερχομένοις*)²⁸⁹. Ораторы упоминаются наряду с грамматиками и софистами²⁹⁰ и противопоставляются философам и врачам²⁹¹.

Гален признает, что ораторы играли важную роль в получении классического греческого образования (*παιδεία*). В своем «Комментарии на сочинение Гиппократа «О переломах» он дает оценку корректуре, которую

²⁸⁷ Chantraine 1968: 326, от εἴρω, «говорю». См. также Гамкрелидзе, Иванов 1984. Т. 1: 231; Риторика: теория, история практика 2018: 7-9.

²⁸⁸ Об анализе некоторых отрывков, относящихся к риторике, см. López Férez 1994, 1999.

²⁸⁹ *De const. art. med.* 6 (К. I, 245).

²⁹⁰ *De animi aff. dign.* (К. V, 103); *De diff. puls.* (К. VIII, 588; 764); *De meth. med.* (К. X, 11); *In Hipp. Prorrh.* (К. XVI, 509); *De plac. Hipp. et Pl.* (К. V, 290).

²⁹¹ *De plac. Hipp. et Pl.* (К. V, 295; 326); *In Hipp. Progn.* (К. XVIII B, 306).

внес один из врачей в текст Гиппократа, замечая, что этот человек «показал тем самым свое образование, которое он получил у грамматиков и ораторов (τὴν ἑαυτοῦ παιδείαν, ἣν ἐπαιδεύετο παρὰ γραμματικοῖς τε καὶ ρήτορσιν)²⁹²». О важности получения классического образования, которое включало в себя изучение грамматики и риторики, Гален упоминает и в сочинении «О собственных книгах». В предисловии он приводит рассказ о споре между покупателями об авторстве одной из его книг, где главным аргументом выступает авторский стиль:

«Ибо в Сандалиарии, где располагается большинство книжных лавок Рима, я увидел, как некие люди спорят об одной книге, находящейся в продаже, принадлежит ли она мне или кому-то другому, поскольку она была озаглавлена *Врач, Галена*. И когда кто-то решил купить эту книгу, считая ее моей, один муж из числа филологов, смущенный странностью заголовка, захотел ознакомиться с ее содержанием. Прочитав первые две строчки, он тотчас отбросил это сочинение, произнеся только, что это не стиль (ἢ λέξις) Галена и книга носит ложный заголовок. Сказавший это, несомненно, получил первоначальное образование (ἐπεπαιδευτο τὴν πρώτην παιδείαν), которое дети эллинов получают сначала у грамматиков и риторов (παρά τε γραμματικοῖς καὶ ρήτορσιν)²⁹³».

Из каталога собственных книг, который приводит Гален в этом же сочинении, известно, что он посвятил ораторам отдельное, ныне утраченное сочинение под названием «Против площадных ораторов» (Πρὸς τοὺς ἀγοραίους ρήτορας)²⁹⁴, в котором, по-видимому, выступал против тех, кто участвовал в публичных риторических дебатах ради развлечения аудитории и легкого заработка.

²⁹² *In Hipp. De fract.* (К. XVIII B, 343).

²⁹³ *De libr. pr.* 1 (К. XIX, 9, 6 = Boudon-Millot 2007: 134).

²⁹⁴ *Ibid.* 13 (К. XIX, 46 = Boudon Millot 2007: 170).

Достаточно часто Гален негативно отзыается об ораторах и их роде занятий. Например, он так пишет о враче Архигене: «Он делает нечто подобное ораторам: часто обвиняет в том, чего не понимает (*κατηγορεῖ πολλάκις ὅν οὐκ ἔγνωκεν*)»²⁹⁵. В другом месте, критикуя Хрисиппа за то, что он безосновательно поддерживает гипотезу о том, что рациональная часть души находится там же, где аффективная, Гален замечает, что «это настолько не подобает философи, что даже ораторы и софисты этого не делают. Ибо даже они стараются использовать некоторые правдоподобные доказательства (*πίστεσί τισι πιθαναῖς χρῆσθαι*)»²⁹⁶. Еще в одном месте он упоминает о том, что ораторы пользовались некоторыми простыми логическими приемами доказательства, в частности, эпихеремами²⁹⁷.

Об ораторах, которые занимались судебным красноречием, Гален упоминает в одних случаях в отрицательном, а в других – в положительном смысле. С одной стороны, он осуждает тех ораторов, которые защищают в суде явных преступников, пользуясь словесными хитросплетениями для убеждения судей:

«И некоторые полагают, что они вместе с теми, кто явно заблуждается, защищают некий признак мудрости подобно ораторам в судах (*παραπλησίως τοῖς κατὰ τὰ δικαστήρια ρήτορσιν*), которые избавили от подобающего наказания тех, кто явно совершил или убийство, или какое-то подобное преступление, вводя в заблуждение и сбивая с толку судей, поскольку те неопытны в речах и не знают содержащихся в них уловок»²⁹⁸.

С другой стороны, Гален признает, что ораторы выполняют важную роль в судебной практике: «Ибо лучше давать столь же ясные истолкования (*σαφῶς*

²⁹⁵ *De diff. puls.* III, 2 (К. VIII, 648).

²⁹⁶ *De plac. Hipp. et Pl.* III, 2, 8 (К. V, 295).

²⁹⁷ *De animi aff. dign.* 7 (К. V, 103). Ср. V, 221, 290, 310, 326.

²⁹⁸ *In Hipp. Prorrh. II*, 92 (К. XVI, 689).

έρμηνεύειν), какие давали ораторы речам Лисия и Демосфена, и не бесполезны те, кто и ныне выступает в судах»²⁹⁹.

2. ῥητορικός, ἡ, ὁν

Прилагательное ῥητορικός, ἡ, ὁν встречается в сочинениях Галена 42 раза и еще 6 раз – наречие ῥητορικῶς. Приведем самые репрезентативные примеры.

Часто это прилагательное используется для обозначения «риторического искусства» (ῥητορικὴ τέχνη) как одного из видов искусств или ремесел. В сочинении «Увещание к занятию медициной» Гален советует юношам заниматься разными видами искусств, к которым относит медицину, риторику, музыку, геометрию, арифметику, логику, астрономию, грамматику и право, а также скульптуру и живопись³⁰⁰. Говоря о своих современниках, он замечает, что они считают «медицину, геометрию, риторику, арифметику, музыку и все подобного рода дисциплины искусствами, но не считают нужным доходить в них до конца»³⁰¹.

В трактате «О мнениях Гиппократа и Платона» Гален трижды ссылается на мнение Платона о критериях риторики: «Переходя к риторическому искусству <...>, он [т. е. Платон – прим. пер.] пишет: «Поскольку сила речи заключается в воздействии на душу (ψυχαγωγία), тому, кто собирается стать оратором, необходимо знать, сколько видов имеет душа»³⁰². В другом месте он пишет: «Он сказал эти вещи о риторике, показывая, как кто-либо может организовать ее наилучшим образом, используя метод, а не через опыт и практику, как это делают другие»³⁰³. И еще в одном месте: «В этой книге³⁰⁴ он

²⁹⁹ *De diff. puls.* IV, 2 (К. VIII, 718).

³⁰⁰ *Protr.* 14, 6 (К. I, 39 = Boudon-Millot 2007: 117).

³⁰¹ *De meth. med.* 10 (К. X, 2).

³⁰² *De plac. Hipp. et Pl.* IX, 5 (К. V, 755). Гален цитирует здесь *Phaedr.* 271 с. 9. Основная цель ораторской речи, по мнению Платона, заключалась в ведении за собой слушателя и его услаждении.

³⁰³ *Ibid.* (К. V, 756).

³⁰⁴ То есть, в *Федре*.

кратко разъяснил основную структуру всех видов искусств и риторики и подробнейшим образом изложил свою аргументацию в *Филебе»*³⁰⁵.

Вступая в полемику с оппонентами о составе и видах медицинского искусства, Гален пишет:

«Если кто думает, что эти искусства³⁰⁶ отличаются друг от друга, как арифметика от риторики, или риторика от зодчества или плотничного дела, то я бы не согласился. Ибо у последних нет общей цели и, напротив, у первых, названных чуть выше, есть одна у всех общая цель – здоровье. Итак, как у риторики, которая есть одно искусство, я допущу существование искусства введения (*προοιμίου*), изложения (*διηγήσεως*), аргументации (*πίστεων*) и так называемых заключений (*ἐπιλόγων*), притом что рассматривается только одна вещь (все они составляет одно искусство, и их можно назвать или видами, или частями), таким же образом дело обстоит, я думаю, и с медициной»³⁰⁷.

Иногда прилагательное *ρήτορικός* используется в контекстах, где Гален ведет полемику с оппонентами и противопоставляет занятие риторикой занятию медициной. В одном из таких примеров он высмеивает врачей, которые забывают о медицинском искусстве и начинают заниматься тем, в чем не разбираются:

«Некоторые врачи долго спорят о значении, не зная даже того, что удаляются от медицинских дел и занимаются исследованием, которое подобает диалектикам, или грамматикам, или ораторам. Ибо рассматривать правильность наименований свойственно диалектику, а насколько название привычно для эллинов – ораторам и грамматикам. А

³⁰⁵ *De plac. Hipp. et Pl. IX*, 5 (К. В, 758).

³⁰⁶ Имеется в виду медицинское искусство и, например, диететика, фармакология и др.

³⁰⁷ *Thrasyb.* 24 (К. В, 848 = SM III, р. 63)

этим занимаются некоторые врачи, разбирающиеся в диалектике, грамматике или риторике так же, как ослы – в игре на лире»³⁰⁸.

Еще один отрывок позволяет сделать вывод о том, что ораторы, по мнению Галена, занимались правильным словоупотреблением и происхождением имен:

«Ибо Гиппократ, сын Гераклида и автор, как говорят, «Афоризмов» и «О прогнозе», видимо, использует очень привычные и потому понятные названия, которые у ораторов обычно называются общеупотребительными (ἀ καλεῖν ἔθος ἐστὶ τοῖς ῥητορικοῖς "πολιτικά")»³⁰⁹.

В другом месте он говорит о том, что использование цитат в качестве аргумента, подтверждающего собственное мнение, следует считать риторическим приемом, который используют ораторы, тогда как тому, кто чтит истину, достаточно самой логической аргументации. В своем «Увещании к занятию медициной» он говорит о цитатах Еврипида и Гиппократа, которые он вынужден использовать в споре с теми, кто восхваляет занятие профессиональным спортом:

«Вообще, я не хотел, чтобы выносили суждение, полагаясь на свидетеля³¹⁰, ибо подобный прием свойственен скорее оратору, чем мужу, почитающему истину (ῥητορικοῦ γὰρ τὸ τοιοῦτον μᾶλλον ἢ τιμῶντος ἀλήθειαν ἀνδρός)»³¹¹.

Иногда Гален противопоставляет риторическую или софистическую аргументацию логической или научной, которая опирается на доказательный

³⁰⁸ *De dieb. decret. 4* (К. IX, 789).

³⁰⁹ *In Hipp. Epid. comm. III. 32* (К. XVII A, 678).

³¹⁰ Гален говорит о том, что предпочел бы воздержаться от использования цитат других авторов, как риторического приема, но признает его неизбежным, ср. *Plato. Alcib. I*, 117 e; *Xenoph. Memor. III*, 3. 9. См. Boudon-Millot 2002: 104.

³¹¹ *Protr. 10* (К. I, 25 = Boudon-Millot 2002: 104).

метод. Так, в трактате «О мнениях Платона и Гиппократа» он упоминает о том, что Аристотель и Феофраст «стыдятся принимать для научных доказательств частные и риторические посылки (τὰ ἴδιωτικά τε καὶ ῥητορικὰ λήματα)»³¹². В том же сочинении он противопоставляет прилагательные ῥητορικός и ἐπιστημονικός: «Это – голословное утверждение, не имеющее никакого доказательства, не только надежного и научного (ἀπόδειξιν βεβαίαν τε καὶ ἐπιστημονικήν), но и не идущее далее риторической или софистической вероятности (πιθανότητος ἢ ῥητορικῆς ἢ σοφιστικῆς)»³¹³.

Ораторы, по мнению Галена, принадлежат к числу тех профессий, которые не достигают меры философского знания:

«И вот, все те, кто еще не достиг философии: геометры, арифметики, знатоки счета, астрономы и архитекторы и еще музыканты, знатоки солнечных часов, ораторы и грамматики и вообще все, кто занимается логическим искусством <...>³¹⁴».

Приведем пример употребления наречия $\rho\eta\tauοικ\hat{\omega}\varsigma$. В трактате «*О естественных свойствах*» Гален рассуждает о том, что риторика также подразумевает собственные методы убеждения, которые иногда игнорируются ораторами, использующими вместо риторических способов доказательства пустословие и насмешки:

«О, почтеннейший! Не нападай на нас риторически (ρητορικῶς) без доказательства <...>. Хотя, почему я говорю «риторически»? Это не совсем так. Ибо когда некоторые ораторы, насмехаясь над тем, что неспособны разрешить, даже не пытаются возражать, мы уже не считаем, что здесь применимо слово «риторически». Ибо понятие «риторически» свойственно для правдоподобного слова, а без правдоподобного слова оно

³¹² *De plac. Hipp. et Pl.* II, 2, 5 (K. V, 213).

³¹³ *Ibid.* II, 2, 18 (K. V, 217), cp. VIII, 1, 8 (K. V, 551).

³¹⁴ *Ibid.* VIII 1, 13 (K. V, 652), cp. III, 5, 15 (K. V, 326).

смешно и не относится к риторике. Таким образом, Эразистрат в своем сочинении «*O глотании*» не опроверг Гиппократа ни риторически, ни диалектически»³¹⁵.

3. $\acute{\rho}\eta\tau\sigma\epsilon\acute{\alpha}$

Этот термин Гален употребляет всего дважды. Он встречается уже у Платона в значении «риторическое искусство»³¹⁶. У Галена он относится к эпихеремам³¹⁷ и искусству речи софистов, которые, рассуждая в трактате «О критических днях» о кризисе, не могли, по его словам, изменить видимые явления, поэтому видоизменяли значения³¹⁸.

4. $\acute{\rho}\eta\tau\sigma\epsilon\acute{\omega}$

Еще одно слово этой лексической семьи, глагол со значением «произносить речи», «быть оратором» встречается у Галена четыре раза. Перечисляя различные виды искусств, он упоминает искусство «произнесения речей» ($\tau\acute{o}\ \acute{\rho}\eta\tau\sigma\epsilon\acute{\omega}\acute{e}\iota\mathfrak{n}$) наряду с состязанием в борьбе, строительством кораблей, зодчеством и сапожным ремеслом³¹⁹. В другом месте он упоминает этот род занятий наряду с философией, зодчеством и геометрией³²⁰.

Из проведенного анализа употребления лексической семьи термина $\acute{\rho}\eta\tau\sigma\omega\mathfrak{p}$ следует, что Гален признавал важность изучения риторического искусства для получения классического греческого образования. Однако в классификации видов искусств риторика уступала философии и медицине. Несомненно, сам Гален неплохо владел всем необходимым для оратора набором риторических приемов аргументации, хотя нигде не упоминает о своих учителях риторики или процессе ее изучения.

³¹⁵ *De nat. fac.* 16 (К. II, 61-62 = SM III, p. 145).

³¹⁶ *Hipp. major* 304 a.

³¹⁷ *De temper.* (К. I, 590).

³¹⁸ *De dieb. descr.* (К. IX, 794).

³¹⁹ *De opt. doctr.* 6 (К. I, 46).

³²⁰ *De diff. respir.* 85 (К. VII, 837). Ср. *De meth. med.* VII (К. X, 389).

Нередко он употребляет термины «оратор» и «риторика» в качестве синонимов для терминов «софист» и «софистика», противопоставляя риторические методы аргументации, которые допускали и простые логические доказательства типа эпихерем, научному знанию и доказательным методам, упрекая ораторов и софистов в том, что они часто занимаются пустым и бездоказательным словопрением.

Кроме того, Гален упоминает о том, что ораторы и грамматики занимались вопросами правильного словаупотребления греческих слов и происхождением слов.

II. 2. Другие риторические термины

В своих сочинениях Гален использует достаточно богатый и разнообразный словарь риторических терминов. Мы выбрали наиболее репрезентативные термины, встречающиеся в античных учебных текстах по риторике и грамматике Аристотеля, Дионисия Галикарнасского, Деметрия, Лонгина, Аристида, Гермогена и др. Слова одной лексической семьи представлены в следующей последовательности: существительное, прилагательное, глагол, наречие.

II. 2. 1. *σαφήνεια* и *ἀσάφεια*

1. *σαφήνεια*

Этот термин со значением «ясность», «четкость» применительно к качеству стиля встречается многократно у Аристотеля, Плутарха, Дионисия Галикарнасского, Деметрия, Гермогена, Диона Хрисостома, Лукиана, Элия Аристида, Лонгина и Филострата³²¹. Гален постоянно подчеркивает важность ясности высказывания, которая достигается с помощью правильного употребления соответствующей лексики. Кроме того, из каталога сочинений Галена, который он приводит в трактате «О собственных книгах» известно, что

³²¹ Lausberg 1990: 275, 529. Об истории терминов *σαφήνεια* / *ἀσάφεια* см. López Férez 1994, 1999.

вопросу ясности изложения он даже посвятил отдельное, утраченное ныне произведение «О ясности и неясности»³²².

Этот термин встречается у Галена 97 раз, в 75 случаях – с предлогами. Чаще всего используется предложная конструкция: *σαφηνείας ἔνεκα* (ένεκεν), «ради ясности» и используются выражения с предлогами *πρός, διά, ὑπέρ*. Семантический анализ данной лексемы позволяет выделить несколько наиболее частотных случаев ее употребления.

Достаточно часто этот термин используется вместе со словом *παράδειγμα*, когда Гален приводит какой-либо пример с целью пояснить сказанное. Так, он пишет: «Ибо, если в этом рассуждении ради ясности (*σαφηνείας ἔνεκα*) необходимо привести маленькие и никчемные примеры (*παραδείγματα*) великих и замечательных произведений природы, то подумай, что нечто подобное происходит и с теми серозными соками, которые нагреваются <...>»³²³.

Иногда речь идет о ясности высказывания. В трактате «О методе лечения» Гален критикует учеников врача Фессала, которые приступали к лечению ран без предварительного изучения анатомии: «И, зашивая рану, они ничего об этом не знают. И мы не знали бы, если не выучили благодаря анатомии природу всех частей этого места; природу, которую необходимо исследовать не только ради ясности (*σαφηνείας ἔνεκα*) того, что будет сказано, но и для доказательства»³²⁴.

В некоторых случаях Гален ради ясности повторяет объяснение: «Но ничего не может быть хуже, чем ради ясности (*σαφηνείας ἔνεκα*) повторять это в кратких главах <...>»³²⁵ или в другом месте: «Ради ясности я повторю и ныне то, что в самом начале было написано об употреблении предписанных лекарств»³²⁶.

³²² *De libr. prop. XX, 2* (Boudon-Millot 2007: 173 = K. XIX, 48).

³²³ *De usu part. XIV, 9* (K. IV, 181).

³²⁴ *De meth. med. I, 6* (K. X, 411).

³²⁵ *De simp. med. temp. et fac. IV, 23* (K. XI, 700).

³²⁶ *De comp. med. sec. loc. VII, 4* (K. XIII, 80).

Иногда Гален настаивает на употреблении определенных медицинских терминов, даже неологизмов, которые точно отражают высказывание: «Природа созидает кость, и хрящ, и нерв, и оболочку, и связку, и вену и все подобное при первом зарождении живого, пользуясь, говоря в целом, порождающей, изменяющей, и отчасти согревающей, и охлаждающей, и иссушающей, и увлажняющей способностью и способностями, происходящими из смешения этих способностей, как например, костетворящей, нервотворящей и хрящетворящей способностью. Ибо ради ясности (*σαφηνείας ἔνεκα*) следует использовать и эти термины»³²⁷. В другом месте он замечает: «О медицинских наименованиях было достаточно много сказано в другом месте, а теперь нам предстоит рассмотреть то, что мне показалось необходимым: определить ради ясности, как мы будем их использовать»³²⁸.

В комментариях на сочинения Гиппократа Гален ради ясности прибегает к корректуре текста и предлагает текстологические вставки: от отдельных слогов до целых фраз. Например, в своем «Комментарии на «Эпидемии» Гиппократа» он пишет: «Я повторю ранее написанную фразу, а затем присоединю ее к нынешней, поместив в нее один слог для ясности (*σαφηνείας ἔνεκα*)»³²⁹, или в другом комментарии: «Послушай, как я объясняю его фразу, одновременно добавляя несколько слов для ясности»³³⁰.

В нескольких случаях выражение *σαφηνείας ἔνεκα* сопровождается другими дополнениями, характеризирующими стиль повествования: «Мне кажется, что перед описанием частных случаев больных лучше ради ясности и краткости (*σαφηνείας τε καὶ συντομίας ἔνεκα*) сказать о всех них в целом»³³¹.

2. *ἀσάφεια*

³²⁷ *De nat. fac.* I, 6 (К. II, 13).

³²⁸ *De meth. med.* II, 3 (К. X, 90).

³²⁹ *In Hipp. Epid. I. I*, 36 (К. XVII A, 79).

³³⁰ *In Hipp. De vict. ac. comm.* I, 18 (К. XV, 467).

³³¹ *In Hipp. Epid. I. III*, 17 (К. XVII A, 251).

Этот термин встречается в значении «неясности» языка у Плутарха, Лукиана, Элия Аристида, Филострата. В корпусе текстов Галена он встречается 59 раз в качестве характеристики стиля того или иного автора. В сочинении «О софизмах через выражения речи» он дает определение этому термину: «неясность – это полное искажение высказывания»³³², которое, в частности, производят омонимия и брахилогия»³³³. Гален упрекает некоторых авторов за «неясность» смысла их текстов. Например, он пишет о враче Архигене, что тот «столь неясно выражается, что некоторые его слова ничего не значат»³³⁴.

Помимо существительного у Галена 157 раз встречается прилагательное ἀσαφής, которое он использует для характеристики таких терминов, как имя, слово (ὄνομα, φωνή, λόγος³³⁵), выражение, высказывание (λέξις, ρῆσις³³⁶), толкование (ἐρμηνεία)³³⁷, афоризм³³⁸, брахилогия³³⁹ и др.

II. 2. 2. ἀσύνδετον

Термин «бессоюзие» (ἀσύνδετον) используется в риторических трактатах Псевдо-Деметрия, Элия Геродиана, Гермогена и др.³⁴⁰. В галеновском корпусе он встречается дважды. В «Комментарии на «Эпидемии» Гиппократа» Гален пишет: «И вот, следует знать, что начало высказывания во многих копиях согласно виду изъяснения, называемому «бессоюзие» (ἀσύνδετον), написано следующим образом: «непрерывные лихорадки, приступы днем, ослабление

³³² *De soph. pen. dict.* (К. XIV, 589).

³³³ *De oss. ad tir. Ia* 24 (К. II, 739 = Garofalo, p. 44), *De sympt. diff.* (К. VII, 46).

³³⁴ *De praesag. ex puls.* (К. IX, 370); *cp. De usu part.* (К. III, 812).

³³⁵ *De loc. aff.* (К. VIII, 88), *In Hipp. Aph. comm.* (К. XVII B, 824), *In Hipp. Epid. III* (К. XVII A, 593), *De ven. art. diss.* (К. II, 804), *De meth. med.* (К. X, 130), *De simpl. med. temp.* (К. XI, 453, 791) и др.

³³⁶ *De plac. Hipp. et Pl.* (К. V, 251), *De loc. aff.* (К. VIII, 106, 312), *De capt.* (К. XIV, 588), *De diff. resp.* (К. VII, 894) и др.

³³⁷ *De diff. resp.* (К. VII, 825), *De diff. puls.* (К. VIII, 724) и др.

³³⁸ *In Hipp. Aph.* (К. XVII B, 462).

³³⁹ *De cris.* (К. IX, 670).

³⁴⁰ Lausberg 1990: 353-355.

ночью; приступы ночью, ослабление днем». И, сказав, что такой вид называется бессоюзием, я показал тебе его объяснение. Ибо необходимо, чтобы в перечне этих слов мы слышали и добавляли союзы, отсутствующие между предложениями»³⁴¹.

II. 2. 3. βραχυλογία и μακρολογία

1. βραχυλογία

Термин βραχυλογία³⁴², «краткость», «немногословие» встречается у Платона, Псевдо-Деметрия, Диодора Сицилийского, Дионисисия Галикарнасского, Филона, Поллукса, Филострата и др. Во всем корпусе греческой литературы до конца до II в. н. э. он встречается 85 раз, 42 раза из которых – в корпусе текстов Галена. Таким образом, частота употребления этого термина у Галена составляет половину всех встречающихся случаев. Мы рассмотрим сначала существительное, а затем прилагательное βραχυλόγος. Следует отметить, что по большей части эти термины встречаются в комментариях Галена на книги Гиппократа или Платона.

В «Комментариях к «Афоризмам» Гиппократа» Гален предупреждает читателей о том, что афоризм не соответствует «краткости» – одному из неотъемлемых требованиям афористического жанра: «И меня удивляет, как о тех, кому он рекомендует давать молоко, он [т.е. Гиппократ – прим. пер.] написал: «Если бы не было ни одного из ранее упомянутых признаков», потому что это не соответствует краткости (βραχυλογία) афористического жанра». Чуть далее он замечает, что «Гиппократ не всегда соблюдает краткость, но излагает свое учение так, что те вещи, в которых существует большая опасность для слушающих невнимательно, он без колебаний повторяет дважды или даже трижды»³⁴³.

³⁴¹ In Hipp. Epid. I (К. XVII A, 224).

³⁴² Lausberg 1990: 436. О лексической семье βραχυλογ- у Галена см. López Férez 2015: 246-252.

³⁴³ In Hipp. Aph. VII 5, 64 (К. XVII B, 876-877).

С другой стороны, Гален допускает, что краткость может привести к неясности и, как следствие, к трудностям в понимании содержания некоторых афоризмов Гиппократа. Так, объясняя один из них, он замечает: «Из-за краткости ($\beta\rho\alpha\chi\lambda\omega\gamma\alpha$) и некой речевой привычки, которая существует еще и ныне у нас во многих городах Азии, афоризм оказался неясным. Ибо мы привыкли говорить, что не принимают пищу те, у кого нет аппетита ($\grave{\alpha}\nu\omega\acute{e}\kappa\tau\omega\zeta$), а принимают – те, у кого есть аппетит ($\grave{\delta}\rho\acute{e}\gamma\mu\acute{e}\nu\zeta$) и кто питается досыта»³⁴⁴. В том же комментарии Гален пишет о том, что краткость, характерная для афоризмов Гиппократа, может привести к их неправильному пониманию теми, кто недостаточно знаком с медицинской литературой: «В данном случае я достаточно сказал о причине изменений в возрастах, которые они имеют из-за сухости или влажности [соков] в животе, что из-за краткости ($\beta\rho\alpha\chi\lambda\omega\gamma\alpha$) покажется неясным тем, кто не был предварительно знаком с комментариями»³⁴⁵.

Рассмотрим несколько примеров употребления этого термина в «Комментарии на книгу Гиппократа «Об аптеке врача». Гален хвалит краткость, «если термин четко разъясняется с помощью одного слова» и замечает, что автор этого трактата придерживается краткости на протяжении всей книги, не опуская при этом ничего полезного³⁴⁶. Рассуждая о причинах краткости изложения некоторых отрывков, он замечает, что ее следует интерпретировать не как опущение слов, а как результат пропуска слов, совершенного редактором текста Гиппократа. Комментируя один из отрывков, он сообщает следующее: «И [авторы] старых копий, и комментаторы этой книги знают, что эта фраза написана эллиптически ($\acute{\epsilon}\lambda\lambda\iota\pi\hat{\omega}\zeta$), поскольку не сказано: $\grave{\alpha}\acute{n}\acute{\i}\sigma\omega\zeta \ kai\grave{\alpha}\acute{n}\acute{o}\mu\acute{o}\i\omega\zeta$, но написано только: $\grave{\alpha}\acute{n}\acute{\i}\sigma\alpha \ kai\grave{\alpha}\acute{n}\acute{o}\mu\acute{o}\i\alpha$, и они рекомендуют сверх того подразумевать еще слова: $\grave{\alpha}\acute{n}\acute{\i}\sigma\omega\zeta \ kai\grave{\alpha}\acute{n}\acute{o}\mu\acute{o}\i\omega\zeta$, которые опущены автором, поскольку это ясно из последующего. Этот вид толкования

³⁴⁴ *Ibid.* VII, 2, 8 (К. XVII В, 462).

³⁴⁵ *Ibid.* VII, 2, 20 (К. XVII В, 498).

³⁴⁶ *In Hipp. De off.* 2, 15 (К. XVIII В, 761).

не характерен для краткости, но, очевидно, ошибочен. Лучше предположить, что такая запись произошла по ошибке, как случилось со многими другими ранними копиями, когда переписчик пропустил эти слова, и ошибка сохранилась до сегодняшнего дня»³⁴⁷.

В других сочинениях корпуса можно встретить замечания о том, что этот риторический прием был хорошо знаком древним авторам, которые им охотно пользовались: «Среди прочего древние почитали и брахилогию; все это уже знают, даже если я не буду этого говорить»³⁴⁸. Сам Гален также, по его свидетельству, часто пользовался этой фигурой речи: «<...> из-за повреждения отверстия желудка (*τοῦ στόματος τῆς γαστρός*), который часто называют *στόμαχον*, каким словом пользуемся и мы теперь во всем этом сочинении ради краткости (*βραχυλογίας ἐνεκα*)»³⁴⁹.

Термин *βραχυλογία* в корпусе текстов Галена чаще всего употребляется с определениями *ἀκριβής*³⁵⁰, «точный», «строгий»; *ἀσαφής*³⁵¹, «неясный»; *παλαιά*³⁵², «древний» и *συνήθης*³⁵³, «обычный».

Помимо существительного Гален 6 раз употребляет прилагательное *βραχυλόγος*, «краткий», «немногословный». В одном случае он дает характеристику стилю изложения Гиппократа: «И прежде всего, давайте объясним, почему Гиппократ несмотря на то, что был немногословен (*βραχυλόγος*) и мог выразить одним словом, что Анаксион был плевритик, после описания симптомов этой болезни посчитал уместным дать разъяснение по этому поводу в тех словах»³⁵⁴. В другом случае он противопоставляет «немногословие» Гиппократа «многословию» Эразистрата и других врачей: «Гиппократ, будучи крайне немногословен в большинстве своих сочинений,

³⁴⁷ *Ibid.* 3, 28 (К. XVIII B, 876).

³⁴⁸ *De meth. med.* 4, 4 (К. X, 275).

³⁴⁹ *De cur. rat. per ven. sect.* 1 (К. XI, 251).

³⁵⁰ *De san. tuend.* (К. VI, 348).

³⁵¹ *De cris.* (К. IX, 670).

³⁵² *De elem.* (К. I, 483); *De san. tuend.* (К. VI, 115); *De meth. med.* (К. X, 632).

³⁵³ *De diff. puls.* (К. VIII, 683); *In Hipp. Progn.* (К. XVIII B, 313).

³⁵⁴ *De diff. resp.* 2, 8 (К. VII, 855).

без колебаний пишет относительно кровопускания и о месте тела, в котором следует разрезать сосуд, и о степени его опорожнения, и о времени. Но Эразистрат, который, по утверждению его современных последователей, практиковал веносечение, хотя был довольно многословен, как я покажу чуть ниже, даже не решился отнести веносечение к другим лечебным средствам»³⁵⁵.

Кроме того, этим определением Гален характеризует один из видов толкования: «Вид древнего толкования настолько немногословен, что кажется, будто он часто опускает многое из того, что должно следовать за сказанным, и поэтому, думаю я, мы пишем к ним [т. е. древним текстам – прим. пер.] комментарии, направляя тех, кто неспособен из-за недостатка образования следовать за скоростью древнего высказывания, как мы делаем и в этой книге»³⁵⁶.

2. *μακρολογία*

Термин *μακρολογία*³⁵⁷, «многословие», встречается у Платона, Исократа, Аристотеля, Псевдо-Деметрия, Филона, Поллукса, Элия Геродиана и др. Во всем корпусе античных текстов до II в. н. э. он употребляется 39 раз. В сочинениях Галена это существительное встречается 23 раза, составляя более половины всех случаев употребления, а вместе с производными словами – 47 раз.

Сначала приведем два отрывка, в которых Гален рассуждает о многословии с общей точки зрения. Рассуждая о софизмах, он пишет: «Выше было сказано, что неясность (*ἀσάφεια*) – это полное искажение высказывания, так что и поэтому единственный порок – это двусмысленность (*τὸ διπλόν*), если только кто не думает, что к порокам относятся также недостаточная (*ενδεια*), длинная (*μακρολογία*) и избыточная речь (*περιττολογία*). Пребывая в заблуждении

³⁵⁵ *De ven sect. adv. Eras.* 4 (К. XI, 213).

³⁵⁶ *In Hipp. de off. med.* 2, 26 (К. XVIII В, 790).

³⁵⁷ Lausberg 1990: 268-269. О термине *μακρολογία* в галеновском «Комментарии на книгу Гиппократа «О переломах»» см. Manetti 1998: 55-71.

и неведении, он не замечает, как я полагаю, что ничто из этого не относится к порокам речи, если не порождает неясность и двусмысленность»³⁵⁸. В другом месте Гален упоминает о том, что древние авторы старались избегать «многословия»: И <...> много такого говорят древние и особенно самые искусные в речах, презирая многословие (*μακρολογία*) в наименованиях, которое стало использоваться позднее»³⁵⁹.

Сам Гален неоднократно старался избежать упреков в многословии: «Немало физиognомических наблюдений Аристотель упомянул и в другом сочинении, из которого я бы привел несколько высказываний, если бы мне не грозило стяжать славу многословного мужа и потратить время впустую»³⁶⁰. По поводу большого объема нескольких книг трактата «*O методе лечения*» он замечает: «Если бы я приводил изречения Гиппократа каждое в отдельности, мой трактат имел объем экзегетических комментариев. И, возможно, кто-нибудь из тех, кто без оснований упрекал нас в третьей и четвертой книгах, уже справедливо обвинит нас в многословии (*μακρολογία*). Ибо в этих книгах я был вынужден, привнося много выражений Гиппократа из книги «*O язвах*», показать всем другим врачам, каким образом описывать лечение язв согласно методу»³⁶¹.

Объясняя многословие, встречающееся в своих книгах, Гален замечает, что вынужден прибегать к нему из-за своих предшественников, которые ошибочно или недостаточно объяснили то или иное явление: «Ну, первыми виновниками нашего многословия (*μακρολογία*) стали те, кто солгал о видимых явлениях: не Гиппократ, а Эразистрат, Евдем, Герофил и Марин – тот, кто после древних восстановил в промежуточный период заброшенное анатомическое наблюдение. Если бы они сказали о явлении, следующем из анатомирования, мы не были многословны, раскрывая проблему через одно лишь

³⁵⁸ *De soph.* 2 (К. XIV, 589).

³⁵⁹ *In Hipp. de fract.* 2, 73 (К. XVIII В, 526).

³⁶⁰ *Quod an. mor. corp. temp.* 7 (К. IV, 798).

³⁶¹ *De meth. med.* XIV 6, 5 (К. X, 425).

доказательство»³⁶². В «Комментарии к «Эпидемиям» Гиппократа» он говорит о своем отношении к многословию, которым злоупотребляли некоторые врачи того времени: «Полностью изложив однажды каждое из учений, требующих доказательства, я не буду писать [о них] в другой книге, зная о возникающем избыточном многословии (*μακρολογία*), когда кто-то говорит одно и то же об одних и тех же вопросах, как это делали некоторые из новых врачей, написав не только дважды или трижды, но и четырежды и многократно во многих комментариях и сочинениях одно и то же об одних и тех же вещах»³⁶³.

В некоторых случаях Гален признает уместность многословия (*μακρολογία*) по сравнению с краткостью (*βραχυλογία*). Так, рассуждая об одном из видов лечения, он пишет: «Итак, я уже достаточно сказал о восстановительном лечении (*ἀποθεραπείας*). Перейдем далее к купаниям, сказав об обсуждаемых вещах еще столько, чтобы всякий, кто будет рассуждать о них более кратко, смог обвинить нас в многословии. Но если, опустив некоторые из весьма необходимых умозаключений или некоторые из объясняющих их доказательств, вы думаете, что разработали краткое объяснение, то вам следует не радоваться, а скорее стыдиться такой краткости. Я же, хотя мог бы написать целую книгу о так называемом восстановительном лечении, не счел целесообразным делать это, поскольку предпочел как можно более сократить длину этого сочинения»³⁶⁴.

Рассуждая о метафоре, Гален замечает, что многословие может быть результатом неспособности автора, который недостаточно владеет логической теорией, ясно донести мысль. А количество допущенных ими ошибок вынуждает и их оппонента прибегать к многословию: «Но, по-видимому, ничто не порождает столько многословия, сколько муж, дерзающий на то, что ему неведомо. Ибо обнаружение различий в каждой вещи, каково их число и виды – дело мужа, который твердо знает логическую теорию, а их

³⁶² *De plac. Hipp. et Pl.* 8, 1 (К. V, 650).

³⁶³ *In Hipp. Epid. IV* 5, 1 (К. XVII B, 224).

³⁶⁴ *De san. tuend.* 3, 3 (К. VI, 181).

наименование – того, кто обучен риторике, или правильнее сказать, диалектике. Когда же люди необученные и неспособные к истолкованию дерзают приступать к гораздо более сложным вещам, то они начинают изобиловать словами и вынуждают обличающих их, даже если они практикуют краткость, впадать в многословие, что претерпеваю, как мне кажется, и я теперь. Ибо из-за большого количества допущенных ими ошибок, я отклоняюсь от обычной для меня краткости. Но даже здесь я постараюсь, насколько это возможно, сократить свое рассуждение»³⁶⁵.

Еще в одном месте он обвиняет своих предшественников в многословии, поясняя, что за этим стилистическим недостатком стоит непонимание излагаемого вопроса. Рассуждая о пульсологии, Гален упоминает о нескольких врачах, которых упрекает в словесном излишестве и подчеркивает их недостаточные познания в этом вопросе. В частности, о враче Хрисерме он замечает следующее: «При рассмотрении истинности сказанного [следует отметить, что] в его сочинении содержится и подобного рода многословие (μακρολογία). И если кто-то хотел бы обвинить его в том, что он смешивал в одном рассуждении оба определения – так называемое понятийное (έννοηματικόν), которое отражает общее понятие, и так называемое сущностное (ούσιώδη), которое проясняет сущность дела³⁶⁶, то он справедливо обвинит и докажет в этом обвинении, что многие ответственны за названные определения»³⁶⁷. Далее он упрекает врача Агатина за его ошибочные высказывания о пульсе: «Агатин, порицая тех, кто непременно хотел определить пульс, тем не менее и сам впал в ненужное многословие и вместе с тем явно ошибался, полагая, что пульс называется общим именем»³⁶⁸.

³⁶⁵ *De diff. puls.* 3, 6 (К. VIII, 682).

³⁶⁶ Сущностным определениям, исходящим из сущности рассматриваемой вещи (напр., человек есть существо живое, разумное, смертное, склонное к занятиям науками и искусствами), противопоставлены понятийные определения, которые ограничиваются случайными привходящими свойствами предмета (напр. человек есть существо с плоскими ногтями, прямой осанкой, покрытое волосами). Ср *Ars med.* Ia, 4.

³⁶⁷ *De diff. puls.* IV, 4, 9 (К. VIII, 742).

³⁶⁸ *Ibid.* IV, 4, 11 (К. VIII, 750).

Прилагательное *μακρολόγος*, «многословный», Гален употребляет 4 раза, в положительной степени только однажды: «Что я сказал выше, то повторю и сейчас: если кто-то станет обличать ошибочные утверждения тех, кто истолковал эту книгу, того можно будет назвать многословным (*μακρολόγος*). Поэтому как в тех случаях я был вынужден упомянуть их ради примера, так сделаю и теперь»³⁶⁹. В остальных случаях используются прилагательные в сравнительной или превосходной степени, которые встречаются в одном трактате «О веносечении против последователей Эразистрата» применительно к Эразистрату³⁷⁰.

Глагол *μακρολογέω*, «быть многословным», Гален употребляет 20 раз: применительно к себе и в отношении других медицинских авторов. Как правило, у Галена он носит отрицательную окраску. Приведем один из немногих примеров, где этот глагол имеет положительное значение. Рассуждая о мнении разных школах о пульсе, он указывает на преимущества многословного рассуждения для более точного объяснения проблемы: «Но пульс бывает иногда неравномерным и по величине в одной диастоле, поскольку его части разделяются одни больше, а другие меньше, и этого не происходило бы, если не было правдой, что артерия расширяется, и я понимаю, что более разумно прибегнуть к многословию (*μακρολογῶν*), чем рассуждать в более ясной форме»³⁷¹.

Иногда Гален употребляет это глагол, предвосхищая возможные упреки читателей в многословии. Так, рассуждая о том, что даже у спящих мышцы сохраняют тонус, он пишет: «Возможно, я слишком многословен, тогда как можно вспомнить самые простые примеры. Ибо кто станет возражать, что наша функция состоит в том, чтобы посредством мышц сдерживать истечение выделений?»³⁷² В другом месте, комментируя текст Гиппократа, Гален задает

³⁶⁹ *In Hipp. Epid. III. 3, 72* (К. XVII А, 744).

³⁷⁰ См., напр., *De ven. sect. adv. Er. 5* (К. XI, 221).

³⁷¹ *De dign. puls. 1, 2* (К. VIII, 778).

³⁷² *De motu musc. 2, 4* (К. IV, 438).

себе риторический вопрос с предполагаемым на него отрицательным ответом: «Но зачем нужно долго распространяться, многократно повторяя тысячи раз все эти вещи? У него столь много толкований такого рода, что когда он говорит: «коматозный и еще бессонный», то очевидно, он противопоставляет кому бессоннице»³⁷³. Такое фиктивное недоумение встречается еще в ряде мест. Рассуждая о том, что форма растений и животных зависит от семени, он пишет: «И к чему долго распространяться? Ибо это признают даже те, к кому главным образом и обращено мое рассуждение. И я утверждаю, что материя порождает не только вид, из которого рождается человек, дуб, или платан, или плющ, но и сама форма образовывается из семени, создающего материю»³⁷⁴.

Рассуждая о других медицинских авторах, Гален использует этот термин в отрицательном смысле, понимая под многословием риторический недостаток. Так, рассуждая о Гиппократе в одном отрывке из «Комментария на трактат Гиппократа «О переломах», он пишет: «После порицания длительности времени у тех, кто начинает лечение переломов после седьмого дня, Гиппократ в дополнение к этому говорит, что есть другие повреждения, которые он опускает, чтобы не быть слишком многословным (μὴ μακρολογοίη)»³⁷⁵. Этот же недостаток Гален приписывает и софистам, которых сравнивает с сицилийским врачом Филонидом: «И этот вопрос можно между прочим предложить и софистам, которые желают вести бесконечно длинные речи (ἀπέραντα μακρολογεῖν). И как там можно найти повод для многих рассуждений, точно так же, если кто познакомится с трудами Филонида Сицилийского в XVIII книге «О медицине»³⁷⁶. Еще в одном месте, критикуя различия, установленные врачом Ликом, он пишет: «Дерево, насколько оно мыслится деревом, ничем не отличается от другого дерева. Но разве нет различий в животном: крылатое, сухопутное, водоплавающее, живущее на

³⁷³ *De com. sec. Hipp.* 2 (К. VII, 650).

³⁷⁴ *De sem.* 2, 1 (К. IV, 605).

³⁷⁵ *In Hipp. De fract.* 3, 37 (К. XVIII B, 589).

³⁷⁶ *De diff. puls.* 4, 10 (К. VIII, 748).

воде, на земле, в воздухе, или смертное и бессмертное, или разумное и неразумное, или домашнее и дикое, или трусливое и отважное, или всякое другое, которое мы знаем? И к чему такое многословие?»³⁷⁷

II. 2. 4. *συντομία* и *πλεονασμός*

1. *συντομία*

Термин *συντομία*, «краткость», «сжатость» встречается в риторическом смысле у Исократа, Филодема и Дионисия Галикарнасского, Аристотеля. У Галена этот термин встречается 11 раз в значении краткости высказывания. Так, Гален критикует Хрисиппа за отсутствие краткости, которое он считал признаком дурного стиля: «Он не стремился к краткости ни в одной из своих книг, но был столь многословен, что неоднократно на протяжении всей книги разнообразно чередовал в начале и в конце слова, говоря об одних и тех же вещах»³⁷⁸.

Неоднократно Гален критикует и сами трактаты Гиппократа за краткость, которая создает неясность: «Относительно всех этих заболеваний Гиппократ сам дал очень полные объяснения в сочинении «О переломах» и «О суставах», а теперь как о многом другом, так и об этом пишет словно бы некое сжатое изложение (*ἐπιτομή*), которое само по себе неясно из-за краткости, но ясно тем, кто прочитал те книги»³⁷⁹.

С другой стороны, рассуждая о собственных сочинениях, Гален считает краткость достоинством своего стиля: «Но ради краткости рассуждения, я обычно собираю все это в одной главе»³⁸⁰. В другом месте он пишет: «Вещи, которые я сказал теперь единожды, исключительно полезны и сокращают объяснение всех последующих вещей. Они избавляют меня от обвинения в

³⁷⁷ *Adv. Lyc.* 3 (К. XVIII А, 207).

³⁷⁸ *De plac. Hipp. et Pl.* III, 4 (К. V, 312).

³⁷⁹ *In Hipp. de off. med.* 32 (К. XVIII В, 866).

³⁸⁰ *De simp. med. temp. et fac.* X, 14 (К. XII, 282).

многословии и доставят мне благодарность за пользу учения и краткость того, о чем предстоит сказать»³⁸¹.

2. πλεονασμός

Термин πλεονασμός³⁸² встречается у Дионисия Галикарнасского и Гермогена для обозначения словесного излишества и пространности речи. Гален употребляет этот термин 7 раз, но лишь однажды в риторическом значении. Рассуждая о двусмысленности (ἀμφιβολία) и других софизмах, он говорит: «Пятая [двусмысленность] бывает по причине плеоназма, как например, в такой фразе: «Он запретил ему не плыть». Ибо добавление «не» создает двусмысленность: то ли он запретил плыть, то ли не плыть»³⁸³.

II. 2. 5. σολοικισμός

Термин σολοικισμός³⁸⁴, «солецизм», «речевая ошибка», «синтаксическая ошибка» встречается у Аристотеля, Хрисиппа, грамматиков Филоксена и Трифона, Дионисия Галикарнасского и Плутарха. Он происходит от названия г. Солы, аттической колонии в Киликии, жители которой были известны своими речевыми ошибками.

У Галена это существительное встречается 1 раз. Комментируя одну цитату Гиппократа, он пишет: «Полагая, что фраза «Пифий, который жил рядом с храмом Геи» написана сама по себе, прочитай с другого конца описание того, что с ним случилось. Ибо полагать, что эта фраза была написана таким образом, лучше, чем думать, что Гиппократ сразу, с самого начала употребил неправильный оборот (τὸ σχῆμα σόλοικον), тогда как ничего подобного не писал во всей книге: ни в описании больных, ни в описании чумы.

³⁸¹ In Hipp. Prorrh. 4 (К. XVI, 517).

³⁸² Lausberg 1990: 250-251.

³⁸³ De capt. pen. dict. 4 (К. XIV, 596).

³⁸⁴ Lausberg 1990: 266-274. О лексической семье σολοικ- у Галена см. López Férez 2012: 352-363; 2015: 263-271.

Некоторые, впрочем, написали в дательном падеже: «У Пифия, который жил рядом с храмом Геи», желая избежать вопроса о солецизме (*σολοικισμοῦ*)»³⁸⁵. В данном случае речь идет о т. наз. солецизме посредством изменения (*per immutationem*), когда один синтаксически ожидаемый падеж заменяется на другой (именительный падеж вместо дательного).

Трижды Гален употребляет прилагательное *σόλοικος*, «неправильно говорящий», «допускающий речевые ошибки», в одном случае – в значении «бесполезный, абсурдный»³⁸⁶.

Кроме того, в его текстах встречается прилагательное *σολοικοφανής*, «отличающийся неправильной речью». Речь идет о солецизмах, при которых один падеж используется вместо другого, либо единственное число употребляется вместо множественного. Гален замечает по поводу одного афоризма Гиппократа: «Эта фигура речи некоторым не без основания показалась солецистической (*σολοικοφανής*), и поэтому некоторые написали в винительном падеже: «Разбавленное наполовину вино лечит недомогание, зевоту и озноб (*ἀλύκην, χάσμην, φρίκην*)». Следовательно, в настоящем случае существует разница, в каком из двух вариантов написания толковать афоризм»³⁸⁷. В другом случае он замечает по поводу разнотений в рукописях: «Согласно этому афоризму в некоторых копиях можно найти форму *ἀφώνους*, написанную во множественном числе, в винительном падеже, а в некоторых – *ἄφωνον*, в единственном числе, в солецистическом виде (*ἐν σολοικοφανεῖ σχήματι*). Но здесь, в данном случае, нет никакой разницы, поскольку мы знаем, что у Гиппократа есть обычай давать наименования таким образом, начиная с самого очевидного симптома – афонии»³⁸⁸.

Схожее значение имеет и прилагательное *σολοικώδης*, которое встречается только в корпусе Галена и, по всей видимости, представляет собой введенный

³⁸⁵ *In Hipp. Epid. III. III*, 1 (К. XVII А, 481).

³⁸⁶ *In Hipp. De fract. 2*, 62 (К. XVIII В, 497).

³⁸⁷ *In Hipp. Aph. 7*, 56 (К. XVIII А, 167).

³⁸⁸ *Ibid.* (К. XVIII А, 170).

им неологизм. Это одно из многих прилагательных со вторым элементом *-ωδης*, «имеющий вид», «похожий на что-либо». Все примеры встречаются в одном и том же «Комментарии на I книгу «Предсказаний» Гиппократа». Гален пишет: «В этой книге немало солецистических (*σολοικώδεις*) выражений, поэтому некоторые небезосновательно подозревают, что она не принадлежит Гиппократу»³⁸⁹. К солецизмам Гален относит, как мы уже видели, случаи изменения падежа. В другом месте, объясняя отрывок из текста Гиппократа, он говорит о синтаксисе: «Почему только при огненных лихорадках извергаются пенистые выделения, я говорил много раз, как и то, что автор этой книги потрудился изменить обычные названия, хотя не смог сделать следующего: изменить значения и вместе с тем установить синтаксис в солецистических конструкциях (*ἐν σολοικώδεσι σχήμασι*). Если же кто-то не желает называть это синтаксисом, то можно именовать его композицией»³⁹⁰.

Чаще всего в этой лексической семье встречается глагол *σολοικίζω*, «говорить неправильно», «допускать речевые ошибки». В риторическом смысле этот термин встречается у многих авторов: Геродота, Демосфена, Аристотеля, Хрисиппа, Дионисия Галикарнасского, Страбона, Плутарха, Афинея и др. У Галена он встречается 13 раз. Проблеме речевых ошибок и чрезмерному лингвистическому пуризму Гален посвятил отдельный, несохранившийся до наших дней трактат под названием: «Против тех, кто порицает допускающих солецизмы в речи» в семи книгах, о котором он упоминает в своих биобиографических сочинениях³⁹¹.

При анализе этого глагола в разных контекстах можно выделить несколько смысловых групп. Приведем несколько примеров для каждой группы. Прежде всего, можно выделить солецизмы, касающиеся орфографии отдельных слов. Приведем отрывок из трактата «О составлении лекарств по их родам»: «Ныне же мне предстоит вести речь о пластырях (*ἐμπλάστροις*),

³⁸⁹ *In Hipp. Prorrh. I. 1, 4* (К. XVI, 511-512).

³⁹⁰ *Ibid. 3, 95* (К. XVI, 709).

³⁹¹ *De libr. propr. XX, 2* (Boudon-Millot 2007: 173 = К. XIX, 48); *De ord. libr. V, 3*.

которые новые врачи пишут и произносят с буквой -ρ- в последнем слоге, как все они обычно делают со словами κέντριον и μῆλωτρίς³⁹². Ибо в этих существительных первоначальная форма слов, по-видимому, была без -ρ-: κέντριον получило название от κεντεῖν без -ρ- в последнем слоге, а μῆλωτρίς состоит из μῆλη и ὡτός. Однако поскольку теперь почти все произносят их вместе с -ρ-, не ошибется тот, кто так их произнесет, и особенно κέντριον. Ибо я показал в сочинении «Против тех, кто порицает допускающих солецизмы в речи», что и сами аттические мужи следовали господствующему обычаю. И другие прежде меня показали, что произошло разнообразное изменение в самом аттическом диалекте, и оно следовало обычаю всех тех, кто достиг величайшей славы среди эллинов за искусность в речах. И вот мы, обнаружив, что уже во всех книгах по фармации название пластыря (ἐμπλάστρου) написано с буквой -ρ-, будем следовать этому господствующему обычаю»³⁹³.

В других случаях Гален критикует тех, кто осуждает использование мужского рода вместо женского: «И вот, мы будем говорить о таких силах, которые заложены в камнях, вспомнив прежде всего тех, о ком мы рассуждали в сочинении «Против тех, кто порицает допускающих солецизмы в речи». Ибо некоторые из них не позволяют сказать «камень» (λίθον) в мужском роде, но если ты скажешь: «Брось камень (τὸν λίθον) в собаку», волят так, как если бы их самих кто ударил камнем по голове; так же как, если кто скажет «дуб» (τὸν δρῦν), верещат, словно их бьют палкой. И вот, если кто-то, прислушавшись к ним, станет изменять обычные для врачей названия, называя камнем (τὴν λίθον) гематит (τὴν αἷματῆν), пирит, галактит и сланец, это осудят как чрезмерную

³⁹² Термин κέντριον Гален упоминает трижды в этом трактате (К. XIII, 407, 11, 14, 18). По всей видимости, речь идет о хирургическом инструменте для прокола. Гален возводит этимологию этого слова к глаголу κεντέω, «колоть», «прокалывать». Термин μῆλωτρίς означает разновидность зонда, который использовался в том числе для прочищения ушей. Впервые он упоминается у Галена и происходит, по его мнению, от μῆλη «хирургический зонд» и формы ὡτός, Gen. Sing. от οὖς, «ухо». Скорее всего, речь идет об ошибочной этимологии.

³⁹³ *De comp. med. per gen.* VII, 1, 10 (К. XIII, 408).

изысканность и искусственность, поскольку уже все древние обычно именовали их различия в мужском роде: гематит ($\tauὸν αἱματῖτιν$), пирит, галактит, мелитит, гагатит, сланец, фригийский, аравийский, мемфийский. И наоборот, скалу ($\tauὴν πέτραν$) они именуют в женском роде, а не в мужском ($\tauὸν πέτρον$)»³⁹⁴.

К разновидности солецизмов Гален относит также изменение падежа существительного. Обращаясь к одному из софистов, он замечает: «Не навязывайте мне слов, которые используют купцы, или лавочники, или сборщики налогов, я не общался с такими людьми. Я вырос среди книг древних мужей. И я говорю это, никогда никому не сказав: «о несчастный, ты допускаешь варваризмы», или «солецизмы», или «ты сказал неправильно и употребил слово не в его собственном смысле», но допускаю, чтобы все говорили так, как они хотят. И если кормчий скажет: «принеси каната ($\tauὸν πούς$ ³⁹⁵)» [вместо «канат»], мне все равно»³⁹⁶.

Кроме того, солецизмом можно считать, по мнению Галена, использование одного существительного вместо другого, или использование инфинитива вместо существительного³⁹⁷. Еще один случай солецизмов касается употребления неподходящего определения. Рассуждая о видовом названии лихорадки, Гален упрекает оппонентов в недопустимом с точки зрения греческого языка термине, который он считает солецизмом: «Что касается тех болезней, при которых единый пароксизм сохраняется от начала до конца и длится много дней, они называют такие лихорадки непрерывными ($συνόχους$ ³⁹⁸), используя негреческое слово и предпочитая скорее допустить солецизм, чем оставить их вид без названия»³⁹⁹.

К солецизмам Гален относит и неправильное употребление наречий. В частности, он упоминает Хрисиппа из Сол, который использовал наречие $\epsilonὐεῖσε$

³⁹⁴ *De simpl. med. temp.* XI, 9, 2 (К. XII, 193).

³⁹⁵ Вместо $\tauὸν πόδα$.

³⁹⁶ *De diff. puls.* 2, 5 (К. VIII, 587).

³⁹⁷ *De meth. med.* (К. X, 43).

³⁹⁸ Очевидно, вместо $συνεχῆς$.

³⁹⁹ *De meth. med.* (К. X, 603).

(«там», «туда») вместо ἔκει («там», «туда»): «Ибо нам скорее следует предположить, что Хрисипп допускает солецизмы в речи, чем говорит столь непонятные вещи. Ведь первое для него достаточно привычно и случается с ним едва ли не в каждом предложении, а второе – говорить непонятные вещи – с ним почти никогда не случается»⁴⁰⁰.

В некоторых контекстах глагол *σολοιχίζω* употребляется вместе с глаголом *βαρβαρίζω*, «допускать варваризмы». Рассуждая о стремлении некоторых современников к чрезмерному лингвистическому пуризму, Гален пишет: «Конечно, мы не считаем правильным то, на чем настаивают некоторые из наших современников – чтобы все говорили на аттическом наречии, будь то врачи, или философы, геометры, музыканты, юристы, или вообще богатые люди или только состоятельные. Ибо я, наоборот, считаю неуместным порицать или упрекать кого-то за солецизмы в языке. Ведь лучше допускать солецизмы и варваризмы в речи, чем в жизни. И я написал однажды сочинение «Против тех, кто порицает допускающих солецизмы в речи». Настолько далек я от того, чтобы считать владение аттическим наречием некоей частью образованности»⁴⁰¹.

Анализ терминов свидетельствует о том, что Гален прекрасно владел риторической терминологией, описанной в теоретических и учебных текстах по риторике и грамматике. В своих текстах он иногда апеллирует к собственным, ныне утраченным сочинениям, посвященным отдельным вопросам языка и стиля, представление о которых можно составить по его отдельным замечаниям и по его библиографическому описанию. Несмотря на свое четко артикулированное негативное отношение к ораторам и софистам, которых он упрекает в манипулировании словесными приемами и недостатке логической аргументации, он придавал большое значение качеству речи, прежде всего, ее ясности и терминологической точности. Он дает четкое

⁴⁰⁰ *De plac. Hipp. et Pl.* 2, 5 (К. V, 253).

⁴⁰¹ *De ord. libr.* 19, 61 (К. I, 3 = Boudon-Millot 2007: 101).

определение таким понятиям, как ясность и неясность речи, и перечисляет соответствующие им характеристики.

Сопоставительный анализ разных контекстов показывает, что одни и те же риторические термины могут носить как положительную, так и отрицательную окраску. Так, например, краткость служит достоинством при выборе термина и неотъемлемой чертой афористического жанра, а с другой стороны, может стать причиной неясности. Точно также многословие следует считать скорее недостатком, свидетельствующим о неспособности автора донести нужную мысль и отсутствии у него логического мышления, а с другой стороны – оно необходимо в случае опровержения или изобличения ложных взглядов или толкований оппонентов.

Интерес Галена к вопросам правильного словоупотребления подтверждает и его употребление термина «солецизм», который он употребляет применительно к разным языковым категориям: ошибкам в употреблении числа, рода, падежа, нарушениям синтаксической конструкции, неправильной орфографии и использованию диалектных форм.

Таким образом, риторика интересовала Галена как инструмент, позволяющий сделать понятными как собственные тексты, в которых он вел живую полемику с оппонентами, так и тексты его предшественников, в частности, тексты Гиппократа, к которым он составил большое число комментариев.

II. 3. Теория метафоры

Гален употребляет термин *μεταφορά* 79 раз⁴⁰². Анализ контекстов, в которых он употребляется, позволяет сделать вывод о том, что Гален придерживался собственной теории метафоры, которая восходила к Аристотелю, но содержала ряд дополнений.

⁴⁰² Lausberg 1990: 283-288. О контекстах, в которых Гален употребляет этот термин, см. López Férez 1999: 431-437.

Относительно происхождения и значения метафоры он пишет следующее: «Если кто-либо переносит (μεταφέρει) одно из упомянутых названий на другое, то способ такого словоупотребления называется метафорой (μεταφορά). Так происходит и с другими подобными переносами по сходству и аналогии; по сходству говорится: подножия, вершина и склоны горы. Ибо как у живых существ самые нижние части – это ноги, а голова – самая высокая из всех частей, так и применительно к горам мы позволяем поэтам называть самые высокие части – вершинами, а самые низкие – подножиями»⁴⁰³.

Наиболее подробное рассуждение о метафоре встречается в одном из четырех трактатов Галена по пульсологии – «О разновидности пульсов» (*De pulsuum differentia*). Гален, рассуждая о физиологической теории, приводит здесь длинную теоретическую дискуссию о метафоре между Аристотелем (в «Риторике» и «Поэтике») и гомеровскими комментариями Евстафия. Далее он говорит о том, что разделяет убеждение и других античных ученых в том, что занятие наукой неразрывно связано с занятием историей науки и историей языка науки.

Гален дает развернутое изложение своей мысли относительно различий, касающихся языка. Прежде всего, он различает «первичные» и «вторичные» значения имен (ὄνοματα) или названий (προσηγορίαι) относительно вещей (πράγματα), утверждая, что можно прилагать (ἐπιφέρειν) имя к вещи в первичном (πρῶτος) или во вторичном (δεύτερος) смысле⁴⁰⁴. Под первичным значением, по всей видимости, предполагается исходное значение слова, а под вторичным – производное.

Далее он вводит еще одно различие, отождествляя «первичное» значение со значением «в собственном смысле слова» или «буквальным» (χύριος), а

⁴⁰³ *De praesag. ex. puls.* III, 6 (К. IX, 368).

⁴⁰⁴ *De diff. puls.* III, 6 (К. VIII, 671-672), см. *De sympt. diff.* 1 (К. VII, 48-49). Скорее всего, противопоставление первичных и вторичных значений слов восходит к Аристотелю, см. *Metaphys.* 1022 a 17-19, *Eth. Nic.* 1158 b, 30-33.

«вторичное» с «образным» (*τροπικός*)⁴⁰⁵. Риторическая и грамматическая терминология, которую использует Гален, скорее всего, восходит к античным грамматикам, а именно к разновидности технической литературы под названием «О фигурах» (*Περὶ σχημάτων*) и «О тропах» (*Περὶ τρόπων*)⁴⁰⁶, которая была широко распространена во времена Галена в кругу интеллектуалов, интересующихся вопросами языка в контексте Второй софистики. Среди тропов Гален выделяет метафору и далее вводит различие между «буквальным» (*χυρί-*) и «метафорическим» или «переносным» (*μεταφορ-* / *μεταφερ-*) словоупотреблением⁴⁰⁷.

Гален не дает определения «буквальному» или «первичному» значению слов, но разъясняет свою мысль на примерах. Рассмотрим два таких примера из III книги трактата «О разновидности пульсов». В первом случае речь идет о прилагательном «полный» (*πληρής*), которое сторонник пневматической школы Архиген и некоторые другие использовали для обозначения одного из разновидностей пульса. Гален резко возражает против такого названия: «Мы говорим, что кувшин полон вина, и мешок полон муки. Также мы говорим, что театр, или ристалище, или совет – полны людей, как и то, что, с другой стороны, они пусты. Также мы иногда говорим, что живот и рот – полны, а иногда – пусты». Далее он продолжает: «И вообще мы говорим, что всякий сосуд, содержащий внутри свободное пространство – или полный или пустой: полный, когда его пространство занято каким-либо иным телом: или одним или многими, а пустой – когда он содержит только воздух. Так все люди именуют [вещи] в собственном смысле (*χυρίως*) или первичном (*πρώτως*)»⁴⁰⁸.

⁴⁰⁵ *De diff. puls.* III, 6 (К. VIII, 671-672).

⁴⁰⁶ См. *Rhetores Graeci* (Walz, vol. 8, 1835: 714-820); *Rhetores Graeci* (Spengel, vol. 3, 1856: 189-256); *Grammatici Latini* (Keil, vol. 1, 1857: Charisius, *Ars Gramm.* 4. 2, p. 272-277; Diomedes, *Ars Gramm.*, 2, p. 456-464; vol. 4, 1864: Donatus, *Ars Gramm.* 3. 6, p. 399-402; vol. 5, 1868: 305-312, 324).

⁴⁰⁷ *De diff. puls.* III, 7 (К. VIII, 688-690); *De plac. Hipp. et Pl.* 9, 9, 43 (К. V, 803-804); *In Hipp. Aphor.* 3, 26 (К. XVII B, 632).

⁴⁰⁸ *De diff. puls.* III, 6 (К. VIII, 671-672).

В последнем отрывке стоит обратить внимание на то, что «буквальное» значение или значение «в собственном смысле» характеризует общее мнение («так все люди именуют»), то есть буквальное значение – это еще и обычное, общепринятое наименование⁴⁰⁹, которому соответствует, в свою очередь, риторическое понятие «ясности» (*σαφήνεια* / *σαφής*)⁴¹⁰. Таким образом, присутствует еще своего рода социальный аспект: общепринятое, обычное словоупотребление, с одной стороны, и частное, личное – с другой. При этом общепринятое словоупотребление понимается как нормативное, а частное как метафорическое, отклоняющееся от нормы. Эта конструкция явно восходит к Аристотелю⁴¹¹, но Гален вводит важные смысловые дополнения. Он постоянно подчеркивает мысль о том, что метафора представляет собой разновидность риторической и грамматической «катахрезы» (*κατάχρησις*), то есть употребления слова в неправильном или несобственном смысле, и использует противопоставление «буквальный» / «катахретический»⁴¹².

Приведем еще один пример, в котором Гален рассуждает о буквальном значении слова в контексте критики метафорического использования представителями школы пневматистов понятий «твёрдый» и «мягкий»: «Хотя каждое из этих двух слов (т.е. «твёрдый» и «мягкий») означает одну вещь в собственном смысле слова (*κυρίως*), они (т.е. Архиген и его последователи пневматисты – прим. авт.) создают, не знаю каким образом, метафоры от метафор. Кто же не знает, что мы называем железо, камень и дерево твердыми телами, а масло, мед, молоко и воду – мягкими? Ибо я думаю, что все люди критерием твердого и мягкого тела имеют осязание»⁴¹³.

⁴⁰⁹ Другие примеры отождествления буквального значения с общепринятым или обычным см. *De simpl. med. temp.* 2, 7 (К. XI, 483); *De praes. ex puls.* 3, 6 (К. IX, 368-369); *In Hipp. Aphor.* 7, 54 (К. XVIII A, 164).

⁴¹⁰ *De puls. diff.* 2, 2 (К. VIII, 567); *In Hipp. Epid.* III 3, 33 (К. XVII A, 678).

⁴¹¹ См. Lloyd 1987: 172-174. О теории метафоры у Аристотеля, которую унаследовал Гален см. Armisen-Marchetti 1990.

⁴¹² Об отождествлении метафоры и катахрезы см. *De diff. puls.* 3, 6 (К. VIII, 675); *De san. tuend.* 2, 5 (К. VI, 120); *In Hipp. Prorrh. comm.* 3, 51 (К. XVI, 806-807); *De simpl. med. temp.* 2, 7 (К. XI, 484).

⁴¹³ *De puls. diff.* 3, 7 (К. VIII, 686).

Понятие «мягкий», как объясняет Гален далее, приложимо ко всем вещам, которые поддаются изменению от внешнего воздействия, а «твёрдый» – к вещам, которые противостоят внешнему воздействию. Для обоснования своего утверждения он приводит два философских текста: цитату из «Тимея» Платона о том, что «твёрдым следует считать то, чему поддается наша плоть, а мягким – то, что поддается плоти»⁴¹⁴. Однако чуть ниже он высказывает свое предпочтение версии «мягкого», которую приводит Аристотель в сочинении «О возникновении и уничтожении»: «мягким следует считать то, что отступает внутрь себя самого и не меняет своего места»⁴¹⁵. Из сказанного Гален делает следующий вывод: «Итак, то, что отступает внутрь себя и не меняет своего места, все эллины называют мягким, а то, что располагает его таким образом – твёрдым». И у того, кто называет вещи собственными именами, а не образными, не будет нескольких значений каких-либо других слов, не будет их и у мягкого и твёрдого»⁴¹⁶.

Гален указывает здесь на еще один признак «буквального» – однозначность: «у того, кто называет вещи собственными именами, а не образными, не будет нескольких значений слов» и «каждое из этих двух слов означает одну вещь». Эта однозначность выступает самой важной составляющей «ясности»⁴¹⁷, которую Гален характеризует как главное достоинство ($\alpha\acute{ρ}\epsilon\tau\acute{η}$) научной речи.

Таким образом, язык науки по представлению Галена располагает, с одной стороны, буквальными-первичными-однозначными-общепринятыми терминами, а с другой – метафорическими-вторичными-двусмысленными-частными. И преимущество отдается, несомненно, однозначности терминов. Метафора, в свою очередь, часто ассоциируется с отсутствием ясности⁴¹⁸.

⁴¹⁴ Plato. *Tim.* 62 b, 6-7.

⁴¹⁵ Arist. *De gen. et corr.* 330 a, 9.

⁴¹⁶ *De diff. puls.* 3, 7 (К. VIII, 688).

⁴¹⁷ О двусмысленности и однозначности в греческой философии см. Plato. *Phaedr.* 263 a, 5-10.

⁴¹⁸ *De puls. diff.* 3, 7 (К. VIII, 690-691); *De praesag. ex puls.* 3, 6 (К. IX, 369-370). Cp. Arist. *Topica* 139 b 32-35.

Рассуждая далее о буквальных и метафорических понятиях «твёрдого» и «мягкого», Гален к характеристике однозначности и многозначности добавляет еще одну противоположную категорию: «случайность» и «закономерность». Проанализировав разные метафорические значения слова *σκληρός* применительно к терминам «голос», «жизнь», «ветер», «вино», «торговля», «задача» и «человек», он пишет: «Мы не буквально (*κυρίως*) и не в первоначальном смысле (*πρώτως*) называем твёрдым каждое из всего прочего, что именуется твёрдым, но называем их так как случайно (*κατὰ συμβεβήκός*), так и путем переноса по некоторому сходству»⁴¹⁹.

Метафора связана со случайными явлениями, которых существует бесконечное множество. По словам Галена: «Поскольку с твёрдым телом могут случиться многие вещи, в каждом из этих случаев возникают метафоры»⁴²⁰. И метафора, и полисемия, согласно теории Галена, представляют собой результат случайного наименования, тогда как однозначность и буквальность отражают сущностное наименование или наименование само по себе (*καθ' αὐτό*).

Таким образом, противопоставление «буквальный-метафорический» содержит дополнительные смысловые категории, такие как: первичный-вторичный, исходный-производный, буквальный-образный, общепринятый-частный, нормативный-девиантный, естественный-чуждый, в собственном смысле слова-катахрестический, точный-двусмысленный, однозначный-многозначный, сущностный-случайный, ясный-неясный.

Несмотря на эти контрастные противопоставления между буквальным и метафорическим, не всегда просто бывает провести между ними четкую границу. В трактате «О разновидности пульсов» он признает, что даже «буквальное» не всегда гарантирует однозначность. Комментируя буквальное значение термина «пустой» (*κενός*) применительно к пульсу, он замечает:

⁴¹⁹ *De puls. diff.* 3, 7 (К. VIII, 690).

⁴²⁰ *Ibid.* Еще один пример связи метафоры со случайностью см. *In Hipp. Off. med.* 2, 15 (К. XVIII В, 763).

«Тогда нам остается называть пульс «пустым» в том же смысле, что и мешок, или бурдюк, или корзину, или сумку, или вообще любой сосуд. Однако если бы это действительно говорилось таким образом, то такой пульс при его возникновении будет пониматься двояко: с одной стороны, как банка, когда в ней только воздух, а с другой – как бурдюк, или мешок, или что-то подобное, стенки которого могут схлопываться друг с другом, точно так же, как надутый бурдюк всегда остается пустым (*κενόν*), но заполненным (*μεστόν*) воздухом. Но если его выпустить, так что он полностью схлопнется со всех сторон, то он станет пустым в строгом смысле слова (*ἀκριβώς*)»⁴²¹.

Таким образом, само буквальное может быть неоднозначным или многозначным, поскольку само по себе может иногда требовать дальнейшего разделения на «строгое буквальное» и «буквальное» не в строгом смысле слова.

Еще одна проблема, на которую обращает внимание Гален при рассуждении о буквальном и метафорическом значении слов, касается «безымянных» или «невыразимых» (*ἀνώνυμα* или *ἄρρητα*) имен и вещей, о которых упоминают уже Демокрит, Платон и Аристотель⁴²². Гален обращается к вопросу безымянных и невыразимых вещей более чем в двадцати различных трактатах, включая и рассматриваемое нами сочинение «О разновидности пульсов». Опять-таки в рассуждении о «твёрдом» и «мягком» он замечает: «Ибо, поскольку все осязаемые качества имеют имена (*όνόματα*), большая глупость вводить для них другие имена на основе метафор. В случае же запахов действительно нет имен (*όνόματα*) для всех качеств, поэтому можно было бы допустить использование чужих слов в переносном значении»⁴²³.

Гален полагает, что решением проблемы, создаваемой такими «безымянными» словами может быть как раз метафора, подразумевая, что

⁴²¹ *De puls. diff.* 3, 6 (К. VIII, 673).

⁴²² Democr. DK 68 B 300; Plato. *Tim.* 58 d, 1-4; 67 a, 1; *Soph.* 220 a, 1-5; *Theaet.* 156 b, 2-7; Arist. *Anal. post.* 96 b, 6-8; *De interpr.* 19 b, 5-9; *De anima* 417 b, 32 – a, 3; *Eth. Nicom.* 1107 b, 1-2; 1107 b, 28-30; *Poet.* 1447 a, 28 – b, 20; 1457 b, 25-30; *Rhet.* 1405 a, 34 – b, 5.

⁴²³ *De puls. diff.* 3, 7 (К. VIII, 692). О проблеме безымянности запахов см. Plato. *Tim.* 66 e, 4 – 67 a-b.

быть безымянным означает не иметь буквального названия в собственном смысле слова⁴²⁴.

Однако Гален не всегда считает необходимым прибегать к метафоре как единственному решению проблемы безымянных понятий. В начале того же сочинения «О разновидности пульсов» он пишет: «Если бы у нас были буквальные названия (*όνόματα κύρια*), следовало использовать их, но если нет, то всегда уместнее объяснять (*ἐρμηνεύειν*) каждую из вещей посредством слова, а не называть посредством метафоры, по крайней мере, всякий раз, когда кто-то хочет дать наставление, а не просто болтать. Но все же, когда человек уже познакомился с предметом, допустимо ради краткого пояснения указывать на вещь, о которой идет речь, посредством слов (*όνόματα*), основанных на метафоре (*ἐκ μεταφορᾶς*) и на катахрезе (*ἐκ καταχρήσεως*). Однако первоначальное наставление во всех научных вопросах (*τεχνικῶν πραγμάτων*) требует буквальных слов (*κυρίων όνομάτων*), ради того, чтобы оно было и ясным (*σαφής*) и четко артикулированным (*διήρθρωμένη*)»⁴²⁵.

Таким образом, метафора допустима либо как крайнее языковое средство в научном обучении и коммуникации, либо, для уже посвященных, как кратчайший путь к быстрому прояснению (*δήλωσις*) посредством указания (*ἐνδειξίς*).

Еще одно затруднение касается необходимости объяснять метафоры, встречающиеся в текстах двух его главных авторитетов – Гиппократа и Платона. И хотя он осуждал других своих предшественников, в частности, врача Архигена за частое использование метафор, в случае Гиппократа или Платона он терпеливо разъясняет их метафорические термины, воздерживаясь от насмешек или порицания. В комментариях к «Тимею» Платона,

⁴²⁴ *De puls. diff.* 3, 6 (К. VIII, 680), *De nomin. med.* 16, 23-31, 16, 37-17.9 (Meyerhof-Schacht). Аристотель также считает метафору подходящей альтернативой для «безымянных» понятий, см. *Eth. Eud.* 1221 а 29-31.

⁴²⁵ *De puls. diff.* 3, 6 (К. VIII, 675). Гален неоднократно подчеркивает необходимость ясности языка для успешного научного наставления, см. *De meth. med.* 1, 8 (К. X, 65-66).

«Эпидемиям» и «Афоризмам» Гиппократа, к его же трактату «О суставах» и в некоторых других текстах, Гален неоднократно разъясняет метафоры этих авторов, не упрекая их за подобное словоупотребление. Исключение составляет комментарий Галена «На I книгу «Предсказаний» Гиппократа, которую Гален считал неподлинным сочинением на основании того, что автор слишком часто использует метафоры⁴²⁶. Несмотря на столь явные противоречия, в целом в своих неэкзегетических работах Гален решительно осуждает употребление метафор, отдавая предпочтение буквальному значению слов.

Еще один вопрос, который поднимает Гален в связи с использованием метафорических терминов в языке науки, касается определений. Использование буквальных, однозначных и общепринятых терминов и отказ от метафор не решает проблему научных определений (*ὅροι*), которые необходимы для логической и доказательной аргументации, которой Гален придавал первостепенное значение в медицинском знании⁴²⁷. Метафорическое наименование необходимо заменить буквальным, но затем буквальное наименование следует заменить определением. Определения, по мнению Галена, достигаются посредством разного рода лингвистических и логических разделений (*διαίρεσις*) и служат своего рода аксиомой, излагая суть вещей и отражая реальность. Однако достижение этих определений, которые могут заменить буквальные названия, не означает, по определению Р. Ханкинсона, «приход к знанию»⁴²⁸, скорее, определение отражает то знание, которым, в некотором смысле, мы уже обладаем⁴²⁹. И это знание, которое еще недостаточно четко сформулировано, пока мы не пришли к определениям путем деления, отражено, как правило, в очевидных и буквальных значениях

⁴²⁶ См. *In Plat. Tim. comm.* (CMG Suppl. 1, Schröder 1934: 13, 16); *In Hipp. Epid. III comm.* 1, 3; 2, 11 (К. XVII A, 493, 630); *In Hipp. Aph. comm.* 3, 26; 5, 16 (К. XVII B, 632, 80); *In Hipp. Artic. comm.* 3, 81; 3, 93 (К. XVIII A, 598, 617); *In Hipp. Prorrhet. comm.* 3, 20; 3, 51 (К. XVI, 754, 806).

⁴²⁷ Hankinson 1991: 20, von Staden 1995: 513.

⁴²⁸ Hankinson 1991: 17-26.

⁴²⁹ *De meth. med.* 1, 5 (К. X, 42).

слов, то есть в традиционном греческом словоупотреблении. Таким образом, буквальное значение слов в обычном языке со всеми вышеуказанными смысловыми категориями имеет решающее значение для построения теории языка науки у Галена.

Гален не стремится создать искусственный, идеальный язык науки, он убежден, что обыденный язык при условии сохранения буквальности способен дать правильные названия для тех вещей, которые необходимо исследовать. Метафора же, как пишет Гален в трактате «О мнениях Гиппократа и Платона», принадлежит к четвертому или софистическому классу посылок (*λήματα*), т. е. посылкам, содержащим ложные умозаключения (*σοφίσματα*) и, следовательно, наиболее далекими от научных посылок (*ἐπιστημονικά*)⁴³⁰.

Таким образом, из рассуждений Галена о метафоре и ее месте в языке науки следует, что: 1. язык естественным образом возник (*πέφυκε*) с одной единственной целью (*πρὸς ἔν*): «хорошо обозначать» (*τὸ εὖ σημαίνειν*); 2. хорошее обозначение подразумевает ясность, однозначность и буквальность; 3. носители греческого языка не сомневаются в значении используемых ими терминов, поскольку используют обычные, общеупотребительные и всем понятные слова⁴³¹. Это основополагающее и интуитивное понимание «буквального» значения служит методологической, эпистемологической и лингвистической отправной точкой для Галена. Из этого следует, что ученый должен быть также лингвистом, который изучает обычное словоупотребление и выбирает для языка науки буквальные значения терминов, а затем посредством логических и лингвистических разделений заменяет их подходящими научными определениями.

В свою очередь, знание обыденных слов требует от ученого и врача хорошего владения литературой, поэтому в вопросах правильного

⁴³⁰ *De plac. Hipp. et Pl.* 3, 5, 17-18 (К. V, 325-326). Гален выделяет 4 класса посылок: научные, диалектические, риторические и софистические – см. *ibid.*, 2, 3, 9-12; 2, 4, 3-4; 2, 5, 25-29 (К. V, 220-221, 226-227, 244-245).

⁴³¹ *De meth. med.* 1, 5; 2, 7 (К. X, 39); *De nomin. med.* 16, 39-17, 9 (Meyerhof-Schacht).

словоупотребления Гален постоянно обращается не только к своим многочисленным медицинским предшественникам, но и к Платону, Аристотелю, Теофрасту, Гомеру, Феокриту, Пиндару, Аристофану, стоикам, грамматикам, Александрийским экзегетам и др. В центре его внимания оказываются не только детали каких-то теорий, учений или методов, но и язык науки. Образцами буквального и обыденного словоупотребления, которое Гален пытается изучить и оживить, выступают тексты Платона и Аристофана, которые были для него примером чистой и разговорной аттической лексики. При этом, для лингвистического проекта Галена главная задача заключалась не в следовании аттическому диалекту, а в ясности (*σαφήνεια*), которая достигалась традиционным и буквальным значением слов. Он упоминает о том, что мог бы допустить даже солецизмы и варваризмы, если бы они не препятствовали ясности⁴³².

Несмотря на свое стремление к буквальности и разоблачение метафор своих предшественников, Гален сам достаточно активно использовал метафоры, и это противоречие его, очевидно, николько не смущало. И тем не менее он был уверен, что хороший ученый должен быть не только философом, но и историком науки и языка, и разоблачая метафоры, он готовил обоснование для своего научного метода.

II. 4. Гален о семантике медицинских терминов

Помимо рассуждений о метафоре и ее характеристиках Гален обращает внимание и на разные аспекты семантики медицинских терминов. Часто он разъясняет то или иное слово посредством подбора одного или нескольких синонимов, дает развернутые определения терминам, проявляет интерес к их этимологии, вводит неологизмы и др.

Он отмечает, что медицинские термины требуют разъяснения и определения, «дабы при их употреблении в ходе повествования сказанное не

⁴³² *De puls. diff.* 2, 2; 2, 5 (К. VIII, 567, 586-588); *De meth. med.* 1, 5; 1, 9 (К. X, 43, 71).

оказалось неясным (ἀσαφές) и не нарушалась связность наставления (τὸ συνεχὲς τῆς διδασκαλίας) всякий раз, как мы захотим разъяснить (σαφηνίζειν) новое [понятие]»⁴³³. Как было показано выше, ясность и связность изложения были неотъемлемой частью любого текста, организованного в соответствии с античным риторическим учением о стиле – как в устной публичной речи, так и в письменной прозе. Ясность предполагала употребление терминов в точных значениях, не допускающих двусмысленности и имела целью сделать речь понятной и убедительной. А связность позволяла выстроить четкую и последовательную логику повествования.

Большинство анатомических терминов во времена Галена требовали разъяснения, поскольку одни восходили еще ко временам Гиппократа и «древних врачей» (παλαιοὶ ἰατροί) и нуждались в разъяснения как устаревшие; другие вошли в употребление у современных врачей (νεώτεροι ἰατροί), могли иметь множество синонимов и были не всем понятны, а трети Гален вводит сам, поскольку, по его собственному замечанию, «нет ничего неуместного в том, чтобы создавать новые термины ради ясности преподавания, исходя из уже существующих слов»⁴³⁴.

Гален неоднократно рассуждает о происхождении того или иного термина, задаваясь вопросом: «что означает (σημαίνει) это слово?»⁴³⁵, и старается дать ему точное определение. Так, в трактате «*O костях для начинающих*» прежде описания строения кости или костного соединения он дает определение терминам, используя глагол λέγεσθαι или ὄνομάζεσθαι: «у людей полное сочетание всех костей, соединенных друг с другом, называется скелетом» или в другом месте: «голеню называется, с одной стороны, вся часть ноги от колена до лодыжки, а с другой, – большая кость этой части [ноги]»⁴³⁶.

⁴³³ *De oss. I a, 5* (К. II, 734 = Garofalo 2005: 39).

⁴³⁴ *Ibid. I a, 14* (К. II, 736 = Garofalo 2005: 41).

⁴³⁵ См. *In Hipp. Epid. III. 3* (К. XVII A, 778 = CMG V 10, 2, 1, Wenkebach 1936).

⁴³⁶ *De oss. I a, 6; XXII, 1* (К. II, 734; 774 = Garofalo 2005: 40; 80).

В случае, когда Гален затрудняется дать точное определение термину, он разъясняет его через подбор синонимов: «При полностью удаленной кости вместо нее образуется другая сущность, отличная и от кости и от плоти, ибо на ее месте возникает словно бы некая мозолистая плоть ($\sigma\grave{\alpha}\rho\acute{\epsilon}$ πωροειδής) или плотеподобная мозоль ($\pi\grave{\alpha}\rho\acute{o}s$ σαρκοειδής)»⁴³⁷. Или, в другом месте, он разъясняет термин $\grave{\alpha}\gamma\chi\acute{m}\acute{e}\nu\acute{o}s$ через его синоним $\pi\nu\acute{g}\acute{y}\acute{m}\acute{e}\nu\acute{o}s$, «удушающий»⁴³⁸. Иногда Гален приводит целый ряд возможных синонимов, отмечая их взаимозаменяемость: «И совершенно очевидно, что нет никакой разницы в словоупотреблении [терминов] *сочетание, сочленение, соположение или связность костей*»⁴³⁹.

Во времена Галена еще не существовало устойчивой анатомической номенклатуры терминов, поэтому Гален вступает в дискуссию о верном наименовании того или иного анатомического образования. В одних случаях он просто упоминает о мнении разных авторов: «Эту кость одни называют *надколенником*, а другие – *коленной чашкой*»⁴⁴⁰. В других случаях он отмечает тот термин, который предпочитает употреблять сам: «в этой кости находится шиловидный отросток, который я называю *игловидным и грифеливидным*»⁴⁴¹. В третьих – он вступает в полемику с оппонентами. Так, рассуждая о том, можно ли относить к костям зубы, он предупреждает возможные возражения софистов, замечая, что «они были бы правы, если убеждали нас называть зубы не так, но давать им какое-нибудь другое название. Однако совершенно очевидно, что называть их хрящами, или артериями, или венами, или жилами не подобает <...>. Но если мы не будем говорить о них ни в анатомии вен, ни в анатомии артерий, нервов, мышц и внутренностей, ни в настоящем трактате

⁴³⁷ *Ars med.* XXXV, 3 (Boudon-Millot 2002: 382).

⁴³⁸ *Ling. exol. Hipp. expl.* (К. XIX, 69).

⁴³⁹ *De oss.* I a, 12 (К. II, 735 = Garofalo 2005: 41).

⁴⁴⁰ *Ibid.* XXIII, 1 (К. II, 775 = Garofalo 2005: 81).

⁴⁴¹ *De oss.* I b, 18 (К. II, 745 = Garofalo 2005: 50).

о костях, мы не скажем о них вообще никогда. Стало быть, следует послать софистов подальше»⁴⁴².

В некоторых случаях он обращает внимание на полисемию термина: «не следует понимать слово «тучный» ($\pi\acute{\iota}\omega\nu$) только как нечто «жирное» ($\tau\acute{o}\lambda\iota\pi\alpha\acute{r}\omega\nu$), но также как «сладостное» ($\tau\acute{o}\gamma\lambda\iota\kappa\acute{u}$) и вообще «приятное» ($\tau\acute{o}\eta\delta\acute{u}$)»⁴⁴³. Кроме того, он отмечает, что некоторые термины могли иметь разное значение в медицине и у классических греческих авторов. Так, например, термин $\pi\acute{e}\mu\phi\acute{\iota}\xi$ означал «дыхание» в сочинениях Эсхила и Софокла, но «пустула» – у Гиппократа⁴⁴⁴.

Приведем еще один пример многозначности некоторых терминов, о которых упоминает Гален. Рассуждая о слове $\chi\acute{u}\omega\nu$, «собака», он пишет: «Что касается меня, то я предложил вопрос – что такое собака? И когда один из присутствующих ответил, что это четвероногое животное, которое лает, я сказал: «А «морская собака» – это тоже четвероногое, которое лает? А небесное светило? А заболевание лица?»⁴⁴⁵. Полисемия или омонимия медицинских терминов, обусловленные, в частности, их длительной диахронией, могли, по мнению Галена, приводить к неясности. В этом случае, он прибегает к разъяснению и уточняющим характеристикам. Например, термин «жила» ($\nu\acute{e}\mu\phi\acute{o}\nu$) мог означать и нервы, и сухожилия, и связки. Поэтому Гален приводит уточняющие формулировки: «жилы, которые рождаются из головного и спинного мозга, мы называем *произвольными*; те, что происходят из мышц – *сухожилиями*; а те, что из костей – *связками*»⁴⁴⁶.

Гален, как было отмечено выше, подвергает критике метафорические значения терминов, однако постоянно вынужден давать разъяснения уже общепринятых терминов, употребляемых как в анатомии, так и в патологии.

⁴⁴² *Ibid.* V, 1-3 (К. II, 752-753 = Garofalo 2005: 57-58).

⁴⁴³ *In Hipp. Epid. VI*, 5 (К. XVII B, 272 = CMG V 10, 2, 2 Wenkebach 1956).

⁴⁴⁴ *In Hipp. Epid. VI*, 1 (К. XVII A, 878 = CMG V 10, 2, 2 Wenkebach 1956).

⁴⁴⁵ *De diff. puls.* 2 (К. VIII, 573). Под «морской собакой» ($\delta\theta\alpha\lambda\acute{a}\tau\tau\iota\omega\varsigma\chi\acute{u}\omega\nu$) имеется в виду «тюлень».

⁴⁴⁶ *De oss.* I a, 24 (К. II, 739 = Garofalo 2005: 44-45).

Так, разъясняя названия зубов, он замечает, что коренные зубы ($\gamma\acute{o}\mu\phi\iota\omega\iota$) называются еще и *мельничными* ($\mu\acute{o}\lambda\alpha\iota$), получив свое название «посредством метафоры, поскольку служат для измельчения пищи»⁴⁴⁷.

Необходимость выбора точного термина для медицинского понятия приводит Галена к рассуждениям о преимуществах того или иного названия у разных авторов. Например, он пишет, что Платон, называя субстанцию головного мозга «мозгом» ($\mu\acute{o}\epsilon\lambda\dot{\omega}\nu \acute{o}\nu\mu\alpha\zeta\epsilon\iota$), не дает точного обозначения, поскольку «даже если это и мозг, необходимо еще кое-что добавить к этому обозначению. Ведь существует один мозг в позвоночнике, другой – в каждой из костей <...>. Поэтому многие называют его головным мозгом ($\mu\acute{o}\epsilon\lambda\dot{\omega}\nu \acute{e}\gamma\chi\epsilon\phi\alpha\lambda\iota\tau\eta\mu$), а другие <...> мозгом головы ($\mu\acute{o}\epsilon\lambda\dot{\omega}\nu \acute{e}\gamma\chi\epsilon\phi\alpha\lambda\mu\omega\mu$)»⁴⁴⁸. В другом месте он делает замечание по поводу термина «мозжечок» ($\pi\alpha\mu\epsilon\gamma\chi\epsilon\phi\alpha\lambda\iota\zeta$): «А голову, заостренную на затылке, рассматривай подобно определениям, [данным] относительно головы большого размера в целом, поскольку в большинстве случаев и здесь хороший признак, когда мозжечок имеет соразмерную форму. Некоторые из врачей называют его задним мозгом ($\acute{o}\pi\acute{o}\sigma\theta\iota\omega\iota \acute{e}\gamma\chi\epsilon\phi\alpha\lambda\mu\omega\mu$), поскольку он действительно находится сзади, будучи ограничен лямбдовидным швом»⁴⁴⁹.

Во второй книге трактата «О методе лечения»⁴⁵⁰ Гален приводит четкую классификацию терминов в области патологии. Он различает заболевания, получившие свое название по больной части тела, по симптуму, по предшествующей причине, по сходству с каким-то предметом, по имени тех, кто страдал от этого заболевания и др.⁴⁵¹. Внешним сходством Гален объясняет такие термины, как *клювовидный отросток, мечевидная кость*, наименования швов черепа, которые похожи на буквы греческого алфавита, например,

⁴⁴⁷ *Ibid.* V, 4 (К. II, 753-754 = Garofalo 2005: 58-59).

⁴⁴⁸ *De usu part.* VIII, 4 (К. III, 627-629).

⁴⁴⁹ *Ars med.* VI, 6 (Boudon-Millot 2002: 289). См. Morison 2008: 133-134.

⁴⁵⁰ *De meth. med.* (К. X, 81-83).

⁴⁵¹ Skoda 1988: 185-187.

лямбдовидный шов, название заболевания *рак*; сходством по функции – *клыки и резцы*. Метонимическим переносом объясняется наименование венечного шва, который получил свое название потому, что «главным образом на эту часть головы возлагают венки»⁴⁵².

Помимо семантики Гален интересуется и вопросами этимологии, которую он приводит для объяснения или обоснования медицинских терминов. Так, объясняя термин *θέναρ*, «ладонь», которое имеет исходное значение «углубление» или «полость», он признает правоту некоторых любителей этимологии (*ἐνιοὶ <...> τῶν χαιρόντων ἐτυμολογίας*)⁴⁵³. Упоминания об этимологии слов встречаются столь часто, что мы ограничимся лишь некоторыми примерами. Так, он замечает, что термин *κένωσις*, «опорожнение» происходит от прилагательного *κενός*, «пустой, порожний», а название такого симптома, как *τεινεσμός*, «тенезмы», связывает со словом *τάσις*, «напряжение»⁴⁵⁴. Исследуя этимологию термина, Гален касается и морфологии слова. Так, объясняя значение растения *ἄλυσσον*, букв. «устраняющее бешенство» (*ἀ- privativum + λύσσα, «бешенство»*) Гален пишет: «Трава называется «алиссон», потому что она чудесным образом помогает тем, кого укусила бешеная собака»⁴⁵⁵.

Вопросы лексикологии и этимологии достаточно часто становились предметом ожесточенных споров с конкурентами. Так, он высмеивает тех, кто утверждает, будто плоды сикоморы (*συκόμορα*) получили свое название потому, что похожи на фиги (*σύκοις*) и тутовые ягоды (*μόροις*)⁴⁵⁶. Этимология слова могла выступать дополнительным аргументом в защиту собственной позиции. Например, рассуждая в «Протрептике» о вреде, который приносят здоровью занятия профессиональным спортом, он пишет: «Итак, очевидно, что

⁴⁵² *De oss.* XIV, 4; XIII, 5; I b, 2; V, 5; I b, 3 (К. II, 767; 765; 740; 754; 741 = Garofalo 2005: 72; 70; 46; 59; 46); *De meth. med.*, 2 (К. X, 83).

⁴⁵³ *In Hipp. De fract.*, 1 (К. XVIII 2, 364).

⁴⁵⁴ *De dign. puls.* 5 (К. VIII, 928); *In Hipp. Aphor.* (К. XVIII A, 126).

⁴⁵⁵ *De simpl. med. temp. ac fac.* 6 (К. XI, 823).

⁴⁵⁶ *De alim. fac.* 2 (К. VI, 617).

относительно телесного здоровья нет никакого иного более жалкого рода ($\alpha\theta\lambdai\omega\tau\epsilon\tau\omega$), чем атлеты ($\alpha\theta\lambda\eta\tau\omega$), а потому вполне справедливо можно сказать, что они имеют схожее имя, поскольку или атлеты получили свое название от слова «жалкий» ($\alpha\theta\lambdai\omega$), или жалкие заимствовали свое имя от слова «атлет» ($\alpha\theta\lambda\eta\tau\omega$), или наименование и тех, и других вместе происходит от их жалкого состояния ($\alpha\theta\lambdai\ot\eta\tau\omega\zeta$), словно от одного источника»⁴⁵⁷. Иногда Гален использует этимологию в ироническом смысле, обыгрывая то или иное значение слова. Так, в том же «Протрептике», высмеивая силу атлетов, он говорит о том, что атлеты не могут превзойти в силе животных: «И в истории, знающей много примеров, записано будет, как / осел победил однажды мужей во всеобщее, / в двадцать первую было то олимпиаду, когда взял / победу Онкест»⁴⁵⁸. В данном случае имя собственное 'Ουχηστής происходит от глагола $\delta\gamma\chi\alpha\omega\mu\alpha$, «реветь», «кричать» применительно к реву осла.

По всей видимости, Галена интересовали и другие узко технические вопросы лингвистики. В частности, он обращает внимание на корневые паронимы, отмечая модификацию букв с помощью глагола $\mu\epsilon\tau\alpha\gamma\rho\alpha\phi\epsilon\iota\omega$, означающего в данном случае «менять буквы». В качестве примера он приводит глаголы $\delta\gamma\gamma\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ и $\epsilon\delta\gamma\gamma\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ ⁴⁵⁹. В другом месте он пишет о том, что две разновидности ангины – $\chi\nu\eta\alpha\gamma\chi\eta$ и $\sigma\nu\eta\alpha\gamma\chi\eta$ различаются на письме и при произнесении только одной начальной буквой⁴⁶⁰.

Анализ отдельных замечаний Галена о языке показывает его пристальный интерес к когнитивному процессу обозначения и наименования предметов и явлений, а также научно-методический подход к вопросам лексикологии и лингвистики: образованию и истории слов, синонимии, полисемии, полю употребления, структуре термина и др. И, хотя, по собственному признанию Галена, его больше заботило не то, каким словом

⁴⁵⁷ *Protr.* XI, 11 (Boudon-Millot 2002: 110).

⁴⁵⁸ *Protr.* XI, 9 (Boudon-Millot 2002: 109).

⁴⁵⁹ *In Hipp. Epid.* VI. 2 (К. XVII, 1, 908 = CMG V 10, 2, 2 Wenkebach 1956)

⁴⁶⁰ *De loc. aff.* 4 (К. VIII, 248).

назвать ту или иную болезнь, а то, каким образом ее следует лечить⁴⁶¹, в своих сочинениях он обозначил много проблем в области семантики медицинских терминов, с которыми сталкиваются и сегодня составители медицинских номенклатур.

Выводы

Из проведенного анализа употребления риторических терминов следует, что Гален признавал важность изучения риторического искусства для получения классического греческого образования. Однако в классификации видов искусств риторика уступала философии и медицине. И, хотя Гален нигде не упоминает о своих учителях риторики, он прекрасно владел риторической терминологией, описанной в теоретических и учебных текстах по риторике и грамматике. В своих текстах он иногда апеллирует к собственным, ныне утраченным сочинениям, посвященным отдельным вопросам языка и стиля, которыми занимались ораторы и грамматики.

Несмотря на свое негативное отношение к ораторам и софистам, которых он упрекает в манипулировании словесными приемами и недостатке логической аргументации, он придавал большое значение качеству речи, прежде всего, ее ясности и терминологической точности. Гален дает четкое определение таким понятиям, как ясность и неясность речи, и перечисляет соответствующие им характеристики. Сопоставительный анализ разных контекстов показывает, что одни и те же риторические термины могли носить как положительную, так и отрицательную окраску. Интерес Галена к вопросам правильного словоупотребления подтверждает и его употребление термина «солецизм», который он относит к разным языковым категориям: ошибкам в употреблении числа, рода, падежа, нарушениям синтаксической конструкции, неправильной орографии и использованию диалектных форм.

⁴⁶¹ *Ibid.* 6 (К. VIII, 400).

Анализ контекстов, в которых употребляется термин *μεταφορά*, позволяет сделать вывод о том, что Гален придерживался собственной теории метафоры, которая восходила к Аристотелю, но содержала ряд важных дополнений. Из рассуждений Галена следует, что одна из главных функций языка состоит в правильном обозначении явлений и понятий, которое подразумевает ясность, однозначность и буквальность значения слова. Язык науки, по его мнению, пользуется, с одной стороны, терминами «буквальными», а с другой – метафорическими, которым присущи такие бинарные оппозиции, как первичность-вторичность, исходность-производность, общепринятость-частность, нормативность-отклонение, естественность-чуждость, точность-двумысленность, однозначность-многозначность, сущностность-случайность, ясность-неясность. Метафора характеризуется отсутствием ясности (*σαφήνεια*), а потому допустима в качестве термина лишь в крайнем случае. Из этого следует, что ученый должен быть также лингвистом, который изучает обычное словоупотребление и выбирает для языка науки буквальные значения терминов, а затем посредством логических и лингвистических разделений заменяет его подходящим научным определением.

В свою очередь, знание обыденных слов требует от ученого и врача хорошего владения литературой, поэтому в вопросах правильного словоупотребления Гален постоянно обращался не только к своим многочисленным медицинским предшественникам, но и к Платону, Аристотелю, Теофрасту, Гомеру, Феокриту, Пиндару, Аристофану, стоикам, грамматикам, Александрийским экзегетам и др. Образцами буквального и обыденного словоупотребления, которое Гален пытается изучить и оживить, выступают тексты Платона и Аристофана, которые были для Галена примером чистой и разговорной аттической лексики. При этом, для лингвистического проекта Галена главная задача заключалась не в следовании аттическому диалекту, а в ясности (*σαφήνεια*), которая достигалась традиционным и буквальным значением слов. Таким образом, риторика интересовала Галена как инструмент, позволяющий сделать понятными как собственные тексты, в

которых он вел живую полемику с оппонентами, так и тексты его предшественников.

И, наконец, проведенный анализ семантики медицинских терминов Галена также показал, что первостепенной важностью для него обладала терминологическая ясность и точность, которые обеспечивали логическую последовательность и четкость преподавания и передачи медицинского знания. Кроме того, они были ключевыми критериями научного текста. Для разъяснения устаревших, малоизвестных или узко специализированных терминов Гален использовал разные лингвистические методы: подбирал синонимы для уточнения значения, разъяснял этимологию слов, давал развернутые определения разных понятий, стремился преодолеть полисемию и омонимию некоторых медицинских терминов, предлагая уточняющие формулировки. Он считал допустимым и введение неологизмов, созданных на основе существующей лексики, если они способствовали точности описания. Гален постоянно дает комментарии по поводу правильного употребления того или иного термина, поэтому медицинская терминология, несомненно, была предметом научной дискуссии (например, о названиях костей или классификации зубов), в которой Гален, несомненно, принимал самое живое участие. Таким образом, он заложил основы систематизации и стандартизации медицинской терминологии, сочетая лингвистические, риторические и логические методы ведения аргументации.

Глава III. ГАЛЕН И ЕГО СИСТЕМА АРГУМЕНТАЦИИ

В настоящей главе будут рассмотрены способы аргументации в сочинениях Галена. Сначала речь пойдет об интерпретации Галеном знаков в контексте медицинской прогностики и диагностики, а также о способах толкования текстов Гиппократа, а затем – о полемических приемах опровержения аргументации оппонентов и инвективе. При рассмотрении этих вопросов мы исходим из предположения, что основная цель большинства сочинений Галена состоит в том, чтобы убедить читателя или слушателя и доказать состоятельность своего научного метода, а также утвердить свой моральный и научный авторитет.

III. 1. Семиотика и герменевтика: от прогностики к комментариям

В этом разделе мы рассмотрим вопросы интерпретации знаков в медицине, роль клинических случаев в галеновской системе аргументации, методы комментирования текстов Гиппократа и истолкования анатомии как раскрытия тайн природы. При выстраивании стратегии доказательств Гален использует целый набор риторических приемов, которые он использует почти во всем корпусе своих сочинений. Ввиду большого объема как самого корпуса текстов, так и его отдельных сочинений, в частности, комментариев, а также недостаточной изученности многих из них, при анализе проблемы мы прибегнем к репрезентативной выборке наиболее изученных и хорошо изданных текстов.

III. 1. 1. Семиология Галена

Истолкование знаков было важной частью античного знания. В мире видимых явлений и чувственно воспринимаемых вещей различные знаки, которые распознавали и истолковывали богоизбранные или специально обученные люди, служили указанием существования вещей невидимых и могли свидетельствовать о прошлом или будущем. Речь могла идти как о

метеорологических или астрологических прогнозах, разного рода дивинациях, так и о медицинских прогнозах и диагнозах. Интерпретация знаков и знаковых систем была при этом полем для состязания и конкурентной борьбы, где каждый из участников должен был продемонстрировать состоятельность своих доводов: представить анализ вопроса, дать предсказание или прогноз и убедить слушателя⁴⁶².

Медицина была тесно связана с интерпретацией знаков, которая обеспечивала репутацию врача. Уже в *Гиппократовом сборнике* можно найти множество свидетельств о состязательном характере прогностики и ее главенствующей роли в медицинской практике⁴⁶³. В эллинистическую и римскую эпохи роль прогностики не только не отрицалась, но, напротив, это направление медицинского знания активно разрабатывалось и усложнялось.

У Галена распознавание и истолкование знаков и их свойств, установление диагноза, исходя из интерпретации признаков болезни, и определение прогноза составляли важную часть его научного метода, которому он посвятил отдельное сочинение по медицинской семиологии под названием «О прогнозе» (*De praecognitione*). Кроме того, значительную часть его наследия составляют комментарии к текстам Гиппократа, где Гален выступает как истолкователь (έρμηνευτής) его текстов. И, наконец, он раскрывает тайны божественной Природы в том, что касается человеческой анатомии – в сочинении «О назначении частей человеческого тела» (*De usi partium*), а в том, что касается постановки диагноза – в сочинении «О пораженных местах» (*De locis affectis*).

⁴⁶² Пролыгина 2024: 553-558.

⁴⁶³ См., напр., «Прогностика» I, 1-3: «Мне кажется, что для врача самое лучшее позаботиться о способности предвидения. В самом деле, когда он будет предузнавать и предсказывать у больных и настоящее, и прошедшее, и будущее, и все то, что больные опускают при своем рассказе, то, конечно, ему будут верить, что он больше знает дела больных, так что с большей доверчивостью люди будут решаться вручать себя врачу. А задача лечения наилучше будет совершаться, если он из настоящих страданий предузнает будущие» (пер. В.И. Руднева, Гиппократ 1936: 309). О языке прогностики у Гиппократа см. Langholz 1990: 232-254.

III. 1. 2. Диагностика и прогностика

Во времена Галена признаками в медицине считались любые телесные видимые знаки, которые могли служить указанием на природу недуга и, соответственно, на способ его лечения. Для постановки правильного диагноза и предположения о прогнозе следовало учитывать несколько факторов: то, что выступало как знак; то, на что указывал знак; и контекст, в котором соответствующая вещь оказывалась для интерпретатора знаком⁴⁶⁴. Основополагающим текстом в области прогностики и диагностики больного Гален считал трактат Гиппократа «Прогностика». На состояние больного указывали различные черты внешнего физического вида человека, такие, например, как худоба, отечность, бледность и др., а также его выделения. Однако к этим признакам Гален добавляет еще один важный диагностический тип признаков, который не принимался в расчет врачами во времена Гиппократа⁴⁶⁵: пульс и его разновидности. Как показал Г. фон Штаден в своей монографии, посвященной Герофилю Александрийскому, учение о пульсе или сфигмологии восходит к Александрийской медицинской школе. Однако заслуга детальной разработки этого сложного предмета и определении его роли в диагностике принадлежит именно Галену⁴⁶⁶.

Терминология Герофилла в области сфигмологии, в частности, наименования ритмов, вызывала целый ряд трудностей и противоречивых толкований, поэтому часто становилась объектом научных споров, которые начались уже среди последователей Герофилла, т. наз. «герофилен», и продолжались в эпоху Галена. В серии трактатов, посвященных пульсу, Гален в сжатом виде дает разъяснение терминам, которые он употребляет, и фактам, которые наблюдает, комментируя по ходу дела терминологию своих предшественников – главным образом, Герофилла и Архигена Апамейского –

⁴⁶⁴ Ср. Моррис 1983: 39.

⁴⁶⁵ В трактате *De diff. puls.* I, 2 (К. VIII, 497) Гален упоминает о том, что Гиппократ имел некоторое представление о важности пульса.

⁴⁶⁶ von Staden 1989: 262-288, см. также Barton 1994, 3 глава.

еще одного важного автора в этой области. Сочинения Галена по сфигмологии можно разделить на сочинения для начинающих: «О пульсах для начинающих» (*De pulsibus ad tirones*), «Синопсис своих книг о пульсах» (*Synopsis librorum suorum de pulsibus*) и на более сложные и развернутые трактаты для практикующих врачей: «О диагностике по пульсам» (*De dignoscendis pulsibus*), «О разновидности пульсов» (*De differentia pulsuum*), «О причинах пульсов» (*De causis pulsuum*) и «О прогнозе по пульсам» (*De praesagitione ex pulsibus*)⁴⁶⁷. Последние четыре текста образуют целый, если можно так выразиться, учебно-методический комплекс в 16 книгах, который был исключительно популярен в более позднее время, особенно на Западе, и благодаря этому полностью сохранился. Любопытно отметить, что в этих текстах Гален рассуждает не только о пульсе, но приводит множество замечаний о себе, своем медицинском методе и греческой медицинской терминологии. Центральное место в них занимает истолкование различных признаков здоровья и болезни и анализ богатого терминологического словаря медицинской семиотики. Пояснение терминов сопровождается постоянными ссылками на ошибочные толкования Архигена Апамейского⁴⁶⁸, которые Гален постоянно исправляет или дополняет, иллюстрируя свои доводы серией клинических случаев. Таким образом, сочинения о пульсе, как и многие другие сочинения Галена, носят полемический характер, который соответствовал ожиданиям публики, привыкшей к публичным дебатам, и был присущ агонистической культуре Второй софистики.

Одним из препятствий для передачи знаний по пульсологии Гален считает чувственно воспринимаемый характер этого знания⁴⁶⁹. По сути, хорошего и плохого врача в этой области отличает только опыт. В начале важного для понимания этой проблемы трактата «О разновидности пульсов»,

⁴⁶⁷ Список сочинений по сфигмологии приводит сам Гален в сочинениях О собственных книгах (*De libr. pr.* VIII, 1-6, Boudon-Millot 2007: 158-159) и *O порядке собственных книг* (*De ord. libr.* II, 22, Boudon-Millot 2007: 96). Рус. пер. Пролыгина 2016, 2017.

⁴⁶⁸ Сочинения Архигена Апамейского не сохранились.

⁴⁶⁹ *De dign. puls.* I, 1 (К. VIII, 773).

в котором Гален дает объяснение терминологии, описание видов и различий пульсов, он пишет, что выразить словами различия пульсов представляется почти невыполнимой задачей, хотя он за нее и берется⁴⁷⁰. Далее он сетует на то, что вынужден обсуждать различные виды пульсов, их названия и значения для диагностики и прогностики ввиду общего низкого уровня знаний современных врачей⁴⁷¹. Помимо указаний на то, что интересовало, в первую очередь, врачей его времени этот текст любопытен еще и тем, что в нем Гален выводит свои рассуждения о пульсе за рамки всяких дискуссий и полемики ввиду своего абсолютного авторитета в этом вопросе. Он прибегает к известному риторическому приему – *captatio benevolentiae*, замечая в конце своего предисловия, что стремится, прежде всего, к ясности, а потому предлагает перейти от бесполезных споров о терминах к преподаванию практических знаний. Эта обозначенная с самого начала позиция указывает на исключительный авторитет Галена как врача и наставника, благодаря чему все последующие книги по пульсологии были в высшей степени востребованы на протяжении многих столетий и сохранились в полном объеме⁴⁷².

III. 1. 3. Коллекция клинических случаев

В собрании текстов Галена сохранилась достаточно впечатительная коллекция рассказов о заболевании и лечении пациентов – так называемых клинических случаев или кратких историй болезней. Функция этих рассказов состоит не только в том, чтобы проиллюстрировать какое-либо теоретическое объяснение, но и в том, чтобы подчеркнуть высокую компетенцию лечащего врача, который умеет правильно оценить состояние больного. В отличие от

⁴⁷⁰ *Ibid.* (К. VIII, 496).

⁴⁷¹ *Ibid.* (К. VIII, 493-497).

⁴⁷² Напр., в сборнике «Амфилохий» свт. Фотия сохранился небольшой трактат «О медицинских вопросах» (322), который представляет собой собрание из четырех фрагментов различной медицинской тематики. Два фрагмента посвящены прогностике и сfigмологии как наиболее востребованным темам, требующим разъяснения, см. Пролыгина 2021: 125-139. М. Аспер (Asper 2006: 21-39) считает, что успех сочинений Галена по пульсологии объяснялся в немалой степени его блестящим владением риторическими приемами.

своих предшественников, которые ограничивались лишь изложением фактов и описанием признаков, Гален упоминает в своих рассказах о реакции пациентов, которые удивляются и восхищаются его мастерством. Поэтому большое место в его историях болезней занимает словарь с терминами восхищения и даже чудотворения. Например, пациенты называют Галена παραδοξοποιός, «чудотворец» или παραδοξολόγος, «рассказывающий о диковинных вещах». Кроме того, он обращает себе на пользу обвинения в колдовстве со стороны своих злонамеренных завистников, наглядно демонстрируя механизмы своей диагностики. Таким образом, главную роль в рассказах играет фигура самого Галена как опытного истолкователя признаков, владеющего методом прогностики, и этот *ethos* Галена добавляет убедительности его аргументации.

Приведем в качестве примера отрывок из его сочинения Галена «О пораженных местах», в котором он ставит диагноз одному сицилийскому врачу, знакомому его друга Главкона⁴⁷³. Главкон неплохо разбирался в медицине и философии, хотя в некоторых медицинских вопросах проявлял скептицизм. Встретив однажды Галена, он привел его к своему знакомому с трудным клиническим случаем, поскольку хотел проверить утверждения своих друзей о якобы почти сверхъестественных способностях Галена в вопросах диагностики. В этом кратком и живописном рассказе он изображает постепенно возрастающее восхищение Главкона и изумление больного, который и сам был врачом. Гален обращает внимание на мельчайшие детали домашней обстановки, включая ночной горшок, и распознает причину ошибочного диагноза. На глазах у изумленной публики – пациента, его лечащего врача, слуг и помощников – он переходит от одного умозаключения к другому, делая в итоге убедительный и приводящий всех в изумление вывод о причине болезни:

⁴⁷³ *De loc. aff.* V, 8 (К. VIII, 361-366). Cp. Boudon-Millot 2003: 109-131; Petit 2018: 81-82.

παρέχουσαν οὖν μοι καὶ τὴν τύχην ὁδὸν, ὡς εὐδοκιμῆσαι παρὰ τῷ Γλαύκωνι, συνιδὼν, ἐπήνεγκα τὴν ἑαυτοῦ χεῖρα κατὰ τῶν τοῦ κάμνοντος ἐν τῷ δεξιῷ μέρει νόθων πλευρῶν, καὶ δεικνὺς ἄμα τὸν τόπον, ἔφην ἀλγεῖν αὐτὸν ἐνταῦθα· τοῦ δ' ὀμοιογήσαντος, ὁ Γλαύκων ἐκ τοῦ σφυγμοῦ μόνου τὴν διάγνωσιν τοῦ πεπονθότος τόπου νομίσας γεγονέναι, καταφανῆς ἦν μοι θαυμάζων. ὅπως οὖν αὐτὸν μᾶλλον ἐκπλήξαιμι, προσετίθην καὶ ταῦτα· καθάπερ, ἔφην, ὡμοιόγηκας ἐνταυθοῖ ἀλγεῖν, προσομοιόγησον ὅτι καὶ τοῦ βῆξαι γίγνεται σοι προθυμία, καὶ βήττεις ἐκ διαστημάτων μειζόνων βηχία σμικρὰ ξηρὰ, μηδενὸς ἀναπτυομένου. ταῦτα λέγοντος ἐμοῦ, κατὰ τύχην ἔβηξε τοιοῦτον εἶδος βηχὸς, ὃποῖον ἔλεγον· ὥστε τὸν Γλαύκωνα μεγάλως θαυμάσαντα μὴ κατέχειν ἑαυτὸν, ἀλλ' ἐπαινεῖν κεκραγότα μεγάλῃ τῇ φωνῇ.

«И вот, поняв, что мне представился удобный случай, чтобы снискать себе уважение у Главкона, я положил свою руку на область ложных⁴⁷⁴ ребер больного с правой стороны и, указывая место, сказал, что болит там. Когда он согласился, Главкон, решив, что я распознал больное место только на основании пульса, заметно удивился. И, чтобы поразить его еще сильнее, я добавил следующее: «Так же как ты согласился, сказал я, с тем, что болит в этом месте, согласись и с тем, что у тебя часто бывает кашель, и ты кашляешь с довольно большими интервалами небольшим сухим кашлем без отхаркивания». Пока я говорил это, он как раз стал кашлять именно таким кашлем, какой я назвал. Поэтому Главкон, премного удивившись, уже не стал сдерживаться, но громким голосом провозгласил мне похвалу»⁴⁷⁵.

Выражения похвалы (καταφανῆς ἦν μοι θαυμάζων, μεγάλως θαυμάσαντα, ἐπαινεῖν κεκραγότα μεγάλῃ τῇ φωνῇ), подобные тем, что встречаются в этом отрывке,

⁴⁷⁴ В анатомии семь верхних пар ребер (I-VII), которые крепятся к грудине, называются истинными (*costae verae*), а три нижерасположенных ребра (VIII-X), которые имеют общее крепление реберной дугой, называются ложными (*costae spuriae*).

⁴⁷⁵ *De loc. aff.* V, 8 (К. VIII, 364).

многоократно повторяются на протяжении всего рассказа, подчеркивая изумление больного, мнение которого тем ценнее, что он сам был врачом. Далее читатель этой истории, который уже убедился в непревзойденном мастерстве Галена, становится свидетелем сцены, в которой он, воспользовавшись удачно сложившейся ситуацией, переходит к шуткам. Воодушевленный своим успехом, он озвучиваетльному прогноз, назло клеветникам и завистникам называя их «прорицаниями»:

θεασάμενος ἐγὼ τὸν κάμνοντα θαυμαστῶς ἐκπεπληγότα, μίαν, εἶπον, ἔτι προσθήσω τοῖς εἰρημένοις μαντείαν· ἐρῶ γὰρ καὶ τὴν τοῦ κάμνοντος ὑπόληψιν, ἣν ἔχει περὶ ὧν πάσχει παθημάτων. ὁ μὲν οὖν Γλαύκων οὐκ ἀπελπίζειν οὐδὲ ταύτης ἔφη τῆς μαντείας, αὐτὸς δ' ὁ νοσῶν ἐπὶ τῷ παραδόξῳ τῆς ὑποσχέσεως ἐκπεπληγῶς ἐνέβλεπέν μοι δριμὺ, προσέχων τὸν νοῦν τῷ ρήθησομένῳ. καὶ δὴ καὶ φάντος μου, πλευρῖτιν αὐτὸν οἴεσθαι τὴν ἐνοχλοῦσαν εἶναι νόσον, ὁ μὲν ἐμαρτύρησεν θαυμάζων, οὐκ αὐτὸς μόνος, ἀλλὰ καὶ ὁ παρεστῶς αὐτῷ, καὶ ὁ κατηντληκώς ὡς πλευριτικὸν ἐλαίῳ πρὸ βραχέος. ὁ δὲ Γλαύκων ἐξ ἐκείνου περί τε ἡμῶν καὶ ὅλης τῆς ἰατρικῆς ἔσχεν ἀξιόλογον ὑπόληψιν...

«И увидев, что больной пребывает в полном изумлении, я сказал: «Кказанному я добавлю еще одно прорицание. Ибо назову предположение самого больного о заболеваниях, которыми он страдает». И вот, Главкон сказал, что уже не удивится и этому пророчеству, а сам больной, пораженный необычностью обещания, пристально на меня смотрел в ожидании того, что я скажу. И когда я сказал, что, по его мнению, заболевание, от которого он страдает, это плеврит, он в удивлении подтвердил это. И не только он сам, но и тот, кто ухаживал за ним, и тот, кто некоторое время умащал его маслом как больного плевритом. С этого времени Главкон проникся надлежащим уважением ко мне и ко всей медицине»⁴⁷⁶.

⁴⁷⁶ *De loc. aff.* V, 8 (К. VIII, 365-366).

В этом отрывке интересно отметить терминологию прорицания (*μαντεία*), которую употребляет Гален. Насмехаясь над обвинениями в колдовстве со стороны своих конкурентов, которые завидовали его успеху, Гален нарочно изображает из себя чудотворца и прорицателя. В подобном же тоне он излагает и другие клинические случаи, описывая в трактате «О прогнозе» лечение известных людей, например, врача Эвдема или императора Марка Аврелия.

III. 1. 4. Комментарии на книги Гиппократа

Гален не ограничивался истолкованием только видимых знаков. Он был еще и одним из самых крупных и плодовитых в Античности комментаторов текстов, продолжив многовековую традицию экзегезы медицинских текстов «древних», которая зародилась в эллинистический период в Александрии⁴⁷⁷. Полный перечень своих комментариев Гален приводит в двух биобиографических сочинениях «О собственных книгах» и «О порядке собственных книг». Большинство из перечисленных в этом каталоге комментариев утрачены, сохранились только его медицинские комментарии на книги Гиппократа⁴⁷⁸. Наряду с античными комментариями на книги Аристотеля прочих авторов они составляют один из первых корпусов научных комментариев, посвященных одному автору. С другой стороны, эти тексты представляют собой вполне оригинальные сочинения, сохранившие разнообразные замечания о разночтениях текста и античных толкованиях, поэтому они широко использовались всеми последующими издателями Гиппократа. Комментарии (*ὑπομνήματα*) Галена были, как правило, двух видов: одни предназначались для личного использования или для друзей и были написаны во время первого римского периода, а вторые – для публикации и

⁴⁷⁷ Брагинская 2007: 25-26, Шичалин 1989: 68-72.

⁴⁷⁸ См. *De libr. pr. IX* (Boudon-Millot 2007: 159-162) и *De ord. libr. III* (Boudon-Millot 2007: 97-99). За последние годы состоялось несколько конференций, посвященных жанру комментария, в частности, комментированию текстов Гиппократа. Их материалы нашли отражение в нескольких коллективных монографиях, см. Delattre, Valette et al. 2018; Nutton, Totelin 2020; Pormann 2021.

содержали большое число ценных ссылок на различные трактаты Гиппократа⁴⁷⁹.

Во времена Галена многие медицинские термины, встречающиеся у Гиппократа, уже вышли из употребления, поэтому его стиль и язык требовали пояснений. Как известно, первые медицинские термины были образованы на основе обыденного знания. По мере углубления и расширения знаний о природе болезни стали появляться профессионализмы и протонаучные термины, вытеснявшие прежние как устаревшие⁴⁸⁰. В основе комментариев лежали, по всей видимости, глоссарии, составленные Эротианом и самим Галеном. Но, как отметил Б. Холмс, неясность многих мест в текстах Гиппократа (особенно во II книге «Эпидемий», брахилогия которой вызывала немало вопросов у читателей) позволила Галену заполнить лакуны текста и темные места собственными правками и продемонстрировать свои знания в области критики текста и комментирования⁴⁸¹.

Главной целью комментирования для Галена выступает достижение «ясности» (*σαφής/σαφῶς*) и «наглядности» / «очевидности» (*ἐναργής/ἐναργῶς*) гиппократовских текстов. На значении этих терминов стоит остановиться подробнее⁴⁸². Первая пара терминов – *σαφής/σαφῶς* относится, как правило, к области филологии. Гален различает разные степени текстологической и терминологической ясности и не ограничивается только прилагательными и наречиями. Достаточно часто, как было показано в предыдущей главе⁴⁸³, встречаются выражения *σαφηνείας ἔνεκα, ἐπὶ τὸ σαφέστερον*, которые напоминают об основной цели комментариев. При этом чем текст Гиппократа труднее и непонятнее, тем Гален многословнее. Иногда он прибегает к корректуре текста

⁴⁷⁹ Например, к первому типу комментариев можно отнести «Комментарии на I и III книгу «Эпидемий» Гиппократа», а ко второму – «Комментарии на VI книгу «Эпидемий», см. Manetti, Roselli 1994; Smith 1979: 61-176; Flemming 2008; Manuli 1984; Шичалин 1990: 72-90; Архипов, Пролыгина 2019: 89-90.

⁴⁸⁰ Новодранова 2009: 91-92.

⁴⁸¹ Holmes 2012: 49-50; Пролыгина 2024: 86-87.

⁴⁸² Ср. Lesher 2010: 143-155.

⁴⁸³ См. II. 2. 1. *σαφήνεια* и *ἀσάφεια*.

и предлагает текстологические правки и дополнения, которые могут варьироваться от отдельных слогов до целых фраз. Например, он пишет:

ἀναλήψομαι δὲ τὴν προγεγραμμένην ρῆσιν, εἰτα συνάψω τῇ νῦν, παρενθεὶς αὐτῇ μίαν συλλαβὴν ἔνεκα σαφηνείας:

«Я повторю ранее написанную фразу, а затем присовокуплю ее к нынешней, поместив в нее один слог для ясности»⁴⁸⁴.

Или в другом комментарии:

ἄκουσον δέ μου παραφράζοντος αὐτοῦ τὴν ρῆσιν ἅμα τῷ παρεντιθέναι τινὰ ρήματα σαφηνείας ἔνεκεν.

«Послушай, как я объясняю его фразу, одновременно добавляя несколько слов для ясности»⁴⁸⁵.

Также достаточно часто он употребляет выражение δῆλόν ἐστι ὅτι, которое по большей части относится к фактам, а не к текстам или словам. Наречие ἐναργῶς встречается чаще, чем прилагательное ἐναργῆς, и в основном сопровождает в качестве плеонастической конструкции глаголы зрения (напр., φαίνομαι, ὄράω, θεάομαι). Очевидность того или иного положения или утверждения, как правило, проистекает из слов самого Гиппократа, о котором Гален говорит: ὡς αὐτὸς ἐδήλωσε, «как показал сам [Гиппократ]». Иными словами, чтобы понять Гиппократа, нужно начать его читать, поскольку в его текстах часто уже содержится очевидность, которую нужно только увидеть.

Ясность, заявленная Галеном как цель комментариев к Гиппократу, выступает не только частью его риторической стратегии, но также служит способом показать принадлежность к традиции древних врачей и философов

⁴⁸⁴ *In Hipp. Epid. I. I*, 36 (К. XVII A, 79).

⁴⁸⁵ *In Hipp. De vict. ac. I*, 18 (К. XV, 467).

– прежде всего, Платона и Аристотеля, для которых ясность и точность высказывания играла первостепенную роль⁴⁸⁶. Конечно, терминологический словарь Галена не является оригинальным, однако его систематизация, детальная разработанность и лексическое и фразеологическое разнообразие, используемое в системе аргументации, практически не имеет аналогов в античной литературе.

Следует отметить, что Гален не претендует на абсолютное знание и непогрешимость своих толкований текста Гиппократа. Так, например, в «Комментарии на III книгу «Эпидемий» Гиппократа» он часто использует прилагательное *πιθανός*, «правдоподобный», «вероятный», указывающее на довод, который невозможно доказать, но который дает, тем не менее, достоверное объяснение, как знак качества, получаемый из рук профессионала в качестве гарантии правдивости⁴⁸⁷. Гален считает, что его даже «вероятное» разрешение вопроса значительно превосходит объяснения предшественников, которые либо устарели, либо недостаточно удовлетворительны⁴⁸⁸. Практически нигде в своих комментариях он не использует термин *τεκμήριον*, «надежное указание», «верный признак», предпочитая употреблять слово *σημεῖον*, которое может допускать двусмысличество толкования⁴⁸⁹. Таким образом, ясность, к которой стремится Гален в своих комментариях, относительна, но даже несмотря на множество темных мест и трудностей в интерпретации текстов Гиппократа, он считает себя самым надежным путеводителем по его трудным местам. Стремление к ясности часто сопровождалось риторическими приемами, в частности, обращением к фиктивному собеседнику. Гален использует глаголы в I и II лице, императив и

⁴⁸⁶ Lesher 2010: 143-155.

⁴⁸⁷ Латинскую терминологию категории «вероятного» в риторических сочинениях см. Демьянков 2022: 312-322.

⁴⁸⁸ См., напр., *In Hipp. Epid. VI* (К. XVII B, 175).

⁴⁸⁹ Рассуждения на эту тему самого Галена см. *In Hipp. Epid. VI* (К. XVII B, 876). О двусмысличности признака (*σημεῖον*) и точном указании (*τεκμήριον*) в философском и риторическом дискурсе см. Goebel 1989: 41-53; Grimaldi 1980: 383-398; Braet 1996: 347-359.

увещевательный конъюнктив (*Conjunctivus adhortativus*), а также частицу *τοίνυν*, которая используется для выражения личного мнения и диалога с собеседником⁴⁹⁰.

Тон комментария также может меняться в зависимости от целевой аудитории. В комментариях, предназначенных для публикации (например, в «Комментарии на VI книгу «Эпидемий»»), большее место уделяется ясности, точности и полемике с предшественниками. А в комментариях, написанных для личного использования или узкого круга друзей, тон Галена спокойнее и утвердительнее, и его в большей степени интересуют вопросы интерпретации.

III. 1. 5. Анатомия как раскрытие тайн природы

Еще одна обширная область экзегезы в текстах Галена – разъяснение замысла всесозидающей природы. В одном из самых объемных трактатов «О назначении частей человеческого тела», написанного по примеру аристотелевского трактата «О частях животных», Гален рассматривает анатомию человеческого тела. Ее изучение лежало в основе любого медицинского знания и на нее опирались диагностика и терапия. Он рассуждает о функциях частей тела – больших и малых, благородных (например, глаз) и менее благородных (например, нога), описывает их строение, топографию и др., дабы показать совершенный замысел природы, создавшей столь упорядоченную и гармоничную архитектуру человеческого тела, отображение вселенной, высочайшее творение среди живых существ.

И хотя эта достаточно распространенная тема восходит еще к Платону и Аристотелю и постоянно встречается в других медицинских и медико-философских сочинениях эллинистического периода⁴⁹¹, Гален в значительной степени дополняет и обновляет ее, так что трактат «О назначении частей человеческого тела» становится новой классикой медицинской литературы,

⁴⁹⁰ Petit 2021: 95-124.

⁴⁹¹ Гален, например, достаточно часто ссылается на Эразистрата как на своего предшественника в этом вопросе.

которой впоследствии подражали многие врачи, от Феофила Протоспафария до Везалия. Многочисленные риторические приемы, встречающиеся в этом трактате, служили главной цели произведения – прославлению всемогущей и всеблагой Природы, замыслы которой о человеке раскрывает читателям Гален. Любопытно отметить, что эта природа не соотносится ни с одним из божеств, что делает текст Галена совершенно универсальным. Сам Гален в данном случае выступает как первосвященник, раскрывающий тайны природы, чтобы лучше показать неразрывную связь между природой человека и архитектурой мироздания. Таким образом, в этом трактате риторика истолкования знаков достигает крайней степени выраженности и дополняет *ethos* Галена как врача, который не только близок по духу Гиппократу, Платону и Аристотелю, но и поддерживает тесные связи с Демиургом.

Итак, знак в текстах Галена выполняет роль посредника между миром явлений и сущностью живых существ и неодушевленных предметов, занимая важное место в понимании риторики Галена. Присущая знакам двойственность и трудность в их истолковании подчеркивают *ethos* Галена как блестящего интерпретатора клинических знаков, исследователя, комментатора текстов, в частности, Гиппократа. Кроме того, он выступает посредником между природой всех вещей и своей аудиторией. Поэтому нет ничего удивительного в том, что его тексты достаточно быстро заменили собой почти все медицинские тексты его предшественников. Блестящие комментарии трактатов Гиппократа, синтез семиологии, описания клинических случаев, повествующих об успешной диагностике и прогностике, элогии божественной природе – все эти типы текста свидетельствуют о Галене как об одном из ярчайших представителей Второй софистики.

III. 2. Полемика как риторический способ убеждения

Аудиторию Галена составляли не только его ученики, друзья и высокопоставленные пациенты и покровители. Достаточно большое число сочинений и отдельных эпизодов носит полемический характер и направлено

против лжеученых, представителей разных медицинских школ, философов и софистов, как современников Галена, так и его далеких предшественников, иногда весьма прославленных. Среди главных оппонентов Галена можно назвать последователей так называемой методической школы, Эразистрата, Архигена, а иногда даже Аристотеля⁴⁹². Гален использует обширный инструментарий ведения полемики с вымышленным оппонентом, в частности, во многих текстах используется прием просопопеи. Можно предположить, что эта риторическая стратегия вполне соответствовала ожиданиям публики периода Второй софистики, и Гален, конечно, был не единственным автором, который использовал риторический арсенал судебного красноречия как для опровержения доводов своих оппонентов, так и для развлечения публики, привыкшей к публичным дебатам. В этом параграфе мы постараемся показать масштаб использования риторических приемов в системе аргументации Галена.

Разные варианты полемического дискурса можно найти у многих современников Галена. В частности, Лукиан в сатире «Лжец» (*Pseudologista*) посвятил немало строк высмеиванию критика, обвинившего его в плохом владении аттическим диалектом. Секст Эмпирик, также врач и философ, в трактате «Против ученых» неоднократно обращается к многочисленным спорам об искусствах, которые можно найти и у Галена, в частности, в его «Протрептике». У Элия Аристида сохранились пространные речи полемической направленности «Против Платона». Здесь следует отметить, что многословие, за которое Гален неоднократно подвергался критике, в целом было характерно для авторов императорского периода. Как отмечает К. Пети «в аргументативном дискурсе этих авторов и, в частности, у Галена действовала эстетическая логика: некоторый вкус к слову продлевал дискуссию к превеликому удовольствию читателей эпохи Марка Аврелия»⁴⁹³. Таким образом, многословный стиль и самоуверенный тон ведения дискуссии

⁴⁹² См., напр., van der Eijk 2009: 261-280.

⁴⁹³ Petit 2018: 91.

служил не столько отличительной чертой Галена, сколько, напротив, был признаком общей литературной и культурной традиции его времени, для которой была характерна полемическая направленность и активное использование риторических приемов, призванных эмоционально воздействовать на слушателя и усиливать позицию автора⁴⁹⁴.

Полемика Галена затрагивает разные аспекты его прозы. Из его сочинения «О собственных книгах» известно, что ряд полемических сочинений касался философских проблем⁴⁹⁵. При этом способы аргументации часто носили не столько доказательный или диалектический характер, сколько риторический. Часть своих аргументов он относит к категории «вероятных» (*πιθανόν*), которые согласно классификации Аристотеля, относятся к риторическим аргументам. Риторическая окраска аргументации Галена хорошо заметна в большинстве сочинений, посвященных опровержению какого-либо довода конкурента, например, в сочинениях «Против Лика» (*Adversus Lycum*) или «Против Юлиана» (*Adversus Julianum*). Далее в качестве примера мы разберем несколько отрывков из этих небольших текстов, в которых Гален использует риторические приемы в качестве аргументации. Такие же приемы мы в изобилии находим и в полемических частях больших трактатов, таких как «О семени» (*De semine*), «О естественных свойствах» (*De naturalibus facultatibus*), «О темпераментах и свойствах простых лекарств» (*De simplicium medicamentorum temperamentis ac facultatibus*) или «О методе лечения» (*De metodo medendi*).

Таким образом, мы исходим из предположения, что Гален, сохраняя видимость приверженности только диалектическим методам ведения аргументации, тем не менее пользуется всем арсеналом риторических методов убеждения. Как показал Ф. Вёртер в исследовании диалектики и риторики у Аристотеля, стремление убедить посредством риторики было не только делом

⁴⁹⁴ Ср. *Rhet. Herren.* IV, 58. О происхождении этой фигуры и ее ответвлениях в античной риторической теории см. Calboli 2010: 299-314.

⁴⁹⁵ *De libr. pr.* XV-XIX (Boudon-Millot 2007: 169-173).

софистов. Если целью служил поиск истины, тогда и риторические способы убеждения считались допустимыми⁴⁹⁶. Поэтому, прибегая к риторическим доказательствам, Гален не столько вводит в заблуждение своих читателей, вступая в противоречие с самим собой, сколько проявляет мастерство.

III. 2. 1. Логика: силлогизмы и другие типы доказательств

Гален был автором ныне утраченного логико-эпистемологического сочинения в 15 книгах «О доказательстве» (*De demonstratione*)⁴⁹⁷, в котором он изложил свой логический метод и с которого он советует начинать изучение медицины⁴⁹⁸. В трактате «О собственных книгах», рассуждая о книгах, полезных для доказательств, и вспоминая о полученном им в юности образовании, он пишет:

καὶ νὴ τοὺς θεούς, ὅσον ἐπὶ τοῖς διδασκάλοις, εἰς τὴν τῶν Πυρρωνείων ἀπορίαν ἐνεπεπτώκειν ἂν καὶ αὐτός, εἰ μὴ καὶ τὰ κατὰ γεωμετρίαν ἀριθμητικήν τε καὶ λογιστικήν κατεῖχον, ἐν αἷς ἐπὶ πλεῖστον ὑπὸ τῷ πατρὶ παιδευόμενος ἐξ ἀρχῆς προεληλύθειν ἀπὸ πάππου τε καὶ προπάππου διαδεδεγμένῳ τὴν θεωρίαν. ὅρῶν οὖν οὐ μόνον ἐναργῶς ἀληθῆ φαινόμενά μοι τὰ κατὰ τὰς ἐκλείψεων προρρήσεις ὠρολογίων τε καὶ κλεψυδρῶν κατασκευὰς ὅσα τ' ἄλλα [τὰ] κατὰ τὴν ἀρχιτεκτονίαν ἐπινενόηται, βέλτιον ὡήθην εἶναι τῷ τύπῳ τῶν γεωμετρικῶν ἀποδείξεων χρῆσθαι· καὶ γάρ καὶ αὐτοὺς τοὺς διαλεκτικωτάτους καὶ φιλοσόφους οὐ μόνον ἀλλήλοις ἄλλὰ καὶ ἐαυτοῖς ηὗρισκον διαφερομένους ἐπαινοῦντας ὅμως ἄπαντας ὡσαύτως τὰς γεωμετρικὰς ἀποδείξεις· ἀλλήλοις μὲν λέγω διαφέρεσθαι τοὺς φιλοσόφους ἐν τῇ λογικῇ θεωρίᾳ, τοὺς Περιπατητικούς τε καὶ Στωϊκούς καὶ Πλατωνικούς, ἐαυτοῖς δὲ πάλιν ιδίᾳ τοὺς καθ' ἐκάστην αἴρεσιν <...>. ὅσοι τοίνυν ἐθέλουσι κατὰ τὰς γραμμικὰς ἀποδείξεις ἀσκηθῆναι, παιδευθῆναι μὲν [ἐν] αὐτοῖς ἐν ἐκείναις συμβουλεύω,

⁴⁹⁶ Аристотель, *Rhet.* I, 1 (1355 b 15-21); Woerther 2007: 210; 2006: 13-28.

⁴⁹⁷ От трактата *De demonstratione* сохранилось несколько фрагментов на греческом и несколько цитат на арабском, см. Strohmaier 1998: 263-297. Синопсис этого сочинения в одной книге, о котором Гален упоминает в *De libr. pr.* XIV, 23 (Boudon-Millot 2007: 169), также утрачен.

⁴⁹⁸ *De ord. libr.* I, 13 (Boudon-Millot 2007: 91).

μετ' ἔχείνας δὲ τὴν ἡμετέραν ἀναλέξασθαι περὶ τῆς ἀποδείξεως πραγματείαν, ἣν ἐν πεντεκαίδεκα βιβλίοις ἐποιησάμην.

«И, клянусь богами, насколько это зависело от учителей, я и сам впал бы в пирроново сомнение⁴⁹⁹, если бы не придерживался принципов геометрии, арифметики и счета, в которых изначально преуспел благодаря образованию, полученному главным образом от отца, унаследовавшего эти теоретические знания от деда и прадеда. И вот, видя, что мне представляются отчетливо истинными не только все те вещи, которые относятся к предсказаниям затмений и устройствам солнечных и водяных часов, но и все иное, изобретенное согласно [законам] архитектуры, я решил, что лучше пользоваться способом геометрических доказательств. Ибо я обнаружил, что даже величайшие знатоки диалектики и философы расходятся во мнениях не только друг с другом, но и сами с собой, однако все единодушно восхваляют геометрические доказательства. Говоря о том, что философы расходятся во мнении друг с другом в логической теории, я имею в виду перипатетиков, стоиков и платоников, а говоря об их разногласии с самими собой, я имею в виду философов каждой отдельной школы <...> И вот, тем, кто желает поупражняться в линейных доказательствах, я советую выучиться им самим, а затем прочитать наше сочинение *О доказательстве*, которое я составил в пятнадцати книгах»⁵⁰⁰.

Согласно реконструкции, предложенной в ряде недавних работ⁵⁰¹, этот трактат представлял собой проект эпистемологического обоснования медицины и был частью общей дискуссии о соотношении разума и опыта. Логика служила Галену инструментом для построения доказательств, который позволял врачу приобрести точное знание, структурированное посредством

⁴⁹⁹ Пиррон из Элиды (360 – 270 до н. э.) был основателем скептической школы. Гален неоднократно порицал скептиков за их отрицание очевидного, см., напр., *De praec. 5* (К. XIV, 628 = CMG V 8, 1, Nutton 1979: 98).

⁵⁰⁰ *De libr. pr. XIV, 4-8* (Boudon-Millot 2007: 164-165). Рус. пер. Пролыгина 2017.

⁵⁰¹ См. van der Eijk 2005; Chiaradonna 2009, Havrda 2015, по арабским источникам – Strohmaier 2003.

аксиом и теорем. Такое знание было необходимо, прежде всего, для анатомии и физиологии, чтобы показать совершенное состояние и функционирование здорового тела, и требовалось для хирургической практики. С другой стороны, оно было важно и для клинической практики, имеющей дело с частными случаями, поскольку позволяло выдвинуть профессиональное предположение (*στοχασμός*) о диагнозе конкретного больного⁵⁰². При помощи логики врач мог производить разделения болезней на роды и виды, разделения между болезнью и симптомом, между различными видами симптомов, между разными видами гуморального дисбаланса. На основании знания причинно-следственных связей назначались лекарства⁵⁰³.

Еще одна важная задача логики состояла в опровержении доводов своих оппонентов, в частности, последователей методической и эмпирической школ. Таким образом, Гален применял к медицинским проблемам философские методы и с их помощью пытался разрешить разногласия между медицинскими школами. Изначально всякое знание, по мнению Галена, основано на недоказуемых посылках, которые носят характер «очевидности» (*ἐνάργεια*). Оно может быть результатом чувственного восприятия, а потому наблюдаться, как например, разные анатомические образования; а может вытекать из умозрения, например, из теорем или силлогизмов, знание которых дает возможность овладеть доказательным методом. На обоснованных таким образом данных можно построить при помощи доказательного метода прочное здание медицинского знания и преодолеть разделение медицины на школы.

Мы проанализировали этот доказательный или логический метод в нашей статье об отношении Галена к рациональному и сакральному началу в медицине⁵⁰⁴. Этот метод, скорее всего, был подобен тому, что мы находим у других авторов той эпохи, то есть включал в себя разделение, определение,

⁵⁰² *De meth. med.* III, 7.

⁵⁰³ *De libr. pr.* XIV, 2-8; *Quod opt. med.* III, 5-7.

⁵⁰⁴ Пролыгина 2018: 33-51.

анализ, индукцию и силлогизм⁵⁰⁵. По словам самого Галена, цель этого метода была весьма амбициозной и состояла в том, «чтобы исходя из первоэлементов и начал в каждой вещи, можно было наилучшим образом доказать все, что только возможно доказать»⁵⁰⁶. Приведем основные положения этого метода, согласно реконструкции Барнса и Ханкинсона⁵⁰⁷. Для того, чтобы разрешить (*λύειν, εύρίσκειν*) какую-то проблему (*πρόβλημα, σκέμα*), прежде всего, необходимо ее прояснить и найти посылки, подходящие для утверждения, которое мы хотим доказать⁵⁰⁸. Проблема всегда касается предмета, названного некоторым именем (*ὄνομα*), поэтому необходимо прояснить значение (*ἔννοια*) этого имени. Причем, объяснение этого имени должно быть таким, чтобы все, говорящие на одном языке, понимали и признавали его. После установления значения имени, которое Гален называет иногда «концептуальным определением» (*ἔννοηματικὸς ὄρος*), это имя может служить критерием заключения, которое мы делаем об исследуемом предмете⁵⁰⁹. Затем необходимо найти подходящие для проблемы посылки. И, наконец, чтобы посылки были доказательными, то есть могли производить знание, а не мнение, они должны основываться на чем-то очевидном и соответствовать сущности исследуемого предмета⁵¹⁰.

В качестве примера того, как Гален прилагал свой доказательный метод к разрешению спорной медицинской проблемы, можно привести вопрос о местонахождении «управляющей» или «владычествующей способности» (*τὸ ήγεμονικόν*) души, ответственной за восприятие, мышление, воображение и память, который подробно разбирается в трактате «Об учениях Гиппократа и Платона».

⁵⁰⁵ См., напр., *Alcin. Didasc.* 3, 153, 30-32; *Sext. Empir. Pyr.* II, 213; Frede 1981: 79.

⁵⁰⁶ *De opt. doctr.* (К. I, 52).

⁵⁰⁷ См. Barnes 2003; Hankinson 1988.

⁵⁰⁸ *De plac. Hipp. et Plat.* II, 2, 2-3; II 3, 1-3 (CMG V 4, 1, 2; De Lacy 2005); *De meth. med.* I, 5.

⁵⁰⁹ *De diff. puls.* IV, 2 (Kühn VIII, 704, 5-706, 3); *Ars med.* Ia, 1; *De meth. med.* I, 5 (Kühn X, 40, 12-16).

⁵¹⁰ *De plac. Hipp. et Plat.* II, 3, 3 (CMG V 4, 1, 2, De Lacy 2005).

Проблема телесного местонахождения психических свойств имела важное значение для диагностики и терапии. Стоики и перипатетики считали их источником сердце, и их мнение разделяли некоторые врачи, в частности, римский врач Архиген (нач. II в.). Гален сообщает, что в его время большинство анатомов пришли к единому мнению, что «владычествующая часть» души расположена в мозге. Тем не менее, последователи Архигена склонялись к иному мнению, «путаясь в аргументах и говоря разные вещи в разных случаях, будучи неспособными что-либо разъяснить»⁵¹¹.

Здесь Гален обращается к своему доказательному методу и начинает с того, что дает определение понятию «владычествующее начало»⁵¹². Он говорит, что стоики определяют его как «начало восприятия и стремления», а поскольку его главными оппонентами были как раз стоики, то общепринятое исходное понятие было установлено. Далее, он переходит к поиску посылок, из которых можно сделать заключение о проблеме, то есть о местоположении «владычествующего начала». Рассматриваются два разных предположения – сердце и мозг. Гален перечисляет разные сущностные атрибуты этих органов, выясняя, какие из них могут быть релевантны для вопроса о том, где начало восприятия и стремления, и приходит к выводу, что это та часть, в которой «восприятие и стремление» зарождаются. Но как найти то место, которое служит источником «восприятия и стремления»? Органы, выполняющие эти функции, зависят от нервов, что доказывается вскрытием. Поэтому та часть, в которой возникает восприятие и стремление, должна быть также той частью, в которой рождаются нервы⁵¹³. Таким образом, Гален определил сущность рассматриваемого предмета и главное условие, которому он должен удовлетворять. Это условие он формулирует в виде посылки: «Где начало нервов, там расположена «владычествующая часть» (большая посылка)».

⁵¹¹ *De loc. aff.* I, 1 (Kühn VIII, 19, 5-14).

⁵¹² *De plac. Hipp. et Plat.* VIII, 1, 1 (CMG V 4, 1, 2, De Lacy 2005).

⁵¹³ *De plac. Hipp. et Plat.* II, 3, 4-5 (CMG V 4, 1, 2, De Lacy 2005).

«Мозг – начало нервов (меньшая посылка)», что подтверждается вскрытием. Таким образом, «мозг есть владычествующая часть души (заключение)».

Рассуждения Галена о доказательном методе часто связаны с его полемикой против сторонников эмпирической школы, которые опирались исключительно на коллективный опыт и наблюдение, отрицая роль логики в медицине и полагая, что исследование скрытых вещей порождает сомнение, а потому ненадежно. Гален критикует их за то, что они обращаются к онейромантии, считая сны надежной эпистемологической основой для медицинской практики⁵¹⁴.

Следует отметить, что среди довольно репрезентативного перечня «книг полезных для доказательств», приводимых Галеном в трактате «О собственных книгах» (XIV), большинство книг утрачено. Косвенно это свидетельствует о том, что сложные и пространные сочинения Галена теоретического характера были значительно меньше востребованы последующими поколениями, чем сочинения более информативные, носящие практический характер. Некоторые теоретические сочинения, содержащие логическую аргументацию, были переработаны уже самим Галеном с использованием не столько логической, сколько риторической аргументации, так чтобы они были доступны более широкой аудитории. В качестве примера такого текста можно привести пропедевтическое сочинение «О первоэлементах согласно Гиппократу» (*De elementis secundum Hippocratem*) которое недавно было подробно исследовано К. Пети⁵¹⁵.

III. 2. 2. Категория «вероятного»

Наряду с системой логических доказательств ($\alpha\pi\delta\epsilon\xi\varsigma$), которые Гален использует для разрешения медицинских вопросов, иногда он приводит аргументы, носящие характер предположения или «вероятного» ($\pi\theta\alpha\nu\sigma\varsigma$).

⁵¹⁴ *De ther.* (Kühn XIV, 220).

⁵¹⁵ Petit 2017.

Различные типы доказательств и роль «вероятного» в эпистемологии Галена были исследованы в работе Р. Къярадонна⁵¹⁶. Он показал, что эти «вероятные» доводы Гален приводит в том случае, когда невозможно доказать тот или иной факт, однако считает их достаточно обоснованными и убедительными ввиду сложности исследуемого предмета.

В качестве примера можно привести рассуждения Галена об эмбриологии, которая в Античности целиком и полностью относилась к области предположения. Этому вопросу Гален посвятил отдельное сочинение в двух книгах «*O семени*», которое, по всей видимости, представляло собой отредактированную версию публичных лекций⁵¹⁷. Оно было опубликовано в серии *Corpus medicorum graecorum* Ф. де Ласи, который в предисловии к изданию уделил большое внимание анализу риторических приемов. Он приводит перечень разного рода клаузул, силлогизмов, иногда чисто риторических, идентифицирует галеновские ссылки на античных авторов и анализирует юмористический тон высказываний. В конце сочинения Гален призывает снисходительно относиться к ошибкам его предшественников, признавая вероятный характер части своих доказательств. Утверждая, что в целом он привел надежное доказательство своей теории, Гален тем не менее признает гипотетический характер своего предположения о функции желез: при более тщательном исследовании можно было бы обнаружить, по его мнению, более достоверную функцию этих органов. Возлагая оптимистичные надежды на будущее, он пишет:

τάχα δ' ἀν τις εύρεθείη καὶ τρίτη χρεία σκοπουμένοις ἀκριβέστερον· οὕτως γάρ καὶ ἄλλα πολλὰ ζητήσεως ἀκριβεστέρας τυχόντα κατὰ πάσας τὰς τέχνας ἐξεύρηται. τὸν δ' ἀποδεικτικὸν ἀνδρα τὰ μὲν τοιαῦτα προβλήματα χρόνῳ προσήκει σκοπεῖσθαι πλείονι, τῶν ἀποδεδειγμένων δὲ ἔχεσθαι διὰ παντὸς, ὃν ἐν καὶ τόδε ἐστίν. εἴπερ ἐν τοῖς ἀδενοειδέσιν ἐγεννᾶτο τὸ σπέρμα, τῆς ἀποκρίσεως ἀν αὐτοῦ τὰ εύνουχιζόμενα τῶν ζώων

⁵¹⁶ Chiaradonna 2014: 61-88; cp. Petit 2012: 55.

⁵¹⁷ De Lacy 1992: 54.

έγλίχετο· φαίνεται δ' οὐ γλιχόμενα· δῆλον οὖν, ὡς οὐδὲν γεννᾶται. τοῦτο οὖν ἡμῖν φυλαττέσθω μόνον ἀκίνητον αὐτὸν καθ' ἑαυτὸν, μέχρι περ ἄν εὑρωμεν ἐπιστημονικῶς, ἥντινα χρείαν τῷ ζῷῳ παρέχουσιν οἱ ἀδενοειδεῖς παραστάται· τάχα μὲν γὰρ ἀληθεῖς εἰσιν, ἃς ἀρτίως εἶπον, ἵσως δ' ἄν τις εὑρεθείη ποτὲ ἀληθεστέρα. πιθανὸς γὰρ ὁ τῶν τοιούτων εὑρετικὸς λόγος, οὐκ ἀποδεικτικὸς, ὥσπερ ὁ πιστούμενος ἐν αὐτοῖς μὴ γεννᾶσθαι σπέρμα.

«Если бы кто рассматривал этот вопрос более тщательно, то он мог найти и третью функцию, ибо таким образом после более тщательного исследования было совершено много открытий во всех видах искусств. Человеку, который желает быть убедительным, подобает, с одной стороны, рассматривать подобного рода проблемы достаточно длительное время, а, с другой, всегда придерживаться уже доказанных вещей, как в этом случае. Если семя зарождается в железистых телах, то кастрированные животные стремились бы к его выделению. Но очевидно, что они не стремятся к этому, а значит, оно и не зарождается. И вот, нам следует незыблемо помнить об этом, пока мы научным образом не откроем, какую функцию выполняют у животных железистые тела. Ибо те функции, о которых я только что сказал, вероятно, истинные, но, возможно, кто-нибудь обнаружит когда-нибудь более истинные. Ведь раскрывающий эти вещи довод – вероятный, а не доказательный, как довод, согласно которому семя в них не рождается»⁵¹⁸.

Последние страницы трактата «О семени» носят скорее умозрительный, чем доказательный характер и прекрасно иллюстрируют важность обращения к вероятным доводам, когда отсутствуют доказательные. Гален прекрасно осознает, что в медицинских вопросах не всегда возможно достичь истины, поскольку многие положения медицинского искусства носят характер предположения. При этом он прибегает к некоторой риторической уловке: признавая гипотетический характер отдельных положений, он побуждает

⁵¹⁸ *De sem.* (K. IV, 649-650 = CMG V 3, 1, De Lacy 1992: 204).

читателя или слушателя предполагать, что остальные положения обоснованы и истинны. Но, если присмотреться внимательнее, становится очевидно, что практически весь текст, а не только его малая часть, построен скорее на риторическом убеждении, а не на доказательстве. Иногда Гален использует специальный технический термин *στοχασμός*, который означает профессиональное предположение врача о том или ином состоянии, основанное на рассмотрении конкретных обстоятельств этого состояния⁵¹⁹.

Какова же вообще роль убеждения у Галена? Риторика, безусловно, обладает неоднозначным статусом: с одной стороны, она служит признаком образованности и некоторой элитарности оратора, выступающего с публичной речью, а с другой, ей постоянно злоупотребляют софисты, которых он считает своими противниками и стремится разоблачить⁵²⁰. Гален, несомненно, пользовался риторическими способами убеждения, рассчитывая при этом на просвещенного слушателя или читателя, который способен критически взглянуть на проблему и подвергнуть сомнению ошибочный аргумент. Опасность для Галена заключалась в чрезмерной украшенности речи, которая могла ввести в заблуждение неопытных людей и отвлечь их от содержания и критического анализа.

III. 2. 3. Извектика: приемы судебного красноречия

Полемику Галена со своими интеллектуальными оппонентами – иногда реальными, а иногда вымышленными – можно кратко охарактеризовать фразой: «лучшая защита – это нападение», то есть она представлена по большей части в виде памфлета или извектики. Оппонентами Галена выступают, как правило, врачи – представители разных медицинских школ, с которыми он имел разногласия по ряду медицинских и методологических вопросов, разного рода медицинские шарлатаны, софисты, а в некоторых случаях даже величайшие

⁵¹⁹ См. *De loc. aff.* I, 1 (К VIII, 14), van der Eijk 2008: 288, 302.

⁵²⁰ См., напр., глагол δημηγορεῖν в *De meth. med.* (К. X, 10), *De motu musc.* (К. IV, 440).

авторитеты Античности, включая Аристотеля. Некоторые сочинения, как следует из библиографического трактата Галена «О собственных книгах», были написаны *ad hoc*, то есть специально для опровержения воззрений того или иного оппонента⁵²¹, как например, Лики или Юлиана, о которых пойдет речь ниже. Однако следует отметить, что полемический тон служит отличительной чертой практически всех сочинений Галена, за исключением, пожалуй, сочинений для начинающих (*ad tirones*) и некоторых комментариев⁵²². Его стиль часто напоминает прозу аттических ораторов и отличается остротой и сарказмом.

Иногда Гален прямо выражается на языке судебного красноречия, как показывает сравнение, которое он приводит в трактате «Против Лики»⁵²³:

Ἄνεμέσητον μὲν δήπου καὶ <Λύκω> καὶ παντὶ τῷ βουληθέντι πρὸς <Ιπποκράτην> γράφειν· ἔτι δ' ἀνεμεσητότερον οἶμαι τοῖς δυναμένοις ἀπολύσασθαι τὰ κακῶς εἰρημένα πρὸς αὐτὸν ἐγκλήματα, καθάπερ ἐν δικαστηρίῳ τοῖς ἀναγνωσομένοις ἀμφοτέρων τὰ γράμματα τὴν ἀπολογίαν ποιήσασθαι, καὶ μάλισθ' ὅταν ὁ μὲν ἐγκαλῶν πρὶν μαθεῖν τὰ λεγόμενα θρασύνηται, τῷ δ' ἀπολογουμένῳ πεπαιδεύσθαι κα<λῶς ὑπάρχῃ> τὰ <τοῦ παλαιοῦ> δόγματα.

«Конечно, не возбраняется ни Лику, ни любому желающему писать против Гиппократа. Но тем более не возбраняется, я полагаю, опровергнуть ложные обвинения против него тем, кто способен это

⁵²¹ В трактате «О собственных книгах» Гален иногда называет такие сочинения «О разногласиях с ...» (Περὶ τῶν εἰς ... διαφερόντων), см. гл. X «О разногласиях с Эразистратом», гл. XII «О разногласиях с врачами-эмпириками», гл. XIII «О разногласиях с методистами» (Boudon-Millot 2007: 162-163).

⁵²² О роли жанров в корпусе текстов Галена см. Petit 2012: 49-75, Curtis 2014: 39-59.

⁵²³ Лик из Македонии, о котором Гален упоминает в *De ord. libr. III, 8* (Boudon-Millot 2007: 122) и *De libr. pr. IV, 34-40* (Boudon-Millot 2007: 152-153) был учеником анатома Квинта и прославился своими лекциями по анатомии. Гален знал Лику только по его критическим комментариям на Гиппократа и часто с ним полемизировал. Обычно он представляет его как неблагодарного ученика Квинта, который не понял ни учения своего учителя, ни учения Гиппократа. Поскольку учение Лики было весьма популярным в Риме, Гален написал в 182 г. трактат «Против Лики» (*Adversus Lycum*, К. XVIII А, 196-245 = CMG V 10, 3, Wenkebach 1951), посвященный критике его учения.

сделать, подобно тому, как в суде – представить защитительную речь тем, кто собирается прочитать тексты обеих сторон, особенно когда обвинитель прежде знакомства с речью надмевается, а защитник прекрасно образован в учениях древности»⁵²⁴.

В этом отрывке хорошо виден перенос медицинского сюжета в область судебного красноречия с представлением обвинения и защиты. Гален приводит прямое сравнение своей речи с речью защитника в суде, который выступает в данном случае в защиту Гиппократа от обвинений Лика. Уже в первой фразе мы видим противопоставление невежественного, но самоуверенного обвинителя, который уже готов принимать поздравления с победой, и защитника, осведомленного в учениях древних. Далее Гален выстраивает вымышленный диалог со своим оппонентом Ликом, общие черты которого можно встретить и в других его сочинениях, где он ведет полемику с ненавистными ему персонажами, такими как, например, Юлиан или Фессал. Первое же слово в этом отрывке *ἀνεμέσητον*, которое повторяется в сравнительной степени в начале следующего предложения, сразу отсылает слушателя к греческой прозе классического периода, где этот термин достаточно часто встречается в диалогах Платона и у аттических ораторов, в частности, у Эсхина⁵²⁵. Таким образом, для опровержения доводов Лика Гален выбирает форму судебного поединка наподобие афинских ораторских дебатов.

Для судебного красноречия Галена характерны в целом интенсивный темп речи, оживленные диалоги и обращения в 1 и 2 лице, риторические вопросы, сарказм, ирония, активное употребление частиц (*ποι*, *ἄρα*, *δή*), асиндтон. Кроме того, Гален часто использует разные лексические поля глупости, пустой болтовни, наглости, невежества и др., чтобы дискредитировать противника. Так, в трактатах «Против Юлиана» и «Против

⁵²⁴ *Adv. Lyc.* 1 (К. XVIII A, 196-197 = CMG V 10, 3, Wenkebach 1951: 3).

⁵²⁵ Этот термин встречается и в других текстах Галена, см. *De fac. nat.* (К. II, 111); *De anat. adm.* (К. II, 660); *De diff. puls.* III (К. VIII, 641), а также у других прозаиков императорского периода, в частности, у Плутарха, Лукиана и Иосифа Флавия.

Лика» он прибегает к лексике глупости и невежества, которые противопоставляются миру знания и книжной образованности; безумия и душевных болезней как возможного объяснения отсутствия логики; дерзости и наглости (ὕβρις) в сочетании с бесстыдством. Кроме того, он использует лексическое поле софизмов и пустой болтовни, в частности, термины *ληρεῖν* «болтать», «нести вздор» и более редкий *συναδολεσχεῖν* «пустословить», «болтать». В совокупности с приемами преувеличения, выражающимися в использовании превосходной степени, повторов, гиперболы, риторических вопросов, бессоюзия и др. эти лексические поля позволяют Галену изобразить своего противника в самом неприглядном виде, вызывающем исключительно чувство жалости и презрения.

Приведем пример сарказма и гиперболы из полемического сочинения Галена «Против Юлиана»⁵²⁶. Юлиана Гален представляет в самом невыгодном свете: он чрезвычайно необразован, многословен и дерзок. Что хуже всего, он повинен в оскорблении древних врачей: *ἀναισχύντως δ' ὑβρίζοντα τοὺς παλαιοὺς ἱατρούς*⁵²⁷. Его глупость и высокомерие, раздражающие тем более, что он невероятно популярен среди невежественной молодежи, побуждают Галена использовать «более резкие, чем обычно, термины» (*λόγοις τραχυτέροις ὥν εἴθισμαὶ χρήσθαι*)⁵²⁸ и проявлять суровость, вызванную исключительной глупостью оппонента, о чем он заранее предупреждает читателя. Стоит процитировать второй параграф из этого небольшого трактата, который хорошо иллюстрирует гиперболу и сарказм Галена:

⁵²⁶ Полное название этого сочинения – «Против Юлиана методиста в защиту того, что он порицал в гиппократовских афоризмах» (*Adversus ea quae Julianus in Hippocratis Aphorismos enuntiata sunt*, (К. XVIIIА, 246-299 = CMG V 10, 3, Wenkebach 1951). Известно, что Юлиан принадлежал к методической школе, был учеником Аполлония Кипрского и преподавал в Александрии, где его лекции слушал Гален. О сочинениях против Юлиана Гален упоминает в *De libr. pr. IX*, XIII (Boudon-Millot 2007: 162, 163).

⁵²⁷ *Adv. Jul.* 1, 14 (CMG V 10, 3, Wenkebach 1951: 37, 16).

⁵²⁸ *Ibid.* 2, 5 (CMG V 10, 3, Wenkebach 1951: 39, 7-8).

“Α γοῦν ἐτόλμησε γράψαι πρὸς τὸν ἀρτίως εἰρημένον ἀφορισμὸν οὐδ' εἰπεῖν οἶόν τε πηλίκην ἥτοι γε ἀμαθίαν ἢ ἀναισχυντίαν ἢ τόλμαν ἐνδείκνυται, μᾶλλον δ' εἰ χρὴ τάληθες εἰπεῖν καὶ ταῦτα πάντα καὶ τούτων ἔτι πλείω. τάχα μὲν οὖν ἀμεινον ἦν μηδ' ἀντιλογίας ἀξιοῦν αὐτὰ τῆς διὰ γραμμάτων μηδ' ἀπολλύναι τινὰ καὶ πρὸς τοῦτο χρόνον. δεηθέντων δέ μου λιπαρῶς πάνυ πολλῶν φίλων, ὅσα προσκομισθέντος μοι τοῦ βιβλίου καθ' ὃ τὸν προειρημένον ἀφορισμὸν ἔξελέγχειν <’Ιουλιανὸς> ἐπεχείρει διηλθον, ἐν ὑπομνήμασιν αὐτοῖς παρασχεῖν, ὑπέμεινα καὶ τοῦτον οὐ σμικρὸν ἀθλον, ἀλλ' εἰ χρὴ τάληθες εἰπεῖν πολὺ μείζω τοῦ κατὰ τοὺς αὐτοσχεδίους οὖς ἡμερῶν ἔξ ἢ πλειόνων ἐποιησάμην ἐπιδεικνὺς τὸ πλῆθος τῶν ληρωδῶν <’Ιουλιανοῦ> λόγων ὃν ἐνέγραψε τῷ βιβλίῳ. κυριώτατον γάρ ἄν τις εἴποι τοῦτο δὴ τὸ συνήθως λεγόμενον, ὡς οὐδέν ἐστιν ἀπεραντολογώτερον τάνθρωπου· “Θερσίτης δ' ἔτι μοῦνος ἀμετροεπῆς ἐκολώνα”, <καὶ> τούτῳ μᾶλλον ἄν ἢ Θερσίτη πρέποι πάντας ὑπερβαλόντι τοὺς πώποτε γεγονότας <ἐν> ἀμετροεπίαις. καὶ τοίνυν οἱ παραγενόμενοι τοῖς λόγοις ἀναγινωσκομένοις αὐτοῦ δύο ταῦτας ἔθεντο προσηγορίας τάνθρωπῷ, τὴν ἀμετροεπίαν καὶ τὴν ἀπεραντολογίαν, ὥστ' οὐκ ἐμοῦ σωφρονίζοντος, ἀλλ' Ὁδυσσέως τινὸς ἐδεῖτο τοῦ τῷ σκήπτρῳ καθίζοντος· σωφρονίσαι γάρ τὸν οὕτως ἔμπληκτον οὐδ' αὐτὸς ὁ τῶν Μουσῶν δύναται χορός. ἐπεὶ τοίνυν ἄκων ἡναγκάσθην γράφειν ταῦτα, <ὅδε> δὲ λόγος ἐστὶν ὑμῖν ὡς <ἐν> μοί<ρᾳ> προοιμίου τινός, ὅπως μὴ καταγνωσθῶ πρὸς τῶν ἀναγνωσομένων αὐτά· μέλλω γάρ ἐλέγχειν ἄνθρωπον ἔμπληκτον ἀμαθῆ δοξόσοφον ἀπαιδεύτοις μειρακίοις ἐν ἅπαντι τῷ βίῳ φλυαρήσαντα, παρ' οἷς ἔξ ὃν ἐβλασφήμει τοὺς παλαιοὺς ἐπιστεύθη τις εἶναι. δέομαι <δέ> οὖν συγχωρῆσαι μοι κολάσαι τὴν ἀπαιδευσίαν αὐτοῦ λόγοις τραχυτέροις ὃν εἴθισμαι χρῆσθαι. δεινὸν γάρ εἰ τούτῳ <μὲν> ἔξεσται λοιδορεῖσθαι τῶν παλαιῶν τοῖς ἀρίστοις, ἡμῖν δ' οὐκ ἔξεσται δι' ἀποδείξεων ἐναργῶν ἔξελέγχειν αὐτοῦ τὴν ἀπαιδευσίαν. εἰς τοσοῦτον γάρ ἥκει μεγέθους ὥστ' οὐδ' ὅθεν ἄρξηται τις εὔρειν εὐπετέες.

«И вот, то, что он дерзнул написать о только что упомянутом афоризме, показывает невозможно выразить какую степень невежества, бесстыдства и дерзости, а точнее сказать, и все это вместе и даже более того!»

Возможно, лучше было не удостаивать всего этого ни составлением возражения, ни тратить на это свое время. Но поскольку весьма многие друзья настойчиво просили меня предоставить им в виде комментариев все, что я изложил после того, как мне была доставлена книга, в которой Юлиан пытался опровергнуть вышеупомянутый афоризм, я взялся за этот непростой труд, но по правде говоря, гораздо больший, чем импровизированные заметки, которые я составил за шесть или более дней, показывая изобилие всякой ерунды, написанной Юлианом в его книге. Ибо можно было бы справедливо произнести стих, который обычно цитируется, чтобы показать, что нет ничего болтливее такого человека: «Только Терсит меж безмолвными каркал один, празднословный»⁵²⁹, причем к нему эти слова подошли бы даже более, чем к Терситу, поскольку своим празднословием он превзошел всех предшественников. И в самом деле, те, кто прочитал его речи, поставили ему в упрек две вещи: празднословие и многословие, так что не мне его нужно вразумлять, но новому Одиссею – своим посохом! Ибо вразумить столь безрассудного не может даже сам хор Муз. Итак, поскольку я против своей воли был вынужден писать эти заметки, слово это служит для вас как бы неким предисловием, чтобы мне не вызвать осуждение у тех, кто будет их читать, ибо я намерен обличить человека безрассудного, невежественного, мнящего себя мудрецом, всю жизнь болтавшего вздор перед необразованными юношами, полагающего сойти за кого-то великого благодаря тому, что поносил древних. Поэтому я прошу позволить мне посрамить его невежество более суровыми, чем я привык использовать, словами. Ибо было бы ужасно, если ему будет позволено поносить лучших из древних, а нам нельзя будет обличить его невежество ясными доказательствами. Ведь это доходит до такой степени, что даже нелегко найти то, с чего начать»⁵³⁰.

⁵²⁹ Гомер. *Ил.* II, 212. Пер. Н. И. Гнедича.

⁵³⁰ *Adv. Jul.* 2 (CMG V 10, 3, Wenkebach 1951: 37-39).

В этом кратком, но достаточно резком отрывке Гален предварительно, о чем предупреждает читателя, резюмирует свои претензии к Юлиану, чтобы полностью дискредитировать его еще до изложения своих доводов: он виновен в невежестве, бесстыдстве и дерзости ($\alpha\mu\alpha\theta\iota\alpha\nu\ \eta\ \alpha\nu\alpha\iota\sigma\chi\nu\tau\iota\alpha\nu\ \eta\ \tau\delta\mu\alpha\nu$), которые представляют собой общее место в научной полемике Галена со своими оппонентами. Затем Гален использует риторическую фигуру *эпанортосис*, как бы поправляя самого себе и уточняя, что дело обстоит еще хуже ($\mu\hat{\alpha}\lambda\lambda\lambda\nu\ \delta'\ \varepsilon\iota\ \chi\rho\jmath\ \tau\hat{\alpha}\lambda\lambda\theta\hat{\epsilon}\varepsilon\ \varepsilon\iota\pi\epsilon\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\hat{\alpha}\nu\tau\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \tau\delta\tau\omega\nu\ \varepsilon\iota\pi\ \pi\lambda\epsilon\iota\omega$). Он поясняет, что письменно отвечать на подобную ерунду – непозволительная трата времени, при том что даже простое прочтение и опровержение такой глупости – немалое испытание ($\mathfrak{o}\nu\ \sigma\mu\iota\kappa\rho\mathfrak{o}\nu\ \hat{\alpha}\theta\lambda\lambda\nu\ – \text{литота}$), которое заняло у него более шести дней даже на импровизированный вариант. Основные характеристики писанины этого автора, которого он называет новым Терситом, – это празднословие и многословие ($\tau\hat{\eta}\nu\ \hat{\alpha}\mu\epsilon\tau\mathfrak{o}\epsilon\pi\iota\alpha\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\hat{\eta}\nu\ \hat{\alpha}\pi\epsilon\tau\alpha\tau\mathfrak{o}\lambda\mathfrak{o}\gamma\iota\alpha\nu$). При этом никто не мог бы урезонить столь безрассудного человека ($\tau\hat{\nu}\nu\ \mathfrak{o}\varkappa\tau\omega\nu\ \hat{\epsilon}\mu\pi\lambda\lambda\kappa\tau\mathfrak{o}\nu$), даже целый хор Муз (*гипербола*). Поэтому Гален просит читателя о снисхождении к себе за необычную резкость терминов, которые он вынужден использовать в виду особых обстоятельств: «я намерен обличить человека безрассудного, невежественного, мнящего себя мудрецом, всю жизнь болтавшего вздор перед необразованными юношами» ($\mu\hat{\epsilon}\lambda\lambda\nu\ \gamma\hat{\alpha}\rho\ \hat{\epsilon}\lambda\epsilon\gamma\hat{\xi}\epsilon\nu\ \hat{\alpha}\nu\theta\omega\pi\mathfrak{o}\nu\ \hat{\epsilon}\mu\pi\lambda\lambda\kappa\tau\mathfrak{o}\nu\ \hat{\alpha}\mu\alpha\theta\hat{\eta}\ \delta\hat{\delta}\hat{\xi}\hat{\sigma}\mathfrak{o}\phi\mathfrak{o}\nu\ \hat{\alpha}\pi\alpha\delta\mathfrak{e}\nu\tau\mathfrak{o}\iota\mathfrak{s}\ \mu\epsilon\iota\mathfrak{r}\alpha\kappa\iota\mathfrak{o}\iota\mathfrak{s}\ \hat{\epsilon}\nu\ \hat{\alpha}\pi\alpha\nt\tau\iota\mathfrak{s}\ \tau\hat{\omega}\ \beta\hat{\iota}\mathfrak{w}\ \phi\mathfrak{l}\nu\mathfrak{a}\mathfrak{r}\hat{\jmath}\mathfrak{s}\mathfrak{a}\mathfrak{n}\mathfrak{t}\mathfrak{a}\mathfrak{t}\mathfrak{a}$).

Таким образом, Гален хочет представить себя мудрым и заботливым наставником, который отвечает на просьбу друзей и обладает всеми добродетелями, которые требовались от ораторов классической эпохи: доброжелательностью, благоразумием, скромностью и др. Асиндeton между эпитетами усиливает идею о невежестве и самонадеянности оппонента, которую Гален хочет донести до своей аудитории: преступления этого хулигеля древних ($\varepsilon\beta\lambda\alpha\sigma\phi\mathfrak{h}\mu\mathfrak{e}\iota\ \tau\hat{\nu}\nu\ \pi\alpha\lambda\alpha\iota\mathfrak{u}\nu\mathfrak{s}\ \lambda\mathfrak{o}\iota\mathfrak{d}\mathfrak{o}\mathfrak{r}\epsilon\mathfrak{s}\mathfrak{h}\mathfrak{a}\iota\ \tau\hat{\omega}\nu\ \pi\alpha\lambda\alpha\iota\mathfrak{w}\nu$) должны быть

наказаны и изобличены, а его невежество посрамлено. Таким образом, Гален предстает в образе поборника истины и обличителя, спешащего по просьбе друзей на защиту Гиппократа. Невозможно представить себе более яркого вступления для полемического сочинения. И, хотя не во всех полемических контекстах Гален прибегает к столь же резкой критике оппонентов, он, как правило, использует одни и те же риторические приемы и термины, чтобы очернить противника и убедить слушателя или читателя в их заблуждении.

Полемика с Ликом и Юлианом, которым Гален посвятил отдельные небольшие сочинения, по всей видимости, находилась на периферии его интересов, а сочинения были написаны между делом. В целом она носит достаточно издевательский характер, многие пассажи звучат анекдотически, но Гален редко упоминает об этих персонажах в других сочинениях своего корпуса. Главными объектами его критики были Эразистрат⁵³¹ и врач методической школы Фессал. Опровержению их взглядов Гален посвятил две первые книги своего главного сочинения по терапии «О методе лечения» (*De methodo medendi*). Полемика Галена с этими оппонентами содержит те же самые риторические приемы, что мы наблюдали выше: очернение противника, стиль судебного красноречия, ирония и сарказм⁵³².

В соответствии с рекомендациями Аристотеля⁵³³ Гален прибегает и к διαβολή – личному очернению, обвинению противника с позиции защиты себя

⁵³¹ Большинство сочинений, посвященных опровержению взглядов Эразистрата и врачей методической и эмпирической школ, о которых Гален упоминает в *De libr. pr. X, XI-XIII* (Boudon-Millot 2007: 162-163), утрачены.

⁵³² В данном случае мы используем термин «ирония» в современном значении слова «насмешка». В античной риторике этот термин не имел однозначного понимания и мог трактоваться как «притворство» или «лицемерие». Рассуждения о смешном, как известно, содержались в несохранившейся части «*Поэтики*» Аристотеля. Однако о четырехуровневой классификации иронии известно из псевдоаристотелевского трактата «Риторика к Александру» (IV в. до н.э.), где автор выделяет в иронии в порядке усиления высказывания: остроту (ἀστεισμός) насмешку (χλευασμός), издевку (μυκτηρισμός) и сарказм (σαρκασμός). В латинской риторической традиции рассуждения об иронии сохранились у Квинтилиана в «Наставлениях оратору» (кн. VIII-IX), где он также выделяет в иронии разные виды от остроты до сарказма. Несомненно, Гален был знаком с античными риториками и использовал как приемы иронии, так и ее терминологию. См. Пролыгина 2025: 193-205.

⁵³³ *Rhet. III, 15* (1416 a-b).

или Гиппократа, которая оправдывает любые методы ведения полемики. К. Рамбург, который исследовал этот термин в полемической риторической традиции, показал, что античные ораторы часто использовали этот прием для создания предубеждения своей аудитории⁵³⁴. Гален также использует этот термин, обыгрывая его многозначность, в контексте защиты Гиппократа, которая дает ему право прибегать к любым методам, в том числе, к личным нападкам на оппонентов.

Чтобы показать риторические приемы ведения полемики, разберем отрывок из I главы I книги трактата «О методе лечения», посвященный обвинениям Фессала, одного из основателей методической школы:

τί πειρᾶ διαβάλλειν ὡς οὗτος τὰ χρηστὰ διὰ τὸ παρὰ τοῖς πολλοῖς εὔδοκιμεῖν, ἐνὸν ὑπερβάλλεσθαι τοῖς ἀληθέσιν, εἰ φιλόπονός τέ τις εἴης καὶ ἀληθείας ἐραστής; τί δὲ τὴν τῶν ἀκροατῶν ἀμαθίᾳ συμμάχῳ κέχρησαι κατὰ τῆς τῶν παλαιῶν βλασφημίας; μὴ τοὺς ὄμοτέχνους τῷ πατρί σου κριτὰς καθίσης ἰατρῶν, τολμηρότατε Θεσσαλέ· νικήσεις γάρ ἐπ' αὐτοῖς καὶ καθ' Ἰπποκράτους λέγων καὶ κατὰ Διοκλέους καὶ κατὰ Πραξαγόρου καὶ κατὰ πάντων τῶν ἄλλων παλαιῶν, ἀλλ' ἄνδρας παλαιοὺς, διαλεκτικοὺς, ἐπιστημονικοὺς, ἀληθὲς καὶ ψευδὲς διακρίνειν ἡσκηκότας, ἀκόλουθον καὶ μαχόμενον ὡς χρὴ διορίζειν ἐπισταμένους, ἀποδεικτικὴν μέθοδον ἐκ παίδων μεμελετηκότας, τούτους εἰς τὸ συνέδριον εἰσάγαγε δικαστὰς, ἐπὶ τούτων τόλμησον Ἰπποκράτει τι μέμψασθαι, τούτων κρινόντων ἐπιχείρησόν τι τῇ μιαρᾷ καὶ βαρβάρῳ σου φωνῇ πρὸς Ἰπποκράτην διελθεῖν, πρῶτον μὲν ὡς οὐ χρὴ φύσιν ἀνθρώπου πολυπραγμονεῖν· ἔπειτα δὲ ὡς εἰ καὶ τοῦτο συγχωρήσειέ τις, ἀλλ' ὅτι γε κακῶς αὐτὴν ἐζήτησεν ἐκεῖνος καὶ ψευδῶς ἀπεφήνατο σύμπαντα. τίς οὖν ἔσται κριτής; εἰ βούλει, Πλάτων, ἐπειδὴ τοῦτον γοῦν οὐκ ἐτόλμησας λοιδορεῖν. ἐγὼ μὲν γάρ οὐδὲ τοὺς μαθητὰς αὐτοῦ φύγοιμ' ἀν, οὔτε τὸν Σπεύσιππον οὔτε τὸν Εενοκράτην· τὸν Ἀριστοτέλην δὲ κἀν παρακαλέσαιμί σε κριτὴν ὑπομεῖναι καὶ σὺν αὐτῷ Θεόφραστον· εὐξαίμην δ' ἄν σε καὶ Ζήνωνα καὶ Χρύσιππον ἀπαντάς τε τοὺς ἀπ' αὐτῶν ἐλέσθαι κριτάς.

⁵³⁴ Rambourg 2010: 66, 72. См. также Piazza 2014: 193-207.

ούδεὶς τούτων, ὃ τολμηρότατε Θεσσαλὲ, τῶν Ἰπποκράτους κατέγνω περὶ φύσεως ἀνθρώπου δογμάτων, ἢ τὴν ἀρχὴν οὕτ' ἀνεγνωκέναι μοι δοκεῖς οὕτ', εἴπερ ἀνέγνως, συνιέναι· ούδεὶς τούτων, ὃ τολμηρότατε Θεσσαλὲ, τῶν Ἰπποκράτους κατέγνω περὶ φύσεως ἀνθρώπου δογμάτων, ἢ τὴν ἀρχὴν οὕτ' ἀνεγνωκέναι μοι δοκεῖς οὕτ', εἴπερ ἀνέγνως, συνιέναι· καὶ εἰ συνῆκας δὲ, κρῖναι γοῦν ἀδύνατον ἦν σοι, τραφέντι μὲν ἐν γυναικωνίτιδι παρὰ πατρὶ μοχθηρῶς ἔρια ξαίνοντι. μὴ γάρ ἀγνοεῖσθαι μοι δόκει τὸ θαυμαστόν σου γένος καὶ τὴν ἀοίδιμόν σου παιδείαν, μηδ' ὡς ἐν κωφῷ θεάτρῳ λοιδορεῖν Ἰπποκράτην τε καὶ τοὺς ἄλλους παλαιούς· ἀλλὰ τίς ὅν καὶ πόθεν, ἐκ ποίου γένους, ἐκ ποίας ἀνατροφῆς, ἐκ ποίας παιδεύσεως, ἐπίδειξον πρότερον, εἴθ' οὕτως λέγε, τοῦτ' αὐτὸ πρῶτον μαθὼν, ὃ θρασύτατε, ὅτι λέγειν οὐκ ἐφεῖται πᾶσι δημοσίᾳ ἐν οὐδεμιᾷ τῶν εὔνομουμένων πόλεων, ἀλλ' εἴ τις ἐπίσημός ἐστι καὶ γένος ἔχει καὶ ἀνατροφὴν δεῖξαι καὶ παιδείαν ἀξίαν τοῦ δημηγορεῖν, τούτῳ συγχωροῦσιν ἀγορεύειν οἱ νόμοι· σὺ δ' οὐδὲν τούτων ἔχων ἐπιδεῖξαι τολμᾶς ὃ γενναιότατε κατηγορεῖν Ἰπποκράτους, καὶ καθίζεις μὲν ἐν ταῖς ληρώδεσί σου βίβλοις δικαστὰς τοὺς "Ἐλληνας, ἀποφαίνη δ' αὐτὸς οὐκ ἀναμείνας ἐκείνους καὶ στεφανοῖς σεαυτὸν, ἐνίοτε μὲν κατὰ πάντων τῶν ἱατρῶν, ἐνίοτε δὲ κατὰ πάντων ἀπλῶς Ἐλλήνων.

«Почему ты, о несчастный, пытаешься опорочить добродетель ради того, чтобы снискать славу у толпы, тогда как можно достичь превосходства в истине, если бы ты был трудолюбивым и любящим истину? Почему ты берешь в союзники невежество слушателей, понося древних? Не ставь судьями врачей товарищей своего отца, о дерзейший Фессал! Ибо в их присутствии ты победишь, даже обвиняя Гиппократа, Диокла, Праксагора и всех иных древних! Но позови судьями на судебное заседание древних мужей, искусных в рассуждении, ученых, искушенных в различении истины и лжи, способных определить, когда им нужно следовать, а когда опровергать, с детства владеющих доказательным методом! Дерзни в их присутствии упрекнуть в чем-нибудь Гиппократа, попытайся перед такими судьями обвинить в чем-нибудь Гиппократа на своем скверном и варварском языке, и начни с того, что не должно исследовать природу

человека, а затем, словно бы кто-то уступил тебе в этом, добавь, что он исследовал ее плохо и пришел к ложным выводам. Кто же будет судьей? Если тебе угодно, Платон, поскольку хотя бы его ты не осмелился порицать. Я же не стал бы избегать и его учеников: ни Спевсиппа, ни Ксенократа; и попросил бы тебя назначить судьей Аристотеля и вместе с ним Феофраста, а также умолял бы тебя избрать судьями Зенона, и Хрисиппа, и всех их учеников. Никто из них, о дерзейший Фессал, не критиковал учения Гиппократа о природе человека, которые ты, как мне кажется, либо вообще не читал, либо, если и читал, то не понял. А если и понял, то не тебе было судить о них, получившему образование в женской половине дома подле отца, дурно прявшего шерсть. Ибо хорошо известны, как мне кажется, и твой дивный род и твоё постыдное воспитание, также как то, что ты словно в театре глухих поносишь Гиппократа и прочих древних! Но кто ты, откуда, какого рода, какого воспитания, какого образования – сначала покажи это, а затем только произноси такие речи, узнав прежде, о дерзейший, что ни в одном из городов, управляемых хорошими законами, недопустимо выступать с публичными речами кому попало, но законы позволяют выступать только тому, кто чем-то знаменит и может доказать свое происхождение, воспитание и образование, достойные публичных выступлений. Ты же, будучи неспособен показать ничего из перечисленного, дерзаешь, о благороднейший, обвинять Гиппократа и назначаешь судьями в своих вздорных книгах эллинов, сам же заявляя, что не переносил их, и увенчиваешь сам себя иногда перед всеми врачами, а иногда вообще перед всеми эллинами»⁵³⁵.

В этом отрывке мы наблюдаем еще более резкую риторику по сравнению с той, которую мы видели в трактатах «Против Лика» и «Против Юлиана». Гален в самом начале отрывка приписывает διαβολή своему противнику (τί πειρᾶ

⁵³⁵ *De meth. med.* I, 2 (К. X, 8-11 = Johnston, Horsley 2011: I, 14-16).

διαβάλλειν ὡς οὗτος τὰ χρηστὰ...) и вступает в фиктивный диалог с Фессалом, обращаясь к нему словно бы тот находился среди слушателей. Императивы, восклицания, обращения во 2 и 3 лице, использование частиц – все эти приемы должны создать видимость настоящей дискуссии в присутствии обвиняемого Фессала. Обращения, которые использует Гален, напоминают те, что использовались в судебных речах (ὡς οὗτος, ὡς τολμηρότατε Θεσσαλέ) и диалогах Платона (ὡς γενναιότατε). Гален не ограничивается высмеиванием учения противника, но переходит к личным оскорблению, насмехаясь над плохим греческим языком Фессала (τῇ μιαρῇ καὶ βαρβάρῳ σου φωνῇ), его низким происхождением (τραφέντι μὲν ἐν γυναικωνίτιδι παρὰ πατρὶ μοχθηρῷς ἔρια ξαίνοντι) и недостатком образования (τὴν ἀοίδιμόν σου παιδείαν). Таким образом, Гален сразу дисквалифицирует противника в интеллектуальном плане, поскольку, как он объясняет, только благородные и хорошо образованные люди имеют право выступать публично. По сути, Гален заимствует характерные для хвалебных речей топосы и обращает их против оппонента, как советовали поступать при составлении инвектив теоретики риторического искусства⁵³⁶.

Чуть ниже Гален приводит метафору состязания, в котором Фессал сам себя провозглашает победителем:

ἄγε δὴ λοιπὸν ὕμνους ἀδόντων ἄπαντες Θεσσαλοῦ, καὶ γραφόντων ἐπινίκια μέλη, καὶ κοινὸν τῆς οἰκουμένης τὸ θέατρον γενέσθω, καὶ παρελθών ἀδέτω τις ὡς παρὰ τοῖς ἰστοῖς τραφεὶς ἐνίκησε μὲν Δημοσθένην καὶ Λυσίαν καὶ τοὺς ἄλλους ρήτορας, ἐνίκησε δὲ Πλάτωνα καὶ Σωκράτην καὶ τοὺς ἄλλους φιλοσόφους, ἐνίκησε δὲ καὶ Λυκούργον καὶ Σόλωνα καὶ τοὺς ἄλλους νομοθέτας, ἐστεφάνωται δὲ κοινῇ κατὰ πάντων ἀνθρώπων, ρήτορων, φιλοσόφων, νομοθετῶν.

«Так пусть же все поют гимны Фессалу и слагают победные песни, и пусть его театром будет вся вселенная, и пусть кто-нибудь, выступив

⁵³⁶ Ps. Hermog. *Progymn.* VII, 5; Aphthon. *Progymn.* VIII, 3 и IX, 2.

вперед, воспоет, как он, выросший у ткацкого станка, одержал победу над Демосфеном, Лисием и другими ораторами, и одержал победу над Платоном, Сократом и другими философами, и одержал победу над Ликургом, Солоном и другими законодателями, и пусть он будет увенчан победным венком вообще над всеми людьми, ораторами, философами, законодателями»⁵³⁷.

Гален смешил здесь сарказм и гиперболу, предлагая восхвалять Фессала в эпическом и лирическом жанрах (*ὕμνους ἀδόντων ... καὶ γραφόντων ἐπινίκια μέλη*) по всей вселенной, и еще раз напоминает о его низком происхождении (*παρὰ τοῖς ἴστοῖς τραφεῖς*) по сравнению с его знаменитыми предшественниками, такими как Демосфен, Лисий, Платон и др. Он приводит много громких имен и касается всех видов искусств, чтобы нагляднее продемонстрировать нелепость претензий Фессала.

Помимо Фессала, который вызывал особую ненависть Галена, его мишенями часто становились, как было сказано выше, и другие врачи, в частности, Эразистрат, ученику которого он посвятил немало критических замечаний в трактате «О естественных свойствах» (*De naturalibus facultatibus*). Следует отметить, что резкие нападки на своих оппонентов или конкурентов нельзя считать изолированной стратегией, характерной только для Галена. В контексте агонистической культуры Второй софистики II-III вв. н. э. подобные правила ведения полемики не вызывали у аудитории никакого удивления и считались вполне универсальными, поскольку часто в таком же тоне ведется полемика и у софистов. Так, например, в «Лжеце» (*Pseudologistes*) Лукиана мы находим столь же резкую и грубую полемику с другим софистом, который вызывает насмешки за неверное употребление греческого слова.

Также следует отметить, что тон и методы ведения полемики Галена могут быть разными. К некоторым из своих великих предшественников, например, к

⁵³⁷ *De meth. med.* I, 2 (К. X, 12 = Johnston, Horsley 2011: I, 18).

Аристотелю Гален проявляет определенное уважение⁵³⁸. Иногда критике Галена подвергается не конкретное лицо, а группа сторонников той или иной медицинской или философской школы, которых он не называет поименно, но полемизирует с анонимными τινες. Как показал Т. Тилеман, подобная практика была характерна, в частности, для стоической школы⁵³⁹.

В отличие от инвективы похвала в сочинениях Галена обычно ограничивается скучными и сделанными мимоходом замечаниями, например, о Гиппократе, Соране или Диоскориде, которые в силу своей краткости и отсутствия соответствующих жанровых признаков нельзя считать энкомиями или панегириками. Античные теоретики стиля обычно четко различают ἔπαινος, элодию или похвалу, и ἔγκωμιον, энкомий или панегирик, первая состоит в отдельном коротком высказывании, а другой – в длинной развернутой речи⁵⁴⁰. Эпидейктическая риторика в большей степени представлена у Галена в безличном контексте. Например, он охотно восхваляет искусства и особенно медицину в «Протрептике» (*Protrepticus*), прекрасный климат Стабий в «О методе лечения» (*De methodo medendi*) или промыслительную Природу в «Об использовании частей человеческого тела» (*De usu partium*).

Систематическая полемика Галена с предшествующими и современными врачами и почти полное отсутствие личной похвалы отодвигает всех его соперников на второй план, и на фоне бесконечных споров вырисовывается только одна надежная фигура врача, который способен убедительно обосновать свою точку зрения – самого Галена. Таким образом, полемика Галена направлена в том числе и на то, чтобы проиллюстрировать собственные качества и достижения и нарисовать автопортрет выдающегося врача, оратора и философа.

⁵³⁸ van der Eijk 2009: 261-280.

⁵³⁹ Tielemans 2009: 282-299.

⁵⁴⁰ Ps. Hermog. *Progymn.* VII, 3; Aphthon. *Progymn.* VIII, 1.

III. 2. 4. Протрептик: полемика в увещании

В корпусе сочинений Галена сохранился текст под названием «Увещание к занятию медициной»⁵⁴¹ (*Adhortatio ad artes addiscendas*), который принадлежит к античному жанру «увещания» или «побуждения» (*λόγος прοτρεπτικός*) и восходит к традиции, заложенной еще софистами и Исократом⁵⁴². Целью Галена было побудить юношей к занятию искусствами, к которым он относит и медицину, и отвратить их от занятия профессиональным спортом. Образцом классического протрептика можно считать, по-видимому, «Протрептик» Аристотеля, фрагменты которого сохранились в «Протрептике» Ямвлиха (гл. V-XII)⁵⁴³.

Многие темы, затронутые Аристотелем и использованные Ямвлихом, перекликаются и с текстом Галена, где они получили развитие применительно к области искусства, например, его рассуждения о необходимости для всякого юноши заниматься искусством, его важности для достижения счастливой жизни и практической пользе. Однако недавние исследования этого текста в культурном, литературном и этическом контексте Второй софистики показали, что это сочинение представляет собой не просто попытку Галена убедить молодых людей выбрать медицинскую профессию и дать им ряд моральных наставлений. Как показал Я. Кёниг, Гален, по всей видимости, участвовал в общей для этого периода полемике со спортсменами и их тренерами⁵⁴⁴. Другие исследователи обратили внимание на дидактическое и риторическое использование трагедии и комедии в этом тексте⁵⁴⁵, а также роль моральных

⁵⁴¹ Kühn I, 305-412 (=Boudon-Millot 2000: 84-117); рус. пер. Пролыгина 2013: 283-299. Отчасти к этому же жанру можно отнести и небольшой трактат под названием «Об упражнении с маленьким мячом» (*De parvae pilae exercitio*).

⁵⁴² Напр., речи *Ad Nicoclem, Antidosis*.

⁵⁴³ О происхождении жанра протрептика и его жанровых особенностях см. Gaiser 1959; Alieva 2018.

⁵⁴⁴ König 2005: 291-300.

⁵⁴⁵ Rosen 2013:177-189.

наставлений в контексте стоических, перипатетических и платоновских моделей⁵⁴⁶.

Следует обратить внимание еще на одну деталь, которая не получила должного объяснения в исследованиях последних лет. В каталоге собственных произведений, который приводит Гален в трактате «О собственных книгах», сочинение под названием «*На книгу Менодота*⁵⁴⁷ *Северу увещание к занятию медициной*» помещено в XII главе под названием «О разногласиях с врачами эмпириками»⁵⁴⁸. Возникает вопрос, почему Гален включил свой пропретик в число сочинений, направленных против эмпирической школы, если он не упоминает о них в этом сочинении. По предположению В. Будон-Мийо⁵⁴⁹ в несохранившейся части пропретика Гален увещал молодых людей, избравших медицинскую карьеру, к изучению анатомии и физиологии, знание которых, по мнению эмпириков, совершенно бесполезно при выборе лечения. Таким образом, это сочинение могло быть ответом и возражением на сочинения Менодота. Также не совсем понятно, почему полемика с эмпириками была представлена в сочинении, написанном в увещательном жанре, и почему фоном служат рассуждения о легкой атлетике.

В первых главах своего увещания Гален подчеркивает фундаментальную роль разума (*λόγος*) в медицине. Кроме того, эмпирики, по мнению Галена, полагались скорее на «случай» (*τύχη*), чем на истинное искусство (*τέχνη*). Это противоречие, скорее всего, и побудило его написать пропретик, в котором эпидейктические части, посвященные «искусству» и «разуму», не только выполняют функцию прославления и увещания, но и служат способом опровергнуть взгляды сторонников эмпирической школы.

Таким образом, риторические приемы увещания Гален сочетает с приемами памфлета, призванными усилить на фоне резкого контраста его

⁵⁴⁶ Xenophontos 2018: 67-93.

⁵⁴⁷ Имеется в виду Менодот Никомедийский (конец I в. н. э.), врач и философ-скептик, разделявший взгляды медицинской эмпирической школы.

⁵⁴⁸ Boudon-Millot 2007: 163.

⁵⁴⁹ Ibid.: 217.

аргументы. Трактат начинается со своеобразного гимна разуму человека, который отличает его от других живых существ и позволяет заниматься искусствами по своему выбору, а не повинуясь природе, подобно животным. В первой части Гален рассуждает о достойных видах искусств, вводя эпфрасис, в котором красочно описывает Тюхе, Гермеса и их почитателей. Искусство роднит человека с богами, поэтому нелепо презирать этот дар и доверяться слепой богине судьбы и случая. Гермес как покровитель разума и всякого мастерства, напротив, побуждает слушателей к следованию по пути разума и трудолюбия. Перечисление бедствий, грозящих последователям Тюхе, и благ, ожидающих сторонников Гермеса, служат дополнительным поводом для занятия искусствами.

Во второй части он приводит четкий критерий различия искусства пустого или вредного и истинного: всякое занятие, не приносящие пользы для жизни, не искусство. Но наибольшей опасностью Галену представляется профессиональная спортивная карьера, которая на первый взгляд обещает юношам славу и почести, но на самом деле вредна и бесполезна. Он последовательно излагает аргументы, призванные отвратить юношей от следования по этому пути: занятие атлетикой бесполезно с практической точки зрения, приводит к интеллектуальной деградации, нарушению нормального распорядка дня и питания, утрате здоровья и, в конечном итоге, различным уродствам. Распространенное мнение о физической силе и выносливости атлетов ошибочно, а их спортивные достижения незначительны даже по сравнению с естественными способностями животных. В конце жизни вместе с утратой здоровья они полностью лишаются и средств к существованию. Поэтому молодым людям следует заниматься такими видами искусств, которые приносят пользу и пребывают с человеком до самой старости. К ним Гален относит не связанные с физическим трудом интеллектуальные виды искусств, самым достойным из которых признает медицину.

Согласно Ф. Кэрнсу, который исследовал композиционную структуру и жанровые особенности пропретиков, любое сочинение, написанное в

протрептическом жанре, предполагает наличие оратора (или автора), аудитории, которую он пытается в чем-либо убедить, и оппонентов, с которыми полемизирует⁵⁵⁰. Автор должен утвердить свой авторитет, благодаря которому он выступает в роли наставника, а аудитория – в роли ученика, и показать, что противоположный путь ошибочен и несовершенен. Иногда протрептик построен в форме диалога, как например, «Евтидем» Платона или отдельные части «Протрептика» Аристотеля, а иногда оратор сам приводит аргументы оппонента, опровергая их с помощью целого набора риторических приемов.

У Галена мы наблюдаем все отмеченные Кэрнсом особенности протрептика. Утверждая свой авторитет, Гален предлагает слушателям образный рассказ-экфрасис о тех, кто следует за слепой богиней случая Тюхе и покровителем разума Гермесом (IV-V). Он упоминает множество персонажей из мифологического и исторического прошлого, дабы продемонстрировать собственную эрудицию. Среди последователей Тюхе Гален называет лидийского царя Креза, известного своим богатством, тиранов Поликрата Самосского и Дионисия Сиракузского, троянского царя Приама и др., показывая, что все они трагически закончили свои дни. С другой стороны, к последователям Гермеса он относит Сократа, Гомера, Гиппократа и Платона. Помимо персонажей из исторического прошлого Гален представляет широкую панораму видов человеческой деятельности: от преступлений свиты Тюхе до благородных занятий последователей Гермеса. Посредством этих описаний автор утверждает себя как интеллектуал, способный дать обобщающую и объективную оценку разным человеческим профессиям и предложить их на выбор аудитории, представив результаты каждого из видов искусств.

Дополнительным способом упрочить свой авторитет как интеллектуала и наставника служат многочисленные цитаты канонических греческих

⁵⁵⁰ Cairns 2007.

авторов: Гомера, Пиндара, Сапфо, Софокла, Еврипида, Геродота, Фукидида и Платона⁵⁵¹, которые свидетельствуют о прекрасном образовании автора.

Далее Гален прибегает к еще одному, уже не раз упоминавшемуся нами приему утверждения своего авторитета, – комментированию Гиппократа и апелляции к его мнению. В качестве примера можно привести его ссылку на мнение Гиппократа о пагубном влиянии легкой атлетики на организм:

καὶ διὰ τοῦτ' ἀν ἔγωγε φαίην ἀσκησιν οὐχ ύγιείας ἀλλὰ νόσου μᾶλλον εἶναι τὸ ἐπιτήδευμα τοῦτο. <ταῦτὸ> δ' οἶμαι καὶ αὐτὸν τὸν Ἰπποκράτην φρονεῖν, ἐπειδὴν λέγῃ ‘διάθεσις ἀθλητικὴ οὐ φύσει, ἔξις ύγιεινὴ κρείσσων.’

«А потому я назвал бы это занятие упражнением, ведущим не к здоровью, но скорее к болезни. И полагаю, что это подразумевал и сам Гиппократ, когда говорил: «Атлетическое сложение не соответствует природе, здоровое состояние превосходнее»⁵⁵².

Помимо знания текстов Гиппократа Гален в данном случае демонстрирует равенство величайшему врачу древности, свободно высказываясь по медицинским вопросам и ссылаясь на него как на своего предшественника и единомышленника.

Еще одно утверждение собственного мнения встречается в конце трактата. После разделения искусств на разумные и презренные Гален излагает свое мнение о месте медицины:

ἐκ τούτων οὖν τινα τῶν τεχνῶν ἀναλαμβάνειν τε καὶ ἀσκεῖν χρὴ τὸν νέον, ὅτῳ μὴ παντάπασιν ἡ ψυχὴ βοσκηματώδης ἐστί, καὶ μᾶλλόν γε τὴν ἀρίστην ἐν ταύταις, ἥτις ὡς ἡμεῖς φαμεν ἐστὶν ἰατρική.

⁵⁵¹ Дж. Ридер приводит таблицу по главам с описанием 22 цитат. См. Reader 2020: 54-55.

⁵⁵² *Protrept.* X, 5 (Boudon-Millot 2002: 104). Цитата: Hippocr. *De alim.* 34. Рус. пер. Пролыгина 2013: 293.

«Итак, необходимо, чтобы юноша, душа которого не совершенно скотоподобна, воспринял и изучал одно из этих искусств и, предпочтительно, лучшее среди них, которое, как мы утверждаем, есть медицина»⁵⁵³.

Для того, чтобы утвердить свой авторитет и выделить собственное мнение Гален в обоих приведенных примерах использует первое лицо, обращаясь к глаголам мысли и речи.

Аудитория Галена состояла, главным образом, из молодых людей, которых необходимо было убедить заниматься искусствами и науками, а не следовать по спортивной стезе. Он замечает, что искусствами нужно заниматься, когда «тела находятся в расцвете сил» (*ἡνίχ' ὥραιότατα φαίνεται τὰ σώματα*)⁵⁵⁴, называя своих слушателей «юношами» (*μειράκια*, VIII, 2), «молодыми людьми» (*νέοι*, VIII, 4; IX, 3; XIV, 5) и «чадами» (*παῖδες*, IX, 1). Таким образом Гален представляет себя мудрым наставником, который стремится направить молодых людей по верному пути. Иногда он вступает в диалог со своими слушателями, словно бы они были его оппонентами, обращаясь к ним во 2 и 1 лице. Так, рассуждая о божественном происхождении искусства и о том, что занятие ими роднит человека с богами, он обращается к слушателю со словами:

εἰ δ' οὐκ ἐθέλεις ἐμοὶ πείθεσθαι, τόν γε θεὸν αἰδέσθητι τὸν Πύθιον.

«Если же ты не хочешь поверить мне, то устыдись хотя бы пифийского бога»⁵⁵⁵.

⁵⁵³ *Ibid.* XIV, 7 (Boudon-Millot 2002: 117).

⁵⁵⁴ *Ibid.* VIII, 1 (Boudon-Millot 2002: 96).

⁵⁵⁵ *Ibid.* IX, 7 (Boudon-Millot 2002: 101).

И далее, предлагая ему перечислить достойные звания атлетов по сравнению с теми, которые боги даруют последователям искусств, спрашивает:

λέγε δή μοι καὶ σὺ τὰς τῶν ἀθλητῶν προσαγορεύσεις. ἀλλ' οὐκ ἐρεῖς ὅτι μηδὲ ἔχεις εἰπεῖν

«Назови мне и ты звания атлетов. Но ты не назовешь, потому что тебе нечего сказать»⁵⁵⁶.

Оппонентами в пропретике Галена выступают представленные в символическом виде последователи слепой богини случая и удачи Тюхе (Τύχη), которые противостоят тем, кто следует по пути изучения искусств (τέχνη). Гален пытается дискредитировать их образ жизни, задавая риторический вопрос:

πῶς οὖν οὐκ αἰσχρόν, φέ μόνῳ τῶν ἐν ἡμῖν κοινωνοῦμεν θεοῖς, τούτου μὲν ἀμελεῖν, ἐσπουδακέναι δὲ περὶ τι τῶν ἄλλων, τέχνης μὲν ἀναλήψεως καταφρονοῦντα, Τύχη δὲ ἔαυτὸν ἐπιτρέποντα.

«Неужели не стыдно пренебрегать тем единственным в нас, что роднит нас с богами, и заботиться о чем-то другом, презирая стяжение искусства и вверяя себя Тюхе?»⁵⁵⁷

Далее он переходит на оскорблении: тех, кто полагается на знатность рода, богатство, физическую красоту и презирает упражнение в искусстве он называет «совершенно лишенными разума» (παντάπασιν ἀνοήτοι)⁵⁵⁸. К этой же свите Тюхе он относит тиранов, демагогов, гетер, блудниц, предателей, убийц, расхитителей гробниц и воров⁵⁵⁹.

⁵⁵⁶ Ibid. X, 1 (Boudon-Millot 2002: 102).

⁵⁵⁷ Ibid. II, 1 (Boudon-Millot 2002: 85).

⁵⁵⁸ Ibid. VIII, 7 (Boudon-Millot 2002: 98).

⁵⁵⁹ Ibid. IV, 2-4 (Boudon-Millot 2002: 88).

Вторую группу оппонентов составляют те, кто направляет юношей по пути следования пустому или дурному ремеслу (*ματαιοτεχνία* ἢ *κακοτεχνία*), главным образом, атлеты и их тренеры, которых он называет обманщиками и шарлатанами⁵⁶⁰. Предвосхищая возможные возражения оппонентов, Гален прибегает к их опровержению, используя фигуру *прокаталепсис*:

εἰ δὲ καὶ τὴν ἡδονὴν σώματός τις ἀγαθὸν εἶναι φαίη, οὐδὲ αὐτῆς ταύτης αὐτοῖς μέτεστιν οὕτ' οὖν ἀθλοῦσιν οὕτε καταλύσασιν.

«Если же кто-нибудь скажет, что удовольствие тела также есть благо, то они и ему не причастны ни тогда, конечно, когда состязаются, ни когда перестают»⁵⁶¹.

И, наконец, третью группу оппонентов составляли, по всей видимости, эмпирики, которые отрицали роль рационального начала (*λόγος*) в медицинском искусстве. Для Галена же разумное начало было основополагающим для овладения медицинскими знаниями, поэтому в пропретике, главной целью которого было убеждение слушателей, центральное место занимает противопоставление «разума» и «случая». Идеальный врач, по мнению Галена, должен был обладать навыками в разных видах искусств, чтобы овладеть качествами, необходимыми для успешного лечения. Таким образом, пропретик Галена следует рассматривать не только как риторическое упражнение на тему этического выбора профессии, но и как медицинский текст, отражающий эпистемологические взгляды Галена, существенно дополняющие наше понимание философских и медицинских дебатов II-III вв. н. э.

⁵⁶⁰ Ibid. IX, 1 (Boudon-Millot 2002: 100).

⁵⁶¹ Ibid. XIV, 1 (Boudon-Millot 2002: 115).

Выводы

Анализ системы аргументации Галена показал, что его семиотика и герменевтика, риторика истолкования знаков, использование логики, постоянная полемика с оппонентами служили одной цели – убеждения аудитории любой ценой. Гален продолжил и систематизировал античную традицию истолкования знаков, которая играла ключевую роль в медицине, особенно в таких ее разделах, как прогностика и диагностика. Как показал анализ его сочинения «О прогнозе», подход Галена объединял эмпирическое наблюдение с теоретическим анализом. Семиология в его сочинениях значительно шире, чем просто интерпретация знаков и истолкование текстов Гиппократа. В сочетании с полемической стратегией она позволяет Галену упрочить свое первенство среди врачей и обезоружить и дисквалифицировать своих конкурентов.

Значительным вкладом Галена в античное медицинское знание о прогностике и диагностике стало его учение о пульсе или сфигмология. Его трактаты о пульсе («О разновидности пульсов», «О диагностике по пульсам» и др.) стали классикой медицинской литературы, сочетая детальную терминологическую классификацию с наглядными примерами в виде описания клинических случаев. Уникальная коллекция клинических случаев, собранная в корпусе сочинений Галена, свидетельствует о высоком профессиональном мастерстве автора и его исключительном авторитете у пациентов и коллег (например, у Главкона), которые представлены как свидетели его исключительных способностей, сравнимых с чудотворением и магией.

В своих многочисленных комментариях на книги Гиппократа Гален использует филологические и текстологические методы экзегезы, стремясь прежде всего к ясности (*σαφήνεια*) его мысли. Несмотря на полемическую направленность большинства из них, комментарии Галена стали образцом научной экзегезы для последующих поколений комментаторов медицинских

текстов. И, наконец, на примере трактата «О назначении частей человеческого тела» Гален раскрывает и интерпретирует замыслы демиурга и божественной Природы, соединяя медицинское знание с философской телесной теорией. Этот синтез подчёркивал его роль не только как врача, но и как посредника между природой и человеческим разумом.

Полемика в текстах Галена была тесно связана с риторикой. Гален активно участвовал в интеллектуальных дебатах своего времени, направляя критику как против своих современников – представителей различных медицинских школ, софистов, философов, так и против авторитетов прошлого, включая Аристотеля и Гиппократа. Его полемика не ограничивалась чисто медицинскими вопросами, но затрагивала также философские, логические и методологические аспекты.

Черты полемического дискурса характерны для сочинений разной жанровой природы: в инвективах (например, в главах «О методе лечения», направленных против Фессала, в сочинениях «Против Лика» или «Против Юлиана») Гален использовал приемы личного очернения, высмеивая происхождение, образование и стиль оппонентов; в пропаганде («Увещание к медицине») он сочетал увещевательную риторику с резкой критикой спорта, подчеркивая превосходство медицины как рационального искусства; в логико-эпистемологическом сочинении «О доказательстве» стремился систематизировать медицинское знание, противопоставляя свою методологию подходам эмпириков и методистов.

Для опровержения взглядов своих оппонентов, убеждения своей аудитории и защиты своей позиции Гален применял весь арсенал риторических средств судебного красноречия, включая просопопею, диалог с вымышленным оппонентом, сарказм, гиперболу. Он выстраивает свою аргументацию по модели обвинения и защиты, стараясь добиться победы у слушателей при помощи риторических приемов аргументации. При этом полемика характерна не только для памфлетов как таковых (например, сочинений «Против Лика» и «Против Юлиана»), но встречается во всем корпусе его текстов,

где Гален сталкивается с необходимостью отстаивать собственную точку зрения, критикуя своих оппонентов за их некомпетентность и невежество, а иногда переходя и на личные оскорблении. В ходе дискуссии, как правило, он прибегает к имитации праведного негодования, вынуждающего его к опровержению ошибочных взглядов или оскорбительных нападок на древних. Все эти риторические и софистические приемы соответствовали культурным ожиданиям эпохи Второй софистики, где публичные дебаты и словесные поединки были важной частью интеллектуальной жизни.

В своей системе аргументации Гален сочетает диалектические и риторические методы ведения полемики. Несмотря на декларируемую приверженность строгим логическим методам (силлогизмам и геометрическим доказательствам), он часто прибегал и к риторическим аргументам, особенно в случаях, когда абсолютная достоверность была недостижима (например, в эмбриологии). В его эпистемологии важную роль играла категория «вероятного» (*πιθανόν*), позволяя выдвигать убедительные, хотя и не абсолютно доказанные, гипотезы. Полемика также служила Галену инструментом самоутверждения, позволяя не только опровергнуть чужие идеи, но и представить собственный интеллектуальный образ наследника классической традиции (Гиппократа, Платона, Аристотеля) и единственного подлинного эксперта в медицине и философии.

Таким образом, Гален предстает как универсальный учёный эпохи Второй софистики, сочетавший логику, риторику и полемику для утверждения своих идей. Его тексты показывают, что научная дискуссия в Античности была неотделима от искусства убеждения, а критика оппонентов служила инструментом формирования интеллектуального авторитета. И хотя многие теоретические труды Галена по логике были утрачены, его полемические стратегии и синтез риторики с научной аргументацией оказали значительное влияние на позднеантичную и средневековую медицинскую традицию, сохранив свою актуальность на протяжении веков.

Глава IV. ПОВЕСТВОВАНИЕ И ОПИСАНИЕ У ГАЛЕНА

В этой главе мы рассмотрим проблему повествования и описания у Галена и, в частности, проанализируем, какую литературную функцию в его текстах выполняет описание клинических случаев. Мы предполагаем, что значительную роль в них играет личное свидетельство автора и наглядность или иллюстративность, которые способствовали достижению наглядности (*ἐνάργεια*) и ясности (*σαφήνεια*) – важнейших риторических требований к убедительности речи⁵⁶², о котором мы уже упоминали в прошлой главе. Следует отметить, что эти истории болезней выходят за рамки простого описания и традиционных риторических приемов оживления речи, таких как экфрасис или ипотипосы, и легко и логично вплетаются в общий ход повествования. Гален старается представить объективную картину состояния больного, не вдаваясь в описание его переживаний, и раскрыть с помощью наблюдения и своего доказательного метода раскрыть истинные причины заболевания и предложить способы его лечения. В этом смысле рассказы Галена можно считать одними из первых примеров научного медицинского описания.

IV. 1. Виды и функции повествования

В медицинском повествовании, как и в других литературных жанрах, усвоенных античными медицинскими авторами, можно выделить несколько различных видов. Описание историй болезней встречается уже у Гиппократа, однако именно в эпоху Галена происходит расцвет повествовательной формы, наиболее ярко проявившийся в греческом романе. В этот период она, несомненно, уже претерпела множество преобразований, выполняя не только

⁵⁶² В риторических сочинениях времен Галена эти два термина становятся почти синонимами, в частности, у Дионисия Галикарнасского и Квинтилиана. См. Berardi 2010: 179-200; Dross 2010: 233-252. Об *ἐνάργεια* как наглядном изображении в рассказе или описании см. *Rhet. Herenn.* IV, 54, 68; о важности этого понятия в Античности см. Plett 2012: 1-21.

функцию развлечения читателей, но и их убеждения благодаря иллюстрации своей мысли на конкретном примере. У Галена рассказы и описания, прежде всего, служат дополнительным способом аргументации и по своей форме представляют клинические случаи, которые составляют большую часть историй в его корпусе текстов. Однако, в прозе Галена встречаются и другие истории, иногда краткие, иногда достаточно пространные, которые призваны развлечь или отвлечь читателей, объяснить его поступки или доказать их обоснованность. Иногда речь идет о простых примерах, продиктованных соответствующим риторическим контекстом. Иногда его рассказы могут перекликаться между собой: например, вторая история может усиливать и дополнять первую, или один и тот же рассказ – повторяться дважды в разных текстах. Таким образом, можно смело говорить об интертекстуальности в работах Галена. Кроме того, клинический случай часто приводится не только для пользы читателя-врача, но выполняет сразу несколько функций, поэтому его нельзя противопоставлять другим типам рассказов.

Мы попытаемся выделить несколько видов нарратива у Галена. Сначала мы рассмотрим его истории болезней и покажем, что эти рассказы существенно отличаются как от тех, что встречаются у Гиппократа, так и от тех, которые мы видим у других его медицинских предшественников, таких как Руф Эфесский или Аretей Каппадокийский. Также мы отметим отличия Галена от других авторов его времени, которые писали «техническую» прозу, например, от Артемидора или Птолемея. Таким образом, мы покажем, что разнообразие историй болезней в совокупности со множеством историй, не имеющих прямого отношения к его медицинскому опыту, раскрывают еще одну грань Галена как виртуозного писателя, который использует рассказ в множестве контекстов и для различных целей, как один из ярчайших представителей риторической культуры Второй софистики.

Повествование у Галена, как мы увидим далее, сопровождается множеством разных описаний и наблюдений, которые служат не только научной пользе и передаче опыта, но и приданию стилистической

утонченности, призванной произвести более сильное впечатление на читателя или слушателя.

IV. 1. 1. Роль рассказа в сочинениях Галена

За исключением греческого романа, роль рассказа в прозе авторов Второй софистики в научной литературе изучена достаточно скромно⁵⁶³. Среди исследований последних лет можно назвать несколько работ, посвященных нарративу в романе Апулея⁵⁶⁴ и сочинениях Лукиана и Диона Хрисостома⁵⁶⁵. Виды и способы повествования у Галена также не привлекали особого внимания исследователей. Рассказ в виде анекдота и био-библиографические рассказы Галена были исследованы в работах В. Будон-Мийо⁵⁶⁶. С. Маттерн рассмотрела более 300 историй болезней, встречающихся у Галена, однако риторический анализ этих историй проведен не был⁵⁶⁷. Главным образом, исследователей интересовала историческая и содержательная сторона рассказов: римские реалии, социальный статус, пол и род занятий пациентов, автобиографические свидетельства Галена, медицинские вопросы. Несомненно, отдельного филологического исследования заслуживают виды этих рассказов, их качественное и количественное значение в сочинениях Галена, а также функции, которые они выполняют в тексте.

Приводимые Галеном рассказы следует рассматривать, прежде всего, в контексте медицинского повествования или даже шире, в контексте повествования в технических текстах. История медицинских рассказов начинается с текстов Гиппократа, в частности, с его знаменитых клинических

⁵⁶³ Об античном рассказе среди исследований последних лет см. Cairns, Scodel 2014; Lowe 2000; De Jong, Nünlist, Bowie 2004.

⁵⁶⁴ Среди современников Галена более или менее подробно роль рассказа и описания исследована лишь в текстах Апулея, см.: например, Winkler 1985; Kirichenko 2010; Ахунова 2013.

⁵⁶⁵ Anderson 2000: 143-160; Левинская 2010: 157-183.

⁵⁶⁶ Boudon-Millot 2009: 45-62; 2000: 119-133.

⁵⁶⁷ Mattern 2008: 40-47.

историй или заметок в I и III книге «Эпидемий»⁵⁶⁸. Помимо этого, у Галена встречаются рассказы, которые выполняют аргументативную (например, благодаря *autopсии*) или развлекательную функцию.

В трактате «О затруднении дыхания» Гален проводит любопытное различие между текстами Гиппократа, «специалиста, который писал для специалистов (τεχνίτης τεχνίταις)», и сочинениями Фукидida, «обывателя, который писал для обычных людей (ώς ίδιώτης ίδιώταις ἔγραψεν)»⁵⁶⁹. В целом, он следовал стилю Гиппократа как классику жанра, но иногда упрекал его за чрезмерную стилистическую краткость (βραχυλογία), которая служила препятствием для понимания его мысли и требовала дополнительного разъяснения. Поэтому Гален старался избегать сухого «технического» тона в своих сочинениях и разнообразить их яркими примерами.

Приведем отрывок из I главы трактата «*O семени*», посвященный вопросу зачатия. Чтобы ввести в рассуждение свою историю и обосновать ее необходимость для исследования проблемы зачатия, Гален приводит сначала рассказ Гиппократа, который предваряет и проясняет его историю. Наряду с назидательной задачей рассказа он подчеркивает здесь и его развлекательную функцию:

ἀμεινον δὲ Ἰπποκράτους ἀκοῦσαι περὶ τῶν αὐτῶν λέγοντος ἐν τῷ περὶ φύσεως παιδίου γράμματι· παιδεύσει τε γάρ ἡμᾶς τῷ τῆς θεωρίας ἀκριβεῖ, καὶ τέρψει, κεράσας ἡδείᾳ δὴ λέξει τὴν διήγησιν, ὃστ' ἐπανεῖναί τε βραχὺ τὸ σφοδρὸν τοῦ λόγου, καὶ διαναπαύσασθαι σὺν ὀφελείᾳ τερπομένους, ἵν' ἔξῆς νεανικώτεροι γενόμενοι συντείνωμεν ἡμᾶς αὐτοὺς ἀκμαιότερον ἐπὶ τὸ κατάλοιπον τοῦ λόγου. καὶ τοίνυν ἡδη ἀκούσωμεν τοῦ Ἰπποκράτους.

«Но лучше послушать Гиппократа, который говорит о тех же вещах в трактате «О природе ребенка». Ибо он наставит нас точностью учения и

⁵⁶⁸ Об интерпретации этих клинических случаев и их главенствующей роли в медицинской литературе см. Pigeaud 1988: 305-329.

⁵⁶⁹ *De diff. resp.* II, 7 (К. VII, 854).

доставит нам удовольствие, сочетав повествование с приятным стилем, так чтобы немного смягчить строгий тон речи и дать нам передышку, сочетая приятное с полезным, дабы далее с новыми силами мы более усердно внимали остальной речи. Итак, послушаем Гиппократа»⁵⁷⁰.

Вполне можно предположить, что и сам Гален часто старался отвлечь и развлечь читателей различного рода рассказами, которые вводили паузу и давали возможность проиллюстрировать или обдумать ту или иную мысль. Далее в этом трактате он приводит забавные рассказы о своем посещении «опытных» женщин, чтобы лучше понять происходящее в женском организме в момент зачатия.

Гиппократ был не единственным примером для подражания. Другие медицинские авторы также внесли свой вклад в развитие повествовательной традиции технических текстов. Помимо простых и информативных рассказов, дополняющих и иллюстрирующих основное повествование, у некоторых авторов встречаются более подробные истории, получившие самостоятельную жизнь, как например, детальное описание у Аретея Каппадокийского эпилептического припадка с визуальной, почти графической, передачей каждого действия и положения больного⁵⁷¹. Аретей, который, как известно, подражал Гиппократу не только в следовании терминологической точности, но и ионическому диалекту, часто использовал своего рода медицинский экфрасис с детальным описанием признаков и симптомов болезни и активным использованием прилагательных и наречий, характеризующих изображаемую сцену⁵⁷².

Другой пример рассказа можно встретить у Руфа Эфесского, который в отличие от Аретея приводит предельно упрощенные и сухие медицинские истории, которые носят исключительно информативный характер. Такие же чисто «технические» описания мы наблюдаем и в «Онейрокритике»

⁵⁷⁰ *De semine* I, 4 (K. IV, 525 = CMG V 3, 1 De Lacy 1992: 76).

⁵⁷¹ *De caus. et sign. acut. morb.* I, V, 3-4 (CMG II, Hude 1958: 3-4).

⁵⁷² Petit 2018: 118.

Артемидора Далдианского, который в конце своего трактата, в отдельной пятой книге приводит описание снов пациентов, выполняющих роль справочника для практического использования или примеров для размышления для будущих толкователей⁵⁷³.

Наконец, история болезни может служить отражением романтического вымысла. Начиная с эллинистического периода, истории о «любовной болезни» были общим местом в греческом романе, но в то же время они были одной из нозологических категорий в медицинской литературе⁵⁷⁴. Несомненно, большую роль здесь сыграли рассказы Аретея, а также некоторые другие знаменитые в истории античной литературы рассказы, как, например, случай с Антиохом, влюбленным в Стратонику, наложницу своего отца – царя Селевка, причину болезни которого установил Эразистрат по учащенному пульсу. Подобная история любовной болезни встречается и у Галена.

Для своей истории Гален выбирает вполне литературное описание, представленное как трудный клинический случай, в котором пациентка, жена некоего Юста, страдает от неразделенной любви к танцовщику, но не желает в этом признаться. Однако Гален благодаря своему опыту и случайной подсказке раскрывает причину ее болезни:

Λοιπὸν οὖν ὅπερ ὑπεσχόμην ἐφεξῆς σοι διηγήσομαι, ἣν λέξιν καὶ προσθεῖναι δὲ τῷ παρόντι λόγῳ, μάλιστ' ἐπειδὰν καὶ τῶν σοφιστῶν ἰατρῶν ἔνιοι, ἀγνοούμενοι τίνι λόγῳ τὸν ἔρωτα τῆς παλλακῆς τοῦ πατρὸς Ἐρασίστρατος ἐγνώρισεν, ἔγραψαν τῶν ἀρτηριῶν τοὺς σφυγμοὺς τοῦ νεανίσκου, σφυζουσῶν ἔρωτικῶς ἔξευρεῖν αὐτὸν, οὐκέθ' ὑπομείναντες εἰπεῖν ἐκ τῶν σφυγμῶν εύρεθῆναι. ἐγὼ δ' ὅπως μὲν Ἐρασίστρατος ἔγνω, τοῦτο λέγειν οὐκ ἔχω. ὅπως δὲ αὐτὸς ἔγνων ἥδη σοι φράσω. παρεκλήθημεν εἰς τὴν ἐπίσκεψίν τινος γυναικὸς, ὡς ἀγρυπνούσης ἐν ταῖς νυξὶ καὶ μεταβαλλούσης ἐαυτὴν ἄλλοτε εἰς ἄλλο σχῆμα κατακλίσεως, εὗρον δ' ἀπύρετον, ἐπυθόμην ὑπὲρ ἐκάστου τῶν κατὰ μέρος αὐτῇ γεγονότων, ἐξ ὧν ἵσμεν

⁵⁷³ Chandezon, Du Bouchet 2014; Петрова 2010: 176-228.

⁵⁷⁴ О топосе «любовной болезни» в медицинском нарративе см. Пролыгина 2025.

ἀγρυπνίας συμβαινούσας. ἡ δὲ μόγις, ἥ οὐδ' ὅλως ἀπεκρίνετο, ὡς μάτην ἐρωτωμένην ἐνδεικνυμένη καὶ τὸ τελευταῖον ἀποστραφεῖσα, τοῖς μὲν ἐπιβεβλημένοις ἴματίοις ὅλῳ τῷ σώματι σκεπάσασα πᾶσαν ἑαυτὴν, ἄλλῳ δέ τινι μικρῷ ταραντινιδίῳ τὴν κεφαλὴν ἔκειτο καθάπερ οἱ χρήζοντες ὕπνου. χωρισθεὶς οὖν ἐγὼ δυοῖν θάτερον αὐτὴν ἐνόησα πάσχειν, ἥ μελαγχολικῶς δυσθυμεῖν, ἥ τι λυπουμένην οὐκ ἐθέλειν ὅμολογεῖν. εἰς τὴν ὑστέραιαν οὖν ἀνεβαλλόμην ἀκριβέστερον διασκέψασθαι περὶ αὐτῶν καὶ πορευθεὶς τὸ μὲν πρότερον ἥκουσα τῆς παραμενούσης οἰκέτιδος ὡς ἀδύνατον αὐτὴν ἄρτι θεάσασθαι· δεύτερον δ' ἐπανελθὼν ὡς ἥκουσα πάλιν ταυτὸν, τρίτον πάλιν ἥκον. εἰπούσης δέ μου τῆς θεραπαίνης ἀπαλλάττεσθαι, μὴ βούλεσθαι γάρ ἐνοχλεῖσθαι τὴν γυναῖκα, καὶ γνοὺς αὐτὴν ἐμοῦ χωρισθέντος λελουμένην τε καὶ τὰ συνήθως προσενεγκαμένην, ἥκον τῇ ὑστεραίᾳ καὶ μόνος διαλεχθεὶς τῇ θεραπαίνη πολυειδῶς, ἔγνων σαφῶς τίνι λύπῃ τειρομένην, ἥν ἐξεύρον κατὰ τύχην, ὅποιαν οἶμαι καὶ Ἐρασιστράτῳ γενέσθαι. προεγνωσμένου γάρ μοι τοῦ μηδὲν εἶναι κατὰ τὸ σῶμα πάθος, ἀλλὰ ἀπὸ ψυχικῆς τινος ἀηδίας ἐνοχλεῖσθαι τὴν γυναῖκα, συνέβη κατὰ τὸν αὐτὸν καιρὸν ὃν ἐσκόπουν αὐτὴν βεβαιωθῆναι τοῦτο, παραγενομένου τινὸς ἐκ τοῦ θεάτρου καὶ φάντος ὄρχούμενον ἔορακέναι Πυλάδην· ἡλλάγη γάρ αὐτῆς καὶ τὸ βλέμμα καὶ τὸ χρώμα τοῦ προσώπου, κἀγὼ θεασάμενος τοῦτο, τῷ καρπῷ τῆς γυναικὸς ἐπιβαλὼν τὴν χεῖρα, τὸν σφυγμὸν εὖρον ἀνώμαλον ἔξαίφνης πολυειδῶς γενόμενον, ὅστις δηλοῖ τὴν ψυχὴν τεθορυβῆσθαι· ὁ αὐτὸς οὖν καὶ τοῖς ἀγωνιῶσι περὶ τι πρᾶγμα συμβαίνειν. κατὰ τὴν ὑστεραίαν οὖν εἰπὼν ἀκολούθῳ τινι τῶν ἐμῶν, ὅταν ἐπισκεψάμενος ἔλθω πρὸς τὴν γυναῖκα, μετ' ὀλίγον ἀφικόμενος ἀνάγγειλόν μοι, Μόρφον ὄρχεῖσθαι σήμερον, εἴθ' ὡς ἥγγειλεν, ἀτρεπτὸν εὖρον τὸν σφυγμόν. ὁμοίως δὲ καὶ κατὰ τὴν ἔξῆς ἡμέραν ποιήσας ἀγγελθῆναι περὶ τοῦ τρίτου τῶν ὄρχηστῶν, ὁμοίως μείναντος ἀτρέπτου τοῦ σφυγμοῦ. κατὰ τὴν τετάρτην ἡκρίβωσα νύκτα πάνυ παραφυλάξας, ἥνικα Πυλάδης ὄρχούμενος ἥγγέλθη, ταραχθέντα πολυειδῶς αὐτὸν ὄρῶν, εὖρον οὕτως ἐρῶσαν τοῦ Πυλάδου τὴν γυναῖκα καὶ τοῦτο παραφυλαχθὲν ἀκριβῶς ἐν ταῖς ἐφεξῆς ἡμέραις εὑρέθη βεβαίως.

«И вот, теперь я приведу тебе рассказ, который обещал и который следует добавить к настоящему повествованию, тем более что некоторые из

врачей софистов, не ведая, каким образом Эразистрат определил любовь юноши к наложнице своего отца, написали, будто он обнаружил, что артерии юноши пульсировали любовным пульсом, однако не решились сказать, что он обнаружил это по пульсу. Как Эразистрат узнал об этом, я сказать не могу. Но скажу тебе, как я сам узнал об этом. Меня вызвали для осмотра одной женщины, которая не могла спать по ночам и ворочалась в постели с бока на бок. Я обнаружил, что лихорадки у нее нет и расспросил ее о каждой вещи в отдельности, которая, как нам известно, может вызывать бессонницу. Она отвечала с трудом или вообще ничего не отвечала, показывая, что мои вопросы бесполезны. Наконец, она вовсе отвернулась, прикрыв себя лежащими на ее теле одеяниями, а голову – тонкой тарентской тканью, и лежала как те, кто хочет спать. И вот, удалившись, я решил, что она страдает по одной из двух причин: или от уныния меланхолического типа, или от какой-то печали, в которой не хочет признаться. Тогда я отложил это дело до следующего дня, чтобы разобраться в нем более тщательно. Когда я приехал первый раз, то услышал от присматривавшей за ней служанки, что в настоящий момент ее невозможно осмотреть. Когда я вернулся во второй раз, то опять услышал то же самое. Я приехал в третий раз, и служанка сказала, чтобы я уходил, потому что женщина не хочет, чтобы ее беспокоили. Узнав, что в мое отсутствие она приняла ванну и нормально поела, я приехал на следующий день и, поговорив наедине со служанкой, достоверно узнал, что женщина страдает от какой-то печали. И случайным образом обнаружил, что от той же, что, по-видимому, и в случае Эразистрата. Ибо когда я уже предполагал, что женщину беспокоит не какой-то телесный недуг, а психическое неудобство, во время моего осмотра это предположение случайно подтвердилось: пришедший из театра человек сказал, что видел там танцующего Пилада; при этом ее взгляд и цвет лица изменились. Заметив это, я положил руку на запястье женщины и обнаружил, что ее пульс внезапно стал ненормальным и неоднородным,

что указывает на душевное смятение. Такой же пульс появляется у людей, которые чем-то обеспокоены. И вот, на следующий день я велел одному из своих помощников спустя некоторое время после того, как я приду для осмотра этой женщины, зайти и объявить, что в этот день будет танцевать Морфос. И затем, когда он объявил об этом, я не заметил никаких изменений в ее пульсе. То же самое я сделал и на следующий день, и, когда объявили о третьем танцоре, пульс также остался без изменений. Но на четвертую ночь благодаря пристальному вниманию я уже точно убедился в причине: когда объявили, что будет танцевать Пилад, я заметил, что ее пульс сразу сбылся и таким образом обнаружил, что эта женщина была влюблена в Пилада. В последующие дни я тщательно наблюдал за этим, и мой вывод подтвердился»⁵⁷⁵.

В приведенном отрывке отчетливо видно, что Гален преследует конкретную медицинскую цель: на примере двух историй болезни показать, что понятие «любовного пульса» ($\tauῶν ἀρτηριῶν ... σφυζουσῶν ἐρωτικῶς$), о котором говорили некоторые невежественные врачи и софисты, не имеет под собой никаких оснований. Напротив, пульс просто указывает на эмоциональное расстройство, которое в некоторых случаях может быть следствием любовной страсти.

С другой стороны, приведенный рассказ напоминает описание «любовной болезни» в греческой литературе. Такие симптомы, как отказ от пищи, бессонница, уныние описываются в греческой литературе уже у Сапфо, а во времена Галена – в греческом романе⁵⁷⁶. Герои греческого романа, застигнутые любовью, претерпевают бесконечные физиологические страдания, подобно Херею и Каллирою⁵⁷⁷. Пациентка, очевидно, из числа римских аристократок, к постели которой был вызван Гален, напоминает

⁵⁷⁵ *De praen. 6* (К. XIV, 631-633).

⁵⁷⁶ См. Petit 2018: 123; Létoublon 1993: 145-148.

⁵⁷⁷ См. Харитон «Херей и Каллироя», I, 1; Ахилл Татий «Левкиппа и Клитофонт», I, 4; Гелиодор «Эфиопика», III, 5 и IV, 7.

персонажей греческих романов, охваченных бурными эмоциями. Другим отголоском греческого романа в этой истории служит замечание о том, как Гален приходит к дверям дома пациентки, но та отказывается его принять и посыпает с сообщением свою служанку. Гален фактически оказывается в роли отвергнутого любовника, продолжая популярную в Риме литературную тему т. наз. «любовной песни у закрытых дверей» (*παραχλαυσίθυρον*)⁵⁷⁸.

Рассказывая историю жены Юста, тайно влюбленной в танцовщика, Гален, с одной стороны, подтверждает свой авторитет врача, который справился с трудным случаем, несмотря на отказ пациентки от сотрудничества, и развенчал миф о «любовном пульсе», а с другой – свою причастность литературной традиции своего времени, развивая известную литературную тему любовной тоски. Таким образом, он предлагает своему читателю нечто большее, чем просто описание клинического случая. Удовольствие от чтения, о котором было сказано выше, достигается общим знанием литературного контекста автора и его читателя без необходимости дополнительных разъяснений. Гален прекрасно владеет искусством литературных аллюзий, которое, несомненно, высоко ценилось его читателями и доставляло им интеллектуальное удовольствие.

Приведенный отрывок также показывает литературную стратегию, которую использует Гален для придания убедительности своим рассказам. Первый хорошо известный читателю рассказ он дополняет собственной историей болезни, которую описывает во всех деталях. Сочетание нескольких историй, такой своего рода «повествовательный параллелизм» позволяет ему достичь сразу нескольких целей, выходящих за рамки простого описания клинического случая. Две истории не только взаимно подкрепляют доводы, выдвинутые врачом, но могут служить и другим целям автора. Далее мы увидим, как два пациента, осмотренные с разницей в несколько лет, показывают профессиональный рост врача в теории и практике врачевания.

⁵⁷⁸ Laigneau 2000: 317-326; Petit 2018: 123.

IV. 1. 2. Повествовательный параллелизм

Рассмотрим две истории болезни из трактата «О способе лечения», в которых Гален исцелил от «антониновой чумы» двух молодых людей. В этих историях в отличие от многих других случаев он не стремится представить себя абсолютным знатоком и экспертом. Напротив, Гален подробно описывает поступательный ход лечения, отводя значительную роль в исцелении наблюдениям и ощущениям пациента. Эта двойная история примечательна еще тем, что она прерывается довольно длинным отступлением на тему полезных свойств молока из Стабий – кратким примером элогии, характерной для эпидейктического красноречия эпохи Второй софистики.

Проанализируем первую историю, в которой молодой человек, пораженный чумой, благодаря некоторым познаниям в медицине приводит точные клинические замечания о своих симптомах:

"Οσα μέντοι τῶν ἐλκῶν ἐν ταῖς τραχείαις ἀρτηρίαις γίγνεται κατὰ τὸν ἔνδον αὐτῶν χιτῶνα, καὶ μάλισθ' ὅσα τοῦ λάρυγγος πλησίον, ἥ καὶ κατ' αὐτόν ἐστι, ταῦτα θεραπεύεται· καὶ ἡμεῖς οὐκ ὀλίγους ιασάμεθα τῶν οὕτω καμνόντων. εὔρομεν δὲ μάλιστα τὴν θεραπείαν αὐτῶν ἐνθένδε κατὰ τὸν μέγαν τοῦτον λοιμὸν, ὃν εἴη ποτὲ παύσεσθαι, πρῶτον εἰσβάλλοντα. τότε νεανίσκος τις ἐνναταῖος ἐξήνθησεν ἐλκεσιν ὅλον τὸ σῶμα, καθάπερ καὶ οἱ ἄλλοι σχεδὸν ἀπαντεῖς οἱ σωθέντες. ἐν τούτῳ δὲ καὶ ὑπέβητε βραχέα. τῇ δ' ὑστεραίᾳ λουσάμενος αὐτίκα μὲν ἔβηξε σφοδρότερον, ἀνηνέχθη δ' αὐτῷ μετὰ τῆς βηχὸς, ἥν ὄνομάζουσιν ἐφελκίδα. καὶ ἡ αἰσθησις ἦν τάνθρωπῷ σαφής κατὰ τὴν τραχεῖαν ἀρτηρίαν τὴν ἐν τῷ τραχήλῳ πλησίον τῆς σφαγῆς ἡλκωμένου τοῦ μέρους, καὶ μέντοι καὶ δι' ὄξους καί τινα διὰ νάπυος ἐδώκαμεν αὐτῷ προσενέγκασθαι βεβαιοτέρας ἐνεκα διαγνώσεως. οὕτ' οὖν τούτων ἔδακνεν αὐτόν τι καὶ ἡ αἰσθησις ἦν ἐν τῷ τραχήλῳ σαφής· ἡρεθίζε τότε κατ' ἐκεῖνο τὸ χωρίον ὡς ἐξορμῆν εἰς βηχας· συνεβουλεύομεν οὖν αὐτῷ ἀντέχειν καθόσον οἶός τ' ἐστὶ καὶ μὴ βήττειν. ἐπραττε δὴ τοῦτο. βραχύ τε γάρ ἦν τὸ ἐρεθίζον, ἡμεῖς τε τρόπῳ παντὶ συνεπράττομεν εἰς οὐλὴν ἀχθῆναι τὸ ἔλκος, ἔξωθεν μὲν ἐπιτιθέντες τι τῶν ξηραινόντων φαρμάκων, ὕπτιον δὲ

κατακλίναντες· εἶτα διδόντες ὑγρὸν φάρμακον τῶν πρὸς ἔλκη τοιαῦτα ποιούντων· καὶ τοῦτ' ἐν τῷ στόματι κατέχειν ἀξιοῦντες, ἐπιτρέποντα βραχύ τι παραρρέεν εἰς τὴν τραχεῖαν ἀρτηρίαν. καὶ τοίνυν οὕτω πραττόντων αἰσθάνεσθαι σαφῶς ἔφασκε τῆς ἀπὸ τοῦ φαρμάκου στύψεως περὶ τὸ ἔλκος, εἴτε κατὰ διάδοσιν γιγνομένης, εἴτε καὶ αὐτοῦ τοῦ φαρμάκου περὶ τὸ ἔλκος δροσειδῶς παραρρέοντος εἰς τὴν ἀρτηρίαν καὶ παρηθουμένου. ἦν δὲ οὐδὲν διατί τὸ κάμνων ἄπειρος τῆς ιατρικῆς, ἀλλά τις τῶν ἐκ τριβῆς τε καὶ γυμνασίας ἐμπειρικῶς ιατρευόντων. αἰσθάνεσθαι τε οὖν ἔλεγε παραρρέοντος εἰς τὴν ἀρτηρίαν τοῦ φαρμάκου καὶ ποτε καὶ βῆχα κινοῦντος, ἀντεῖχε μέντοι πολλὰ μὴ βήττων. καὶ τοίνυν αὐτὸς προθυμηθεὶς ἐν Ἀργοπολιστικῇ μὲν, ἔνθα περ ἐλοίμωξεν, ἀλλας τρεῖς ἡμέρας ἐπέμεινε μετὰ τὴν ἐννάτην· μετὰ ταῦτα δ' ἐνθεὶς ἐαυτὸν πλοίῳ κατέπλευσε μὲν πρῶτον ἐπὶ τὴν θάλατταν διὰ τοῦ ποταμοῦ, τετάρτη δ' ὕστερον ἡμέρᾳ πλέων ἐν ταῖς Ταβίαις γίγνεται, καὶ κέχρηται τῷ γάλακτι θαυμαστήν τινα δύναμιν ὅντως ἔχοντι καὶ οὐ μάτην ἐπηγνημένω.

«Все те язвы, что возникают на трахее в ее внутренней оболочке и особенно те, которые расположены вблизи гортани или даже в ней самой, поддаются лечению. И мы исцелили немало людей, страдающих от этого недуга. Но главное, что тогда в самом начале той великой чумы⁵⁷⁹ – пусть она когда-нибудь прекратится – мы обнаружили способ их лечения. Тогда у одного юноши на девятый день все тело было покрыто язвами, так же как почти у всех остальных, кто выздоровел. И в это время у него был легкий кашель. На следующий день после приема ванны он сразу стал кашлять сильнее, и вместе с кашлем вернулись так называемые струпья. И у мужчины возникло ясное ощущение, что вдоль трахеи на уровне шеи часть около горла изъязвлена. И, конечно, широко открыв его рот, мы внимательно осмотрели его глотку, нет ли в ней язвы. И вот при нашем осмотре мы не заметили, чтобы он страдал от нее, и казалось, что при

⁵⁷⁹ Эпидемия т. наз. «антониновой чумы» (оспы или бубонной чумы) была принесена в Рим войсками Луция Вера, вернувшимися из военной кампании в Месопотамии. Она началась на Востоке, распространилась по всей Европе и продолжалась с 165 по 189 гг., резко сократив численность населения, см. Boudon 2001: 29-54; Littman and Littman 1973: 243-255.

продвижении пищи и питья у больного непременно возникло бы отчетливое ощущение присутствия язвы. И, конечно же, мы дали ему для приема внутрь лекарства на основе уксуса и горчицы для более точного диагноза. И вот, ни один из них не вызывал раздражения, а ощущение в шее было отчетливым. Тогда они стали беспокоить его в том месте, так что у него начинались позывы к кашлю. Тогда мы посоветовали ему сдерживаться, насколько это возможно, и не кашлять. И он это выполнял. Ибо это беспокойство было кратковременным, и мы всеми силами способствовали заживлению раны, прикладывая снаружи одно из подсушивающих лекарств и укладывая больного на спину, затем давая ему влажное лекарство из числа тех, которые действуют против ран такого рода, и прося держать его во рту, чтобы лишь небольшое его количество стекало в трахею. И когда мы стали так делать, он сказал, что отчетливо почувствовал вяжущее действие лекарства вокруг раны, которое возникло или благодаря его проникновению внутрь или от того, что лекарство по капле стекло в трахею вокруг раны и там отфильтровалось. И сам страждущий был не без медицинского опыта, но из числа тех, кто лечил эмпирически на основе практики и опыта. Поэтому он говорил, что чувствует, как лекарство стекает в трахею и иногда вызывает кашель, но очень старался воздерживаться от него. И вот, по собственному желанию он пробыл в Риме, где был поражен чумой, еще три дня после девятого, а затем, сев на корабль, спустился сначала по реке к морю и спустя четыре дня плавания прибыл в Стабии, где стал принимать молоко, обладавшее поистине удивительной силой, которое не зря хвалили»⁵⁸⁰.

Гален использует целый ряд литературных приемов, чтобы придать этому тексту убедительность и «очевидность» (ἐνάργεια). Прежде всего, стоит обратить внимание на эмоциональную выразительность речи Галена в этом

⁵⁸⁰ *De meth. med.* V, 12 (К. X, 360-363).

отрывке: говоря об известной читателю чуме, он, используя форму оптатива, выражает пожелание, чтобы эпидемия как можно скорее закончилась. Несколько раз в этом отрывке он ссылается на ясные ощущения пациента, которые позволяют ему установить характер язв, поразивших его трахею. Впервые в клинической истории звучит голос и мнение конкретного пациента, способного описать свои ощущения, недоступные наблюдению врача. Кроме того, пациент выступает в рассказе не как объект действий врача, как это обычно было в медицинских историях болезни, а действует как самостоятельное лицо, например, берет на себя инициативу оставаться в Риме, прежде чем отправиться в Стабии, чтобы лечиться молоком. Таким образом, Гален выходит за рамки простого описания медицинского случая с констатацией признаков и симптомов. При этом он четко различает собственное мнение и мнение пациента, которое он вводит при помощи глаголов речи (ἔφασκε, ἔλεγε). Мнение пациента, общий ритм повествования и логическая связность текста выражается при помощи частиц καὶ μέντοι καὶ, τοίνυν, δὴ и логико-временных οὖν, γάρ. Примечательно также, что Гален делает здесь акцент на последовательности событий, а не на описательной стороне истории.

Второй рассказ о лечении больного чумой достаточно краток и, в целом, подтверждает выводы первого⁵⁸¹. Здесь Гален подчеркивает разницу характеров двух пациентов: первый – достаточно образованный и разговорчивый, активно сотрудничает с врачом, помогая ему понять и проследить развитие болезни; тогда как второй – плохо понимает свое состояние и почти не склонен к дискуссии. Похожие параллельные истории встречаются в трактате «*O пораженных местах*», где речь идет о двух эпилептиках, один из которых способен рассказать о своем опыте, а другой – нет⁵⁸².

Приведем еще один отрывок из трактата «*O методе лечения*», в котором Гален описывает трудный клинический случай со смертельным исходом

⁵⁸¹ *De meth. med.* V, 12 (К. X, 366-367).

⁵⁸² *De loc. aff.* III, 11 (К. VIII, 194-195).

человека, страдающего рвотой. Далее этот рассказ будет также дополняться еще одной историей, демонстрирующей рост профессионального мастерства Галена в лечении пациентов со схожим диагнозом. По словам Галена первая история произошла в то время, когда он учился в Александрии:

καὶ ἐγὼ πρῶτον μὲν ἀπάντων οἶδα τινα θεασάμενος ἅμα τοῖς διδασκάλοις ἄνδρα τῆς καθεστώσης ἡλικίας, ἐνοχλούμενον ἥδη μηνῶν οὐκ ὀλίγων· ἀλλ' οὔτ' ἐκείνων τις ἐγίνωσκε τὴν διάθεσιν οὔτ' ἐγώ· μετὰ ταῦτα δ' ἀνεμνήσθην εὐρηκώς ἥδη τὴν θεραπευτικὴν μέθοδον, ὡς τοῦτ' ἄρ' ἦν ἐκεῖνο τὸ θεωρηθέν μοι πάλαι. κάλλιον δ' αὐτὸν καὶ διηγήσασθαι, πάντως γὰρ δή που καὶ τοὺς ἀκούσαντας ὀνήσει, καθάπερ κάμε. τετταρακοντούτης μὲν ἦν ὁ ἄνθρωπος, ἔξεως δὲ συμμέτρου κατὰ πάχος καὶ λεπτότητα κατὰ τὸν τῆς ὑγείας χρόνον. ἐδίψα δὲ σφόδρα καὶ μισεῖν ἔφασκε τὸ θερμὸν, ἐδίδου δ' αὐτῷ οὐδεὶς ψυχρὸν ἴκανῶς λιπαροῦντι· πυρέττειν μέντοι τοῖς ιατροῖς οὐκ ἐδόκει· καὶ ἡ γαστὴρ ἔξεκρινε τὰ ληφθέντα τριῶν ἥ τεττάρων ὥρῶν ὕστερον ἅμα τῷ ποτῷ. ταῦτ' ἄρα καὶ ἴσχνὸς ἦν ἥδη καὶ πλησίον ἀφίκτο κινδύνου, μηδὲν ὀνινάμενος ὑπὸ τῶν αὐστηρῶν καὶ στρυφνῶν ἐδεσμάτων τε καὶ φαρμάκων. ἐλάμβανε δὲ καὶ οἶνον αὐστηρὸν ἐπὶ τῇ τροφῇ οὗτος ὁ ἄνθρωπος, ἅμα μὲν οὐκέτι φέρων τὸ δίψος, ἅμα δὲ καὶ, ὡς ἔφασκεν, ἐλόμενος ἀποθανεῖν μᾶλλον ἥ ζῆν ἀνιώμενος. ὕδατος ψυχροῦ δαψιλές ἀθρόως ἐπὶ τῇ τροφῇ προσενεγκάμενος αὐτίκα μὲν ἐπαύσατο διψῶν, ἔξήμεσε δ' ὀλίγον ὕστερον τὸ πλεῖστον. φρικῶδες δὲ τούντεύθεν γίνεται τὸ σύμπαν σῶμα καὶ δεῖται σκεπασμάτων πλειόνων ἀπορρίπτων ἔμπροσθεν ἄπαντα· τό τε οὖν λοιπὸν ἄπαν τῆς ἡμέρας ἐφεξῆς τοῦτο ἔπραξε καὶ δι' ὅλης νυκτὸς ἐφ' ἡσυχίας ἔμεινε, ἐνθάλπων ἑαυτὸν ἐπιβλήμασιν. ἔξεκρινε δ' ἄπαξ ἡ γαστὴρ αὐτῷ μετρίως συνεστῶτα διὰ μέσης νυκτός· ὥστε οὐδὲ διψώδης ἦν ἔτι κατὰ τὴν ὕστεραίαν, εὐχρούστερός τε μωκρῷ καὶ ἴσχυρότερος ἀπείργαστο. καὶ σκέψις μὲν ἐγένετο τοῖς ιατροῖς εἰ λουστέον αὐτὸν, ἐνίων μὲν κελευόντων, ἐνίων δ' ἀπαγορευόντων· ἐκράτει δὲ ἡ τοῦ λούειν δόξα. καὶ τοίνυν λουσάμενος εὐφόρως, μετρίως τε διητήθη καὶ κρείττον ἥ κατὰ τὴν προτεραίαν ἔπεψεν ἡ γαστὴρ. ἔμέμψατο δὲ τὴν κατάποσιν ὡς δυσχερῆ καὶ πᾶσιν ἐδόκει διὰ τὸν ἔμετον ἀήθως γενόμενον ἐσπαράχθαι τε καὶ κάμνειν τὸν στόμαχον, ὡς δὲ καὶ τῶν ἔξῆς ἡμερῶν ἔμενε τὸ σύμπτωμα,

δῆλον ἐγίγνετο πᾶσιν ἡμῖν ὡς ἡ μὲν γαστὴρ ἐθεραπεύθη τὴν ἀτονίαν, ὁ στόμαχος δὲ ἐψύχθη. καὶ οὐδὲν ἄρα θαυμαστὸν ἦν εἰς συμμετρίαν μὲν ἐπανελθεῖν τῇ πόσει τὸ ὑπερτεθερμασμένον, ψυχθῆναι δὲ τὸ μετρίως θερμόν. οὐ μὴν οὐδὲ ἡδυνήθη τις αὐτοῦ θεραπεῦσαι τὸν στόμαχον, ἀλλ' ἔτερον ἀνθ' ἔτέρου κακὸν ἀνταλλαξάμενος ἐτελεύτα τῷ χρόνῳ.

«И я знаю это прежде всего потому, что видел вместе со своими учителями одного мужчину зрелого возраста, который страдал уже несколько месяцев. Но никто из них, ни я не могли распознать это состояние. Позже, когда я уже открыл терапевтический метод, я вспомнил, что такое вот состояние соответствует тому случаю, что я видел ранее. И лучше рассказать о нем, ибо он, несомненно, принесет пользу слушателям, как и мне. Мужчине было лет сорок, и в здоровом состоянии он был хорошего телосложения, среднего веса и строен. Его охватила сильная жажда, и он сказал, что ему неприятно горячее, но и сильно холодного, хоть он и просил настойчиво, никто ему не давал. Однако жара у него, по мнению врачей, не было. Спустя три-четыре часа желудок изверг все, что он принял, включая питье. И вот, таким образом он похудел уже до угрожающей степени, и вяжущая и терпкая пища и лекарства ему совершенно не помогали. Этот человек пил терпкое вино во время еды как потому, что не мог переносить жажду, так и потому, что, по его словам, лучше умереть, чем жить в мучениях. Выпив внезапно вместе с едой большое количество холодной воды, он тотчас же перестал испытывать жажду, но немного спустя его обильно вырвало. С этого момента все его тело сотрясало дрожью, и он просил много покрывал, хотя прежде все их отвергал. И вот так он вел себя в течение всего дня, а всю ночь оставался спокойным, согреваясь своими одеялами. Около полуночи он опорожнил кишечник, и стул был средней консистенции, так что на следующий день он уже не страдал от жажды, у него был намного лучше цвет лица, и он стал чувствовать себя крепче. Тогда врачи задумались, стоит ли ему

принимать ванну: одни убеждали его в этом, а другие отговаривали, и мнение, что ему можно принять ванну, преобладало. И вот, он хорошо перенес ванну, ел легкую пищу и желудок переваривал лучше, чем накануне. Но он жаловался на затруднение глотания, и все полагали, что необычно сильная рвота повредила пищевод и вызвала его раздражение. И поскольку этот симптом сохранялся в последующие дни, всем нам казалось очевидным, что желудок излечился от вялости, но пищевод охладился. Поэтому не было ничего удивительного в том, что перегретый орган благодаря напитку возвращался к подобающей температуре, а умеренно горячий – охлаждался. Однако никто не смог вылечить его пищевод, но одна болезнь сменялась другой и со временем он умер»⁵⁸³.

После краткого вступления, в котором Гален апеллирует к пользе слушателей, обосновывая таким образом необходимость рассказа и заранее заручаясь благосклонностью своих читателей (прием т. наз. *captatio benevolentiae*), он переходит к истории болезни. Гален дает подробное описание этой истории, активно используя частицы греческого языка для логической связи и перехода от одного предмета речи к другому (ὅστε, ἄρα, οὖν), пояснения (μέν, δέ, μήν) или акцентирования и привлечения внимания к определенному месту рассказа (τοίνυν). Эта логическая структурированность рассказа, отражающая личное участие в ней автора и его отношение к происходящему, существенно отличает его от клинических текстов Гиппократа. Вместо заметок о признаках и основных стадиях болезни Гален предлагает тщательно продуманную историю, призванную увлечь и убедить аудиторию (τοὺς ἀκούσαντας). К клинической точности Гиппократа отчетливо добавляется риторическое измерение. Главная функция этого рассказа – проиллюстрировать и обосновать терапевтический метод Галена. Далее

⁵⁸³ *De meth. med.* VII, 8 (К. X, 504-505).

следует вторая дополняющая первый рассказ история, подтверждающая правильность метода Галена:

ἄλλον δὲ τοιοῦτον ἔτεσιν ὕστερον οὐκ ὀλίγοις ἐθεασάμην, ἥδη διαγινώσκειν εἰδὼς ἀπάσας τῆς γαστρὸς τὰς δυσκρασίας, ἐδόκει μοι δὴ ψύχειν ἀγωνιστικώτερον εὐθέως πρὶν ἐπὶ πλέον λεπτυνθέντα παραπλήσιόν τι τῷ πρόσθεν ἐπὶ τῇ ψύξει παθεῖν. ἀσφαλέστερον οὖν ἔφαίνετό μοι τὴν πρώτην ἀποπειραθῆναι τῶν κατὰ τὸ ὑποχόνδριον ἐπιτιθεμένων ψυκτηρίων φαρμάκων. καὶ οὕτω πράξαντος ἡλαττώθη μὲν τὸ καῦμα τῆς κοιλίας, ἀνέπνει δὲ τοῖς στενάζουσιν ὁμοίως ὁ ἄνθρωπος, ὡς μόλις κινῶν ὅλον τὸν θώρακα. καὶ μέντοι καὶ αὐτὸς ἀνερωτώμενος ὡμοιόγει τοιούτου τινὸς αἰσθάνεσθαι παθήματος. ἔγνων οὖν ἐψύχθαι τὰς φρένας αὐτῷ· καὶ διὰ τοῦτο ἀπορρίψας τὰ ψυκτήρια, κατήντλουν ἐλαίῳ θερμῷ. τάχιστα δὲ τῆς ἀναπνοῆς ἀπολαβούσης τὸν κατὰ φύσιν ρυθμὸν, ἐπαυσάμην μὲν τῆς αἰονήσεως, ἔγνων δὲ μετρίως αὐτὸν ψύχειν ἐν χρόνῳ πλείονι. τά τε οὖν ἔξωθεν ἐπιτιθέμενα κάτω μᾶλλον ἐπετίθην ἀποχωρῶν τοῦ διαφράγματος, ὡς ἐπὶ τὸν ὄμφαλόν· ἀπαντά τε τὰ ἐσθιόμενα καὶ τὰ πινόμενα πλὴν τοῦ γάλακτος ἐδίδων ψυχρά, παραπλησίως ὕδατι κρηναίῳ. καὶ οὕτως ἐν χρόνῳ πλείονι κατέστη, μηδὲν τῶν ἄλλων βλαβείς. ίστέον δέ σοι καὶ τοῦτο πρὸ πάντων, ὡς ἐπειδὴν μὲν ίσχυρῶς ἀλλοιωθῆ κατ' ἀμφοτέρας τὰς ποιότητας ὅτιοῦν μόριον, ἀπόλλυται τὸ ἔργον αὐτοῦ σύμπαν. οὐ ράδιον δὲ οὐδὲ τὸ οὕτω διατεθὲν ἐπανελθεῖν εἰς τὸ κατὰ φύσιν. ἐπειδὴν δὲ ἡ ἐτέρα μόνη ποιότης ἐπὶ πλέον ὑπαλλαχθῆ, καθάπερ νῦν ὑπεθέμεθα τὴν ξηρότητα, τῶν δ' ἄλλων τις ἥ μετρία, δυνατὸν ίάσασθαι τὸν οὕτω διακείμενον ἄνθρωπον. ίστέον δέ σοι καὶ τοῦτο πρὸ πάντων, ὡς ἐπειδὴν μὲν ίσχυρῶς ἀλλοιωθῆ κατ' ἀμφοτέρας τὰς ποιότητας ὅτιοῦν μόριον, ἀπόλλυται τὸ ἔργον αὐτοῦ σύμπαν. οὐ ράδιον δὲ οὐδὲ τὸ οὕτω διατεθὲν ἐπανελθεῖν εἰς τὸ κατὰ φύσιν. ἐπειδὴν δὲ ἡ ἐτέρα μόνη ποιότης ἐπὶ πλέον ὑπαλλαχθῆ, καθάπερ νῦν ὑπεθέμεθα τὴν ξηρότητα, τῶν δ' ἄλλων τις ἥ μετρία, δυνατὸν ίάσασθαι τὸν οὕτω διακείμενον ἄνθρωπον.

«Другой подобный случай я наблюдал много лет спустя, уже умея распознавать все расстройства желудка. И мне показалось правильным

сразу решительно охладить [пациента], прежде чем он, слишком исхудав подобно предыдущему пациенту, будет страдать при охлаждении. И вот, мне показалось, что безопаснее начать с охлаждающих лекарств, прикладываемых в область подреберья. И, когда мы стали так делать, жжение в животе ослабло, но человек дышал подобно стонущим, с трудом двигая всей грудью. И когда я его спрашивал, он соглашался, что ощущает такой недуг. Таким образом я понял, что его диафрагма охладилась; и поэтому, отвергнув охлаждающие средства, вылил на него горячее масло. И когда совсем вскоре его дыхание вернулось к естественному ритму, я прекратил припарку, но знал, что со временем он умеренно охладеет. И вот, я прикладывал наружные средства скорее внизу, двигаясь от диафрагмы к пупку, и всю еду и напитки, кроме молока, давал только холодными, подобно родниковой воде. И таким образом, спустя довольно долгое время он восстановился, избежав других осложнений. Поэтому прежде всего тебе следует знать, что когда какая-нибудь часть резко изменяется в двух своих качествах, то вся ее функция утрачивается. И совсем непросто вернуть в естественное состояние то, что изменилось таким образом. Но когда только одно из двух качеств сильно изменилось, как мы только что предположили, а именно сухость, а другое находится в нормальном состоянии, то человека в таком состоянии можно вылечить»⁵⁸⁴.

В этом рассказе Гален рассказывает о случае, произошедшем спустя много лет после первой истории, и центральное место в нем занимает уже не столько пациент, сколько его терапевтический метод, позволивший благодаря накопленному за годы опыту и медицинским знаниям вернуть здоровье пациенту. Гален из беспомощного наблюдателя болезни становится опытным и успешным врачом. Здесь важно отметить переход в повествовании от третьего лица к первому. От истории, написанной по образцу гиппократовских

⁵⁸⁴ *De meth. med.* VII, 8 (К. X, 506-507).

клинических случаев с вниманием только к признакам и симптомам болезни, Гален переходит к описанию истории из личного опыта и его победы над болезнью. Успех в лечении сложных клинических случаев представлен как результат его длительной практики, и на примере конкретного случая мы наблюдаем возрастание Галена как врача и ученого, который способен принимать гибкие решения и проявлять инициативу и изобретательность. С этой точки зрения параллельное повествование представляет собой не только традиционное описание клинического случая, но и автобиографическую историю, в центре внимания которой оказывается фигура выдающегося врача и его профессиональное мастерство. Повествовательный параллелизм, особенно в клинических историях, можно считать отличительной чертой риторики Галена. Эти дополняющие друг друга истории образуют единое повествовательное пространство, которое подчеркивает авторитет Галена и служит цели убеждения слушателя.

IV. 1. 3. Рассказы Галена как исторические источники о жизни и нравах римского общества

Галена можно по праву считать одним из важнейших исторических свидетелей своего времени, который сохранил уникальную информацию о римском обществе и его культуре. Содержание его текстов достаточно хорошо исследовано с точки зрения исторического содержания⁵⁸⁵. Большое число заметок Галена о жизни и нравах римского общества сохранилось в трактате «О хороших и плохих соках», где он рассказывает о канализации крупных городов, которая все вокруг загрязняет, от воздуха до воды и живых существ; о торговцах, которые фальсифицируют вино и наносят вред здоровью населения; о недобросовестных врачах, о пище политиков и их клиентов и др.⁵⁸⁶.

⁵⁸⁵ См., например, исследование Schlaug-Schöningen 2003.

⁵⁸⁶ Ieraci Bio 1987: 10-11.

Помимо замечаний о существующем положении вещей и констатации тех или иных фактов Гален иногда дает им моральную назидательную оценку. Достаточно часто он с возмущением отзыается о пороках римского общества, не переходя при этом вполне благоразумно на личности. Одно из редких исключений составляет замечание в трактате «О том, что не следует печалиться», сделанное после окончания правления Коммода: «Я думаю, ты убежден и сам, что за все время, описанное в исторических повествованиях тех, кто занимается этим ремеслом, у людей было меньше несчастий, чем те, которые причинил ныне Коммод за несколько лет»⁵⁸⁷. Он предпочитает хранить молчание даже на сугубо медицинские темы, которые могут причинить ему неприятности. Главными объектами критики Галена в его оценке жизни и нравственности выступают врачи разных медицинских школ, его современники, жившие как в Риме, так и в провинциях. Он в ярких красках изображает общество своего времени. Наиболее яркие эпизоды этической направленности Гален помещает, как правило, в начале трактата или отдельной книги в большом трактате, что говорит об их важности для автора. Как правило, они выполняют функцию «воспитания нравов», т. наз. *ἡθοποίεία*, которая была неотъемлемой частью античной литературной традиции, и подчеркивают *ethos* самого Галена как морального авторитета. Рассмотрим два примера из трактатов «О прогнозе» (*De praecognitione*) и предисловие к X книге трактата «О темпераментах и свойствах простых лекарств» (*De simplicium medicamentorum temperamentis ac facultatibus*).

В первой, достаточно длинной главе трактате «О прогнозе» Гален рисует портрет римского медицинского сообщества, движимого карьеризмом, стремлением к наживе и славе и готового к любым средствам в борьбе с конкурентами. Встретить в нем квалифицированного врача, способного дать правильный прогноз, по свидетельству Галена, была большая редкость. Однако достаточно быстро его профессиональный успех обратился против

⁵⁸⁷ *De indol.* 54-55 (Boudon-Millot, Jouanna 2010: 18). Император Коммод правил с 180 по 192 г.

него, поскольку завистливые соперники стали обвинять его в колдовстве. Прекрасно осознавая все риски, Гален тем не менее вышел победителем из противостояния с конкурентами и продемонстрировал блестящие знания в области прогностики и методов лечения. В этом трактате он приводит множество живописных подробностей культурной жизни Рима, рисует яркие портреты современников, близких к императорскому двору, кружка римских интеллектуалов, интересовавшихся медицинскими вопросами и вращавшихся в квартале книготорговцев, пациентов из числа римских аристократов, начиная с знатных дам и заканчивая самим Марком Аврелием и его семьей. Например, он так описывает свою аудиторию в трактате «О разновидности пульсов»: угрожая замолчать, если публика будет его прерывать, он добивается тишины и переходит к убеждению слушателей, заслужив в итоге их полное расположение:

τῶν δ' ὑπολοίπων ἥδη τις πρεσβύτης, πώγωνά τε μέγιστον ἄχρι τῶν στέρνων καθεικώς, καὶ τἄλλα πάνυ σκυθρωπὸς, τοῦτο γάρ νῦν τὸ σεμνὸν νενόμισται, παύσασθε, ἔφη, καὶ μὴ θορυβεῖτε, ὡς παῖδες, ἀλλ' ἐάσατε τὸν ἐταῖρον ἡμῖν ἀποσαφῆσαι, τί ποτε καὶ λέγει. κἀγὼ προσβλέψας αὐτῷ, τί γάρ, ἔφην, πυνθάνου; τοῦτ' αὐτὸν, εἶπεν, ὑπέρ οὖθις διελέγεσθε, τὸ περὶ τοῦ πλήρους σφυγμοῦ. <...> ἐπὶ τούτοις δὲ μὲν γέρων ὥσπερ δόνος ἔσειεν ἥδη τὰ ὅτα. καὶ τοῖς ἄλλοις δὲ τοῖς παροῦσιν ἐδοκοῦμέν τι λέγειν καὶ πάντες ἡξίουν, ὃν περ ἔνεκα ταῦτα ἐπηρώτητο, περαίνειν, ἐπειδὴ καὶ καταρχὰς εὐθὺς ὑπεσχόμην παραδείγματος ἔνεκα τῶν ἔξῆς ποιήσασθαι τὴν ἐρώτησιν.

«Среди оставшихся был один старик с очень длинной, доходящей до груди бородой и угрюмым выражением лица, ибо ныне это считается достоинством: «Перестаньте, — сказал он, — и не шумите, молодые люди, но позвольте нашему другу разъяснить нам, что он имеет в виду!» Взглянув на него, я сказал: «Что именно ты хочешь знать?» — «То самое, — сказал он, — что вы говорили о полном пульсе». <...> При этом старик начал шевелить ушами, как осел. Остальные присутствующие сочли, что

я высказался хорошо, и все придерживались мнения, что я должен завершить изложение того вопроса, о котором шла речь, поскольку я сразу в самом начале пообещал ради примера поставить вопрос о последующем»⁵⁸⁸.

Характеристика, данная Галеном старику, призвана развлечь читателей и сделать историю более правдоподобной. Она также показывает тонкое чувство юмора и независимость ума, присущие Галену, который, по сути, переводит рассказ в показ. Портрет старика оттенен несколькими яркими чертами: длинная борода и угрюмый взгляд, по насмешливому замечанию Галену, в его время служили признаком достоинства или почтенности, а сравнение движения его ушей с ослиными довершает его дискредитацию. Сам термин «достоинство» или «почтенность», τὸ σεμνόν, также содержит скрытую аллюзию. Согласно Аристотелю, это одна из добродетелей, присущих *ethos*-у хорошего оратора⁵⁸⁹. Таким образом, из приведенного примера следует, что подлинным достоинством обладает как раз Гален, а не старик.

Похожий рассказ встречается в трактате «О распознавании наилучшего врача», где Гален ставит диагноз пациенту в присутствии молодого самоуверенного врача. Он изображает его в смешном и достойном жалости виде, отмечая, что в конце осмотра, когда его диагноз подтвердился, тот поднял уши, подобно испуганному ослу⁵⁹⁰. В своих текстах Гален приводит целую серию портретов самоуверенных и назойливых персонажей, которые пытаются оспаривать его взгляды и рациональные объяснения. Высмеивая как их доводы, так и внешний вид, он таким образом подчеркивает свои собственные познания и любовь к истине.

В трактате «О темпераментах и свойствах простых лекарств» Гален высказывается более жестко о своих конкурентах, описывая опасности

⁵⁸⁸ *De diff. puls.* II, 3 (К. VIII, 572-573).

⁵⁸⁹ *Magna Mor.* I, 28, 1192 b, 30-38; Woerther 2007: 184.

⁵⁹⁰ *Opt. med. cogn.* 8 (CMG Suppl. Or. IV, Iskandar 1988).

безответственной медицинской практики. Сочинения Галена по фармакологии написаны в последние годы его жизни, когда он решил изложить в письменном виде свое учение о лекарствах, представлявшее собой одну из самых сложных и опасных областей медицинского знания. Знание о действии и правильном применении лекарств – как простых субстанций, так и сложных многокомпонентных препаратов было крайне востребованным в эпоху, когда были широко распространены магия и астрология. В начале X книги Гален рассуждает о допустимых пределах использования некоторых субстанций в качестве лекарственных средств, считая неприемлемым применять жидкости и экскременты человеческого тела, и выражает разочарование и возмущение некоторыми современниками, которые доходят даже до убийства, выписывая смертельные рецепты. Гален дает суровую оценку тем, кто считал себя специалистами в области фармакологии, считая эту профессию сомнительной, и сокрушается по поводу того, что их деятельность слабо регулируется римскими законами. Таким образом, в своих поздних сочинениях, написанных уже после правления Коммода, Гален предстает в образе морального авторитета, бичующего пороки своих недобросовестных коллег, и в то же время, в образе любителя науки и истины:

τὰ μέν γε πλεῖστα εἶναι τούτων ἐστὶ καὶ πρὸς τῆς πείρας ἀδύνατα ὑπάρχειν, ἔνια δὲ εἰ καὶ δυνατὰ, βλαβερὰ γοῦν γ' ἐστὶ τῷ βίῳ τῶν ἀνθρώπων, ὃστ' ἐγὼ νὴ τοὺς θεοὺς θαυμάζω κατὰ τίνα τὴν ἔννοιαν ἥκον ἐπὶ τὸ γράφειν αὐτά τινες. ἂν γὰρ καὶ τοῖς ζωσιν ἀδοξίαν φέρει γνωσθέντα, πῶς ταῦτα μετὰ θάνατον εὐδοξίαν οἴσειν αὐτοῖς ἥλπισαν; εἰ μὲν οὖν βασιλεῖς ὄντες ἐν ἀνθρώποις ἐπὶ θανάτῳ κατακεκριμένοις ἐποιήσαντο τὴν πείραν αὐτῶν, οὐδὲν ἐπραξαν δεινόν. ἐπεὶ δ' ἴδιωται τοιαύτης ἔξουσίας ἐν ὅλῳ τῷ βίῳ γεγονότες ἐπὶ τὸ γράφειν ἥκον αὐτὰ, δυοῖν θάτερον, ἢ μὴ πειραθέντες αὐτοὶ γράφουσιν ὑπέρ ὧν οὐκ ἵσασιν, ἢ εἴπερ ἐπειράθησαν, ἀσεβέστατοι πάντων ἀνθρώπων εἰσὶν, ἔνεκα πείρας ὀλέθρια δόντες φάρμακα τοῖς οὐδὲν ἡδικηκόσιν, ἐνίοτε δὲ καὶ καλοῖς τε καὶ ἀγαθοῖς ἀνδράσιν. ιατροὺς γοῦν τις ἔστωτας ἐπὶ ῥωποπώλαις θεασάμενος δύο, προτεκόμισεν αὐτοῖς μέλι πιπράσκων δῆθεν. οἱ

δὲ ἐγεύσαντό τε καὶ περὶ τῆς τιμῆς διελέγοντο καὶ ὡς ὀλίγον αὐτῶν διδόντων, ὁ μὲν σπεύσας ἔχωρήθη, τῶν δ’ αἰτρῶν οὐδέτερος ἐσώθη. <...> καὶ τῷ μὲν πράξαντι συναπέθανεν ἡ τῶν κακῶν θεωρημάτων ἐμπειρία, τῶν δὲ γραψάντων πάντων ἀθάνατός ἐστιν τοῖς πονηροῖς ὅπλα τῆς κακουργίας παρασκευάζουσα.

«Большинство из этих средств, как показывает опыт, неэффективны, а некоторые, хотя и эффективны, но вредны для человеческой жизни настолько, что диву даюсь, ей-богу, как некоторым пришла в голову мысль их записывать. Как, в самом деле, они могли надеяться на то, что знания, которые при жизни принесли им позор, после смерти принесут им славу? И если цари испытывали их на людях, приговоренных к смерти, то они не сделали ничего плохого. Но если простые люди имели возможность записывать их всю свою жизнь, тогда одно из двух: либо они пишут о том, в чем у них нет опыта и чего они не знают, либо, если у них есть опыт, то они – нечестивейшие из всех людей, поскольку в качестве эксперимента давали смертельные лекарства ни в чем неповинным, а иногда даже наилучшим мужам. И вот, один человек, увидев двух врачей, стоящих перед продуктовой лавкой, предложил им купить мед. Они его продегустировали и стали договариваться о цене, но поскольку они предлагали мало, он быстро удалился, а ни один из двух врачей не выжил. Поэтому следует ненавидеть не меньшее, но гораздо больше тех, кто записал все эти рецепты, а не тех, кто их изготовил <...>. И опыт дурных умозаключений умирает вместе с его обладателем, а опыт записавших все это – бессмертен, давая преступникам оружие для злодеяния»⁵⁹¹.

Короткий рассказ о двух отравившихся врачах служит иллюстрацией для обличения недобросовестных врачей, которые в силу своей некомпетентности передают в своих рецептах непроверенные смертельные знания и становятся

⁵⁹¹ *De simpl. med.* X, 1 (К. XII, 252).

таким образом отравителями многих людей, а также тех, кто проводит тайные эксперименты для проверки качества своей продукции.

IV. 1. 4. Исторический экфрасис в медицинских текстах

Экфрасис в медицинской литературе достаточно часто встречался в сочинениях древнеримского врача и философа I-II в. н. э. Арея Каппадокийского, о котором мы уже упоминали выше⁵⁹². Медицинские истории болезней стали фактически новым типом текста и надолго запечатлевались в памяти читателей⁵⁹³. Для этих своеобразных вставных эпизодов характерны точность в описании симптомов и признаков болезни, наглядность и красочность в описании деталей, изобилие уточняющих определений. Как показала Н. Брагинская, сам термин «экфрасис» считается изобретением поздней риторической науки, при этом позднеантичные риторы называли термином «экфрасис» не только описание произведений искусства, как например, щита Ахилла в «Илиаде» (XVIII, 478-609), но фактически любое риторически разработанное описание, в котором упражнялись в риторических школах⁵⁹⁴.

Гермоген, который посвятил экфрасису отдельное сочинение, приводит примеры экфрасиса портретов людей, обстоятельств, времен года или суток, мест, условий, в которых происходят события и др.⁵⁹⁵. Ритор Феон пишет, что экфрасисы можно найти у историков и ораторов, а Псевдо-Дионисий отмечает, что риторы, соревнуясь с поэтами и историками, стали вводить экфрасисы в свои декламации⁵⁹⁶. С этой точки зрения, в качестве экфрасиса можно было бы рассматривать уже заметки о болезнях в «Эпидемиях» Гиппократа, если бы не сухой, почти телеграфный стиль этих текстов.

⁵⁹² См. главу I. 2. 3 и IV. 1. 1.

⁵⁹³ Об экфрасисе как типе текста и экфрасисе как жанре см. Брагинская 1977: 261.

⁵⁹⁴ Брагинская 1977: 259; 2018: 22.

⁵⁹⁵ Hermog. 22, 9 (Rabe); cp. Theon. II, 118, 7 (Spengel); Aphthon. 36, 41 (Rabe).

⁵⁹⁶ Theon. II, 60 (Spengel), Ps.-Dion. I, 1.

Новизна Галена состоит в том, что он часто дает описание истории болезни на фоне исторических событий, которые выходят за рамки основного повествования, смешивает место и событие, описание и повествование. Например, он смешивает описание голода, разразившегося в Малой Азии в его время, и рассказ о его влиянии на здоровье местных жителей. В качестве стилистического образца для исторического экфрасиса греческие теоретики стиля часто приводили Фукидида⁵⁹⁷ и, хотя Гален достаточно редко его цитирует⁵⁹⁸, некоторые исторические рассказы Галена – такие как история о чуме в Афинах или описания военных сцен, позволяют предположить, что он был хорошо знаком с его текстами.

Приведем в качестве примера I главу из трактата Галена «О хороших и плохих соках», которая начинается с рассказа в 3 лице о недавнем голоде в Римской империи. Уже в первом предложении Гален раскрывает тему последующего рассказа, выступая, по сути, летописцем несчастий того времени⁵⁹⁹. Он исследует медицинские последствия дефицита питательных веществ, демонстрируя обширные познания в этом вопросе⁶⁰⁰. Большой объем приводимого текста оправдан его важностью как примера исторического нарратива Галена.

Οἱ συνεχῶς ἐτῶν οὐκ ὀλίγων ἐφεξῆς γενόμενοι λιμοὶ κατὰ πολλὰ τῶν Ἦρωμαίοις ὑπακούοντων ἐθνῶν ἐναργῶς ἐπεδείξαντο τοῖς γε μὴ παντάπασιν ἀνοήτοις, ἡλίκην ἔχει κακοχυμία δύναμιν εἰς νόσων γένεσιν· οἱ μὲν γὰρ τὰς πόλεις οἰκοῦντες, ὥσπερ ἦν ἔθος

⁵⁹⁷ Некоторые примеры приведены в исследовании Р. Веб, см. Webb 2009. О месте исторических авторов в риторических прогимнасмах см. Bompaire 1976: 1-7. О риторической составляющей, в частности, о роли *inventio* в текстах античных историков см. Woodman 1988; Laird 2009: 197-213. Об экфрасисе в античных технических текстах, включающих историю, поэзию, философию, а также работы по механике, архитектуре и математике (за исключением медицины) см. Roby 2016.

⁵⁹⁸ О цитировании Галеном классических школьных авторов см. Пролыгина 2024: 485-488.

⁵⁹⁹ Этот текст служит важным историческим свидетельством о голоде в Малой Азии в I в. н. э., общественных отношениях и типе питания того времени, см. Swain 1996: 367; Mitchell 1993: 167-170; Garnsey 1988: 29; 1999: 37-38.

⁶⁰⁰ О свидетельствах Галена относительно влияния голода и плохого питания на развитие заболеваний, в частности, на распространение чумы см. Gourevitch 2013: 13-37.

αύτοῖς ἀεὶ παρασκευάζεσθαι μετὰ τὸ θέρος εὐθέως σίτον αὐτάρκη πρὸς ὅλον τὸν ἐφεξῆς ἐνιαυτόν, ἐκ τῶν ἀγρῶν πάντα τὸν πυρὸν αἴροντες ἀμα ταῖς κριθαῖς τε καὶ τοῖς κυάμοις καὶ τοῖς φακοῖς ἀπέλειπον τοῖς ἀγροίκοις τοὺς ἄλλους Δημητρίους καρπούς, οὓς ὀνομάζουσιν ὅσπριά τε καὶ χεδροπά μετὰ τοῦ καὶ τούτων αὐτῶν οὐκ ὀλίγα κομίζειν εἰς ἄστυ. τὰ δ' οὖν ὑπολειφθέντα διὰ τοῦ χειμῶνος ἐκδαπανῶντες οἱ κατὰ τὴν χώραν ἀνθρωποι τροφαῖς κακοχύμοις ἡναγκάζοντο χρῆσθαι δι' ὅλου τοῦ ἥρος, ἐσθίοντες ἀκρέμονάς τε καὶ βλάστας δένδρων καὶ θάμνων καὶ βολβοὺς καὶ ρίζας κακοχύμων φυτῶν, ἐνεφοροῦντο δὲ καὶ τῶν ἀγρίων ὄνομαζομένων λαχάνων, ὅτου τις ἔτυχεν εὐπορήσας, ἀφειδῶς ἄχρι κόρου, καθάπερ καὶ πόας χλωρὰς ὅλας ἔψοντες ἥσθιον, ὃν πρότερον οὐδὲ ἄχρι πείρας ἐγεύσαντο πώποτε. παρῆν δ' ὁρᾶν ἐνίους μὲν αὐτῶν ἐν τοῖς ἐσχάτοις τοῦ ἥρος, ἀπαντας δ' ὀλίγου δεῖν ἐν ἀρχῇ τοῦ θέρους ἀλισκομένους ἔλκεσι παμπόλλοις κατὰ τὸ δέρμα συνισταμένοις, οὐ τὴν αὐτὴν ἰδέαν ἄπασιν ἔχουσι· τὰ μὲν γὰρ αὐτῶν ἦν ἐρυσιπελατώδη, τὰ δὲ φλεγμονώδη, τὰ δ' ἐρπηστικά, τὰ δὲ λειχηνώδη τε καὶ ψωρώδη καὶ λεπρώδη. ταῦτα μὲν ὅσα πραότατα διὰ τοῦ δέρματος ἔξανθήσαντα τὴν κακοχυμίαν ἐκ τῶν σπλάγχνων τε καὶ τοῦ βάθους ἐκένωσεν· ἐνίοις δέ τισιν ἀνθρακώδη τε καὶ φαγεδαινικὰ γενόμενα μετὰ πυρετῶν ἀπέκτεινε τοὺς παθόντας ἐν χρόνῳ μακρῷ μόλις ὀλιγίστων σωθέντων. ἄνευ δὲ τῶν κατὰ τὸ δέρμα παθημάτων πυρετοὶ πάμπολλοι ἐγένοντο διαχωρήσεις γαστρὸς ἐπιφέροντες δυσώδεις καὶ δακνώδεις εἰς τεινεσμοὺς καὶ δυσεντερίας τελευτώσας, οὖρά τε δριμέα καὶ αὐτὰ δυσώδη τὴν κύστιν ἐνίων ἐλκώσαντα. τινὲς δ' αὐτῶν ἐκρίθησαν ἰδρῶσι καὶ τούτοις δριμέσι καὶ δυσώδεσιν ἦ ἀποστήμασι σηπεδονώδεσιν. οἵς δ' οὐδὲν τούτων ἐγένετο, πάντες ἀπέθανον ἦ μετὰ φανερᾶς φλεγμονῆς ἐνός γέ τινος τῶν σπλάγχνων ἦ διὰ τὸ μέγεθός τε καὶ τὴν κακοήθειαν τῶν πυρετῶν. ὀλιγίστων δὲ φλέβα τεμεῖν ἐν ἀρχῇ τῆς νόσου τολμήσαντες ἔνιοι τῶν ιατρῶν (ἐδεδίεσαν γὰρ εἰκότως χρῆσθαι τῷ βοηθήματι διὰ τὸ προκαταλεύσθαι τὴν δύναμιν) οὐδενὸς εἶδον αἷμα χρηστὸν ἐκκριθέν, ὅποιον ἐκ τῶν ὑγιεινῶν σωμάτων ὄραται κενούμενον, ἀλλ' ἥτοι πυρρότερον ἦ μελάντερον ἦ ὄρωδέστερον ἦ δριμὺ καὶ δάκνον αὐτὴν τὴν διαιρεθεῖσαν φλέβα κατὰ τὴν ἐκροήν, ὡς δυσεπούλωτον γενέσθαι τὸ ἔλκος. ἐνίοις δὲ καὶ συμπτώματα μετὰ πυρετῶν καὶ μάλιστα τοῖς ἀποθανοῦσιν

ἐγένετο βλάβην τῆς διανοίας ἐπιφέροντα σὺν ἀγρυπνίαις ἢ καταφοράῖς. καὶ οὐδὲν δήπου θαυμαστὸν ἐναντίοις ἀλῶναι νοσήμασί τε καὶ συμπτώμασι τοὺς τότε νοσήσαντας, αὐτούς τε διαφέροντας ἀλλήλων οὐ ταῖς φύσεσι μόνον ἢ ταῖς ἡλικίαις, ἀλλὰ καὶ ταῖς ἔμπροσθεν διαιταῖς, ἐναντίαν τε δύναμιν ἔχούσας ἐδηδοκότας ἐν τῷ λιμῷ τροφάς· ἥσθιον μὲν γὰρ ἄπαντες ὧν ηύπόρουν· ἀνομοίου δὲ τῆς εὐπορίας οὕσης ἔνιοι μὲν ὀξεῖς ἢ δριμεῖς ἢ ἀλυκούς ἢ πικρούς ἔχοντα χυμοὺς ἐδέσματα προσηγκαντο, τινὲς δ' αὐστηροὺς ἢ στρυφνούς ἢ ψύχοντας σαφῶς ἢ ὑγροὺς ἴκανῶς ἢ παχεῖς ἢ γλίσχρους ἢ φαρμακώδεις.

«Голод, который постоянно случался на протяжении долгих лет подряд среди многих народов, находящихся под властью римлян, ясно показал всем, кто не совсем потерял рассудок, какое влияние оказывают дурные соки на возникновение болезней. Ибо жители городов, поскольку у них был обычай сразу в конце лета всегда запасаться зерном, достаточным на весь следующий год, забрали с полей всю пшеницу вместе с ячменем, фасолью и чечевицей, оставив крестьянам прочие плоды Деметры, которые называют бобовыми и стручковыми, отправив и их немалое количество в город. И вот, когда за зиму оставшиеся зерновые истощились, сельские жители были вынуждены всю весну употреблять пищу с дурными соками, поедая ветки, и почки деревьев и кустарников, и луковицы и корни растений с дурными соками. И они питались так называемыми дикими овощами, какие кто находил, до полного насыщения, также как если после варки весенние травы, которых прежде никогда не пробовали даже из любопытства. И в конце весны можно было видеть некоторых из них, а в начале лета почти всех, пораженными многочисленными язвами, появлявшимися на коже, причем все они имели разный вид. Ибо у одних они были похожи на рожу, у других на флегмону, у третьих на герпес, у четвертых на лишай, псориаз и проказу. Самые легкие формы, высыпав на коже, выводили дурные соки из внутренностей и утробы, но у некоторых язвы типа карбункулов и нарывов, сопровождавшиеся лихорадкой, убивали больных, так что спустя

длительное время выздороветь удавалось лишь немногим. При отсутствии кожных высыпаний возникали многочисленные лихорадки, приводившие к зловонным и едким выделениям из желудка, которые заканчивались тенезмами и дизентерией, а также появлялась кислая и также зловонная моча, вызывавшая у некоторых язвы мочевого пузыря. У некоторых кризис проявлялся в виде пота, который также был кислым и зловонным, или в виде гнойных нарывов. А те, у кого не было никаких проявлений подобного рода, все умерли или после явного воспаления какого-либо внутреннего органа, или от силы и губительного характера лихорадок. У небольшого числа больных некоторые из врачей в начале болезни осмеливались вскрывать вены (ибо они справедливо опасались прибегать к этому средству из-за ослабления больных), но ни у кого не видели выделения хорошей крови, какую можно видеть при выделении из здоровых тел, но она была или рыжеватой, или черноватой, или водянистой, или кислой и при вытекании раздражающей саму надрезанную вену, так что рана заживала с трудом. У некоторых и особенно у тех, кто был при смерти, лихорадка сопровождалась симптомами, приводящими к повреждению рассудка с бессонницей и обмороками. И, конечно, нет ничего удивительного в том, что больные тогда страдали противоположными заболеваниями и симптомами, поскольку они отличались друг от друга не только природой и возрастом, но и прежней диетой, принимая во время голода пищу, обладающую противоположными свойствами. Ибо все ели то, что удавалось раздобыть, а поскольку удавалось раздобыть разное, одни принимали пищу, обладающую острыми, или едкими, или солеными, или горькими соками, а другие – сухими, или вяжущими, или явно охлаждающими, или довольно влажными, или густыми, или вязкими или ядовитыми соками. Я знаю, например, что некоторые сразу умерли от поедания грибов, а другие

— от цикуты или нартека, и лишь немногих из них чудом удалось спасти»⁶⁰¹.

Клиническая точность в описании симптомов, неизбежное развитие событий с вполне предсказуемой связкой создают яркое и живое представление об истории этих голодных лет. Пояснения Галена подчеркивают остроту сложившейся ситуации, а подробное перечисление физических недугов, которые служат следствием все более низкого качества еды, делает ее почти ощутимой. Эта хронологическая последовательность в сочетании с подробным описанием прекрасно подчеркивается использованием большого числа частиц и напоминает технику Фукидида⁶⁰². Функция этого рассказа заключается в том, чтобы подчеркнуть авторитет Галена как врача, обладающего долгим жизненным и врачебным опытом, приобретенным за многие годы наблюдений и практики. Этот опыт служит гарантией надежности и важным элементом *captatio benevolentiae*. Не случайно Гален приводит этот рассказ в самом начале своего трактата, таким образом сразу располагая читателя в свою пользу.

С другой стороны, важно подчеркнуть повествовательный характер этого необычного предисловия. Гален предлагает читателям историю, повествующую о вынужденном обнищании сельских жителей вследствие высоких запросов горожан, умело демонстрируя свою наблюдательность и осведомленность. Способность врача к наблюдению и анализу также служит дополнительным фактором убеждения читателя, поскольку наглядная история лучше, чем просто констатация богатого опыта автора. Таким образом, этот рассказ, помещенный в начале небольшого трактата о питании, служит оригинальным литературным приемом.

⁶⁰¹ *De bon. mal. suc.* 1, 1-7 (K. VI, 749-752 = CMG V 4, 2, Helmreich 1923: 389-391).

⁶⁰² Petit 2021:144.

IV. 2. Описание: образы и способы их визуализации

В медицинских текстах Галена встречается довольно много рассказов, в которых он дает яркие визуальные описания пейзажей как реальных, так и воображаемых, разных путешествий или создает какие-то другие запоминающиеся образы, которые могут выполнять в его текстах разные функции.

IV. 2. 1. Образ как способ утверждения собственного авторитета

Следует отметить, что в целом в своих рассказах Гален отдает предпочтение ритму и логике хронологической последовательности рассказа. Визуальные аспекты и описательные паузы занимают гораздо меньше места, хотя в некоторых случаях встречаются довольно пространные описания, как например, в вышеприведенном длинном отрывке о голоде в Малой Азии. При этом Гален никогда не пренебрегает силой образа, который может выполнять разные функции в его рассказах. Приведем отрывок из его трактата «О методе лечения», в котором он приводит весьма примечательное сравнение: объясняя незаконченность некоторых сочинений Гиппократа, Гален сравнивает свои собственные труды, содержащие дополнения, улучшения и развитие идей Гиппократа, с масштабными работами императора Траяна в области развития римской инфраструктуры, в частности, в области строительства римских дорог.

ταυτὶ γὰρ ἂν νῦν ἐγὼ μέλλω διέρχεσθαι τὴν θεραπείαν ἐκδεικνύμενα πρῶτος ἀπάντων ἐκεῖνος ἔγραψεν· ἀλλ' ὡς ἀν πρῶτος εὐρίσκων οὕτε τὴν προσήκουσαν ἄπασιν ἐπέθηκε τάξιν οὕτε τὴν ἀξίαν ἐκάστου τῶν σκοπῶν ἀκριβῶς ἀφωρίσατο, παρέλιπέ τέ τινας ἐν αὐτοῖς διορισμοὺς, ἀσαφῶς τε τὰ πλεῖστα διὰ παλαιὰν βραχυλογίαν ἐρμήνευσε. καὶ δὴ καὶ περὶ τῶν ἐπιπεπλεγμένων· διαθέσεων ὀλίγιστα παντάπασιν ἐδίδαξε. συνελόντι δὲ φάναι τὴν ἐπὶ τὰς ίάσεις ὁδὸν ἄπασαν μέν μοι δοκεῖ τέμνεσθαι, δεομένην μέντοι γ' ἐπιμελείας εἰς τὸ τέλεον, ὥσπερ καὶ νῦν ὄρῳμεν ἐνίας τῶν ἐπὶ τῆς γῆς ὁδῶν τῶν παλαιῶν ἢ πηλῶδές τι

μόριον ἔαυτῶν, ἢ λίθων, ἢ ἀκανθῶν πλῆρες, ἢ λυπηρῶς ὅρθιον, ἢ κάταντες σφαλερῶς, ἢ θηρίων πλῆρες, ἢ διὰ μέγεθος ποταμῶν δύσβατον, ἢ μακρὸν, ἢ τραχὺ κεκτημένας. ἀμέλει ταῦτ' ἔχούσας ἀπάσας τὰς ἐπὶ τῆς Ἰταλίας ὁδοὺς ὁ Τραϊανὸς ἐκεῖνος ἐπηνωρθώσατο, τὰ μὲν ὑγρὰ καὶ πηλώδη μέρη λίθοις στρωννὺς, ἢ ύψηλοις ἔξαίρων χώμασιν, ἐκκαθαίρων δὲ τά τε ἀκανθώδη καὶ τραχέα καὶ γεφύρας ἐπιβάλλων τοῖς δυσπόροις τῶν ποταμῶν· ἔνθα δ' ἐπιμήκης οὐ προσηκόντως ὁδὸς ἦν, ἐνταῦθα σύντομον ἐτέραν τεμνόμενος· ὥσπερ καὶ εἰ δι' ὕψος λόφου χαλεπὴ, διὰ τῶν εὔπορωτέρων χωρίων ἐκτρέπων· καὶ εἰ θηριώδης ἢ ἔρημος, ἔξιστάμενος μὲν ἐκείνης, ἐφιστάμενος δὲ εἰς τὰς λεωφόρους, ἐπανορθούμενος δὲ καὶ τὰς τραχείας. οὕκουν χρὴ θαυμάζειν εἰ μαρτυροῦντες Ἰπποκράτει τὴν εὔρεσιν τῆς θεραπευτικῆς μεθόδου γράφειν ἐπεχειρήσαμεν αὐτοὶ τήνδε τὴν πραγματείαν. οὐ γὰρ ὡς οὐδ' ὅλως εὐρεθείσης αὐτῆς, ἀλλ' ὡς δεομένης ὅν ὅλιγον ἔμπροσθεν εἶπον, ἐπὶ τήνδε τὴν συγγραφὴν ἥκον οὐδένα τῶν πρὸ ἐμοῦ συμπληρώσαντα τὴν μέθοδον εύρων. ἔνιοι μὲν γὰρ οὐδ' ἔγνωσαν ὅλως αὐτὴν, ἔνιοι δὲ γνόντες οὐκ ἡδυνήθησαν προσθεῖναι τὸ λεῖπον· εἰσὶ δ' οἱ καὶ κατακρύψαι καὶ συσκιάσαι προείλοντο καὶ ἀφανῆ ποιήσαι παντάπασιν· οἵτινες δ' εἰσὶν οὗτοι προϊόντος ρήθήσεται τοῦ λόγου. νυνὶ δ' ὅπερ ὑπεσχόμην ἥδη ποιήσω· πάντας ἔξῆς ἐκθήσομαι τοὺς θεραπευτικοὺς σκοπούς.

«Ибо о том, что я теперь собираюсь излагать, а именно об указаниях к лечению, первым среди всех написал тот [великий муж]. Но как первооткрыватель он не привел все в надлежащий порядок, нечетко определил ценность каждой из целей и пренебрег некоторыми определениями среди них и из-за древней брахилогии очень многие вещи изложил неясно. И, конечно, он почти не оставил учения о смешанных состояниях. Одним словом, мне кажется, что дорога к лечению полностью проложена, однако для своего завершения она нуждается в уходе, как и в настоящее время мы видим, что некоторые из древних дорог на земле местами покрыты грязью, или камнями, или полны терний, или представляют собой крутой подъем или опасный спуск, или полны диких

зверей, или труднопроходимы из-за больших рек, или длинны, или каменисты. Конечно, всем известный Траян восстановил все дороги в Италии, которые имели эти повреждения, выкладывая камнями мокрые и грязные участки, или поднимая их высокими насыпями земли, и очищая тернистые и каменистые части, и наводя мосты через труднопроходимые реки; и где была слишком длинная дорога, там он прокладывал другую, более короткую. И точно так же, если она была трудна из-за высоты холма, он отводил ее через более удобные для прохода места, и если она была полна диких зверей или пустынна, он прогонял их и ставил охрану на оживленных участках и восстанавливал неровные участки. Поэтому не следует удивляться, что мы, свидетельствуя об открытии Гиппократом метода лечения, сами взялись за такое сочинение. Ибо я обратился к его написанию не потому, что метод лечения еще вообще не открыт, но потому, что он нуждается в том, о чем я сказал чуть выше, обнаружив, что ни один из моих предшественников не довел до совершенства этот метод. Ибо некоторые даже вообще не знали о нем, а другие, узнав, не смогли добавить недостающее, есть и такие, кто предпочел его спрятать, утаить и сделать совершенно секретным. О том, кто эти люди, будет сказано по ходу моего рассказа. А теперь я сделаю то, что обещал: изложу по порядку все основные моменты, касающиеся методов лечения»⁶⁰³.

Таким образом, в этом отрывке Гален проводит параллель между своими трудами по комментированию и дополнению текстов Гиппократа, касающихся методов лечения, и работами Траяна, который скорректировал маршрут и обустроил древние, разбитые дороги. Этот отрывок был внимательно изучен историками Г. Шланге-Шёнингеном и С. Суэйном, и в частности последний справедливо отметил, что здесь речь идет больше о самом Галене, чем о Траяне⁶⁰⁴. Гален создает удивительный образ, подчеркивающий его

⁶⁰³ *De meth. med.* IX, 9 (К. X, 633).

⁶⁰⁴ Schlangen-Schöningen 2003: 58-59, n. 103; Swain 1996: 365-366.

исключительное место в истории медицины: метафора способов лечения передается при помощи слов ὁδός, «путь», «дорога» и τέμνω, «высекать», которые позволяют представить образ римских дорог, которые были реконструированы и благоустроены Траяном. Таким образом, Гален обращает общепринятую похвалу Траяну за благоустройство римских дорог⁶⁰⁵ в похвалу собственному методу лечения, который он упорядочил и довел до совершенства, тогда как его предшественники не смогли этого сделать.

IV. 2. 2. Образ и географические отступления

Выше мы уже приводили отрывок из трактата «О методе лечения», в котором Гален, описывая лечение своего пациента, переболевшего чумой, хвалит молоко Стабий, которое помогает ему полностью выzdороветь⁶⁰⁶. Это отступление с описанием географических особенностей расположения этого места обладает чертами эпидейктического красноречия, позволяя автору воздать хвалу полезным свойствам молока. Сам г. Стабии, расположенный на берегу Неаполитанского залива, после его разрушения Суллой в ходе Союзнической войны в 89 г. до н. э. был отстроен заново и стал одним из популярных римских курортов и местом отдыха римской знати вплоть до извержения Везувия в 79 г. н. э. Однако и после извержения вулкана Стабии славились своими природными лечебными свойствами. Гален поочередно описывает целебные свойства почвы, воздуха и пастбищ, которые обеспечивали превосходное качество получаемого там молока. Эта похвала вполне соответствует традиционным похвалам мест (помимо городов и памятников), которые были распространенным мотивом в эпидейктической риторике, и показывает риторическое мастерство Галена, достойное Лукиана

⁶⁰⁵ Похвала римским дорогам встречается, в частности, у Плутарха (*Ti. Gracch.* 28) и Страбона (*Geogr.* V, 3, 8).

⁶⁰⁶ См. IV. 1. 2.

или Аристида⁶⁰⁷. Основным объектом похвалы выступают красота места, особенность расположения и полезность его природных свойств: для растений, животных, которые ими питаются, и человека, который употребляет в пищу местные продукты⁶⁰⁸. Свое отступление Гален завершает замечанием о том, что подобные *locus amoenus* необходимо создавать и в других местах.

μετὰ ταῦτα δ' ἐνθεὶς ἔαυτὸν πλοιώ κατέπλευσε μὲν πρῶτον ἐπὶ τὴν Θάλατταν διὰ τοῦ ποταμοῦ, τετάρτη δ' ὕστερον ἡμέρᾳ πλέων ἐν ταῖς Ταβίαις γίγνεται, καὶ κέχρηται τῷ γάλακτι θαυμαστήν τινα δύναμιν ὄντως ἔχοντι καὶ οὐ μάτην ἐπηγνημένω. καὶ μοι δοκεῖ καιρὸς ἥκειν εἰπεῖν τι περὶ γάλακτος χρήσεως οὐ τοῦ κατὰ τὰς Ταβίας μόνον, ἀλλὰ καὶ τοῦ ἄλλου παντός. οὐδὲ γάρ τοὺς ἐν Ἰταλίᾳ μόνῃ χρὴ θεραπεύειν, ἀλλ' ὅσον οἶόν τε τοὺς πανταχόθι. τῷ μὲν οὖν ἐν ταῖς Ταβίαις γάλακτι πολλὰ συνετέλεσεν εἰς ἀρετήν· αὐτό τε τὸ χωρίον ὑψηλὸν ὑπάρχον αὐτάρκως, ὃ τε πέριξ ἀήρος ξηρὸς, ἥ τε νομὴ τοῖς ζώοις χρηστή. ταύτην μέν γε ἀλλαχόθι τεχνήσεσθαι δυνατὸν ἐν λόφῳ μετρίως ὑψηλῷ, φυτεύσαντας καὶ βοτάνας καὶ θάμνους, ὅπόσοι γάλα χρηστόν τε ἄμα καὶ στῦφον ἐργάσονται· λεχθήσεται δ' αὐτῶν ὀλίγον ὕστερον παραδείγματα. τὸν μέντοι πέριξ ἀέρα κατασκευάσαι μὲν ὅμοιον ἀδύνατον, ἐκλέξασθαι δὲ τῶν ὄντων τὸν ὅμοιότατον οὐκ ἀδύνατον. ὅμοιότατος δ' ἀν εἴη ὁ ταῦτ' ἔχων, ἅπερ ἐκείνῳ πάρεστιν ὕψος μὲν τοῦ λόφου μέτριον, ὀδός δ' ἐπ' αὐτὸν ἀπὸ τῆς θαλάττης εἰς τριάκοντα στάδια καί τι πλέον οὐ πολλῷ. τὸ δὲ χωρίον αὐτὸ τὸ ἐπὶ τῇ θαλάττῃ αἱ Ταβίαι κατὰ τὸν πυθμένα τοῦ κόλπου μάλιστά ἔστι τοῦ μεταξὺ Σουρρέντου τε καὶ Νεαπόλεως, ἐν τῇ πλευρᾷ μᾶλλον τῇ κατὰ Σουρρέντον. αὕτη δ' ἡ πλευρὰ πᾶσα λόφος ἔστιν

⁶⁰⁷ О похвале местам и разным предметам см. Pernot 1993, t. 1: 238-249. Ср. описание колодца в Асклепионе, расположенного в прекрасном месте и обладающего исключительными лечебными свойствами, которое приводит Элий Аристид в XXXIX речи.

⁶⁰⁸ Латинские тексты представляют Стабии как роскошный курорт (Plinius. *Hist. nat.* III, 70; Cicero. *Fam.* VII, 1, 1). Особенно ценились источники этого места (Plinius. *Hist. nat.* XXXI, 9; Columella. *Rust.* X, 133; Cassiod. *Var.* XI, 10), а также молоко из места под соответствующим названием *mons Lactarius*. О лечении молоком, которое помогало восстановлению больных после длительной болезни, упоминает около 400 г. Симмах (*Epist.* VI, 17); но наиболее точное описание можно найти у Кассиодора, который, возможно, был знаком с текстами Галена.

εύμεγέθης, μακρὸς, εἰς τὸ Τυρρηνὸν ἔξήκων πέλαγος. ἐγκέκλιται δ' ἡρέμα πρὸς τὴν δύσιν ὁ λόφος οὗτος, οὐκ ἀκριβῶς δ' ἐπὶ τὴν μεσημβρίαν ἐκτέταται. οὗτος μὲν ὁ λόφος ἄκλυστον τοῖς ἀνατολικοῖς ἀνέμοις φυλάττει τὸν κόλπον, εὔρω καὶ ἀπηλιώτη καὶ βορρᾶ· συνάπτει δ' αὐτῷ κατὰ τὸν μυχὸν τοῦ κόλπου λόφος ἔτερος οὐ μικρὸς, ὃν ἐν τε τοῖς συγγράμμασιν οἱ παλαιοὶ Ῥωμαῖοι καὶ τῶν νῦν οἱ ἀκριβέστεροι Βεσούβιον ὀνομάζουσι. τὸ δ' ἔνδοξόν τε καὶ νέον ὄνομα τοῦ λόφου Βέσβιον ἀπασιν ἀνθρώποις γνώριμον διὰ τὸ κάτωθεν ἀναφερόμενον ἐκ τῆς γῆς ἐν αὐτῷ πῦρ· ὃ μοι δοκεῖ καὶ αὐτὸ μεγάλα συντελεῖν εἰς ξηρότητα τῷ πέριξ ἀέρι· καὶ χωρὶς δὲ τοῦ πυρὸς οὕτε λίμνη τις ἐγγὺς οὕθ' ἔλκος οὕτε ποταμὸς ἀξιόλογος οὐδαμόθι τοῦ κόλπου. τῶν δ' ἀρκτικῶν πνευμάτων ἀπάντων ἄχρι δύσεως θερινῆς ὁ Βεσούβηνὸς λόφος πρόβλημ' ἔστι, καὶ πολλὴ τέφρα μέχρι τῆς θαλάσσης ἀπ' αὐτοῦ καθήκει, λείψανόν τι ἐν αὐτῷ κεκαυμένης τε καὶ νῦν ἔτι καιομένης ὅλης. ταῦτα πάντα ξηρὸν ἐργάζεται τὸν ἀέρα.

«После этого, сев на корабль, он спустился сначала по реке к морю и спустя четыре дня плавания прибыл в Стабии, где стал принимать молоко, обладавшее поистине удивительной силой, которое не зря хвалили. И, мне кажется, настало время сказать несколько слов о пользе молока, не только Стабий, но и молока вообще. Ибо следует лечить не только жителей Италии, но, насколько это возможно, людей повсюду. Итак, превосходное качество молока в Стабиях объясняется многими факторами: достаточно высоким расположением места, сухим окружающим воздухом и отличным пастбищем для животных. Впрочем, такое пастбище можно создать и в другом месте на умеренно высокой горе, посадив растения и травы, которые производят хорошее и вяжущее молоко, и чуть позже я приведу тому примеры. Однако устроить такой же окружающий воздух невозможно, хотя выбрать из существующих наиболее похожий возможно. Лучше всего подойдет тот, который обладает подобными тому свойствами: умеренная высота горы, дорога, ведущая к нему от моря на расстояние тридцати стадиев или немногим более. Само это место,

Стабии, находится близ моря в нижней части залива, между Сорренто и Неаполем, скорее на стороне Сорренто. И вся эта сторона представляет собой довольно большую гору, вытянутую, спускающуюся к Тирренскому морю. Гора эта слегка склоняется к западу и не простирается строго на юг. Эта гора защищает залив от восточных ветров: Эвра и Апелиота, и от Борея, так что он не заливается волнами. К нему в самой отдаленной части залива примыкает еще одна большая гора, которую древние римляне и наиболее точные из современников называют в своих сочинениях Везувием. Широко известное и новое название горы Везвий знакомо всем людям из-за извержения из недр ее земли огня. И мне кажется, что он сильно способствует сухости окружающего воздуха, но и без огня в заливе нигде нет поблизости ни болота, ни пруда, ни какой-либо значимой реки. Гора Везувий противостоит всем северным ветрам до летнего заката, и с нее в море опускается много пепла, остатков вещества, которое горело в ней и все еще горит. Все это делает воздух сухим»⁶⁰⁹.

Подробный географический экскурс призван объяснить весьма специфическое качество воздуха, а именно, его сухость из-за близости Везувия. Благодаря этому окружающая среда наделяет особыми качествами пастбища, которые позволяют получать молоко высокого качества с особым вяжущим привкусом. Но Гален не просто прославляет это место, он предлагает взять его за образец и воссоздать уникальные свойства Стабий в похожих природных условиях, чтобы принести пользу как можно большему числу пациентов:

δύναιτ' ἀν οὗν τις ἐτέρωθι τῆς οἰκουμένης ἐκλέξασθαι λόφον οὕτω ξηρόν, οὐ πόρρω θαλάττης, οὕτε μέγαν ὡς ἐγκεῖσθαι ταῖς τῶν ἀνέμων εἰσβολαῖς, οὕτε πάνυ ταπεινὸν ὡς τὰς ἐκ τῶν ὑποκειμένων πεδίων ἀναθυμιάσεις ἐτοίμως δέχεσθαι. πεφυλάχθω δ' αὐτὸν ἐστράφθαι πρὸς ἄρκτον· οὕτω γὰρ ἀν ἀπεστραμμένος εἴη τὸν ἥλιον. εἰ δὲ κἀν τοῖς

⁶⁰⁹ *De meth. med.* V, 12 (К. X, 363-365).

εύκράτοις τῆς ὅλης οἰκουμένης ὁ λόφος ὑπάρχοι, καθάπερ ὁ κατὰ τὰς Ταβίας ἐστίν, ἄμεινον μακρῷ. ἐν τοιούτῳ λόφῳ πόαι μὲν ἔστωσαν ἄγρωστις καὶ λωτὸς καὶ πολύγονον καὶ μελισσόφυλλον, θάμνοι δὲ σχῖνος καὶ κόμαρος καὶ βάτος καὶ κισσὸς καὶ κύτισος, ὅσοι τ' ἄλλοι τούτοις ἐοίκασιν. οὕτω μέν σοι τὰ τοῦ λόφου παρεσκευάσθω. τὰ δὲ ζῶα βόες μέν εἰσιν ἐν τῷ κατὰ Ταβίας, καὶ ἔστι τούτου τοῦ ζώου παχὺ τὸ γάλα, καθάπερ τὸ τῶν ὄνων λεπτόν. ἐγὼ δ' ἀν καὶ βοῦς καὶ ὄνους καὶ αἶγας ἀφείην ἐπὶ τὰς νομάς, ὥστ' ἔχειν χρῆσθαι γάλακτι παντί, παχεῖ μὲν ἐκ τῶν βοῶν, λεπτῷ δὲ ἐκ τῶν ὄνων, μέσω δ' ἀμφοῖν ἐκ τῶν αἰγῶν. οἱ παλαιοὶ δὲ καὶ γυναῖκα θηλάζουσαν ἐφίστων τοῖς τῇ φθόῃ κάμνουσι· κάγὼ δὲ ἀποδέχομαι τὴν γνώμην αὐτῶν, ὅτι τε τὸ οἰκεῖον ἥροῦντο καὶ ὅτι πρὶν ψυγῆναι τῷ πέριξ ἀέρι. καί σοι τοῦτ' ἔστω μέγιστον παράγγελμα γάλακτος χρήσεως ἐπὶ πάντων οἵς γάλακτος χρεία, αὐτίκα πίνειν ἀμελχθέν, τῷ ζῷῳ παρεστῶτα· προσεπεμβάλλειν δὲ καὶ μέλιτος, ὅτῳ τυροῦσθαι πέφυκεν ἐν τῇ γαστρί· εἰ δ' ὑπελθεῖν αὐτό ποτε θάττον βουληθείης, καὶ ἀλῶν.

«И вот, кто-нибудь мог бы в другом месте обитаемого мира выбрать столь же сухую гору, недалеко от моря, и не настолько большую, чтобы находиться под натиском ветров, и не слишком низкую, чтобы легко принимать испарения равнин, лежащих у ее подножия. И пусть он остерегается ее обращения к северу, ибо тогда она будет обращена обратной стороной к солнцу. И если гора окажется в местах с хорошим климатом, как та, что в Стабиях, то это намного лучше. На такой горе пусть будут луговые травы: кормовая трава, и лотос, и гречишник, и мелисса, и кустарники: мастика, и земляничное дерево, и ежевика, и плющ, и ракитник, и другие им подобные. Пусть такие условия сложатся на твоей горе. Что касается животных, то на горе в Стабиях пасутся коровы, и молоко у этого животного густое, тогда как у ослов – жидкое. Но я со своей стороны выпустил бы на пастбища и коров, и ослов, и коз, чтобы иметь возможность использовать любое молоко: густое молоко от коров, жидкое – от ослов, и среднее между ними – от коз. Древние

приставляли к страдающим чахоткой кормящую женщину, и я одобряю их решение и потому, что они предпочитали родственное человеку молоко, и потому, что принимали его до охлаждения окружающим воздухом. И пусть будет тебе величайшим уроком использования молока для всех, кто в нем нуждается, следующее: пить сразу же после дойки, стоя рядом с животным, и добавлять мед тем, у кого оно имеет обыкновение сворачиваться в желудке. Если же ты захочешь, чтобы оно скорее вышло, добавь соли»⁶¹⁰.

Гален не только дает красивую пейзажную зарисовку Стабий, но и сообщает о происходящей из этого места медицинской пользе, описывая его как естественный лазарет под открытым небом, обладающий исключительными по своим качествам и разнообразию свойствам. Предложение представить себе совершенные Стабии, которые можно было бы воссоздать в других местах, опять акцентирует внимание не столько на красоте Стабий и качестве молока, сколько на самом авторе этих строк, который не только обладает прекрасными литературными способностями, но и богатым жизненным опытом путешественника и врача, движимого стремлением к созданию и постижению нового, творческим подходом к своей профессии и смелостью экспериментировать.

В целом, как мы показали в статье, посвященной научно-исследовательским путешествиям Галена, географические описания в его сочинениях занимают довольно значительное место⁶¹¹. Медицинская профессия в Античности была тесно связана с постоянными переездами и путешествиями, которые позволяли будущему или уже состоявшемуся врачу расширить свой кругозор, познакомиться с авторитетными врачами, традициями врачевания и местной рецептурой. Самые крупные центры изучения медицины располагались в континентальной части Греции (Афинах

⁶¹⁰ *De meth. med.* V, 12 (К. X, 365-366).

⁶¹¹ Пролыгина 2022: 17-39.

и Коринфе), в Кротоне на юге Италии, на о. Кос, на полуострове Книд в Малой Азии, в Антиохии, Смирне, Пергаме, Кирене, Берите и Александрии⁶¹².

Известно, что уже в классический период существовал так называемые странствующие врачи, которые получили название «периодевтов»⁶¹³. К ним можно отнести и самого Гиппократа, ставшего прототипом идеального врача в трактате Галена «О том, что наилучший врач есть также философ». Он пишет о том, что идеальный врач должен обойти всю Грецию, чтобы на собственном опыте подтвердить знания, полученные из сочинений Гиппократа, и собственными глазами взглянуть на города, «какой обращен к югу, какой к северу, какой к восходу солнца, а какой к закату, и посмотреть на тот, что расположен в низине или на высоте, что использует подвенные воды, родниковые, дождевые или воды из озер и рек»⁶¹⁴.

Гален сохранил целый ряд живописных рассказов о своих путешествиях по Малой Азии и ее провинциям, в частности, по Мизии, Фригии и Каппадокии. Внимание молодого врача неоднократно привлекали крестьяне Малой Азии и их пищевые и медицинские традиции. Гален упоминает о кедровой смоле, которую крестьяне горных областей Азии смешивали с оливковым маслом и применяли для укрепления волос⁶¹⁵. Впоследствии он будет прописывать этот рецепт римским матронам, а также тем, кто страдал от головных болей. Также Гален отмечает необычные свойства сыра, который в Пергаме и по всей Азии назывался ὄξυγαλακτινός (букв. «из сквашенного молока»). При наложении на раны этот сыр способствовал быстрому и безболезненному заживлению и рубцеванию⁶¹⁶. Большой интерес вызывали у Галена произрастающие в этом регионе растения, их названия и свойства, которые существенно отличались от тех, что были известны в Риме. Он упоминает о них в своих сочинениях по фармакологии, особенно при

⁶¹² Jouanna 1995: 30-33.

⁶¹³ Jouanna 1992: 43-35.

⁶¹⁴ *Quod opt. med. 3* (К. I, 59 = Boudon-Millot 2007: 289). Пер. Пролыгина 2013: 96-97.

⁶¹⁵ *De comp. med. sec. loc. I, 3* (К. XII, 440).

⁶¹⁶ *De simpl. med. X, 9* (К. XII, 272).

описании состава своего знаменитого териака — многокомпонентного лекарства-противоядия на основе змеиного яда, рецепт которого впоследствии принес ему славу в Риме при дворе Марка Аврелия. В качестве доказательства целебных свойств последнего Гален, как он часто это делает, приводит в качестве примера рассказ со множеством уточняющих деталей и пояснений:

ἄνθρωπος νοσῶν τὸ καλούμενον πάθος ἐλέφαντα μέχρι μέν τινος ὄμοδίαιτος ἦν τοῖς συνήθεσιν, ἐπεὶ δ' ἐκ τῆς πρὸς αὐτὸν κοινωνίας τε καὶ ὀμιλίας ἐκοινώνησαν μὲν ἔνιοι τοῦ πάθους, αὐτὸς δὲ δυσώδης ἦν ἥδη καὶ εἰδεχθῆς, καλύβην αὐτῷ πηξάμενοι πλησίον τῆς κώμης ἐπὶ χθαμαλοῦ τοῦ λόφου παρά τινι πηγῇ ἴδρυουσιν ἐν αὐτῇ τὸν ἄνθρωπον φέροντες τροφὰς αὐτῷ ἐφ' ἡμέρας τοσαύτας ὅσον ἀποζῆν ἱκανῶς. περὶ δὲ κυνὸς ἐπιτολὴν θερισταῖς πλησίον αὐτοῦ θερίζουσιν ἐκομίσθη τις οἶνος ἐν κεραμίῳ μάλ' εύώδης. ὁ μὲν κομίσας ἐγγὺς τῶν θεριζόντων καταθεὶς ἐχωρίσθη· τοῖς δ' ὡς ἦκεν ὁ καιρὸς τοῦ πίνειν, ἔθος μὲν ἦν αὐτοῖς ἐκχέουσι κρατῆρα μεθ' ὕδατος συμμέτρου κεραννύναι τὸν οἶνον, ὡς δὲ ἀνελομένου νεανίσκου τὸ κεράμιον, ἐξαιροῦντά τε τὸν οἶνον εἰς τὸν κρατῆρα, συνεξέπεσεν ἔχιδνα νεκρά. δείσαντες οὖν οἱ θερισταὶ μή τι πάθοιεν ἐκ τοῦ πόματος, αὐτοὶ μὲν ὕδατος ἐπιον, ὡς δ' ἀπηλλάττοντο, χαρίζονται δῆθεν ὑπὸ φιλανθρωπίας τῷ τὸν ἐλέφαντα νοσοῦντι τὸν ὅλον οἶνον, ἄμεινον αὐτῷ κρίναντες εἶναι τεθνάναι μᾶλλον ἢ ζῆν τοιούτῳ. ὁ δ' ἐκ τούτου πίνων ὑγιὴς ἐγένετο θαυμαστόν τινα τρόπον. ὅλον γάρ αὐτοῦ τὸ τοῦ δέρματος ὀχθῶδες ἀπέπεσεν ὡς τῶν μαλακοστράκων ζώων τὸ σκέπασμα. ὅσον δ' ὑπόλοιπον ἦν ἔτι μαλακὸν ἱκανῶς ἐφαίνετο καθάπερ τὸ τῶν καράβων τε καὶ καρκίνων, ὅταν ἀποπέσῃ τὸ πέριξ ὅστρακον.

«Один человек, страдающий от заболевания, которое называют элефантиаз⁶¹⁷, некоторое время провел рядом со своими друзьями, но затем некоторые из тех, кто жил рядом и общался с ним, были поражены тем же недугом. Он стал источать неприятные запахи, и его внешность обезобразилась. Тогда друзья, сколотив ему хижину близ деревни на

⁶¹⁷ Элефантиаз был, по всей видимости, разновидностью проказы, см. Grmek 1983.

возвышении холма, около одного источника, помещают в ней этого человека, принося ему ежедневно столько еды, сколько необходимо для поддержания жизни. Во время летнего зноя жнецы, которые косили неподалеку от него, принесли кувшин с ароматным вином. Тот, кто принес вино, поставил его около жнецов и ушел. Перед тем, как выпить его, эти люди обычно переливали вино в кратер, для того чтобы смешать его с некоторым количеством воды. Но когда один юноша взял кувшин и стал переливать вино в кратер, из него выпала мертвая змея. Тогда жнецы, испугавшись, как бы не приключилась какая болезнь от этого напитка, сами стали пить только воду. А по окончании работы – якобы из человеколюбия – они подарили все вино человеку, страдавшему элефантиазом, решив, что умереть для него лучше, чем так жить. Он же, выпив его, выздоровел неким удивительным образом. Вся его бугристая кожа отпала словно панцирь рака. А та, что осталась, оказалась достаточно мягкой и походила на кожу лангустов и крабов, утративших свой панцирь»⁶¹⁸.

Помимо Малой Азии Гален совершил несколько путешествий по Средиземноморью, посетив Коринф, чтобы послушать лекции Нумизиана, лучшего анатома того времени, а затем Александрию, где провел целых четыре года, изучая анатомию непосредственно на сочлененных человеческих скелетах⁶¹⁹ и путешествуя. Об этих путешествиях он сохранил достаточно много рассказов в виде кратких историй и наблюдений, содержащих исторические и медицинские сведения, в частности, об образе жизни египтян и их эндемических заболеваниях. Гален упоминает о высокой смертности египтян, средняя продолжительность жизни которых не превышала 25-30 лет. Известно, что вскоре после отъезда Галена из Египта в период с 166 по 180 г. предположительно от эпидемии оспы население Египта сократилось на одну

⁶¹⁸ *De simpl. med.* XI, 1 (К. XII, 312).

⁶¹⁹ *De anat. adm.* I, 2 (Kühn II, 220-221). О путешествии Галена в Александрию см. Nutton 1993: 11-13 и von Staden 2004: 179-215.

треть⁶²⁰. Однако численность населения Александрии могла вполне сравниться с численностью столицы Империи. Гален пишет о том, что в этих двух городах проживало столько народа, что была вполне оправдана даже медицинская специализация, поскольку крайне редко можно встретить врача, который бы освоил все сферы медицинского искусства⁶²¹.

Гален сохранил воспоминания и о пище египтян, которую он считал крайне нездоровой. Египетское вино он называет слишком легким и водянистым⁶²². Вполне обычным делом, по его замечанию, было употребление в пищу древесных червей, гадюк и других змей⁶²³. Еще более дурной пищевой привычкой было поедание мяса обезьян, верблюдов и даже ослов. Но поскольку египтяне с давних времен привыкли употреблять мясо этих животных и были постоянно подвержены тяжелому физическому труду, они быстро выводят эту дурную пищу, так что она не успевает нанести вред телу⁶²⁴. Тем не менее, в некоторых случаях такие пищевые пристрастия не проходят бесследно и в условиях жаркого климата, который служит препятствием для выведения пищи, становятся причиной тяжелых заболеваний, таких как распространенный в этом регионе элефантиаз, о котором уже шла речь выше⁶²⁵.

В сочинениях по фармакологии Гален неоднократно упоминает о Египте в связи с большим числом лекарственных субстанций, ароматов и мазей, происходящих из этого региона, таких, например, как касторовое масло, масло из редьки и горчицы. В Александрии произрастало также эндемичное египетское дерево под названием *персея* (совр. *Cordia туха*, Кордия слизистая), чьи листья использовали в припарках против головной боли. Ценными терапевтическими свойствами обладала и египетская глина. Кроме

⁶²⁰ Scheidel 2001.

⁶²¹ *De part. art. med.* 2, 3 (CMG Suppl. Or. II, Kollesch, Nickel 1969: 29).

⁶²² *De diaeta Hipp.* III, 8 (CMG V 9, 1, Lyons 1969: 229).

⁶²³ *De alim. fac.* III, 2 (CMG V 4, 2, Helmreich 1923: 337).

⁶²⁴ *Ibid.* I, 2 (CMG V 4, 2, Helmreich 1923: 220).

⁶²⁵ *Ad Glauc. de med. meth.* II, 12 (K. XI, 142).

того, Гален сообщает о местном египетском обычай носить на шее амулеты из камней, якобы защищающие от болезней, и даже приводит цитаты из сочинений, приписываемых фараону Нехепсо⁶²⁶.

Множество интереснейших географических и геологических описаний оставил Гален и в ходе своих путешествий по восточному Средиземноморью во время первой поездки в Рим: по Фракии, Ликии, Македонии, Кипру и даже Палестине. Целью этих путешествий было знакомство с окружающей средой разных стран, которая влияет на здоровье и болезнь, исследование свойств местных трав и минералов и сбор лекарственных средств для личной аптеки «в количестве, достаточном на всю жизнь»⁶²⁷. Он пишет, что его интересовали, главным образом, ценные продукты минерального и растительного происхождения, входящие в состав различных рецептов: кадмий, медный и вулканический шлак, квасцы, медная руда, сульфат железа и медь⁶²⁸. В случае, если сам врач не в состоянии отправиться за нужными ингредиентами, Гален советовал обращаться за помощью к путешественникам, официальным лицам, пользующимся хорошей репутацией, или друзьям, проживающим в той или иной области, и предостерегал своих читателей от приобретения подделок и некачественных товаров, которые часто предлагали торговцы лекарствами. По свидетельству Галена он имел в своей аптеке лекарства, доставленные ему из Сирии, Палестины, Египта, Каппадокии, Понта, Македонии и западных провинций Империи, где обитают, по его замечанию, кельты и иберийцы, а также из областей, расположенных на противоположной стороне от Мавритании⁶²⁹. Главные результаты своих географических путешествий Гален описал в сочинениях по фармакологии, в частности, в обширном трактате «О свойстве простых лекарств» и в двух не менее объемных сочинениях «О лекарствах, составленных согласно видам» и «О лекарствах, составленных согласно местам».

⁶²⁶ *De simpl. med.* IX, 19 (К. XII, 207).

⁶²⁷ *Ibid.* IX, 3 (К. XII, 216).

⁶²⁸ *De antidot.* I, 2 (К. XIV, 7).

⁶²⁹ *Ibid.* (К. XIV, 8-9).

Яркий рассказ сохранил Гален о медных рудниках Кипра. Галена интересовал такой минерал, как кадмий или оксид цинка, получивший свое название от Кадмеи, древнего города в Беотии, где этот металл добывался в естественном состоянии. На Кипре кадмий добывался в медных рудниках г. Сол. Дополнительным этапом выработки этого металла был т. наз. *дифригий* (букв. «дважды оплавленный»). Оба эти вещества с давних времен были известны своими вяжущими, прижигающими и кровоостанавливающими свойствами и применялись при лечении ран и язв. Помимо кадмия и дифригия Гален стремился раздобыть для своей аптеки сульфат меди, сульфат железа и квасцы, которые также использовались для рубцевания различных ран. Путешествия на Кипр произвели на Галена сильное впечатление, поскольку тридцать лет спустя он так описывал рудники, на которых трудились в невыносимой жаре сотни рабов:

ἐν δ' οὖν τῇ Κύπρῳ, καθ' ὃν ἐγὼ καιρὸν ἐγενόμην ἐν αὐτῇ, τὸ φάρμακον τοῦτο τόνδε τὸν τρόπον ἐθεασάμην ἀθροιζόμενον. οἶκος ἦν μέγας μὲν, οὐ μὴν ὑψηλός γε προκείμενος τῆς εἰς τὸ μέταλλον εἰσόδου. καὶ τούτου τοῦ οἴκου κατὰ τὸν ἀριστερὸν τοῖχον, ὅστις ἦν τοῖς εἰσιοῦσιν κατὰ χεῖρα δεξιὰν, ἐξεκεκόλαπτο διώρυξ εἰς τὸν συνεχῆ λόφον, εῦρος μὲν ὡς ψαύειν ἀλλήλων τρεῖς ἄνδρας, ὕψος δὲ ὡς τὸν μακρότατον ἄνθρωπον ὀρθὸν δύνασθαι βαδίζειν. ἡ δὲ διώρυξ αὕτη κατάντης μὲν, οὐ μὴν ὀξεῖα γε καὶ κριμνώδης. ἐπὶ τῷ τέλει δ' αὐτῆς οὕσης ὡς σταδιαίας λάκκος ὕδατος χλωροῦ τε καὶ παχέος χλιαροῦ μεστὸς ἦν. ἐν ἀπάσῃ δὲ τῇ καταβάσει θερμασία παραπλησία τῇ κατὰ τοὺς πρώτους οἴκους τῶν βαλανείων, οὓς εἰώθασιν προμαλακτήρια καλεῖν. τὸ δὲ καθ' ἐκάστην ἡμέραν ἀθροιζόμενον ὕδωρ πλήθος ἦν ἀμφορέων Ῥωμαϊκῶν ὡς ὀκτὼ, κατὰ σταγόνας μικράς, ἐν ταῖς τέτταρσιν καὶ εἴκοσιν ὥραις δῆλης τῆς ἡμέρας καὶ νυκτὸς ἐκ τοῦ διατιτραμένου λόφου καταφερόμενον. ἀναφέροντες οὖν τὸ ὕδωρ τοῦτο πεδήται τινες ἐνέβαλον πυέλοις τετραγώνοις κατὰ τὸν προκείμενον οἶκον, ἐκ κεραμίων γεγονυίαις, ἐν αἷς πηγνύμενος ἡμέραις ὀλίγαις ἐγίνετο χάλκανθος.

«И вот, когда мне случилось оказаться на Кипре, я увидел, каким образом добывают это лекарство. Там было большое, но не высокое здание, расположенное перед входом в рудник. И в левой стене этого здания, которая была по правую руку входящим, был вырыт проход, ведущий к прилегающей горе, достаточно широкий, чтобы там можно было расположить вплотную трех человек, и достаточно высокий, чтобы там мог прямо идти во весь рост самый высокий человек. Этот проход был на склоне, однако он не был ни крутым, ни обрывистым. В конце него на расстоянии приблизительно одного стадия находилась яма, полная зеленой воды, тяжелой и теплой. Вдоль всего спуска температура была близка к той, которая поддерживается в первых зданиях бань, называемых обычно *промалактерий*. Собирающаяся каждый день вода поднималась в количестве приблизительно восьми римских амфор, просачиваясь маленькими каплями из стен вырытого прохода все двадцать четыре часа и днем и ночью. И вот, закованные в цепи рабы поднимали эту воду и выливали в четырехугольные глиняные бассейны перед зданием, где за несколько дней оседало отложение сульфата меди»⁶³⁰.

В сочинениях по фармакологии Гален упоминает и о своем путешествии в Ликию, где добывали камень *гагат*, упоминавшийся его старшими современниками – Диоскоридом (40-90 гг. н. э.) и Плинием Старшим (22/24-79 гг.). В трактате «О свойстве простых лекарств» Гален пишет о своем личном опыте по поиску одноименной реки Гагат, от которой, по его мнению, происходит название камня, замечая, что «лично я не смог увидеть эту реку, хотя проплыл вдоль всего ликийского побережья на маленьком судне в целях исследования находящихся там камней»⁶³¹. Таким образом, он еще раз подчеркивает свой статус не только врача, но и путешественника-

⁶³⁰ *De simpl. med.* IX, 34 (К. XII, 239-240).

⁶³¹ *Ibid.* IX, 10 (К. XII, 203).

исследователя и очевидца, который сообщает своим читателям информацию из первых рук, которая не может подлежать никаким сомнениям. Эта экспедиция Галена, по-видимому, не увенчалась успехом. Сохранившееся описание этого камня у Галена и Плинния указывает на то, что речь идет, скорее всего, о разновидности лигнита, ископаемой углефицированной древесины⁶³². В поисках этого минерала Гален позднее совершил поездку к Мертвому морю, чтобы раздобыть эти ценные «камни в виде пластинок черного цвета»⁶³³.

Из этого путешествия Гален привез также растение *ликий* (λύκιον), называемое еще *пиксакантом* (πυξακάνθος). Этот небольшой колючий кустарник произрастал преимущественно в Ликии и Каппадокии и обладал целым рядом лекарственных свойств⁶³⁴. Гален позднее советовал применять его в жидком виде при ушибах лица, опухолях и язвах ягодиц и полости рта, лишаях, гноящихся ранах, гнойных воспалениях ушей, царапинах и панариции. В сочетании с другими веществами настои из *ликия* обладали очищающим свойством, например, для рассеивания помутнения зрачка, а также вяжущим – в случае колик, дизентерии или гинекологических кровотечений.

Значительным историко-медицинским интересом обладают и его заметки о путешествии по Сирии и Палестине. Гален различает Сирию с г. Дамаском и Великую Сирию: Сирию-Палестину с г. Иерихоном, по-другому Келесирию, и Палестину. В Келесирии находилось Мертвое море, которое Гален называет чаще Асфальтовое озеро, поскольку в Античности из него извлекали асфальт или битум, использовавшийся в Египте для бальзамирования умерших⁶³⁵. Гален так описывает его медицинские свойства:

Καλλίστη δ' ἄσφαλτος γεννᾶται κατὰ τὴν νεκρὰν ὀνομαζομένην θάλασσαν. ἔστι δ' αὐτὴ λίμνη τις ἀλμυρὰ κατὰ τὴν κοίλην Συρίαν. ἡ δὲ δύναμις τοῦ φαρμάκου ξηραντική τ' ἔστι

⁶³² Moraux 1981: 67.

⁶³³ *De simpl. med.* IX, 2. 10 (К. XII, 203-204).

⁶³⁴ *Ibid.* VII, 11, 20 (К. XII, 63-64).

⁶³⁵ Boudon-Millot 2012: 113.

καὶ θερμαντικὴ κατὰ τὴν δευτέραν που τάξιν. εἰκότως οὖν αὐτῷ χρῶνται πρός γε τὰς κολλήσεις τῶν ἐναίμων τραυμάτων πρὸς τἄλλα, ὅσα ξηραίνειν δεόμενα μετὰ τοῦ θερμῆναι μετρίως.

«Лучший асфальт образуется в так называемом Мертвом море. Речь идет об одном соленом озере в Келесирии. Это лекарство обладает, во-первых, иссушающим свойством, а во-вторых, согревающим. Соответственно, его используют для заживления кровоточащих ран и во всех случаях, где требуется иссушение вместе с умеренным согреванием»⁶³⁶.

Подобно всем прочим путешественникам, впервые посетившим это место, он не скрывает своего удивления от необычных свойств воды Мертвого моря. Во-первых, как замечает Гален, в ней невозможно утонуть, а во-вторых, она совершенно непригодна для жизни⁶³⁷. Из этого путешествия Гален привез уже упомянутые камни черного цвета, которые при контакте с огнем издавали запах асфальта и использовались «при хронических отеках колена, трудно поддающихся лечению»⁶³⁸. Кроме того, он упоминает местные растения и субстанции растительного происхождения, которые он использовал при изготовлении лекарств: шафран, благовонные масла, нард, опобальзам, фисташки, сумах, индийскую крушину, алоэ и некий сирийский камень, который может быть мужским и женским⁶³⁹.

Отдельного упоминания заслуживают воспоминания Галена о его путешествии на о. Лемнос, где добывали знаменитые лечебные грязи, использовавшиеся при лечении многих заболеваний. Все в том же сочинении «О свойстве простых лекарств» Гален приводит длинный геолого-медицинский рассказ о разных видах почв. Он различает жирную черную почву, которую возделывают крестьяне, рассыпчатую и более светлую почву,

⁶³⁶ *De simpl. med.* XI, 10 (К. XII, 375).

⁶³⁷ *Ibid.* IV, 20 (К. XI, 690-693).

⁶³⁸ *Ibid.* IX, 2.10 (К. XII, 203-204).

⁶³⁹ *Ibid.* (К. XII-XIII).

напоминающую глину, а также смешанные почвы, содержащие мелкие камни или песок, которые нужно обильно промывать для отделения примесей. Приведем его рассказ об изготовлении лечебной грязи, изобилующий множеством подробностей и уточняющих характеристик:

τοιοῦτον γάρ τι καὶ κατὰ τὴν Λημνίαν γίνεται γῆν, ἣν μίλτον ὄνομάζουσιν ἔνιοι Λημνίαν. καὶ τινες ἄλλοι σφραγίδα Λημνίαν, διὰ τὴν ἐπιβαλλομένην αὐτῇ σφραγίδα τῆς Ἀρτέμιδος ἱεράν. ταύτην γάρ τοι τὴν γῆν ἡ ἱέρεια λαμβάνουσα μετά τινος ἐπιχωρίου τιμῆς, οὐ ζώων θυομένων, ἀλλὰ πυρῶν καὶ κριθῶν ἀντιδιδομένων τῷ χωρίῳ, κομίζει μὲν εἰς τὴν πόλιν ἀναφυράσασα ὅδατι καὶ πηλὸν ὑγρὸν ἐργασαμένη καὶ τοῦτον ταράξασα σφοδρῶς, εἴτ' ἐάσασα καταστῆναι, πρῶτον μὲν ἀφαιρεῖ τὸ ἐπιπολῆς ὅδωρ, εἴθ' ὑπ' αὐτῷ τὸ λιπαρὸν τῆς γῆς λαβοῦσα καὶ μόνον ἀπὸ λιποῦσα τὸ ὑφιζηκὸς λιθωδές τε καὶ ψαμμωδες, ὅπερ καὶ ἄχρηστόν ἐστιν ἄχρι τοσούτου ξηραίνει τὸν λιπαρὸν πηλὸν, ἄχρις ἂν εἰς σύστασιν ἀφίκηται μαλακοῦ κηροῦ, καὶ τούτου λαμβάνουσα μόρια σμικρὰ τὴν ἱερὰν τῆς Ἀρτέμιδος ἐπιβάλλει σφραγίδα, καὶ πειτα πάλιν ἐν σκιᾷ ξηραίνει, μέχρις ἂν ἀκριβῶς ἄνικμος ἀποτελεσθῇ, καὶ γένηται τοῦτο δὴ τὸ γινωσκόμενον ιατροῖς ἅπασι φάρμακον ἡ Λημνία σφραγίς. οὕτω γάρ αὐτὴν ὄνομάζουσιν, ὡς ἔφην, ἔνιοι διὰ τὴν ἐπιβαλλομένην αὐτῇ σφραγίδα, καθάπερ γε καὶ διὰ τὴν χρόαν ἔνιοι Λημνίαν μίλτον. ἔχει μὲν οὖν τὴν χρόαν τὴν αὐτὴν τῇ μίλτῳ, διαφέρει δ' αὐτῆς τῷ μὴ μολύνειν ἀπτομένην, καθάπερ ἐκείνην, καὶ κατὰ γε τὸν λόφον ἐν τῇ Λήμνῳ τὸν ὅλον ὅντα κιρρὸν τῇ χρόᾳ, καθ' ὃν οὔτε δένδρον ἐστὶν οὔτε πέτρα οὔτε φυτὸν, μόνη δ' ἡ τοιαύτη γῆ.

«Ибо нечто подобное представляет собой лемносская земля, которую одни называют лемносской охрой, а другие еще лемносской печатью, потому что она получает священную печать Артемиды. Ибо по местному обряду жрица отбирает для себя эту землю, принося в жертву не животных, но предлагая земле зерна пшеницы и ячменя. Она привозит эту землю в город и смешивает с водой, чтобы получилась жидкая грязь, которую она сильно вымешивает, прежде чем отложить. Затем, начиная

сливать поднявшуюся на поверхность воду и собирая густую часть земли, которая оказывается на дне, она высушивает эту густую часть, пока та не достигнет консистенции мягкого воска. Из нее она берет небольшие части и ставит на них священную печать Артемиды. Затем она снова дает ей высохнуть в тени, пока та не высохнет полностью и не станет этим лекарством, известным всем врачам как лемносская печать. Ибо одни называют ее так, как я уже сказал, из-за того, что она отмечена печатью, тогда как другие называют ее лемносской охрой из-за ее цвета. Она обладает таким же цветом, как охра, с тем только отличием, что не оставляет следа, если до нее дотронуться, как бывает в случае с охрой, и происходит с лемносского холма, который весь желтого цвета и не имеет ни дерева, ни камня, ни растения, но только такую землю»⁶⁴⁰.

По свидетельству Галена эта лемносская глина использовалась при лечении трудно рубцующихся ран, укусов ядовитых змей, моллюсков, насекомых и диких животных⁶⁴¹, и из этого путешествия он привез около двадцати тысяч таких таблеток, которые использовал в своей многолетней практике. Благодаря своим многочисленным путешествиям, которые не всегда можно точно датировать, Гален располагал в Риме одной из самых богатых фармакопей своего времени, которая включала в себя редкие и ценные субстанции минерального и растительного происхождения, входившие в состав различных лекарств. К сожалению, практически вся его коллекция погибла во время пожара в Риме в 192 г.⁶⁴².

⁶⁴⁰ *Ibid.* IX, 1.2 (К. XII, 169-170).

⁶⁴¹ *De simpl. med.* IX, 2 (Kühn XII, 174-175).

⁶⁴² О гибели своей аптеки и, в частности, большого количества противоядий, среди которых самым известным был т. наз. териак, Гален упоминает в трактате «О том, что не стоит печалиться» (*De ind.*, 6). Рус. пер. Пролыгина 2018: 181.

IV. 2. 3. Описание и анатомические демонстрации

В римской культуре, как показала в своем недавнем исследовании Д. ван Маль-Медер, присутствовала своего рода «эстетика ужасного», которая проявлялась как в пристрастии к цирковым играм и гладиаторским боям, так и в публичных демонстрациях научных экспериментов, в частности, медицинских, с разного рода операциями, ампутациями и вивисекциями⁶⁴³. Публичные вивисекции, которые проводил Гален, как следует из его текстов, были весьма популярны среди образованных слоев римского общества, проявлявшего живой интерес к тайнам тела (как животного, так и человеческого) и его страданиям. Зрелища предсмертной агонии и потрошения, на которые стекались римские жители, так же как на публичные казни и жестокие цирковые игры, были вполне естественным делом того времени и часто сопровождали медицинские дебаты.

Некоторые этические и эстетические ограничения, по всей видимости, все же существовали. Известно, что Гален, несмотря на то, что считал наиболее подходящим аналогом человеку приматов⁶⁴⁴, в некоторых случаях отказывался проводить вивисекцию обезьян из-за их криков и слишком человекоподобных выражений лиц, предпочитая заменять их свиньями, особенно при публичных демонстрациях⁶⁴⁵. Как показала В. Будон-Мийо Гален, по всей видимости, проводил строгое различие между диссекцией и вивисекцией, и между диссекцией обезьян и других животных⁶⁴⁶.

С другой стороны, стоит отметить, что в Античности, по крайней мере, в ее классический период медицинские исследования и эксперименты не вызывали у врачей никакого интереса. Большинство врачей лечили в основном только симптомы, не понимая внутренних причин болезней и часто объясняя

⁶⁴³ van Mal-Maeder 2007: 78-82.

⁶⁴⁴ Rocca 2003: 67-68.

⁶⁴⁵ *De anat. adm.* IX, 11, 18. Там же в II, 690 он замечает, что «это зрелище отвратительно» (εἰδεχθές τ' εἶναι τὸ θέαμα).

⁶⁴⁶ Boudon-Millot 2023: 97-106.

их божественным происхождением. Лечение также сочетало, как правило, эмпирические и магические методы⁶⁴⁷. И поскольку оно было нацелено, в первую очередь, на устранение конкретных симптомов, анатомии человека уделялось достаточно мало внимания. Некоторые знания о внутреннем строении тела врачи получали при осмотре ран, полученных на войне, или при осмотре тел во время эпидемий⁶⁴⁸. По всей видимости, первым в античном мире, кто стал проводить вскрытия животных и человеческих тел с целью эксперимента был Алкмеон Кротонский, живший в V в. до н. э. Известно, что он был основателем одной из самых ранних медицинских школ на территории Великой Греции и, подобно другим досократикам, интересовался физиологией, верифицируя свои теории анатомическим вскрытием⁶⁴⁹.

Однако, как показал Г. фон Штаден, вскрытие мертвых человеческих тел вызывало у греков глубокое отвращение в силу религиозно-нравственных представлений. Считалось, что труп человека оскверняет того, кто к нему прикасается, и душа усопшего не находит упокоения, пока тело не будет предано земле⁶⁵⁰. Анатомические знания, таким образом, базировались в основном на данных сравнительной анатомии, полученных в результате вивисекций разных животных, и на наблюдениях в ходе лечения различных ранений.

Единственное исключение в античном мире составляли Александрийские врачи III в. до н. э. Эразистрат и Герофил, которые проводили свои медицинские анатомические исследования, возможно, под покровительством Птолемеев⁶⁵¹ и практиковали анатомические вскрытия людей. Герофил Халкидонский (330/20-260/50 гг. до н. э.) считается

⁶⁴⁷ О зарождении медицины и первых медицинских экспериментах см. Ferngren 2014: 14-35; Lloyd 1979: 126-169; von Staden 1975.

⁶⁴⁸ Edelstein 1967: 247-301.

⁶⁴⁹ Ferngren 2017: 244.

⁶⁵⁰ Важность погребения усопшего, в частности, выступает главной темой в «Антигоне» Эсхила, см. также von Staden 1992: 223-241.

⁶⁵¹ Фон Штаден упоминает о том, что достоверных свидетельств о том, проводил ли кто-либо из врачей исследования в Мусейоне и пользовался ли поддержкой Птолемеев, не существует.

основателем научной анатомии. Он составил трактат по анатомии в 3 томах и совершил ряд важных открытий в области анатомии и физиологии, которые могли быть сделаны только благодаря изучению внутренней топографической анатомии⁶⁵². Он впервые стал различать двигательные (сухожилия) и чувствительные нервы (собственно нервы), открыл зрительный нерв, впервые описал строение печени, поджелудочной железы, мужской и женской репродуктивной системы, открыл основные желудочки головного мозга и сердечные клапаны. В области физиологии он впервые изложил и обосновал теорию пульса⁶⁵³. Кроме того, он значительно пополнил терминологической фонд медицинской лексики, введя новые медицинские термины, такие как, например, δωδεκαδάκτυλον (лат. калькированный перевод *duodenum*), «двенадцатиперстная кишка», или закрепив в виде медицинских терминов слова διαστολή (лат. транслитерация *diastola*), «диастола» и συστολή (лат. транслитерация *systola*), «систола» и др., которые и в настоящее время составляют часть анатомической номенклатуры⁶⁵⁴.

Согласно свидетельствам некоторых римских авторов⁶⁵⁵ Герофил и Эразистрат проводили вскрытия на еще живых людях, как правило, приговоренных к смерти преступниках, которых царь отдавал им для исследований. И хотя эта практика позволила совершить ряд важных медицинских открытий, отношение к вивисекциям оставалось крайне отрицательным. Еще Аристотель, который сам, по-видимому, прибегал к препарированию животных, будучи автором известного трактата «О частях животных», отмечал, что «нельзя без большого отвращения смотреть на то, из чего составлен человек, как-то: на кровь, кости, жилы и подобные части»⁶⁵⁶. Но наибольшее неприятие вызывала жестокость самой манипуляции, о которой Цельс, подытоживая дискуссии своего времени по этому вопросу,

⁶⁵² von Staden 1992: 224.

⁶⁵³ von Staden 1989.

⁶⁵⁴ Marcovecchio 1993; Чернявский 1984: 411-425; Terminologia anatomica 2003.

⁶⁵⁵ См. Celsus. *Med. proem.*; Tertullianus. *De anima*. 10, 4.

⁶⁵⁶ Arist. *Part. an.* I, 5 (645 A). Рус. пер. В. П. Карпова.

сказал: «Что же касается вскрытия, то рассекать тела живых людей и жестоко и нет необходимости, а вскрывать трупы умерших необходимо изучающим, поскольку они должны знать положение и порядок размещения органов»⁶⁵⁷.

Целесообразность проведения вивисекций была предметом эпистемологических и этических разногласий и между медицинскими школами. Сторонники доктрины школы полагали, что знание внутренней анатомии необходимо для выбора правильного лечения, а потому считали допустимым проведение вивисекций. Представители эмпирической школы, напротив, полагали, что ввиду множества противоречащих друг другу медицинских теорий, лечение больных должно основываться, главным образом, на опыте, а потому знание внутренних причин болезни бесполезно. Сторонники методической школы также осуждали вскрытия⁶⁵⁸. Несмотря на эти споры об этической стороне вивисекций среди представителей разных школ, у нас нет свидетельств о том, что кто-то из врачей проводил вскрытия на людях.

Само проведение анатомических демонстраций носило характер публичных выступлений по заранее заготовленным темам или проблемам, озвученным *ex promptu* в ходе дискуссии. С другой стороны, анатомические эксперименты могли проводиться частным образом для узкого круга интеллектуальной римской элиты. Это различие между общественным (δῆμοσίᾳ) и частным (ἰδίᾳ), публичной речью и частным наставлением, публичной вивисекцией и частным анатомическим исследованием, по мнению Г. фон Штадена, было отличительной чертой культуры Второй софистики⁶⁵⁹.

Рассмотрим отрывок из сочинения «Об анатомических процедурах», в котором Гален описывает анатомическую демонстрацию, объясняющую происхождение голоса. В начале рассказа он сообщает читателю, что в процессе фонации участвуют межреберные нервы, ответственные за

⁶⁵⁷ См. Celsus. *Med.*, proem, 41. Пер. Ю. Ф. Шульца. Ср. Plinius. *Hist. nat.* 29, 5, 11.

⁶⁵⁸ См. Фернгрен 2017: 247.

⁶⁵⁹ von Staden 1995: 50-52.

двигательную функцию внутренних межреберных мышц, которые необходимы для производства звуков. Соответственно, в случае разрыва двигательных нервов, контролирующих эти мышцы, пропадает и голос. Гален, как и во многих других местах этого сочинения, обращается к анонимному читателю во 2 лице, сопровождая рассказ множеством подробностей, начиная от выбора инструмента и заканчивая тактильными ощущениями, связанными с захватом и отделением межреберного нерва от межреберной мышцы. После общих указаний Гален дает следующие разъяснения:

ταῦτὸ μὲν οὖν σοι πράττειν ἔξεστι, καὶ μόνος ἐπὶ σαυτοῦ ποτ' ἔξετάζης, ὅποιόν τι πάσχει τὸ ζῶον ἐπὶ τοῖς νεύροις οὕτω διαληφθεῖσιν. ἐπιδεικνυμένῳ δὲ βέλτιόν ἐστιν αὐτῷ παρεσκευάσθαι τοῖς νεύροις ἅπασι λίνον ὑποβεβλημένον ἄνευ τοῦ δεδέσθαι· κέκραγε γάρ οὕτω παιόμενον, εἴτ' ἔξαίφνης ἄφωνον γινόμενον ἐπὶ τῷ σφιγγθῆναι τοῖς λίνοις.

«И вот, ты можешь сделать то же самое, даже если в какой-то момент ты самостоятельно исследуешь, что происходит с животным после того, как нервы прерываются таким образом⁶⁶⁰. И для совершения этой демонстрации лучше заготовить нить, подложенную под все эти нервы без их завязывания. Ибо пораженное таким образом [животное] кричит, а затем после перевязывания нервов нитями внезапно теряет голос»⁶⁶¹.

В этом отрывке Гален прямо говорит о том, что анатомическое вскрытие проводилось с целью наглядно продемонстрировать и тем самым доказать выдвигаемое теоретическое положение. Сам термин *ἐπίδειξις*, «демонстрация» или «наглядное доказательство», как известно, тесно связан с риторической культурой Второй софистикой. И хотя, как показал Г. фон Штаден, Гален не всегда проводит четкое различие между демонстрацией как доказательством (*ἀπόδειξις*) и демонстрацией как наглядным показом (*ἐπίδειξις*), выбор

⁶⁶⁰ То есть в результате их перевязки.

⁶⁶¹ *De anat. adm.* (К. II, 669).

терминологии явно не случаен⁶⁶². Здесь же Гален упоминает о том, что демонстрация может совершаться не только публично, но и самостоятельно (κἀν μόνος ἐπὶ σαυτοῦ ποτ' ἔξετάζης). Чуть ниже Гален пишет:

τὰ νεῦρα τοὺς θεατὰς ἐκπλήττει. Θαυμαστὸν γὰρ εἶναι δοκεῖ, νεύρων μικρῶν κατὰ τὸ μετάφρενον βροχισθέντων, ἀπόλλυσθαι τὴν φωνήν. ἔστωσαν δὲ πλείονες οἱ ὑπηρετούμενοί σοι κατὰ τὰς τοιαύτας ἐπιδείξεις, ἵνα ταχέως ἅπασι τοῖς νεύροις οἱ βρόχοι περιβληθῶσιν. ἐὰν μὲν οὖν μηκέτι λύειν ἐθέλησι αὐτοὺς, ὅπως ἀν ἥ σοι φίλον, οὕτως σφίγγε. βουλόμενος δὲ εὐθέως λῦσαι, καὶ δεῖξαι φωνοῦν αὐθίς τὸ ζῶον, (οὕτω γὰρ μᾶλλον οἱ θεαταὶ θαυμάζουσι,) ἀγκύλας τε κατὰ τοὺς βρόχους ἐπίβαλλε καὶ μετρίως σφίγγε. γενήσεται γάρ σοι πρὸς μὲν τὸ λῦσαι τάχεως ἡ ἀγκύλη χρήσιμος, ὡς τό γε τυφλὸν ἄμμα καλούμενον ἵκανῶς ἐστὶ δύσλυτον.

«[Эта процедура] поражает нервы зрителей, ибо кажется удивительным, что голос исчезает от перевязки крошечных нервов на спине. И при демонстрациях такого рода пусть при вас стоит много помощников, чтобы можно было быстро наложить петли вокруг всех нервов. И если ты уже не захочешь их развязывать, стягивай их так, как тебе угодно. Но, если ты захочешь их снова развязать и показать, что животное снова кричит (ибо таким образом зрители изумляются еще больше), наденьте кольца на петли и осторожно их зажмите, ибо для развязывания петель тебе пригодится кольцо, поскольку так называемый «слепой узел» достаточно сложно развязать»⁶⁶³.

В этом отрывке мы видим, что Гален уже говорит о публичной процедуре, и все его внимание сосредоточено на ее деталях, которые врач старается передать в точности своему читателю, посвященному в медицинское искусство. При этом зрители, непосвященные в тонкости хирургических

⁶⁶² Staden 1995: 53-54.

⁶⁶³ *De anat. adm.* II, 669-70.

манипуляций, удивляются (θαυμάζουσι) результатам эксперимента и воспринимают происходящее как чудеса (θαύματα). Таким образом, для раскрытия необходимой Галену информации он обращается к противопоставлению эрудированного читателя прочей непосвященной аудитории.

Гален, видимо, лично способствовал распространению интереса к анатомии в высшем римском обществе и активно участвовал в публичном анатомировании, носившем, как правило, агонистический характер. И, судя по всему, эти демонстрации, сопровождавшиеся дебатами с конкурентами, принесли Галену славу и уважение в медицинском сообществе. При этом следует отметить, что в своих рассказах он старался избегать излишнего натурализма и пафосности, сочетая в описании той или иной сцены клиническую точность и эмоциональную сдержанность. Если же не удавалось избежать детализации ввиду необходимости создать визуальный образ и убедить читателей, Гален старается делать это максимально корректно. К. Пети считает, что его можно считать основателем своего рода научного жанра анатомического описания, основанного на объективности поступков анатома⁶⁶⁴. В качестве примера можно привести рассказ из его главного сочинения по анатомии «Об анатомических процедурах» об операции на открытом сердце, проведенной одному из рабов:

Ἐπεὶ δ' ἄπαξ ἐμνημόνευσα τοῦ θεραπευθέντος παιδὸς, οὐδὲν ἀν εἴη χεῖρον ἄπαντα διηγήσασθαι τὰ κατ' αὐτὸν, γενόμενα· διὰ γὰρ τὸ χρήσιμον τῆς ἴστορίας, εἰ καὶ μὴ τῆς παρούσης πραγματείας ἵδιόν ἐστι, βέλτιον αὐτὰ οἰηθῆναι. πληγεὶς ἐκεῖνος ὁ παῖς ἐν παλαίστρᾳ κατὰ τὸ στέρνον, ἡμελήθη μὲν τὸ πρῶτον, ὅστερον δ' οὐ καλῶς προύνοήθη. καὶ μετὰ τέσσαράς που μῆνας ἐφάνη πῦον ἐν τῷ πληγέντι μορίῳ. τοῦτο κομίσασθαι βουλόμενος ὁ θεραπεύων, ἔτεμε τὸν παῖδα, καὶ, ὡς ὤετο, διὰ ταχέων εἰς οὐλὴν ἥγαγεν. εἰτ' αὐθις ἐφλέγμηνε, καὶ αὐθις ἀπέστη, καὶ αὐθις ἐτμήθη, καὶ οὐκέθ' οἶόν τε εἰς οὐλὴν ἀχθῆναι.

⁶⁶⁴ Petit 2018: 154.

ταῦτ' ἄρα καὶ ὁ δεσπότης αὐτοῦ, πλείονας ἀθροίσας ἰατροὺς, ἐν οἷς ἦν κάγῳ, σκοπεῖσθαι περὶ τῆς ἱάσεως ἐκέλευσεν. ὃς δὲ πᾶσιν ἐδόκει σφάκελος εἶναι τοῦ στέρνου τὸ πάθος, ἐφαίνετο δὲ καὶ ἡ τῆς καρδίας κίνησις ἐκ τῶν ἀριστερῶν αὐτοῦ μερῶν, οὐδεὶς ἐκκόπτειν ἐτόλμα τὸ πεπονθός ὀστοῦν· ὥοντο γάρ, ἐξ ἀνάγκης ἐπ' αὐτῷ σύντρησιν ἔσεσθαι τοῦ θώρακος. ἐγὼ δ' ἐκκόψειν μὲν ἔφην αὐτὸ χωρὶς τοῦ τὴν καλουμένην ἴδιως ὑπὸ τῶν ἰατρῶν σύντρησιν ἐργάσασθαι· περὶ μέντοι τῆς παντελοῦς ἱάσεως οὐδὲν ἐπηγγελλόμην, ἀδήλου ὄντος, εἰ πέπονθε καὶ μέχρι πόσου πέπονθε τῶν ὑποκειμένων τι τῷ στέρνῳ. γυμνωθέντος οὖν τοῦ χωρίου, πλέον οὐδὲν ἐφάνη τοῦ στέρνου πεπονθός, ἢ ὅπερ ἐξ ἀρχῆς εὐθὺς ἐφαίνετο. διὸ καὶ μᾶλλον ἐθάρρησα πρὸς τὴν χειρουργίαν ἐλθεῖν, ἀπαθῶν γε τῶν ἐκατέρωθεν ὀφθέντων περάτων, οἵς ὑποπεφύκασιν αἵ τ' ἀρτηρίαι καὶ φλέβες. ἐκκοπέντος δὲ τοῦ πεπονθότος ὀστοῦ κατ' ἐκεῖνον μάλιστα τὸν τόπον, ἐν ᾧ ἐμπέφυκεν ἡ τοιαύτη κορυφὴ τοῦ περικαρδίου, καὶ φανείσης γυμνῆς τῆς καρδίας, ἐσέσηπτο γάρ ὁ περικάρδιος κατὰ τοῦτο, παραχρῆμα μὲν οὐκ ἀγαθὴν ἐλπίδα περὶ τοῦ παιδὸς εἴχομεν, ὑγιάσθη δὲ εἰς τὸ παντελὲς οὐκ ἐν πολλῷ χρόνῳ.

«Поскольку однажды я уже упоминал о мальчике⁶⁶⁵, которого вылечил, наверно, не будет ничего плохого в том, если я расскажу обо всем случившемся с ним. Ибо даже если это не имеет прямого отношения к теме трактата, хорошо было бы поразмыслить об этом из-за пользы этой истории. Этот мальчик получил в палестре удар в грудину, и сначала на него не обратили внимания, а позже плохо заботились. Спустя где-то четыре месяца в месте удара возникло нагноение. Лечивший его врач, желая его устраниТЬ, произвел вскрытие мальчика, и, как он и полагал, вскоре рана затянулась. Затем она снова воспалилась, и снова разошлась, и снова провели вскрытие, и рана уже не заживала. Тогда его хозяин, собрав нескольких врачей, среди которых был и я, повелел обсудить лечение. И поскольку всем казалось, что это заболевание – гангрена

⁶⁶⁵ Греч. παῖς может означать как мальчика, так и раба.

грудины, и даже можно было увидеть движение сердца слева от пораженной области, никто не рисковал делать резекцию больной кости. Ибо они полагали, что операция неизбежно приведет к прободению грудной клетки. Я же сказал, что выполню резекцию кости без того, что врачи, собственно, называют перфорацией. Однако я совершенно не обещал полного излечения, потому что было неизвестно, поражены ли части ниже грудины, и если поражены, то до какой степени. И вот, когда это место было обнажено, оказалось, что грудинка пострадала не более, чем казалось на первый взгляд. И это придало мне смелости приступить к хирургической операции, поскольку ребра с обеих сторон, под которыми расположены артерии и вены, внешне не пострадали. И когда больная кость была иссечена, главным образом, в том месте, где находится верхушка перикарда, и сердце оказалось обнажено, поскольку перикард в том месте был поражен гнойным воспалением, мы не имели в то время хороших надежд на мальчика. Однако достаточно скоро он полностью выздоровел»⁶⁶⁶.

В приведенном отрывке Гален говорит о том, что приступил к операции с некоторой неуверенностью в успехе, но все же решился ее провести, полагаясь на свое врачебное мастерство, тогда как все прочие отказались. Однако он совершенно не описывает и не упоминает о каких-либо физических страданиях пациента или о способах обезболивания, и это не единичный случай. Гален почти всегда старается избежать натуралистических подробностей при описании своих операций или препарирований, ограничиваясь только технической и практической стороной манипуляций.

Пожалуй, единственное исключение из этой общей тенденции составляет текст VIII большой декламации Псевдо-Квинтилиана, фрагмент из которой приводит в своей статье о вивисекции Г. Фернгрен⁶⁶⁷. Сам текст

⁶⁶⁶ *De anat. adm.* VII, 13 (К. II, 632-633).

⁶⁶⁷ Фернгрен 2017: 249.

датируется приблизительно второй половиной II в., то есть по времени он близок к эпохе Галена, и представляет собой разновидность *контроверсии* – риторического упражнения в виде вымышенной речи для защиты в учебном судебном деле. Темой декламации было вскрытие одного из братьев близнецов для выяснения причин их заболевания. С согласия отца один из врачей вскрыл юношу и исследовал его органы, в результате один из братьев умер, а второй исцелился. Мать близнецов обвинила отца в убийстве, поэтому декламация построена как речь обвинителя в суде. Описание вскрытия содержит множество натуралистических и драматических подробностей агонии ребенка и рассчитано на то, чтобы произвести соответствующее впечатление на слушателей. Эта речь представляет собой единственный пример описания ужасов медицинского опыта. Гален же, как правило, стремится дать отстраненное и объективное описание анатомирования.

В некоторых случаях Гален упоминает о трудности сохранить самообладание при вскрытии животных или сильных кровотечениях, которые могут возникнуть в результате неточного действия хирурга. Но иногда объектом наблюдения и даже эксперимента становился сам пациент, тяжелая болезнь которого могла стать примером для изучения анатомии у постели больного. В другом отрывке из сочинения «Об анатомических процедурах» он приводит случай пациента, ставшего жертвой эпидемии антракса⁶⁶⁸, которая свирепствовала в Малой Азии приблизительно в 146 г.:

πολλῶν γοῦν ἐψιλώθη μόρια τοῦ δέρματος, τινῶν δὲ καὶ τῆς σαρκὸς αὐτῆς ἐκ τῶν ἐπιδημησάντων ἀνθράκων ἐν πολλαῖς τῶν ἐν Ἀσίᾳ πόλεων. ἐγὼ δὲ ἐν τῇ πατρίδι κατ’ ἐκεῖνον ἔτι διέτριβον τὸν χρόνον, ὑπὸ Σατύρῳ παιδευόμενος, ἔτος ἦδη τέταρτον ἐπιδημοῦντι τῇ Περγάμῳ μετὰ Κοστούνιου Ρουφίνου, κατασκευάζοντος ἡμῖν τὸν νεών τοῦ Διὸς Ἀσκληπιοῦ. <...>. ὅσοι μὲν οὖν ἡμῶν ἐτεθέαντο, Σατύρου ἀνατέμνοντος τῶν ἐψιλωμένων τι μορίων, ἐτοίμως τ’ ἐγνωρίζομεν αὐτὰ καὶ διηρθρωμένην ἐποιούμεθα τὴν

⁶⁶⁸ Ἀνθραξ мог обозначать либо оспу, либо какое-то другое инфекционное заболевание с образованием гнойных язв. Возможно, речь шла о сибирской язве.

διάγνωσιν, ἐπιτάττοντες τοῖς κάμνουσι, κινεῖσθαι τινα κίνησιν, ἢν ἡπιστάμεθα διὰ τοῦδέ τινος ἐπιτελεῖσθαι μυός, ὀλίγον τι παραστέλλοντες καὶ παρατρέποντες ἐνίοτε τοὺς μῆς ὑπὲρ τοῦ θεάσασθαι παρακειμένην ἀρτηρίαν μεγάλην ἢ νεῦρον ἢ φλέβα. τοὺς δ' ἄλλους ἀπαντας ἐωρῶμεν οἶν τυφλοὺς ἀγνοοῦντάς τε τὰ γεγυμνωμένα μόρια, καὶ πάσχοντας ἐξ ἀνάγκης δυοῖν θάτερον, ἢ πολλὰ μέρη τῶν ἐψιλωμένων μυῶν ἐπαίροντάς τε καὶ παρατρέποντας, ἐξ ὧν ἀνιαροὶ οἱ κάμνοντες ἐγίγνοντο, μάτην ἐνοχλοῦντας, ἢ μηδὲ τὴν ἀρχὴν ἐπιχειροῦντας θέᾳ τοιαύτῃ· τὸ μὲν γάρ προστάξαι τῷ κάμνοντι τὴν προσήκουσαν κίνησιν κινῆσαι τὸ μόριον οἱ ἐν ἔθει μᾶλλον ἡπίσταντο. ἔγνων οὖν ἐναργῶς ἐκ τουτωνὶ τὴν τραυματικὴν θέαν τοῖς μὲν ἥδη τι προδεδειγμένοις βεβαιοῦσαν ἢ μεμαθήκασι, τοῖς δ' οὐδὲν προεπισταμένοις ἀδυνατοῦσαν διδάσκειν τὸ πᾶν.

«И вот, во время эпидемии антракса, свирепствовавшей во многих городах Азии, многие люди лишились части кожи, а некоторые – и самой плоти. Я же в то время еще находился в своем родном городе, обучаясь у Сатира, который пребывал уже четвертый год в Пергаме одновременно с Костунием Руфином, построившим для нас храм Зевса-Асклепия. <...> И вот, когда Сатир рассек одну из обнажившихся частей, те из нас, кто наблюдал за этим, сразу распознали их и поставили четкий диагноз, повелевая страждущим выполнить определенное движение, которое, как нам было известно, совершалось определенной мышцей. И мы слегка оттягивали и иногда отводили мышцы в сторону, чтобы увидеть расположенную рядом крупную артерию, или нерв, или вену. Все же прочие, как мы заметили, оказались подобны слепцам и не знали обнаженных частей, неизбежно допуская одну из двух ошибок: либо они поднимали и отводили в сторону многие части оголенных мышц, от чего больные, которых они вынуждали напрасно страдать, становились неизлечимыми, либо даже не предпринимали попытку такого рода обследования. Ибо какое указание дать пациенту относительно совершения необходимого движения той или иной части лучше знали те,

кто имел подобную практику. Я же отчетливо понял из этого, что осмотр ран подтверждает знания тех, кто уже предварительно учился, в то время как тех, кто предварительно ничему не научился, он не способен вообще ничему научить»⁶⁶⁹.

Этот отрывок показывает живой интерес Галена к анатомии при осмотре пациентов, страдающих от антракса, при котором плоть и кости больных обнажались. Кроме того, из рассказа следует, что уровень подготовки молодых врачей был разным, и ученики Сатира, к которым относился и Гален, заметно отличались своими знаниями от прочих сверстников, которые не имели предварительной теоретической подготовки в изучении анатомии. Гален, по всей видимости, не столько стремился напугать читателя, демонстрируя ему отсутствие сострадания у молодых врачей, которые из любопытства копались в плоти больного, сколько хотел указать на недостаточность и бесполезность изучения анатомии только на примере клинических случаев, которая приводит к тому, что врачи наносят пациенту вред и причиняют ему напрасные страдания. Тем не менее, с точки зрения читателя-пациента этот отрывок выглядел, несомненно, как пример жалкой участи больного, который оказывается жертвой врача, использующего его случай как возможность пополнить свои медицинские знания и в роли которого может оказаться каждый. По этому поводу Плиний писал, что «врачи приобретают свои знания, подвергая нас опасности и ставя опыты ценой наших жизней»⁶⁷⁰. С точки же зрения читателя-врача, которому, главным образом, и был адресован этот трактат, история показывает возможности изучения практической анатомии на примере болезни с осмотром различных мышц и тканей, и бесполезность и опасность только эпизодического изучения анатомии.

⁶⁶⁹ *De anat. adm.* I, 2 (К. II, 225-226).

⁶⁷⁰ Плиний. *Hist. nat.* 29, 5, 11.

Стоит обратить внимание на то, что, как и в предыдущем рассказе, Гален не упоминает ни о страданиях, ни о боли или страхе пациентов. Он дает лишь трезвую и холодную оценку, лишенную всякой эмоциональности, и рассуждает о практической научной пользе клинического случая. Пациенты, о которых Гален упоминает во множественном числе, представляют собой лишь медицинский случай и риторический *exemplum*, которому врач дает отстраненную оценку в отличие от вышеприведенного натуралистичного описания Псевдо-Квинтилиана, где акцент делается именно на страданиях пациента.

Таким образом, Гален, следуя в целом риторической традиции своего времени, предполагающей наглядность и доказательность речи, придерживается сдержанного тона при описании «ужасов». Описывая в сочинении «Об анатомических процедурах» в хронологическом порядке вивисекции животных, он хоть и стремится произвести впечатление на читателя, но старается предельно корректно изображать страдания, описывая их только в той мере, которая необходима для достижения ясности речи. Можно сказать поэтому, что в своем медицинском дискурсе он не в полной мере использует возможности анатомического описания: показывая точность жестов и манипуляций врача, он утверждает свой научный авторитет как анатома и врача, жертвуя при этом яркостью и красочностью, как это не жестоко звучит, возможного анатомического описания, которое могло бы служить дополнительным источником доказательности приводимого им примера.

Выводы

В результате исследования повествовательной традиции у Галена можно сделать несколько выводов. Прежде всего, следует отметить, что Гален, несомненно, был не только наследником письменной медицинской традиции, но и греческой литературной традиции в целом, которая восходит к классической прозе Фукидида. Он прекрасно владел риторическими

приемами, позволяющими обогатить его рассказы ссылками и аллюзиями на классических авторов, вызывая неизменное восхищение у читателей, многие из которых принадлежали кругу римских интеллектуалов. И хотя Гален не упускал случая подчеркнуть свою принадлежность греческой образованности, в своих рассказах и описаниях он выработал собственный стиль научного медицинского повествования, достаточно умеренный и сдержанный, сознательно дистанцируясь как от сухих заметок «Эпидемий» Гиппократа, так и от нарочито пафосных рассказов Аретея Каппадокийского и натурализма Псевдо-Квинтилиана. К литературным особенностям его нарративов можно отнести повествовательный параллелизм, который способствовал усилению аргументации и демонстрации эволюции его метода лечения; введение медицинского экфрасиса и интертекстуальность. Гален часто вплетает в свои тексты многочисленные отсылки к Гиппократу, греческой литературе и современным ему авторам, что делает его сочинения частью культурного контекста его времени.

Из рассказов Галена следует, что одним из его главных качеств, которые выгодно отличали его от сокурсников и конкурентов, была наблюдательность, теоретическая подготовка, а со временем и богатый практический опыт. Эти качества позволяли ему трезво и отстраненно оценивать каждый клинический случай или проводить анатомическую демонстрацию. И несмотря на то, что «наглядность» (*ἐνάργεια*) в его повествовании не выдвигается на первый план, она позволяет ему создавать запоминающиеся рассказы, портреты и образы.

Основной целью рассказов и описаний Галена, будь то медицинских: анатомических или клинических, или исторических и географических была передача знаний и их польза и убедительность. Кроме того, он не отказывается при случае и от возможности развлечь слушателей или проиллюстрировать то или иное утверждение. Таким образом, рассказы и описания Галена могли выполнять сразу несколько функций: аргументативно-риторическую, поскольку истории болезней служили доказательством его медицинских теорий, подтверждая эффективность его методов лечения, и усиливали

убедительность за счет наглядности (*ἐνάργεια*) и ясности (*σαφήνεια*); научно-дидактическую, поскольку они передавали его опыт и служили иллюстрацией его верной диагностики и терапии и, наконец, развлекательную, поскольку они могли содержать элементы драматизма и аллюзий на литературные сюжеты (например, история о любовной болезни жены Юста или похвала молоку из Стабий).

Нarrативы Галена обладают важным историко-культурным значением, поскольку содержат ценную информацию о жизни римского общества, например, о крупных исторических событиях: эпидемиях или голоде, который он описывает в трактате «О хороших и плохих соках»; быте разных социальных слоев, медицинской практике и др. Сравнивая свои достижения в области упорядочивания предшествующих медицинских знаний с масштабными строительными проектами Траяна, Гален демонстрирует понимание истории, своего места в ней и подчеркивает свою роль в развитии и совершенствовании медицинского знания.

И, наконец, повествование для Галена часто служит возможностью представить свой моральный и интеллектуальный автопортрет и упрочить свой авторитет врача, изобретателя уникального «терапевтического метода». Истории болезней в одном и том же сочинении часто следуют в хронологическом порядке, повествуя сначала о первых годах обучения Галена и еще недостатке опыта, а потом уже о зрелом возрасте, когда он дает безошибочную оценку состоянию больного, применяя весь свой опыт и знания для его правильного лечения. Рассказы о путешествиях и экспериментах подчеркивают его личный опыт, эрудицию и профессиональный рост. Таким образом, даже если Гален не говорит напрямую о себе, приводимые им рассказы дорисовывают его портрет.

Таким образом, нарративы Галена представляют собой уникальный синтез медицинского, риторического и исторического дискурсов. Созданная Галеном новая модель медицинского повествования, которую отличает строгость и точность клинического и анатомического наблюдения, отсутствие излишней

эмоциональности и натурализма, использование логического метода, апелляция к практике и опыту, обширная эрудиция в разных областях знания, а также творческий подход к решению конкретной проблемы, стала риторической парадигмой для всех будущих врачей. Рассказы и описания у Галена служат важным инструментом научной коммуникации, сочетающей доказательность, наглядность и литературное мастерство, показывая, что медицинские тексты могут не только информативными, но и обладать высокими литературными качествами, ориентированными не только на коллег-врачей, но и на интеллектуалов своего времени, принадлежащих к культуре Второй софистики.

Глава V. ГАЛЕН И ЕГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

В этой главе мы рассмотрим некоторые риторические аспекты автобиографических заметок Галена, которые рассеяны по всему корпусу его сочинений и, несомненно, заслуживают отдельного серьезного исследования. Эти личные воспоминания ставят ряд вопросов, касающихся способов Галена говорить о себе и его целях. Отражают ли они реальные исторические события и его личность или же служат одним из риторических приемов для обоснования и усиления других аспектов его сочинений? Прежде всего, следует отметить, что практически все типы галеновских текстов носят автобиографический характер. Можно привести слова Ст. Менна о фрагментарном и разрозненном характере замечаний Галена: «Гален не написал ни одного канонического текста под названием «Автобиография», которое могло бы послужить примером для всех более поздних авторов; скорее, он говорит о себе во многих местах, приспосабливаясь к требованиям контекста, главным образом в сочинениях «О собственных книгах», «О порядке своих книг» и «О распознавании и лечении страстей и заблуждений души», но также в разрозненных отрывках во многих других произведениях»⁶⁷¹. Мы попытаемся рассмотреть не только вопросы, касающиеся того, что и как Гален говорит о себе, но и как его текст свидетельствует о нем.

Отдельные автобиографические свидетельства Галена, в частности, о его детстве, воспитании и путешествиях были достаточно хорошо исследованы в ряде работ, посвященных зарождению биографического и автобиографического жанра в греко-римский период⁶⁷², или установлению хронологии его сочинений⁶⁷³. Однако исследования этого жанра именно у

⁶⁷¹ Menn 2003: 147.

⁶⁷² Bompaire 1993: 199-209; Nutton 1972: 50-62. Жанровый статус античной биографии и автобиографии не идентичен. Биография уже в Античности была жанром ($\betaίος$, *vita*), а автобиография (отдельного термина не существовало) распадалась на отдельные *genera*, см. Misch 1950: 328-332, Аверинцев 1973: 40, 45; Бахтин 2012: 385-389.

⁶⁷³ Nutton 1973; Ilberg 1889, 1892, 1897; Singer 2013: 34-41.

Галена до недавнего времени появлялись достаточно редко, несмотря на изобилие у него автобиографического материала⁶⁷⁴. Интерес к этой теме резко возрос после публикации в 2010 г. трактата «О том, что не стоит печалиться» (*De indolentia*)⁶⁷⁵. В частности, был поднят вопрос о целесообразности искусственного разделения областей античных наук и отдельного рассмотрения «технических» текстов и литературных. В исследованиях, посвященных «жизнеописаниям» позднеантичных ученых (напр., Плотина или Аполлония Тианского) и риторическим аспектам этого жанра, Гален, как правило, не рассматривается вовсе⁶⁷⁶. То же самое можно сказать и об исследованиях античных автобиографий (напр., Сенеки, Элия Аристида, Марка Аврелия, позднее – Либания): тексты эти авторов были изучены намного лучше, чем тексты Галена. Такой пробел в исследованиях Галена обусловлен, прежде всего, все еще ограниченным числом критических изданий и современных переводов, а также большим объемом корпуса текстов, что затрудняет доступ исследователей к анализу совокупности его личных свидетельств, не имеющих аналога в античной литературе.

Каждый автобиографический рассказ Галена, на наш взгляд, выполняет определенную литературную функцию. Иногда Гален приводит один рассказ, иногда целую серию примеров, одни рассказы содержат более детальную информацию, другие носят общий характер. Мы постараемся рассмотреть, как его повествование о самом себе вписано в литературный, социальный и культурный контекст его времени; какую функцию оно выполняет в медицинском и философском дискурсе его сочинений и можно ли говорить об автобиографии в корпусе сочинений Галена.

⁶⁷⁴ Биография и портрет Галена как литературного и исторического персонажа представлены в исследованиях Boudon-Millot 2012 и Nutton 2020; в научно-популярном стиле написана биография Галена у Mattern 2008; о средневековых биографиях Галена см. Swain 2006. Также см. Raiola 2015 и Vegetti 2013.

⁶⁷⁵ Boudon-Millot, Jouanna 2010. Рус. пер. Пролыгина 2018-19.

⁶⁷⁶ Cox Miller 1983; Hägg 2012.

V. 1. Проблема и методы «периавтологии»

В сочинениях Галена значительное число повествований ведется от первого лица. И Гален был не первым медицинским автором, кто стал описывать таким образом свой личный опыт и выражать свое мнение. Уже в «Гиппократовом сборнике» речь от первого лица играла важную роль в контексте полемики между автором и «другими»⁶⁷⁷. Необходимо отметить, что в технической греческой литературе, особенно, медицинской, исключительно важна роль личного опыта и наблюдения собственными глазами, т. наз. *autopsia*, главным образом, при описании клинических случаев, которое ведется от первого лица. С другой стороны, противопоставление первого лица – второму или третьему играет важную роль в полемических медицинских текстах.

Сам термин *περιαυτολογέω* впервые встречается достаточно поздно, у Филодема, философа-эпикурейца I в. до н. э., в трактате «О хорошем правителе согласно Гомеру»⁶⁷⁸ и зафиксирован у Плутарха, Секста Эмпирика, Оригена и др.⁶⁷⁹. В политических речах возникала необходимость перечислять свои заслуги перед отечеством, то есть хвалить себя самого (*ἐπαινεῖν ἑαυτόν*). В судебном красноречии описание поведения, характера, качеств и заслуг ответчика было неотъемлемой частью апологии. Авторы античных риторических трактатов даже указывают, в какой части речи лучше допускать эту похвалу самому себе – во вступлении или в разного рода отступлениях в качестве дополнительной аргументации⁶⁸⁰. Это навык отрабатывался и в учебных тренировочных декламациях (*μελέται*), составление которых относилось к одной из высших ступеней античного образования. И, наконец,

⁶⁷⁷ Например, в сочинении «О переломах». О зарождении «научной» риторики см. van der Eijk 1997: 77-129 (о роли первого лица – 115-119).

⁶⁷⁸ XXXIX, 29.

⁶⁷⁹ Plutarchus. *De aud. poet.* 29 B, *De laud. ips.* 539 E; *Sext. Emp. Pyr.* I, 62; *Orig. Contra Cels.* II, 48.

⁶⁸⁰ Aristot. *Rhetor.* I, 1365 a 28-29; III, 1418 b 23-27; *Ad Herenn.* I, 8; Cicero. *Inv. rhet.* I, 22, 97; II, 35, 106-107; Dion. Halicarn. *Lys.* 17, 2 и др.

periavtologia играла важную роль в торжественном красноречии в разного рода панегириках. Восхваляя правителя, оратор должен был представить и себя в наилучшем свете, чтобы снискать благорасположение к себе или своему городу. В римской империи, при вступлении в должность необходимо было произнести т. наз. *gratiarum actio* императору за свое назначение, не забыв при этом упомянуть о своей карьере и заслугах, дабы повысить собственный политический авторитет⁶⁸¹.

Корпус текстов Галена значительно превышает объем текстов «Гиппократова сборника». Он жил и писал в обществе, которое сильно отличалось от общества городов классической Греции. В императорскую эпоху выражение личного мнения, речь от первого лица и значение личного опыта приобретают значение, которое ранее этим аспектам не придавалось. Например, современник Галена, Элий Аристид написал совершенно оригинальное сочинение под названием «Священные речи», в котором описал свой личный опыт общения с богом Асклепием. В «Размышлениях» Марка Аврелия описывается обращение автора к себе самому. Аналогичные тексты появляются и в латинской литературе того периода, например, у Цицерона и Сенеки⁶⁸². Таким образом, автобиография Галена должна рассматриваться в контексте этой достаточно богатой и стилистически разнообразной литературной традиции⁶⁸³.

Повествование от первого лица всегда представляло собой затруднение для античных авторов⁶⁸⁴. Необходимо было подобрать подходящий тон речи в рассуждении о себе, так чтобы высказывание не носило характера самовосхваления. В риторике независимо от жанра (судебного, политического или эпидейктического) достаточно рано появляются завуалированные,

⁶⁸¹ Пролыгина 2024: 498-500.

⁶⁸² Misch 1950. II и III главы этого исследования посвящены Цицерону, Сенеке, Лукиану, Марку Аврелию, Элию Аристиду и Эпиктету.

⁶⁸³ Среди исследований, посвященных античной автобиографии, следует назвать также Momigliano 1971 и Baslez, Hoffmann, Pernot 1993.

⁶⁸⁴ О проблемах и методах т. наз. *periavtologia* в этической и риторической греко-римской традиции см. Pernot 1998; об этой проблеме у Аристида см. Rutherford 1995.

технические способы выражения такой похвалы себе самому или своей точке зрения, а владение ими становится признаком ораторского мастерства. Античные авторы характеризуют ее как ἐπαχθής⁶⁸⁵, φορτικός⁶⁸⁶ и ἐπίφθονος⁶⁸⁷, то есть как «тягостную», «неприятную» и «ненавистную». По возможности ее следовало избегать или заранее приносить извинения за неизбежность упоминания о себе. Сохранилось даже небольшое сочинение Плутарха под названием «Как хвалить самого себя, не вызывая неприязни», в котором автор дает советы по этому вопросу, констатируя, что этот тип речи «столь ненавистен и неприятен, как ни один другой»⁶⁸⁸. Тот, кто хвалит сам себя, нарушает правила общественной морали и ставит слушателя в затруднительное положение, заставляя его либо испытывать зависть, либо становиться льстецом. Квинтилиан в «Риторических наставлениях» говорит о том, что тот, кто хвалит сам себя, демонстрирует свое превосходство над другим, обесценивая и унижая другого, поэтому подобное поведение считается грубым и варварским⁶⁸⁹. Гален, будучи наследником этой риторической и этической традиции, конечно, не мог игнорировать эту проблему.

Как мы покажем далее, Гален уверенно использует целый ряд риторических приемов, чтобы говорить о себе. Большинство из них хорошо известны из сочинений теоретиков стиля этого периода, например, Гермогена и Псевдо-Элия Аристида⁶⁹⁰. Согласно изложенным у этих авторов методам самовосхваление допустимо, если оно представлено как вынужденная необходимость, если речь ведется от имени другого лица (*prosopopoea*),

⁶⁸⁵ Plato. *Charm.* 158 d; *Phaed.* 87 a; Demosth. *De cor.* 10; Plut. *De laud. ips.* 539 a, 541 a и др.; Lucianus. *Rhet. praec.* 21. и др.

⁶⁸⁶ Plato. *Apol.* 32 A; Plut. *De laud. ips.* 539 b, 547 A; Lucianus. *Pisc.* 5; Ps.-Ael. Arist. *Rhet.* I, 165.; Dion. Halicarn. *Thuc.* 45, 1-3.

⁶⁸⁷ Demosth. *Epist.* I, 8, 6; Arist. *Rhet.* III, 1418 b, 24.

⁶⁸⁸ Plutarchus. *De laud. ips.* 547 D: λόγος ἄλλος οὐδεὶς οὕτως ἐπαχθής οὐδὲ βαρύς.

⁶⁸⁹ Quintil. *Inst.* XI, 1, 16.

⁶⁹⁰ Ps.-Ael. Arist. *Rhet.* I, 165 (Patillon 2002: 159); Ps.-Hermog. *De meth.* (Patillon 1997: 441-442). См. Pernot 1998: 113 и далее; Rutherford 1995: 199-200.

например, ученики хвалят учителя⁶⁹¹; если похвала обращена к кому-то или чему-то еще кроме самого себя, например, судьбе, божеству или счастливому случаю; если часть похвалы адресуется аудитории, например, Плутарх приводит пример Эпаминонда, который обращается к жителям Фив с фразой: «Я великий полководец благодаря вам»⁶⁹²; в том случае, когда похвала высказывалась в адрес высокопоставленного или авторитетного лица, а далее перечислялись отмеченные им личные заслуги. Этот метод даже имел собственное название «хвалить будто бы Патрокла» (подразумевался известный рассказ из Илиады о пленниках Патрокла, которые после его гибели будто бы горько оплакивали его, а в действительно каждый оплакивал собственную горькую участь). Похвала могла скрываться за антitezой: вместо того, чтобы хвалить свое собственное поведение, оратор порицал поведение оппонента (реального или вымышленного). Кроме того, для смягчения речи о самом себе использовался ряд риторических приемов: например, литоты («я не хуже других знаю...»), паралейпсис («я уже не стану говорить о том, что...»), бессоюзие или асиндeton, показывающий, что оратор хочет как можно скорее завершить изложение неудобной темы.

Рассмотрим несколько методов периавтологии, которые использует Гален. Достаточно часто он допускает похвалу ради высокой цели, например, ради защиты истины или Гиппократа. В прологах своих сочинений он часто замечает, что пишет их по просьбе друзей, и пользуется этим основанием как извинением и поводом для утверждения собственного мнения или восхваления своих научных достижений. Нередко он использует способ повествования о других для того, чтобы подчеркнуть собственный авторитет. Например, восхваляя достоинства и образованность отца, он таким образом подчеркивает собственный статус и высокий уровень полученного им образования. Иногда он опровергает взгляды и поведение своих оппонентов, обосновывая важность собственного научного мнения или статуса. Кроме

⁶⁹¹ Arist. *Rhet.* III, 1418 B, 23-27.

⁶⁹² Plut. *De laud. ips.* 542 B-C.

того, он часто использует обезличенные обороты с неопределенno-личным местоимением *τις*, смягченные обороты с частицей *άν* или подчеркивает важность своего мнения с помощью частицы *τοίνυν*⁶⁹³. Таким образом, он использует весь арсенал риторических средств, усвоенных им из школьного риторического образования.

Например, в прологе своих сочинений «Против Лика» и «Против Юлиана» он сообщает о том, что был вынужден написать эти полемические сочинения для опровержения заблуждений и ложных толкований «Афоризмов» Гиппократа⁶⁹⁴. При этом отмечает, что пишет их по просьбе друзей, а не из стремления к славе. Эта, если можно так выразиться, риторика ложной скромности часто повторяется в его сочинениях. Одним из наиболее ярких примеров может служить короткое предисловие к VII книге трактата «О методе лечения»:

Τὴν θεραπευτικὴν μέθοδον, ὡς Εὐγενιανὲ φίλτατε, πάλαι μὲν ὑπηρξάμην γράφειν Ἱέρωνι χαριζόμενος, ἐπεὶ δὲ ἐξαίφνης ἐκεῖνος ἀποδημίαν μακρὰν ἀναγκασθεὶς στείλασθαι, μετ' οὐ πολὺν χρόνον ἡγγέλθη τεθνεῶς, ἐγκατέλιπον κἀγὼ τὴν γραφήν. οἶσθα γὰρ ως οὕτε ταύτην οὕτε ἄλλην τινὰ πραγματείαν ἔγραψα τῆς παρὰ τοῖς πολλοῖς ἐφιέμενος δόξης, ἀλλ' ἦτοι φίλοις χαριζόμενος ἢ γυμνάζων ἐμαυτὸν, εἴς τε τὰ παρόντα χρησιμώτατον γυμνάσιον εἴς τε τὸ τῆς λήθης γῆρας, ως ὁ Πλάτων φησὶν, ὑπομνήματα θησαυρισόμενος.

«Мой любезнейший Евгениан, *O методе лечения* я начал писать уже давно, желая оказать любезность Гиерону. Но когда он был внезапно вынужден уехать в долгое путешествие, и спустя некоторое время пришло известие о его смерти, перестал и я писать. Ибо ты знаешь, что ни это, ни какое другое сочинение я не писал из стремления к славе среди толпы, но писал или из стремления оказать любезность друзьям или

⁶⁹³ Petit 2021.

⁶⁹⁴ *Adv. Lyc.* 1 (К. XVIII, 198 = CMG V 10, 3 Wenkebach 1951: 4); *Adv. Iul.* 2 (К. XVIII, 254 = CMG V 10, 3, Wenkebach 1951: 39).

упражняя самого себя в упражнении, наилучшем и в настоящее время, и дабы отложить воспоминания для забывчивой старости, как говорит Платон»⁶⁹⁵.

Общее место практической пользы, настоящей и будущей, сочетается здесь с желанием удовлетворить просьбу друга. Отмечая, что книга написана не для широкой публики ради славы, Гален не забывает упомянуть, до какой степени его сочинения востребованы и высоко ценятся. Далее он развивает мысль о неудобствах, которые доставляет известность тем, кто стремится к истинному знанию:

ο γάρ τοι τῶν πολλῶν ἀνθρώπων ἔπαινος εἰς μὲν χρείας τινὰς ἐπιτήδειον ὅργανον ἐνίοτε γίγνεται τοῖς ζῶσιν, ἀποθανόντας δὲ οὐδὲν ὄνινησιν, ὥσπερ οὐδὲ τῶν ζώντων ἐνίους. ὅσοι γάρ ἥσυχον εἶλοντο βίον, ὡφελημένοι μὲν ἐκ τῆς φιλοσόφιας, αὐτάρκη δὲ ἔχοντες τὰ πρὸς τὴν τοῦ σώματος θεραπείαν, τούτοις ἐμπόδιον οὐ σμικρόν ἐστιν ἡ παρὰ τοῖς πολλοῖς δόξα, περαιτέρω τοῦ προσήκοντος ἀπάγουσα τῶν καλλίστων αὐτούς.

«Ибо похвала от многих людей иногда может служить полезным инструментом для живых, но совершенно бесполезна для мертвых, как и для некоторых живых. Ведь те, кто выбрал спокойную жизнь, извлекая пользу из философии и довольствуясь тем, что необходимо для поддержания тела – для них слава среди толпы представляет немалое препятствие, сверх меры отвлекая их от прекраснейших вещей»⁶⁹⁶.

После рассуждения о философах, придерживающихся скромного и умеренного образа жизни, к которым Гален относит, конечно, самого себя, он переходит к сетованию на то, что и он с юных лет стал жертвой славы и популярности:

⁶⁹⁵ *De meth. med.* VII, 1 (K. X, 456 = Johnston (vol. II) 2016: 236).

⁶⁹⁶ *Ibid.* VII, 1 (K. X, 457 = Johnston (vol. II) 2016: 236).

ώσπερ ἀμέλει καὶ ὥμᾶς οἶσθα πολλάκις ἀνιωμένους ἐπὶ τοῖς ἐνοχλοῦσιν οὕτω συνεχῶς ἐνίοτε χρόνον ἐφεξῆς πολὺν, ὡς μηδ' ἄψασθαι δυνηθῆναι βιβλίου. ἐγὼ δὲ οὐκ οἶδ' ὅπως εὐθὺς ἐκ μειρακίου θαυμαστῶς, ἢ ἐνθέως, ἢ μανικῶς, ἢ ὅπως ἀν τις ὀνομάζειν ἐθέλη, κατεφρόνησα μὲν τῶν πολλῶν ἀνθρώπων δόξης ...

«И мы, как тебе, конечно, известно, часто страдали от докучающих [нам] иногда столь долгое и непрерывное время, что не было возможности даже взяться за книгу. И не знаю, почему уже с юношеского возраста странным образом, или по божественному наитию, или по безумию, или как угодно иначе это назвать, я презирал славу среди толпы»⁶⁹⁷.

В этом отрывке интересно обратить внимание на то, что Гален в качестве одного из объяснений своего презрения к человеческой славе называет «божественное наитие». Идея божвдохновенности образа мыслей или поступков человека была общим местом и частью *ethos*-а в культуре Второй софистики и часто встречается у других авторов этого круга. В частности, о божественном вдохновении софиста упоминает Элий Аристид, и сам Гален в трактате «О назначении частей человеческого тела»⁶⁹⁸. Далее Гален сообщает о том, что вместо славы он стремился к истине и знанию:

ἐπεθύμησα δὲ ἀληθείας καὶ ἐπιστήμης, οὐδὲν εἶναι νομίσας οὕτε κάλλιον ἀνθρώποις οὕτε θειότερον κτῆμα. διὰ ταῦτ' οὖν οὐδ' ἐπέγραψά ποτε τὸ ἐμὸν ὄνομα τῶν ὑπ' ἐμοῦ γεγραμμένων βιβλίων οὐδενὶ παρεκάλουν δ', ὡς οἶσθα, καὶ ὥμᾶς μήτ' ἐπαινεῖν με παρὰ τοῖς ἀνθρώποις ἀμετρότερον, ὡσπερ εἰώθατε, μήτ' ἐπιγράφειν τὰ συγγράμματα.

«Я стремился к истине и знанию, полагая, что нет более прекрасного и божественного приобретения среди людей. Поэтому и не надписывал никогда своим именем ни одну из написанных книг и просил, как тебе

⁶⁹⁷ *Ibid.*

⁶⁹⁸ Bowie 2006: 141-153; Petit 2018: 219-221.

известно, чтобы и вы не хвалили меня чрезмерно среди людей, как вы привыкли делать, и не надписывали мои сочинения»⁶⁹⁹.

Гален и в других сочинениях часто упоминает о том, что в молодости его более всего влекло обретение истины и знания, но здесь он подчеркивает еще одну важную черту своей природы: бескорыстие. Несмотря на свою подчеркнутую скромность и желание сохранить анонимность написанной книги, он, в соответствии с риторическими правилами своего времени, использует отзывы о себе других людей – толпы поклонников, кружка друзей или выдающихся людей своего времени – в качестве повода и извинения для его оценочного повествования о себе самом.

В некоторых случаях, когда похвала того стоит, Гален приводит высказывания других людей о себе. Так, в трактате «О прогнозе» он вкладывает похвалу в уста самого Марка Аврелия, который обращается к Пейтолаю после его исцеления Галеном:

ἰατρὸν ἔχων ἔνα καὶ τοῦτον ἐλεύθερον πάνυ.

«Мы имеем только одного врача и притом совершенно благородного»⁷⁰⁰.

Перевод термина *ἐλεύθερον* в данном случае затруднителен. Скорее всего, император имеет в виду благородство, достоинство и независимость Галена, то есть, говорит о Галене как о равном. Кроме того, он говорит об особом статусе Галена среди прочих придворных врачей. Далее Гален приводит еще один отзыв о нем императора:

τῶν μὲν ἰατρῶν πρῶτον εἶναι, τῶν δὲ φιλοσόφων μόνον.

«Первый среди врачей и единственный среди философов».

⁶⁹⁹ *De meth. med.* VII, 1 (К. X, 457-458 = Johnston 2016 (vol. II): 238).

⁷⁰⁰ *De praecogn.* 11, 8 (К. XIV, 660, 10 = CMG V 8, 1, Nutton 1979: 128).

Эта цитата Марка Аврелия, подлинная она или нет, не просто содержит похвалу, но и точно отражает идеал наилучшего врача, описанного Галеном в своем сочинении «О том, что наилучший врач также и философ»⁷⁰¹. Особый вес этим словам придает то, что их произносит император-философ, самый высокопоставленный и просвещенный из пациентов Галена.

В конце следующей главы, повествующей об исцелении Коммода, Гален завершает свой портрет императорской семьи рассказом о матери Марка Аврелия Фаустине⁷⁰², которая насмехается над врачами методической школы, вызывавшей особую ненависть Галена, и заявляет одному из ее представителей, высмеянному Галеном:

Γαληνὸν, ἔφη, τοῦτον ἵσθι μὴ λόγοις, ἀλλ' ἔργοις ὑμῖν τοῖς μεθοδικοῖς πολεμεῖν. <...> καὶ νῦν οὖν, ἔφη, τὸ τῆς ἐπιστήμης βέβαιον ἐπιδείκνυται <...>

«Вот Гален, сказала она, который сражается с вами методистами не словами, а делами. <...> И ныне, сказала она, доказана основательность знания <...>»⁷⁰³.

Высокая оценка достижений Галена, вложенная в уста матери императора, свидетельствует о его триумфе над врагами без необходимости при этом восхвалять самого себя. Также следует отметить, что Фаустина обличает методистов теми же самыми словами, которые употребляет сам Гален в ряде других мест, упоминая о своей борьбе с методистами «делами и словами»⁷⁰⁴.

В этом же сочинении «О прогнозе», посвященном медицинским успехам Галена в римском обществе, которых он достиг благодаря своим верным диагнозам и прогнозам, встречается еще один замечательный пример т. наз.

⁷⁰¹ *Quod opt. med.* (К. I, 53-63 = Boudon-Millot 2007: 235-314). Рус. пер. Пролыгина 2013: 82-100.

⁷⁰² О личности Фаустины см. Swain 1996: 376, прим. 70; Nutton 1979: 223.

⁷⁰³ *De praec.* 12, 7-9 (К. XIV, 663-664 = CMG V 8, 1, Nutton 1979: 132).

⁷⁰⁴ *De meth. med.* IX, 4 (К. X, 609); *Loc. aff.* III, 3 (К. VIII, 144, 5-7).

ложной скромности. Гален приводит один самых важных рассказов своего сочинения – рассказ об исцелении Марка Аврелия, отмечая «поистине удивительный» характер своего лечения:

αὕτη μὲν οὖν ἡ πρόρρησις, ὡς ἔφην, εὶς καὶ θαυμαστὴ τοῖς πολλοῖς τούτοις ἰατροῖς ἔδοξεν,
ἀλλ' οὐ τοιαύτη γε κατ' ἀλήθειαν ἦν, <...> Θαυμαστὴ δὲ ὅντως ἡ νῦν ἐπ' αὐτοῦ τοῦ
βασιλέως συμβάσα <...>.

«И вот, этот прогноз, как я сказал, хоть и казался удивительным многим этим врачам, однако не был таковым в действительности, <...> Поистине удивительным было нынешнее исцеление, произошедшее с самим императором»⁷⁰⁵.

В этом рассказе Галену удалось не только передать похвалу от императора-философа, но и сохранить скромный тон, подобающий истинному «поклоннику истины». Собрание рассказов с описанием клинических случаев, приведенных в этом сочинении, призвано не только прославить самого Галена, но и подтвердить верность его метода лечения. В конце трактата, отвечая публике, впечатленной верностью его прогнозов, он рассказывает известный анекдот об Исократе⁷⁰⁶, с которым, очевидно, сравнивает самого себя, желая показать, что он есть истинный Исократ медицины. Гален не восхваляет самого себя, он лишь приводит несколько примеров, которые показывают невежество его современников и справедливость собственных доводов.

Таким образом, можно утверждать, что Гален, говоря о себе, уверенно, легко и с большим мастерством следует риторическим предписаниям своего времени. Стилистические приемы повествования о самом себе, разработанные предшествующими поколениями ораторов, несомненно, не вызывали никакого удивления у публики, вполне соответствую ее ожиданиям. Они

⁷⁰⁵ *De praec.* 10, 22 (K. XIV, 657 = CMG V 8, 1, Nutton 1979: 126).

⁷⁰⁶ *Ibid.* 14, 9-10 (K. XIV, 672 = CMG V 8, 1, Nutton 1979: 140-141).

составляли неотъемлемую часть как публичных декламаций, так и письменных «научных» трактатов. Гален следует здесь общей с Аристидом и софистами культурной и литературной традиции, которую следует иметь в виду при оценке многочисленных упоминаний Галена о самом себе.

V. 2. Интеллектуальный и моральный автопортрет

При изображении интеллектуального автопортрета Гален также пользуется всем арсеналом риторических приемов своего времени. В одном из своих последних сочинений «О том, что не стоит печалиться» он дает следующую характеристику своего отца:

Ἡν μοι πατὴρ οἴου ἐγὼ καὶ ἀναμιμνησκόμενος ἐκάστοτε βελτίων ἐμαυτοῦ τὴν ψυχὴν αἰσθάνομαι γινόμενος. Οὐ γὰρ ἄλλος ἀνθρώπων τις <οὗτως> ἀκριβῶς ὡς καὶ οὗτος ἐτίμησε δικαιοσύνην τε καὶ σωφροσύνην καὶ δι’ αὐτὰς κάκείνας ἔσχε φύσει τοῦτο χωρὶς τῶν ἐκ φιλοσοφίας λόγων. Οὐ γὰρ ὡμίλησε φιλοσόφοις ἐν νεότητι, παρὰ τῷ πατρὶ μὲν ἐαυτοῦ, πάππῳ δὲ ἐμῷ, τὸ μὲν κατὰ τὴν ἀρετήν, τὸ δὲ κατὰ τὴν ἀρχιτεκτονίαν ἐκ παιδὸς ἀσκηθεὶς ἐν οἷς καὶ αὐτὸ ἐκείνῳ ἦν πρῶτον <...>.

«У меня был отец, при воспоминании о котором я всякий раз чувствую, как моя душа становится лучше. И в самом деле, ни один другой человек не чтил столь строго, как он, справедливость и благородумие⁷⁰⁷ и благодаря им имел от природы эту способность⁷⁰⁸ без философских учений. Ибо он не общался в юности с философами, но с детства упражнялся подле своего отца, моего деда, с одной стороны, в добродетели, а с другой, в архитектуре, в которых эта [способность] была для него также первостепенной <...>»⁷⁰⁹.

⁷⁰⁷ В *De animi aff.* 8 (К. V, 42, 17 sq.) отец Галена советует ему стремиться к стяжанию четырех главных добродетелей: справедливости, благородумия, храбрости и мудрости.

⁷⁰⁸ Речь идет о способности упражнять воображение души, о которой Гален говорил ранее в *De ind.* 56. Рус. пер. Пролыгина 2019: 185.

⁷⁰⁹ *De ind.* 58-60 (Boudon-Millot, Jouanna 2010: 18-19). Рус. пер. Пролыгина 2019: 185.

Этот отрывок перекликается со многими другими воспоминаниями Галена, в которых он с большой похвалой и почтением отзываетя о своем отце, превзошедшем своей умеренностью и благоразумием всех философов⁷¹⁰. Все эти отзывы содержат классические топосы эпидейктического жанра: природа, нрав, происхождение, семья и др.⁷¹¹. Похвала отцу служит здесь очевидным намеком и на собственную превосходную природу и нрав Галена, которые он унаследовал от отца и предков и которым подражал с самого детства. Таким образом, используя прием, подобный тому, о котором мы уже говорили в предыдущем параграфе, Гален опять-таки не говорит непосредственно сам о себе, но использует сравнение, благодаря которому читатель должен сделать очевидный вывод и об авторе.

В другом отрывке Гален делает вид, что затрудняется охарактеризовать свои моральные качества, упоминая лишь о том, какими качества обладали его предки по отцовской линии, которым он подражал больше, нежели нравственным качествам своей матери:

Ἐγὼ τοίνυν, ὅπως μὲν τὴν φύσιν εἶχον, οὐκ ἔχω φάναι (τὸ γὰρ ἐαυτὸν γνῶναι χαλεπόν ἔστι καὶ τοῖς τελείοις ἀνδράσι, μή τί γε δὴ τοῖς παισίν), εὐτύχησα δὲ μεγάλην εὐτυχίαν, ἀοργητότατον μὲν καὶ δικαιότατον καὶ χρηστότατον καὶ φιλανθρωπότατον ἔχων πατέρα, μητέρα δ' ὀργιλωτάτην, ὡς δάκνειν μὲν ἐνίστε τὰς θεραπαίνας, ἀεὶ δὲ κεκραγέναι τε καὶ μάχεσθαι τῷ πατρὶ μᾶλλον ἢ Ξανθίππη Σωκράτει. παράλληλά τε ὁρῶντί μοι τὰ καλὰ τῶν τοῦ πατρὸς ἔργων τοῖς αἰσχροῖς πάθεσι τῆς μητρὸς ἐπήει τὰ μὲν ἀσπάζεσθαι τε καὶ φιλεῖν, τὰ δὲ φεύγειν καὶ μισεῖν. ὥσπερ δ' ἐν τούτοις ἔώρων παμπόλλην διαφορὰν τῶν γονέων, οὕτω καν τῷ <φαίνεσθαι> τὸν μὲν ἐπὶ μηδεμιᾷ ζημίᾳ λυπούμενον, ἀνιωμένην <δέ> ἐπὶ σμικροτάτοις τὴν μητέρα. Γινώσκεις δὲ δήπου καὶ σὺ τοὺς παῖδας, οἵς μὲν ἀν ἡσθῶσι, ταῦτα μιμουμένους, ἢ δέ ἀν ἀηδῶς ὁρῶσι φεύγοντας.

⁷¹⁰ См., напр., *De bon et mal. suc.* (CMG X 4, 2, Helmreich 1923: 392).

⁷¹¹ Pernot 1993 (I): 153; Аверинцев 1973: 35-36.

«И вот, не могу сказать, какова была моя природа (ибо познание самого себя трудно даже для совершенных мужей, не говоря уже о мальчиках), но я наслаждался великим счастьем, имея самого незлобивого, справедливого, честного и человеколюбивого отца, мать же – весьма вспыльчивую, так что порою она даже кусала служанок и постоянно кричала и нападала на отца, более чем Ксантиппа на Сократа. И когда я видел добрые дела отца в сравнении с постыдными страстями матери, первые – я приветствовал и любил, а вторые – избегал и ненавидел. И как в этом я видел большое различие между родителями, так и в том, что отец, казалось, никогда не печалился ни от какого убытка, тогда как мать сокрушалась из-за любого пустяка. И ты, конечно, знаешь, что дети подражают тому, что им нравится, и избегают того, к чему испытывают неприязнь»⁷¹².

Здесь следует обратить внимание на известное сократовское выражение *τὸ γὰρ ἔαυτὸν γνῶναι χαλεπόν ἔστι*, «ибо познание самого себя трудно». Изображая себя подражателем отцовских качеств, Гален завуалированно представляет себя наследником сократовских моральных качеств. С другой стороны, семейное образование, полученное Галеном от отца и деда, позволило ему овладеть греческим языком, литературой и культурой⁷¹³. Таким образом, нравственное и интеллектуальное превосходство, сближающее Галена с сократовским идеалом и свидетельствующее о его причастности греческой культурной традиции, позволяют ему приобрести высокий социальный статус и профессиональный авторитет в обществе, где, как отмечает Г. фон Штаден, репутация врача зависела от критериев нравственности и незапятнанного образа жизни⁷¹⁴. И Гален создает вполне убедительный образ такого

⁷¹² *De propr. an. aff. dign.* 8 (К. V, 40-41 = SM I, 31).

⁷¹³ *De puls. diff.* (К. VIII, 587).

⁷¹⁴ Von Staden 1997: 157-195.

безупречного врача-философа, принадлежащего к культурной элите своего времени.

V. 3. Научно-исследовательские путешествия

Автопортрет Галена дополняет довольно обширная серия воспоминаний о путешествиях по Средиземноморью. Как и в случае с автобиографией Гален не написал ни одного сочинения, которое можно было бы отнести к распространенной в римскую эпоху литературе в жанре т. наз. *iter* или *itinerarium*. Речь идет, как правило, о более или менее пространных отступлениях, которые встречаются во многих его сочинениях. Литература странствий или путешествий имеет богатую предысторию в греческой античной литературе и восходит, как известно, еще к Одиссее⁷¹⁵. У Галена описание путешествий носит, в большинстве случаев, научно-исследовательский характер, который придает его *ethos*-у статус методичного ученого и эрудита. Повествование ведется от первого лица, также как, например, у Геродота или Страбона при описании его путешествия по Египту и изобилует множеством исторических, географических и бытовых деталей. Гален приводит множество разных топонимов и связанных с ними мифов, детальных описаний-зарисовок, которые смело можно считать разновидностями экфрасиса. И в ясности изложения материала, и в мастерстве зарисовок Гален нисколько не уступает авторам своего времени.

Рассмотрим один из рассказов Галена о его путешествии на о. Лемнос, который он приводит в своем сочинении «О темпераментах и свойствах простых лекарств». По пути из Малой Азии в Рим Гален решил заехать на остров, чтобы пополнить свою аптеку. Однако его корабль ошибочно пристал не в Гефестии, куда он направлялся, а в Мирине. И хотя Лемнос, будучи одним из самых больших островов Эгейского моря, был хорошо известен греческим мореплавателям, его география была, видимо, недостаточно известна

⁷¹⁵ Soler 2005; Jouanna 1992: 43-45; Пролыгина 2022.

капитану корабля и самому Галену. В частности, он не знал о существовании двух городов и не представлял реальной протяженности острова. В эпоху, когда не существовало никаких туристических гидов и подробных карт⁷¹⁶, всякое письменное описание могло оказаться весьма ценным. На обратном пути из Рима в Малую Азию Гален уже уверенно направлялся в Гефестию, чтобы приобрести знаменитую лемносскую лечебную грязь:

ώς γάρ ἀπὸ τῆς Ἰταλίας διαβαλὼν εἰς τὴν Μακεδονίαν καὶ σχεδὸν ὅλην αὐτὴν ὁδοιπορήσας ἐν Φιλίπποις ἐγενόμην, ἥπερ ἐστὶν ὅμορος τῇ Θράκῃ πόλις, ἐντεῦθεν ἐπὶ τὴν πλησίον θάλατταν εἴκοσιν ἐπὶ τοῖς ἑκατὸν ἀπέχουσαν στάδια κατελθὼν, ἔπλευσα πρότερον μὲν εἰς Θάσον ἐγγύς που διακοσίους σταδίους, ἐκεῖθεν δὲ εἰς Λήμνον ἐπτακοσίους, εἶτ' αὖθις ἀπὸ Λήμνου τοὺς ἵσους ἐπτακοσίους εἰς Ἀλεξανδρείαν Τρωάδα. καὶ διὰ τοῦτ' ἐξεπίτηδες ἔγραψα περὶ τε τοῦ πλοῦ καὶ τῶν σταδίων, ὅπως εἴ τις ἐθέλῃ θεάσασθαι καὶ αὐτὸς ὁμοίως ἐμοὶ τὴν Ἡφαιστιάδα διαγινώσκων τὴν θέσιν αὐτῆς, οὕτως παρασκευάζοιτο πρὸς τὸν πλοῦν.

«Переправившись из Италии в Македонию и почти всю ее пройдя, я прибыл в Филиппы, город на границе с Фракией. Спустившись оттуда к близлежащему морю, находящемуся в ста двадцати стадиях, я проплыл сначала до Тасоса приблизительно двести стадиев, оттуда до Лемноса – семьсот, а затем снова от Лемноса – еще семьсот до Александрии Троадской. И я столь подробно описал свое плавание и стадии, чтобы тот, кто захочет увидеть собственными глазами подобно мне Гефестию, знал ее местоположение и таким образом смог подготовиться к плаванию»⁷¹⁷.

Гален сообщает о том, что приводит детали путешествия с утилитарной целью помочь будущим путешественникам. Но, скорее всего, как в случае описания клинических случаев и публичных демонстраций описание опыта

⁷¹⁶ Подосинов 1998: 67; Dilke 1998.

⁷¹⁷ *De simpl. med. temp. et fac.* IX, 2 (К. XII, 172-173).

Галена как путешественника призвано придать ему *ethos* разностороннего ученого. Приведем еще один отрывок из этого сочинения, в котором Гален сообщает об основной цели своего путешествия – научном исследовании местных минералов:

ѡσπερ οὖν εἰς Κύπρον ἔνεκα τῶν ἐν αὐτῇ μετάλλων, εἴς τε τὴν κοίλην Συρίαν, μόριον οὖσαν τῆς Παλαιστίνης, ἔνεκεν ἀσφάλτου καὶ τινων ἄλλων κατ' αὐτὴν ἀξίων ἴστορίας ἐπορεύθην, οὕτως καὶ εἰς Λήμνον οὐκ ὕκνησα πλεῦσαι, θεασόμενος ὅπόσον μίγνυται τοῦ αἵματος τῇ γῇ.

«И вот, подобно тому, как я совершил путешествие на Кипр ради рудников этого острова, а также в Келесирию, область Палестины, ради асфальта и некоторых других ее продуктов, достойных исследования, так я незамедлительно отправился в плавание на Лемнос, чтобы увидеть, какое количество крови там смешивают с землей»⁷¹⁸.

Гален четко обозначает, что его интересует приобретение и изучение местных минералов и различных субстанций, используемых в медицине, а также информация о способах приготовления лекарственных веществ. В других местах он также замечает, что его интересовали местные рецепты, которые он записывал на месте или приобретал уже в виде письменных сборников. На Лемносе его интересовал, главным образом, способ изготовления знаменитой в Античности лемносской лекарственной глины, которую смешивали с козлиной кровью и использовали при лечении разного рода ран, язв и укусов⁷¹⁹. Одновременно с описанием способа изготовления этого лекарства Гален не забывает напомнить и известный миф о низвержении на Лемнос Гефеста.

⁷¹⁸ *De simpl. med. temp. et fac.* IX, 2 (К. XII, 171).

⁷¹⁹ Пролыгина 2022: 33-35.

ἀνεγνωκώς δὲ ἐγὼ παρά τε Διοσκορίδη καὶ ἄλλοις τισὶ μίγνυσθαι τράγειον αἴμα τῇ Λημνίᾳ γῆ, καὶ τοῦ διὰ μίξεως ταύτης γενομένου πηλοῦ τὴν ἱέρειαν ἀναπλάττειν τε καὶ σφραγίζειν ἀς ὄνομάζουσι Λημνίας σφραγίδας, ὡρέχθην αὐτὸς ἴστορῆσαι τὴν συμμετρίαν τῆς μίξεως. <...> καὶ τό γε ὑπὸ τοῦ ποιητοῦ λεγόμενον ἐπὶ τοῦ Ἡφαίστου, κάππεσεν ἐν Λήμνῳ, διὰ τὴν φύσιν τοῦ λόφου δοκεῖ μοι τὸν μῦθον ἐπίστασθαι. φαίνεται γὰρ ὅμοιότατος κεκαυμένῳ κατά γε τὴν χρόαν καὶ διὰ τὸ μηδὲν ἐν αὐτῷ φύεσθαι.

«Прочитав у Диоскорида и некоторых других, что козлиная кровь смешивается с лемносской почвой и из глины, получившейся от этого смешения, жрица изготавливает и запечатывает так называемые лемносские печати, я устремился сам разузнать о пропорции этого смешения <...> А что касается слов поэта о Гефесте: «и упал он на Лемносе»⁷²⁰, то этот миф, как мне кажется, объясняет природа холма. Ибо он подобен выжженной земле и по цвету и потому, что на нем ничего не растет»⁷²¹.

Исследование (*ἱστορία*) Галена, основанное на разной информации, собранной у местных жителей и полученной из переданной ему книги, а также на личном опыте, привело Галена к выводу о том, что козлиная кровь в действительности вообще не добавляется в лемносскую глину. Таким образом, рассказ Галена представляет собой не столько повествование о его личном исследовании, сколько комментарий к текстам, посвященным Лемносу и этому лекарству. Он часто использует термины языковой семьи *ἱστορία*, что, несомненно, служит явным намеком на античную историческую литературу, посвященную путешествиям, а именно – на Геродота. Рассказ о Лемносе – яркий пример его «любви к истине», о которой он так часто упоминает, и верификации источников. Кроме того, в этом автобиографическом рассказе моральный автопортрет Галена дополняется литературным автопортретом,

⁷²⁰ Hom. *Ilias* I, 593.

⁷²¹ *De simpl. med. temp. et fac.* IX, 2 (К. XII, 171, 173)

который вписывается в традицию выдающихся врачей Античности, таких как, Диоскорид, но и в научно-исследовательскую литературу наравне с Геродотом.

Таким образом, при описании своих научно-исследовательских путешествий важную роль Гален отводит личному опыту: методичному исследованию свойств простых субстанций, составлению их каталога, расспросам местных жителей о малоизвестных веществах, таких как запечатанная глина на Лемносе или вода Мертвого моря в Палестине, и местной рецептуре. Эти исследования подчеркивают личные качества Галена: любовь к знанию, желание донести до читателя истину, лично верифицируя свойства разных лекарственных средств, высокую образованность и прекрасное знание мифологии, литературы и предшествующей медицинской традиции. Гален изображает себя исследователем далеких стран, часто доступных только морским путем, и созданный им автопортрет выгодно отличает его от других врачей и грамматиков, которых он часто укоряет за отсутствие опыта и изучение предмета только по книгам. Кроме того, благодаря своим путешествиям, Гален подтверждает свой социальный статус, *ethos* ученого и исследователя, а также принадлежность к культурной элите Второй софистики.

V. 4. Апелляция к авторитетам

Как было уже отмечено выше, в своих автобиографических заметках Гален изображает себя как врача-философа, придерживающегося умеренного образа жизни и строгих этических принципов, как интеллектуала и исследователя. Этот образ дополняется частой апелляцией к авторитету древних врачей, главным образом, к Гиппократу и философам, прежде всего, к Сократу, кинику Диогену Синопскому и Платону. При этом, с сочинениями Гиппократа и Платона Гален был не только хорошо знаком, но и оставил большое число комментариев к их текстам. Постоянное обращение к этим авторам, как к примерам для подражания и образцам мудрости, несомненно,

косвенно указывает и на самого Галена, который следует их примеру и предстает в образе врача, претендующего на такой же статус⁷²².

Психологические сочинения Галена содержат большое число реминисценций на тексты Платона. Подобно Сократу Гален сталкивается с трудностями познания самого себя. Р. Розен проанализировал несколько отрывков из трактата «О распознавании и лечении страстей и заблуждений души», сравнил их с отрывком из «Федона» (96 a 5- с 3) и показал, как Гален, проводя аналогии между Сократом и своим отцом, изображает опосредованную символическую связь между собой и Сократом, представляя себя наследником его ценностей⁷²³. Кроме того, он рассмотрел рассказ Галена об одном из его друзей, который просит назначить ему наказание за раздражительность и резкое поведение, и невозмутимую и благодушную реакцию Галена⁷²⁴, и отмечает, что последний в несколько ироничном тоне приводит прямую аллюзию с увещанием Сократа к легкому принятию наказаний, о котором упоминается в «Горгии»⁷²⁵.

Другим примером для подражания в галеновском «пантеоне» мудрецов выступает киник Диоген, о котором идет речь в трактате «О том, что не стоит печалиться» (45). Гален пишет:

μέγα δὲ τὸ τὸν μηδὲ ἔνα κεκτημένον ἀγρὸν ἀλύπως φέρειν πενίαν ὡς ὁ Κράτης ἔφερε, καὶ διὰ τοῦτο μᾶλλον εἴ <τις> μηδὲ οἰκίαν ἔχει[ν] καθάπερ ὁ Διογένης.

«Но большим делом будет беспечально переносить бедность тому, кто не владеет ни одним полем, как переносил ее Кратет⁷²⁶, и потому еще большим делом – если кто не имеет даже дома, как Диоген»⁷²⁷.

⁷²² Jouanna 2012: 259-285; Manetti 2009: 157-174; Petit 2018: 232-235.

⁷²³ Rosen 2009: 160-161.

⁷²⁴ *De prop. an. aff. dign.* 4 (K. V, 18-20 = SM I, 13-15 = CMG V 4, 1, De Boer 1937: 14-15).

⁷²⁵ Plat. *Gorg.* 480 с 8-d 3.

⁷²⁶ Имеется в виду Кратет Фиванский (IV-III в. до н. э.), философ-киник, ученик Диогена Синопского.

⁷²⁷ *De ind.* 45 (Boudon-Millot, Jouanna 2010: 15). Рус. пер. Пролыгина 2019: 183.

Таким образом, Диоген представляет собой образец аскетизма и воздержания, которые также входят в круг известных философских ценностей греко-римской образованной элиты, к которой обращается Гален.

Итак, в своих сочинениях Гален стремится показать интеллектуальную и нравственную преемственность от своих авторитетных предшественников – древних философов и врачей, изображая себя не как врача – последователя одной из медицинских школ, а как врача-философа, чей безупречный образ жизни, стремления к знаниям и высокие нравственные принципы служат залогом его высокого статуса и авторитета.

V. 5. *Medice, cura te ipsum.* Гален о собственных болезнях

Античные медицинские авторы, начиная с Гиппократа, редко упоминают о состоянии своего тела и своих болезнях. Иногда можно встретить упоминания об опрятности одежды врача и его гигиене, поскольку врач и внешним видом, и обращением должен располагать к себе больного и вызывать у него уважение и доверие. Гален в целом следует этой античной традиции, однако иногда у него все-таки встречаются упоминания о собственных болезнях⁷²⁸. Эти рассказы о победе над той или иной болезнью или ее предупреждении, несомненно, служат еще одним риторическим приемом, который выполняет функцию убеждения пациентов и читателей в высоком статусе врача и его компетентности. Гален с большой точностью и многочисленными деталями описывает процессы лечения, поскольку, по всей видимости, подобная тщательность соответствовала ожиданиям читателей в их представлениях о хорошем враче. В текстах императорского периода были широко распространены шутки о врачах, неспособных вылечить самих себя, поэтому врач не должен был показывать свои слабости или казаться больным⁷²⁹. В VII книге «Естественной истории» Плиний Старший приводит в качестве примера совершенного врача Асклепиада:

⁷²⁸ Gourevitch, Grmek 1986: 45-64; Boudon-Millot 2012: 225-235.

⁷²⁹ Gourevitch, Grmek 1986: 46.

«Но больший почет ему принес спор с судьбой о том, чтобы его не считали врачом, если он сам когда-нибудь заболеет, ибо он выиграл его, умерев в глубокой старости в результате падения с лестницы»⁷³⁰.

Пример Асклепиада, преподавателя риторики, ставшего врачом, хорошо иллюстрирует важность собственного здоровья, которое должен был демонстрировать окружающим врач в античную эпоху. Гален хорошо об этом знает и обыгрывает это негласное правило: в своих сочинениях он приводит рассказы не только о том, как благодаря своим медицинским познаниям он смог во взрослом возрасте предупредить многие заболевания и вылечиться от тех, с которыми ему пришлось столкнуться⁷³¹, но и сумел вылечить других врачей, которые не обладали достаточными знаниями. В качестве примера можно привести рассказ Галена о болезни и лечении Главкона, его друга и также врача⁷³². Гален быстро устанавливает истинную причину его недуга, при этом рассказ выполняет сразу несколько функций: он не только показывает превосходство Галена над Главконом, но служит также поводом рассказать об успешном лечении собственных заболеваний, в частности, тяжелой лихорадки, грозившей френитом. Следует отметить, что эти рассказы о болезнях в сочетании с описанием правильного образа жизни и диеты, которые позволили Галену избегать желудочных расстройств на протяжении всей жизни, представляют исключительный случай. В предшествующей медицинской литературе таких рассказов, пожалуй, не встречалось. По всей видимости, литературный контекст его времени уже вполне допускал в автобиографии исследование и описание состояний тела.

Современник Галена Элий Аристид описывает в «Священных речах» свои болезни и страдания тела; другие авторы, например, Марк Аврелий, сокрушаются о болезнях, смерти и бремени тела как о препятствии для

⁷³⁰ *Hist. nat.* VII, 124. Рус. пер. А. А. Павлова.

⁷³¹ Гален упоминает о лихорадках и переломе ключицы. См. Gourevitch, Grmek 1986.

⁷³² *De loc. aff.* (K. V, 8).

духовной жизни и самопознания. И если Аристид рассматривает свое тело и страдания как повод для религиозного общения с Асклепием, то Гален отводит человеческому телу центральное место при восхвалении Природы, которую он прославляет в трактате «О назначении частей человеческого тела». Жизнь Галена, такая какую он описывает в своих сочинениях, ничем не отличается от жизни других людей, его тело также подвержено болезням, ранам и старости. Однако, благодаря своим нравственным качествам, воздержанию и умеренности, он смог избежать многих осложнений и достичь долголетия. И если некоторые философы, как Марк Аврелий, выражают свое презрение к телу, то Гален занимает в этом вопросе нейтральную позицию: осуждая чрезмерные плотские удовольствия, он тем не менее не высказывает полного пренебрежения к телу, но проявляет о нем заботу, чтобы как можно дольше продлить активную жизнь, насыщенную интеллектуальным трудом⁷³³.

Следует также отметить интерес Галена к боли как к физическому явлению, которое способно приблизить врача к пациенту и лучше его понять. Кроме того, личный опыт боли и болезни дает Галену дополнительные знания при постановке верного диагноза. Так, например, в трактате «О пораженных местах» он удачно сочетает истории болезней пациентов с рассказами о собственных болезнях. Из этого и других сочинений Галена нам известно, что в юности он на протяжении долгого времени страдал от желудочно-кишечного расстройства, вызванного употреблением в пищу зеленых фруктов⁷³⁴, и стойко переносил другие недуги, как например, вывих ключицы, полученный в палестре⁷³⁵. Этот ретроспективный взгляд на собственные недуги и на их преодоление позволяет читателю нарисовать портрет терпеливого и мудрого человека.

⁷³³ Об этом, в частности, идет речь в трактате *De indolentia*.

⁷³⁴ Ср. также *De bon. mal. suc.* 1 (K. VI, 756-757 = CMG V 4, 2, Helmreich 1923: 392-393), Boudon 2012: 226-227.

⁷³⁵ См. *De san. tuenda* V, 1 (K. VI, 308-309 = CMG V 4, 2, Koch 1923: 136); *De bon. mal. suc.* 1 (K. VI, 755 = CMG V 4, 2, Helmreich 1923: 392); *De alim. fac.* I, 7 (K. VI, 498-499 = Wilkins 2013: 39-40).

Перед глазами читателей предстают разные периоды жизни Галена: он вспоминает о своей беззаботной и иногда опрометчивой юности, когда легкомысленно пренебрегал отцовскими предостережениями; далее он описывает свои зрелые годы, сопряженные с необходимостью строго следить за распорядком жизни, поскольку врачебную практику приходилось сочетать с научной работой, и оба вида этих занятий часто сопровождались бессонными ночами; и, наконец, время старости с вынужденными физическими ограничениями. Все рассказы свидетельствуют о выносливом, терпеливом и наблюдательном характере Галена. Физическая немощь периода юности, вызванная неумеренным употреблением фруктов, служит поводом для научного исследования и рассуждения о том, как оставаться «свободным от болезни» (ἀνοσος). Более того, часто собственное тело Галена становится не только поводом для описания клинического случая, но и объектом для научного исследования и эксперимента. Приведем отрывок из трактата «*O temperamentis et proprietatibus simplicium medicamentorum*»:

ὅταν οὖν τις ὑπὸ θαψίας ἐπαλειφθείσης διακαίηται, κατασβέννυσιν ὅξος τὸ καῦμα. καὶ τοῦτ' ἔξεστι τῷ βουλομένῳ πείρᾳ μαθεῖν, ὥσπερ καὶ ἡμεῖς ἐποιήσαμεν ἐφ' ἡμῶν αὐτῶν, ἐπὶ τῷ βάσανον ἀκριβῇ λαβεῖν τῆς τοῦ φαρμάκου δυνάμεως, ἐπαλείψαντες πολλαχόθι τὰς κνήμας, ἡνίκα μετὰ τέτταρας ὥρας καὶ πέντε διακαίεσθαι τε καὶ φλεγμαίνειν ὑπήρξαντο, τῷ μὲν ὅξους, τῷ δὲ ὄδατος προσερράινομεν, ἐτέρῳ δὲ ἔλαιον, ἄλλο δὲ ὁδίνῳ ἐπηλείφομεν, ἄλλῳ δὲ ἄλλο τι τῶν ἡ δριμύτητας ἀμβλύνειν ἡ θερμότητας ἐμψύχειν πεπιστευμένων, καὶ πάντων αὐτῶν ἐνεργέστερον τὸ ὅξος ηύρισκετο.

«И вот, если кто-то обожжется от аппликации тапсии⁷³⁶, то жжение облегчает уксус. И всякий желающий может узнать это опытным путем, как сделал я с самим собой, чтобы получить точное доказательство силы лекарства. Намазав во многих местах голени, когда спустя четыре-пять

⁷³⁶ Растение из семейства зонтичных, лат. *Thapsia garganica*.

часов они начали жечь и воспаляться, я побрызгал одно место уксусом, другое – водой, третье намазал маслом, а четвертое – розовым маслом, к каждому месту то, что по нашему убеждению притупляет острую боль или ослабляет жар, и уксус оказался действеннее всего остального»⁷³⁷.

Этот отрывок прекрасно иллюстрирует отношение Галена к собственному телу как к объекту для экспериментов, призванных уточнить его познания в области терапии. Но, по всей видимости, он также отражает интерес позднеантичной культуры к физическим изменениям, их последствиям и разным способам лечения, и Гален удачно сочетает здесь рассуждение о методе и исследование тела, эксперимент и автобиографию.

Итак, следование здоровому образу жизни, умеренность, воздержание от чрезмерных удовольствий, строгая дисциплина и стремление к благу служат основой для сохранения здоровья и дополняют образ Галена как врача-философа.

V. 6. Образ идеального врача-философа

Если обратиться к отрывкам, в которых Гален дает кому-либо характеристику, то можно легко заметить, что его интересует, прежде всего, не внешний вид и не соответствие идеальным пропорциям Поликлета, а нравственный облик того или иного человека. Тело для Галена – это, прежде всего, вместилище эмоций, знак победы этики над физикой, а прекрасное тело – это умение властвовать собой. Этот идеал достигается дисциплиной и, в том числе, ежедневной заботой о теле и правильном питании⁷³⁸, воздержанием от разного рода излишеств, то есть образом жизни, который можно назвать «философским». Этот образ Гален иногда характеризует путем противопоставления разным порокам и отрицательным эмоциям, которые способны искажать лицо человека. Так, Гален приводит пример своего друга,

⁷³⁷ *De simpl. med.* I, 21 (К. XI, 418-419). Ср. Boudon 2012: 131-132.

⁷³⁸ Gourevitch 1974: 312.

критянина из Гортини, который отличался злобным и раздражительным характером и часто бил своих слуг. Он увещает его, доказывая преимущества терпения и доброты перед гневом и злобой:

ὁ δὲ φίλος ὁ Κρής ἐαυτοῦ καταγνοὺς μεγάλως εἰσάγει με λαβόμενος τῆς χειρὸς εἰς οἰκόν τινα, καὶ προσδοὺς ἴμαντα καὶ ἀποδυσάμενος ἐκέλευσε μαστιγοῦν αὐτὸν ἐφ' οἵς ἔπραξεν ὑπὸ τοῦ καταράτου θυμοῦ βιασθείς· αὐτὸς γάρ οὕτως ὠνόμασεν. ἐμοῦ δ' ὡς εἰκός γελῶντος ἐδεῖτο προσπίπτων τοῖς γόνασι, μὴ ἄλλως ποιεῖν. εὔδηλον οὖν, ὅτι μᾶλλον ἐποίει με γελᾶν, ὅσῳ μᾶλλον ἐνέκειτο μαστιγωθῆναι δεόμενος. ἐπειδὴ <δὲ> ταῦτα ποιούντων ἡμῶν ἴκανὸς ἐτρίβετο χρόνος, ὑπεσχόμην αὐτῷ δώσειν πληγάς, εἴ μοι παράσχοι καὶ αὐτὸς ἐν, δ' ἀν αἰτήσω, σμικρὸν πάνυ. ὡς δ' ὑπέσχετο, παρεκάλουν παρασχεῖν μοι τὰ ὡτα λόγον τινὰ διερχομένῳ, καὶ τοῦτ' ἔφην εἶναι τὸ αἴτημα. τοῦ δ' ὑποσχομένου πράξειν οὕτως, πλέον αὐτῷ διελέχθην ὑποτιθέμενος, ὅπως χρὴ παιδαγωγῆσαι τὸ ἐν ἡμῖν θυμοειδές, [τ]ῷ λόγῳ δῆλον ὅτι καὶ διαμαστιγῶν ἀλλ' ἐτέρῳ τρόπῳ, παιδαγωγήσας ἀπῆλθον. ἐκεῖνος μὲν οὖν <ἐν> ἐνιαυτῷ προνοησάμενος ἐαυτοῦ πολὺ βελτίων ἐγένετο.

«Тогда мой друг критянин, осыпая себя многочисленными упреками, взял меня за руку и привел в некий дом, где, дав мне ремень и сняв с себя одежду, приказал бичевать его за то, что он сделал под властью проклятого гнева – ибо так он назвал его. Когда же я, естественно, рассмеялся, он, упав на колени, стал просить выполнить его просьбу. И, ясное дело, что чем настойчивее он просил высечь его, тем более заставлял меня смеяться. По прошествии же довольно долгого времени, пока длилась эта сцена, я пообещал нанести ему удары, если и он пообещает мне одну маленькую вещь, о которой я его попрошу. И когда он согласился, я стал убеждать его внимательно выслушать мою речь, такова, сказал я, моя просьба. Когда же он согласился выполнить это, я изложил ему достаточно длинные доводы, что необходимо воспитывать страстную часть нашей души посредством увещевания и, очевидно,

бичевания, но иным образом. Преподав ему урок, я удалился. И вот, проявив попечение о самом себе, спустя год он стал намного лучше»⁷³⁹.

В этом рассказе, который призван показать силу убеждения Галена и его способность врачевать не только тела, но и души, раздражительный характер друга Галена противопоставляется спокойному и веселому нраву самого Галена. Намек на его спокойный нрав, возможно, содержится и в самом его имени $\gamma\alpha\lambda\eta\nu\acute{o}\varsigma$, «спокойный», «безмятежный». Идеал спокойствия и невозмутимости мудреца часто выражается тем же прилагательным, например, в «Размышлениях» Марка Аврелия:

«Природа целого устремилась к миропорядку. А теперь, что ни происходит, либо происходит последственно, либо лишено всякого смысла даже и самое главное, к чему устремляется всемирное ведущее. Вспомнишь это, итише ($\gamma\alpha\lambda\eta\nu\acute{o}\tau\epsilon\tau\omega\nu$) будет у тебя на душе»⁷⁴⁰.

По мнению Галена, спокойное выражение лица – это не только результат умеренной жизни в духе стоицизма, но и признак принадлежности к греческой культуре в целом. Гален высказывает похвалу греческому языку и отвергает прочие языки как варварские и неблагозвучные. Только красота греческого языка позволяет лицу сохранить ясность и невозмутимость; прочие языки не только режут слух, но и искажают лицо. Процитируем еще раз отрывок, который мы уже приводили в главе I. 3. 1:

«Если ты прислушаешься к звучанию варварских наречий, то ясно узнаешь, что одни похожи на крики свиней, другие – лягушек, трети – галок, четвертые – ворон, обезображивая сам вид языка, губ и всего рта. Ибо или из глотки выходят звуки подобные хрюпу, или они искажают губы и производят свист, или они усиливают весь голос, или совершенно

⁷³⁹ *De prop. an. aff. dign.* 4 (К. V, 18-20 = SM I, 13-15 = CMG V 4, 1 De Boer 1937: 14-15).

⁷⁴⁰ Марк Аврелий Антонин. *Размышления*. VII, 75, 1. Пер. А. К. Гаврилова.

его заглушают, или вынуждают широко разевать рот и трясти языком, или не дают вообще открыть рот и делают язык заплатающимся, неподвижным и словно бы связанным»⁷⁴¹.

В этом отрывке мы видим беспокойство Галена по поводу сохранения достойного выражения лица и недопустимости его искажения не только вследствие отрицательных эмоций, но и вследствие мимики при артикуляции в других языках. Соответствие между спокойствием, философским образом жизни и причастностью греческой культуре оживляет в памяти образ древнегреческого мудреца, который должен указывать на самого Галена.

Итак, внешний облик врача-философа играет важную роль в философском и нравственном автопортрете Галена. Лицо врача-философа отражает его умение владеть самим собой, спокойную красоту, достоинство человека и его волю. И, напротив, искажение черт лица вследствие гнева, отрицательных эмоций или не владения греческим языком приближает человека к животным. При этом, следует отметить, что Галена никак нельзя отнести к сторонникам физиognомии, как некоторых его современников⁷⁴². Рассказывая о болезнях и исцелениях, он оставляет в стороне физические черты, которые могли на них повлиять. Напротив, он подчеркивает, что именно образ жизни, род занятий и поведение человека оказывают влияние на физическое состояние.

Образ врача-философа в поздних сочинениях Галена дополняется мотивом богатого жизненного опыта, который придает его мнению авторитетность и убедительность. В небольшом трактате «О хороших и плохих соках» он дает советы своему адресату, который не назван по имени, о сохранении своего здоровья. После убедительного рассказа о последствиях плохого снабжения города и его влиянии на здоровье горожан, которые вынуждены были голодать в последние годы, Гален опровергает утверждения

⁷⁴¹ *De puls. diff.* II, 1 (К. VIII, 586).

⁷⁴² Ср. Stok 1995: 109-135.

своих конкурентов, отвергающих роль соков в развитии болезней, и обосновывает правоту своего мнения богатым опытом:

εἰς δὲ τὸν ἐνεστῶτα λόγον ἵκανὴ καὶ τῶν ἐν τοῖς λιμοῖς ὀφθέντων ἡ διήγησις. εἰ δέ μοι πιστεύειν ἐθέλοις οὐδεμίαν μὲν αἰτίαν ἔχοντι τοῦ ψεύδεσθαι, δυσχεραίνοντι δὲ ἐπὶ τῷ πολλοὺς ἐν βιβλίοις ἐνδόξους ἄνδρας ἐψεῦσθαι μεγάλως, διηγήσομαι σοι τὰ διὰ μακρᾶς πείρας ἐν ὅλῳ μοι τῷ βίῳ γνωσθέντα μετὰ τοῦ <καὶ> τοὺς θεοὺς ἐπικαλέσασθαι μάρτυρας.

«Но для настоящего рассуждения достаточно рассказа о наблюдениях во время голодания. Если же ты хочешь верить мне, поскольку я не имею никакой причины лгать, но возмущен тем, что многие знаменитые мужи нагло солгали в своих книгах, я расскажу тебе то, что узнал из долгого опыта на протяжении всей моей жизни, призывая богов в свидетели»⁷⁴³.

Необходимо отметить, что после Галена этот аргумент об опыте, приобретенном в течение долгой жизни из практики и путешествий, стал общим местом в медицинских текстах⁷⁴⁴. А апелляция к мудрости и авторитету, которые свойственны преклонному возрасту, была достаточно популярным литературным и философским мотивом, особенно, у авторов периода Второй софистики⁷⁴⁵. И Гален демонстрирует здесь свое владение этим риторическим приемом для утверждения своего мнения.

V. 7. Выводы

В этой главе были рассмотрены основные риторические особенности автобиографических заметок Галена, разбросанных по всему корпусу его сочинений. Анализ этих фрагментов показал, что они не только служат

⁷⁴³ *De bon. mal. succis* 1, 14 (CMG V 4, 2, Helmreich 1923: 392).

⁷⁴⁴ См., напр., Alexand. Trall. *Therap.* I, 1 (Puschmann 1878 (Band 1): 289); Theod. Prisc. *Euporist.*, pref. (Rose 1894: 5).

⁷⁴⁵ О связи между мудростью, старостью и авторитетом см. Pernot 1993 (II): 566. Cp. Lucianus. *Hercul.* 4, 7-8; Dio Chrysost. *Nestor*.

важным историческим источником о жизни и личности Галена, но выступают важным инструментом его самопрезентации, встроенным в медицинский, философский и культурный контекст эпохи. Автобиография Галена представляет собой интеллектуальное путешествие, историю ученого, посвятившего свою жизнь исследованиям и поиску истины, которую он отстаивал в многочисленных дебатах со своими оппонентами, путешественника и экспериментатора, достигшего вершин медицинской карьеры.

Новизна автобиографии состоит в том, что он сумел вписать ее в интеллектуальную историю своего времени, создать единственный в истории Античности эпистемологический проект, который даже в последующие времена не был реализован с такой полнотой и широтой. Галена можно считать изобретателем нового литературного жанра – интеллектуальной биографии. В своих воспоминаниях, описаниях путешествий, историях болезней, публичных диспутах Гален изображает *ethos* ученого с высокими нравственными качествами, врача и философа – друга Марка Аврелия. Автобиография Галена позволяет проследить его научное становление от юности, насыщенной поиском новых знаний, до глубокой старости, преисполненной опытом и книжным наследием.

Нарисованный Галеном автопортрет воплощает греческий идеал *калокагатии*: здорового и крепкого человека, умеющего властвовать над гневом и аффектами, презирающего славу и сохраняющего спокойствие и безмятежность в любой ситуации. Для создания этого образа Гален пользуется всем набором риторических приемов своего времени, следуя традиции повествования о себе, к которой принадлежали такие авторы, как Сенека, Марк Аврелий и Элий Аристид. Прежде всего, он искусно избегает проблемы прямого самовосхваления, мастерски используя приемы периавтологии, разработанные еще в античных риториках: вкладывает похвалу в уста других людей, которая достигает своей кульминации в отзыве Марка Аврелия, провозглашающего Галена «единственным философом вреди врачей»;

оправдывает рассказы о себе необходимостью защиты истины или просьбой друзей; приводит якобы вынужденные сравнения с оппонентами, подчеркивая контраст между результатами их лечениями и собственными успехами в диагностике и терапии; использует косвенные оценочные суждения о достоинствах своего отца, отражающие его собственные качества.

Для создания интеллектуального и морального автопортрета Гален постоянно апеллирует к таким авторитетам прошлого, как Гиппократ, Сократ и Платон, подчеркивая следование греческой культурной традиции в области образования и философских идеалов и укрепляя, таким образом, свои позиции в полемике с оппонентами. Рассказывая о своих путешествиях (на Лемнос, в Палестину, в Александрию, на Кипр), Гален демонстрирует свою эрудицию в области знания географии, мифологии и местных обычаяев врачевания. Кроме того, он подтверждает свой научный метод и создает образ ученого практика и экспериментатора в отличие от тех врачей, которые изучают медицину только по книгам.

Рассказы о собственных болезнях и способах их лечения служат дополнительным доказательством компетентности Галена в области диагностики и терапии, иллюстрируют его умеренный образ жизни и самодисциплину. С другой стороны, эти автобиографические вставки оживляют текст, отвлекая читателей от сухого повествовательного стиля медицинских текстов.

Гален впервые создал образ врача-философа, сочетающего профессиональную компетентность с опорой на наблюдение и эксперимент, высокие моральные принципы и непрекаемый авторитет у коллег и пациентов, который впоследствии станет образцом для создания автобиографии ученого⁷⁴⁶.

Таким образом, автобиографические заметки в сочинениях Галена – это не просто случайные разрозненные воспоминания, а продуманная

⁷⁴⁶ Ближайшим литературным преемником в области научной автобиографии можно считать арабского писателя Аль Рazi, см. Alvarez-Millan 1999.

риторическая стратегия, направленная на утверждение его авторитета в медицинской и философской среде римского общества II-III вв. Они отражают не только личность самого Галена, но также культурное, социальное и интеллектуальное своеобразие эпохи Второй софистики. Дальнейшее исследование автобиографического жанра этого периода может быть направлено на сравнительный анализ автобиографических приемов Галена и других античных авторов (например, Элия Аристида или Марка Аврелия), а также на изучение влияния этих текстов на позднейшую медицинскую и философскую традицию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод, что риторику Галена можно рассматривать в трех аспектах: как часть риторической культуры Второй софистики, как основу медицинской и научной риторики и как риторический пример интеллектуальной автобиографии. Таким образом, природа текстов Галена далеко неоднозначна: они составляют неотъемлемую часть истории античной литературы, науки, медицины и философии, что делает их важной составляющей интеллектуальной традиции эпохи Римской империи II-III вв. н. э.

Гален получил фундаментальной греческое образование, солидную подготовку в области математики и философии, прекрасно владел риторическим инструментарием, поэтому неудивительно, что его сочинения отражают ключевые тенденции эпохи Второй софистики: интерес к классическому наследию, агонистический характер интеллектуальной жизни, синтез науки и риторики, характерные для других авторов этого периода. Следы этого образования отчетливо отображаются практически на каждой странице его текстов в виде цитат и аллюзий на классическую греческую литературу, поэзию и философию, в том числе на утраченные тексты литературного прошлого, в жанровом разнообразии его текстов, во внимании к проблемам языка и стиля. Оно же проявляется и в его многочисленных замечаниях о важности владения греческим языком и правильной речью, которое был неотъемлемым признаком греческой *παιδεία*, поскольку правильность, ясность и точность определений играла для него первостепенную роль будь то в полемических экскурсах, комментариях, автобиографии или логических трактатах.

Критикуя софистов за избыточное внимание к форме в ущерб содержанию, он тем не менее активно использовал риторические приемы для усиления своих аргументов и формирования ясного и убедительного научного дискурса. Его подход к терминологии, метафоре и стилю отражал стремление

к точности и однозначности, что особенно ярко проявилось в его работах по систематизации медицинской лексики.

В своих повествованиях Гален как опытный оратор придавал особое значение наглядности и силе создаваемого образа, украшая свою речь разнообразными историями, описаниями и анекдотами, чтобы оживить повествование, произвести впечатление на читателя и упрочить свой авторитет. Можно смело утверждать, что Гален разработал новую модель медицинского нарратива, в которой клинические наблюдения, анатомические описания и истории болезней сочетались с литературными приемами, заимствованными из исторической и риторической традиций. Его рассказы выполняли одновременно несколько функций: развлекательную, научно-дидактическую и аргументативную. С другой стороны, его автобиографические заметки, рассеянные в корпусе его сочинений, служили инструментом самопрезентации, создавая образ идеального врача-философа, непререкаемого авторитета, обладающего высокими моральными качествами. Таким образом, тексты Гален сильно отличаются от медицинской прозы и «технических текстов» его предшественников, приближаясь к лучшим образцам классической литературы.

Отражая литературные и риторические практики своего времени, Гален тем не менее оставался частью мира медицины, который завораживал и пугал образованных людей того времени. Во времена Галена мы обнаруживаем следы настоящей моды на медицину и исследование человеческого тела за пределами медицинской литературы. Медицинские проблемы захватывали область риторики (Аристид, Псевдо-Квинтилиан), этики (Сенека, Марк Аврелий), греческого романа (Апулей, Харитон, Ахилл Татий) и эпистолярную литературу (Фронтон). Авл Геллий демонстрировал прекрасное знание медицинских проблем, связанных с римским правом. Публичное анатомирование животных вызывало живой интерес у римской публики как раскрытие тайн тела и природы. Поэтому читательская аудитория такого автора, как Гален, была, несомненно, очень широка. И если медицина как

предмет могла увлекать образованных римлян, то литературные и философские темы того времени, конечно, оказывали влияние и на врачей.

В силу высокой конкурентности медицинской профессии в Риме времен Галена важное место в его творчестве занимал полемический дискурс. Почти все его сочинения содержат критику как современных, так и предшествующих ему авторов. В полемике он сочетал логическую строгость с опорой на аристотелевские силлогизмы и риторические приемы, заимствованные из судебного красноречия. Это позволяло ему не только с легкостью опровергать оппонентов, но и представлять себя как единственного истинного наследника Гиппократа, Платона и Аристотеля.

Новизна сочинений Галена состоит в том, что он сознательно и последовательно погружает медицинскую проблематику в литературную среду, что прежде него не удавалось ни одному медицинскому автору. Все его работы, при этом, содержат автобиографическое измерение, где голос автора слышен на каждой странице. Таким образом, Гален стал для многих последующих поколений олицетворением медицины, а медицина стала отождествляться с его именем.

Поэтому вполне справедливо говорить о его наследии как об основе медицинской риторики, которая воплотилась в широкой и многогранной медицинской литературной традиции, начиная от позднеантичного периода, далее на всем протяжении Средневековья, эпохи Возрождения, Нового времени и вплоть до XIX века. Заложенные Галеном принципы литературного описания клинических случаев, анатомических описаний, ведения научной полемики с оппонентами, комментирования текстов Гиппократа стали архетипом для последующих медицинских текстов как на Западе, так и благодаря многочисленным переводам на Востоке. В эпоху Возрождения аргументация в медицине обрела собственно «галеновский» тон с точки зрения словарного запаса, аргументации и риторических приемов. Самым ярким тому свидетельством служит главный анатомический труд эпохи Возрождения – «О строении человеческого тела» Везалия, основоположника научной анатомии.

Гален, которого читали и перечитывали, переписывали, печатали, комментировали, а иногда и критиковали, стал образцом для врачей как в теории, так и в вопросах практики вплоть до конца XIX в., когда античная гуморальная теория (*equilibrium humorum*) была полностью опровергнута клеточной теорией Р. Вирхова (*omnis cellula e cellula*). Гален стал образцом ученого не только благодаря своему способу говорить об исследованиях, наблюдениях, экспериментах, истине, но и благодаря своему непревзойденному мастерству полемики с конкурентами и оппонентами. Благодаря своей медицинской и научной риторике Галену удалось создать образ идеального ученого – энциклопедически образованного, следующего научному методу, дисциплинированного, стремящегося к истине, бескорыстного, неподвластного разного рода аффектам, добродетель которого служит залогом успеха лечения и доверия пациентов.

Огромный корпус текстов Галена, который благодаря его популярности и востребованности сохранился в достаточно большом объеме, его научная мысль в сочетании с образом жизни человека науки и придворного врача-философа сделали его образцом для подражания для многих поколений врачей. И, наконец, парадигма медицинской риторики, предложенная Галеном, применима к истории науки и культуры в более широком смысле. Вступая в дискуссию о таких понятиях, как наука и истина, Гален выходит за пределы только медицинского знания и придает своему научному дискурсу черты универсальности.

Таким образом, Галена следует рассматривать не только как одного из величайших врачей Античности, но и как выдающегося интеллектуала, сочинения которого воплотили синтез медицины, риторики и философии, характерный для эпохи Второй софистики. Его наследие убедительно доказывает, что в античной науке строгая логика и эмпирическое наблюдение не противоречили риторическому искусству убеждения, а дополняли друг друга. Исследование сочинений Галена открывает новые перспективы для

изучения взаимодействия научного, литературного и риторического дискурсов в античной и более поздних традициях.

В последние годы наблюдается все более возрастающий интерес к вопросам гуманизации медицины, медицине дискурса и диалога с пациентом. И хотя медицинская риторика могла показаться устаревшей, в настоящее время она возвращается в медицинскую практику. Таким образом, чтение Галена с литературной точки зрения приобретает важный смысл в долгой истории медицинской риторики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сочинения Галена

- Adv. Jul.* – *Adversus ea quae Juliano in Hippocratis aphorismos enuntiata sunt libellus*
- Adv. Lyc.* – *Adversus Lycum libellus*
- Ars med.* – *Ars medica*
- De alim. fac.* – *De alimentorum facultatibus libri III*
- De anat. adm.* – *De anatomicis administrationibus libri IX*
- De animi aff. dign.* – *De proprietum animi cuiuslibet affectuum dignotione et curatione*
- De antid.* – *De antidotis*
- De capt. pen. dict.* – *De captionibus penes dictionem*
- De caus. morb.* – *De causis morborum*
- De comp. med. per gen.* – *De compositione medicamentorum per genera*
- De comp. med. sec. loc.* – *De compositione medicamentorum secundum locos*
- De const. art. med.* – *Ad Patrophilum de constitutione artis medicae*
- De cris.* – *De crisis*
- De diaeta Hipp.* – *De diaeta Hippocratis in morbis acutis*
- De diff. morb.* – *De differentiis morborum*
- De diff. puls.* – *De differentiis pulsuum*
- De dign. puls.* – *De dignoscendis pulsibus*
- De elem. sec. Hipp.* – *De elementis secundum Hippocratem*
- De fac. nat.* – *De naturalibus facultatibus*
- De foet. form.* – *De foetuum formatione*
- De indol.* – *De indolentia*
- De libr. pr.* – *De libris propriis*
- De loc. aff.* – *De locis affectis*
- De meth. med.* – *Ad Glauconem de medendi methodo*
- De morb. caus.* – *De morborum causis*

De motu musc. – De motu muscularum
De nerv. diss. – De nervorum dissectione
De opt. doctr. – De optima doctrina
De opt. med. cogn. – De optimo medico cognoscendo
De ord. libr. – De ordine librorum suorum
De oss. – De ossibus ad tirones
De part. art. med. – De partibus artis medicative
De plac. Hipp. et Plat. – De placitis Hippocratis et Platonis
De praec. – De praecognitione
De pr. plac. – De propriis placitis
De puls. diff. – De pulsuum differentia
De san. tuenda – De sanitate tuenda
De sem. – De semine
De simpl. med. temp. et fac. – De simplicium medicamentorum temperamentis et facultatibus
De suc. – De bonis malisque sucis
De sympt. caus. – De symptomatum causis
De sympt. diff. – De symptomatum differentiis
De ther. – De theriaca ad Pisonem
De temper. – De temperamentis
De usu part. – De usu partium
De ven. art. diss. – De venarum arteriarumque dissectione
De ven. sect. – De venae sectione adversum Erasistratum
In Hipp. Aphor. – In Hippocratis Aphorismos commentarii VII
In Hipp. De fract. – In Hippocratis De fracturis commentarii III
In Hipp. De nat. hom. – In Hippocratis De natura hominis librum commentarii III
In Hipp. De off. med. – In Hippocratis De officina medici commentarii III
In Hipp. De vict. ac. – In Hippocratis De victu acutorum commentarii IV
In Hipp. Epid. I – In Hippocratis librum I Epidemiarum commentarii III
In Hipp. Epid. II – In Hippocratis librum II Epidemiarum commentarii V

In Hipp. Epid. III – In Hippocratis librum III Epidemiarum commentarii III
In Hipp. Epid. VI – In Hippocratis librum VI Epidemiarum commentarii VI
In Hipp. libr. de art. – In Hippocratis librum de articulis
In Hipp. progn. – In Hippocratis prognosticum commentarii III
In Hipp. prorrh. I – In Hippocratis prorrheticum I commentarii III
Inst. log. – Institutio logica
Ling. exol. Hipp. expl. – Linguarum seu dictionum exoletarum Hippocratis explicatio
Protr. – Protrepticus (= Adhortatio ad artes addiscendas)
Quod opt. med. – Quod optimus medicus sit quoque philosophus

Другие авторы и их сочинения

Alcinoos
Didasc. – Didascalikos

Alexander Trallianus
Therap. – Therapeutica

Aphthonius
Progymn. – Progymnasmata

Aretaeus
Chron. – De morbis chronicis

Aristoteles
Part. an. – De partibus animalium
Rhet. – Rhetorica

Cassiodorus
Var. – Variae

Celsus
Med. – De medicina

Cicero
Fam. – Epistulae ad familiares

Inv. rhet. – De inventione rhetorica

Columella

Rust. – De re rustica

Demosthenes

Epist. – Epistulae

De cor. – De corona

Dionysius Halicarnassensis

Thuc. – De Thucydide

Lys. – De Lysia

Hippocrates

De art. – De articulis

De cap. vuln. – De capitis vulneribus

De off. – De officina

Epid. – Epidemiae

De gland. – De glandulis

Lucianus

Rhet. praec. – Rhetorum praceptor

Pisc. – Revivescentes sive piscator

Hercul. – Hercules

Origenes

Contra Cels. – Contra Celsum

Plato

Apol. – Apologia Socratis

Charm. – Charmides

Gorg. – Gorgias

Phaed. – Phaedo

Plinius

Hist. nat. – Historia naturalis

Plutarchus

Gracc. – Tiberius et Gaius Gracchus

De laud. ips. – De laude ipsius

De aud. poet. – Quomodo adolescens poetas audire debeat

Ps.-Hermogenes

Progymn. – Progymnasmata

De meth. – De methodo sollertiae

Quintilianus

Inst. – Institutio oratoria

Sextus Empiricus

Pyr. – Pyrrhoniae hypotyposes

Strabo

Geogr. – Geographica

БИБЛИОГРАФИЯ

ИЗДАНИЯ ГАЛЕНА

1. Barigazzi A. Galeno, Protrettico. CMG V 1, 1. Berlino, 1991.
2. Boudon-Millot V. (éd., tr.). Galien. Exhortation à l'étude de la médecine. Art médical. T. II. Paris: Belles lettres, 2002.
3. Boudon-Millot V. (éd., tr.). Galien. Introduction générale. Sur l'ordre de ses propres livres. Sur ses propres livres. Que l'excellent médecin est aussi philosophe. T. I. Paris: Belles lettres, 2007.
4. Boudon-Millot V., Jouanna J., Pietrobelli A. (eds.). Galien. Ne pas se chagriner. T. IV. Paris: Belles lettres, 2010.
5. Boudon-Millot V. (éd., tr.). Galen. Thériaque à Pison. Paris: Les Belles Lettres, 2016.
6. Barigazzi A. Galeni De optimo docendi genere // Favorino di Arete: Opere. (Testi greci e latini con commento filologico 4). Firenze, 1966. P. 179-190.
7. De Lacy Ph. Galeni De elementis ex Hippocratis sententia. CMG V 1, 2. Berlin, 1996.
8. De Lacy Ph. Galen. On Semen / De semine. CMG V 3, 1. Berlin, 1992.
9. Galeni Opera Omnia. Rec. C. G. Kühn. T. 1-20, Leipzig, 1819-1833 (repr. Hildesheim, 1965).
10. Garofalo I. (éd., tr.). Galien. Les os pour les débutants. L'anatomie des muscles. T. VII. Paris: Belles Lettres, 2005.
11. Ieraci Bio A. M. Galeno. De bonis malisque sucis. Napoli, 1987.
12. Johnston I. and Horsley G. H. R. Galen. Method of Medicine. Vol. I-III. Cambridge, London, 2011.
13. Nutton V. Galeni De praecognitione. Galen. On Prognosis. CMG V 8, 1. Berlin, 1979.
14. Meyerhof M., Schacht J. Galen. Über die medizinischen Namen, arabisch und deutsch // Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften, 1931.

15. Polemis I., Xenophontos S. (eds.) Galen. On avoiding Distress. On my Own Opinions. Berlin: De Gruyter, 2023.
16. Vegetti M. Nuovi scritti autobiografici. Roma, 2013.

ИЗДАНИЯ ДРУГИХ АВТОРОВ

1. Aelius Theon. Progymnasmata. Texte ét. et trad. par M. Patillon, G. Bolognesi. Paris: Belles lettres, 1997.
2. Aphthonii Progymnasmata. Accedunt anonymi Aegyptiaci, Sopatri, aliorum fragmenta. Ed. H. Rabe. Leipzig, 1926.
3. Denys d'Halicarnasse. Opuscules rhétoriques I-III, ed., trad., com. G. Aujac-M. Level. Paris, 1978, 1981, 1988.
4. DK = Diels H., Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin, 1951-1952.
5. Garofalo I. Erasistrati Fragmenta. Pisa: Giardini Editori e Stampatori, 1988.
6. Julien Y., Amato E. Favorinos d'Arles. Œuvres. Tome I: Introduction générale. Témoignages. Discours aux Corinthiens. Sur la fortune. Paris: Belles lettres, 2005.
7. Hermogenis Opera. Ed. H. Rabe. Leipzig 1913 (repr. Stuttgart 1969, 1985).
8. Hermogenes. L'art rhétorique. Trad. française intégrale, introduction et notes par M. Patillon. Paris: L'AGE D'HOMME, 1997.
9. Hude C. Aretaeus. CMG II, 2nd ed. Berlin: Akademie Verlag, 1958.
10. Kollesch J., Kudlien F., and Nickel D. Apollonii Ctiensis In Hippocratis De articulis commentarius. CMG XI 1, 1. Berlin: Akademie Verlag, 1965.
11. Oeuvres complètes d'Hippocrate / Par É. Littré. Vol. 1-10. Paris, 1839-1861 (repr. Amsterdam, 1961-1973). Гиппократ. Сочинения. Т. 2-3. М.: Медгиз, 1941-1944.
12. Pseudo-Aelius Aristide. Arts rhétoriques. 2 vols. Texte ét. et trad. par M. Patillon. Paris: Les Belles Lettres, 2002.
13. Puschmann Th. Alexander von Tralles. Ein Beitrag zur Geschichte der Medicin. I Band. Wien, 1878.
14. RG = Spengel L. (ed.). Rethores Graeci. Vol. I-III. Leipzig, 1853-1856.

15. Rose V. Theodori Prisciani Euporiston libri III. Leipzig, 1894.
16. Wilson N. G. Photius: The Bibliotheca. A Selection Translated with Notes. London: Duckworth, 1994.

ПЕРЕВОДЫ СОЧИНЕНИЙ ГАЛЕНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

1. Гален Кл. О толках для начинающих / Пер. Е. В. Афонасина // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 9; № 1, 2015. С. 56-72.
2. Гален. О порядке собственных книг. Пер с древнегреч. и прим. И. В. Пролыгиной // Историко-философский ежегодник 2016. Институт философии РАН. М.: Аквилон, 2016. С. 50-68.
3. Гален. *Ars medica*. Медицинское искусство. Пер. с древнегреч. и прим. И. В. Пролыгиной // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 2. М.: Аквилон, 2014. С. 95-129; Вып. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 108-153.
4. Гален Кл. О моих воззрениях / Пер. Е. В. Афонасина // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 10; № 1, 2016. С. 190-215.
5. Гален Кл. Сочинения Т. 1-6. Общ. ред., сост., вступ. ст. и коммент. Д. А. Балалыкина. М.: Практическая медицина, 2014-2018, 2022.
6. Гален. *De libris propriis*. О собственных книгах. Перевод с древнегреч. и прим. И. В. Пролыгиной // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 11, № 2, 2017. С. 636-677.
7. Гален. О том, что не стоит печалиться / Пер. с древнегреч. и комм. И. В. Пролыгиной // Философский журнал, Т. 11, № 4, 2018. С. 180-186; Философский журнал, Т. 12, № 1, 2019. С. 181-189.
8. Гален. Об упражнении с маленьким мячом / Пер. с древнегреч. и прим. И. В. Пролыгиной // Философия. Журнал ВШЭ. Том III. № 1, 2019. С. 253-261.
9. Клавдий Гален. О назначении частей человеческого тела. Пер. с древнегреч. проф. С. П. Кондратьева под ред. акад. В. Н. Терновского. М.: Медицина, 1971.

10. Пролыгина И. В. Гален Пергамский и его трактат «О том, что наилучший врач есть также философ». Вступ. статья, перевод и примечания // Историко-философский ежегодник 2011. Институт философии РАН. Изд.: «Канон+», М., 2013. С. 82-100.

11. Пролыгина И.В. Гален. Увещание к занятию медициной. Вступ. статья, пер. с древнегреческого и примечания // Вестник Древней Истории № 3 (290). М., 2014. С. 251-267.

12. Пролыгина И. В. Трактат Галена «О костях для начинающих» // Hypothekai. Вып. 5. Учебные тексты в Античности. М.: Аквилон, 2021. С. 141-171.

ПЕРЕВОДЫ СОЧИНЕНИЙ ДРУГИХ АВТОРОВ

1. Гиппократ. Избранные книги / Пер. В. И. Руднева, комм. В. П. Карпова. М., 1936.

2. Гиппократ. Сочинения. Т. 2-3. Пер. В. И. Руднева. М.: Медгиз, 1941-1944.

3. Марк Аврелий Антонин. Размышления. Пер. А. К. Гаврилова. Ленинград: «Наука», 1985.

4. Плиний Старший. Естественная история. Кн. 7 / Пер. и comment. А. А. Павлова // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под. ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2009. № 17. С. 211-242.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. АФ ЭС = Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

2. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris: Klincksieck, 1968.

3. DPhA = Dictionnaire des Philosophes antiques. Paris, CNRS, 1994-2011.

4. Durling R. J. A dictionary of medical terms in Galen. Leiden: Brill, 1993.

5. Fichtner G. Corpus Galenicum. Bibliographie der galenischen und pseudogalenischen Werke. CMG. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, 2023/12
(<https://cmg.bbaw.de/fileadmin/Webdateien/Dateien/Galen-Bibliographie.pdf> - на 31.08.2024)
6. Gippert J. Index Galenicus. Wortformenindex zu den Schriften Galens. Dettelbach: Röll, 1997.
7. Marcovecchio E. Dizionario etimologico storico dei termini medici. Firenze: Festina Lente, 1993.
8. Terminologia anatomica. Международная анатомическая терминология. Под ред. акад. РАМН Л. Л. Колесникова. М.: Медицина, 2003.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования на русском языке

1. Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М.: Наука, 1973.
2. Архипов С. В., Пролыгина И. В. Гален о вывихе бедра и связке головки бедренной кости. *Opera medica historica*. Труды по истории медицины. Альманах РОИМ. 2019. Вып. 4. С. 89-96.
3. Ахунова О. Л. Роман Апулея «Метаморфозы, или золотой осел»: история и генезис сюжета. Дисс. на соискание уч. степени доктора филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2013.
4. Бахтин М. М. Античная биография и автобиография / Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930-1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 385-399.
5. Бекишева Е. В. Риторика в научной, учебной и практической медицине // Риторика: теория, история, практика. Греко-латинская лингвокультурология: риторика. Сост. М. Н. Славянская. М., 2018. С. 134-140.

6. Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели: структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С. 259-283.
7. Брагинская Н. В. Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // Arbor mundi, 2007. С. 9-62.
8. Брагинская Н. В. Показ, каталог, сравнение, экфраза: О. М. Фрейденберг о происхождении литературного описания // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Колл. монография под научной ред. Т. Автухович. Siedlce, 2018. С. 13-27.
9. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2-х томах. Часть 1-2. Тбилиси, 1984.
10. Демьянков В. З. Суждения о возможном и о вероятном в различных культурах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 312-322.
11. Диллон Дж. Средние платоники. 80 г. до н. э. – 220 н. э. СПб: Издательство Олега Абышко, 2002 (пер. с англ.).
12. Левинская О. Л. Лукиан и Апулей во взаимном отражении / Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010, № 10 (53). С. 157-183.
13. Марр А.-И. История воспитания в Античности (Греция). М.: ГЛК, 1998 (пер. с франц.).
14. Моррис Ч. Основания теории знака / Ю. С. Степанов (сост.). Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 37-89.
15. Новодранова В. Ф. Роль обыденного знания в формировании научной картины мира // Терминология и знание. Материалы I Международного симпозиума (Москва, 23-24 мая 2008 г.). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2009. С. 89-93.

16. Петрова М. С. Онейрокритика в Античности и в Средние века (на примере Макробия) // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков / Общ. ред. М. С. Петровой. М.: Круг, 2010. С. 176-228.
17. Подосинов А. В. Античная картография: факты и проблемы // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 61-70.
18. Пролыгина И. В. Некоторые замечания о семантике медицинских терминов у Галена Пергамского // Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии. Материалы Всероссийской научно-учебно-методической конференции 18-20 октября 2016 г. СПб, 2016. С. 202-206.
19. Пролыгина И. В. Трактат Галена *De indolentia* в контексте моральной философии // Философский журнал, Т. 11, № 4, 2018. С. 171-179.
20. Пролыгина И. В. Рациональное и сакральное у Галена // Философия. Журнал ВШЭ. Философия и сакральное в Античности. Том 2. № 1, 2018. С. 33-51.
21. Пролыгина И. В. К вопросу о медицинской библиотеке свт. Фотия Константинопольского // Библия и христианская древность. 2021. № 3 (11) С. 125-139.
22. Пролыгина И. В. О роли научно-исследовательских путешествий в медицинском образовании II-III веков н. э. // Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2022. № 6. С. 17-39.
23. Пролыгина И. В. О медицинской риторике Галена // Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2023. № 7. С. 147-158.
24. Пролыгина И. В. Гален как представитель греческой *paideia* эпохи Второй софистики // Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2024. № 8. С. 55-73.
25. Пролыгина И. В. О роли семиотической интерпретации в античной медицинской традиции // Когнитивные исследования языка. Вып. 58. Когнитивный подход к описанию терминологических систем и специальных видов дискурса. Москва, Тамбов, 2024. С. 553-558.

26. Пролыгина И. В. Развитие жанра научного комментария в Галеновском корпусе // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 13, № 4 (49), 2024. С. 85-89.
27. Пролыгина И. В. Био-библиографические сочинения Галена как источник по истории римской книжной культуры // Гуманитарный вектор. Т. 19. № 4, 2024. С. 60-68.
28. Пролыгина И. В. Типы и маркеры повествовательного дискурса в анатомических сочинениях Галена // Филология: научные исследования. № 2, 2025. С. 34-42.
29. Пролыгина И. В. Функции и техника цитирования в корпусе текстов Галена // Мир науки, культуры, образования. № 2 (111), 2025. С. 485-488.
30. Пролыгина И. В. Гален о греческом языке медицины: отголоски софистических споров об аттицизме и азианизме // Филология: научные исследования. № 3, 2025. С. 171-179.
31. Пролыгина И. В. *Artifex artificibus* или *idiota idiotis*: топос «любовной болезни» в медицинском нарративе Галена // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIX (2). СПб.: ИЛИ РАН, 2025. С. 319-331.
32. Славягинская М. Н. (сост.). Риторика: теория, история, практика. Греко-латинская лингвокультурология: риторика. М., 2018.
33. Фернгрен Г. Вивисекция: античность и современность // История медицины. 2017. Т. 4. № 3. С. 243-254.
34. Хорькова И. В. Гален против Аристотеля: К вопросу о формировании медицинской терминологии // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXI. СПб.: Наука, 2017. С. 832-837.
35. Чернявский М. Н. Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии // Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. / под ред. Б. В. Петровского. М.: Советская энциклопедия, 1984. Т. 3. С. 411-425.
36. Шичалин Ю. А. Возникновение европейской комментаторской традиции // Историко-филологический ежегодник – 1989. М., 1989. С. 68-77.

37. Шичалин Ю. А. Комментарий к классическому произведению как вид учебного текста // Проблемы школьного учебника. Вып.19. М., 1990. С.72-91.

Исследования на иностранных языках

38. Alieva O., Kotzé Ф., and van der Meeren S. (eds.). *When Wisdom Calls: Philosophical Protreptic in Antiquity*. Turnhout: Brepols, 2018.
39. Alvarez-Millan C. Graeco-Roman Case Histories and their Influence on Medieval Islamic Clinical Accounts // The society for social history of medicine 12-1, 1999. P. 19-43.
40. Amato E., Schamp J. (eds.) *Ethopoiia. La représentation de caractères entre fiction scolaire et réalité vivante à l'époque impériale et tardive*. Salerno, 2005.
41. Anderson G. *The Second Sophistic: A Cultural Phenomenon in The Roman Empire*. London, 1993.
42. Anderson G. Some Uses of Storytelling in Dio / S. Swain (ed.). *Dio Chrysostom. Politics, Letters, and Philosophy*. New York: Oxford University Press, 2000. P. 143-160.
43. Armisen-Marchetti M. *Histoire des notions rhétoriques de métaphore et de comparaison, des origines à Quintilien* // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé: Lettres d'humanité*, n°49, décembre 1990. P. 333-344.
44. Asper M. *Un personaggio incerca di lettore. Galens Grösser Puls und die "Erfindung" des Lesers* / Th. Fögen (ed.). *Antike Fachtexte. Ancient Technical Texts*. Berlin: De Gruyter, 2006. P. 21-39.
45. Asper M. (ed.) *Writing Science. Medical and Mathematical Authorship in Ancient Greece*. Berlin: De Gruyter, 2013.
46. Baldwin B. *Studies in Lucian*. Toronto, 1973.
47. Barnes J. *Proofs and syllogism in Galen* / J. Barnes, J. Jouanna. *Galien et la philosophie* (éds.). *Entretiens de la Fondation Hardt XLIX*. Geneva, 2003. P. 1-24.
48. Barton T. *Power and Knowledge: Astrology, Physiognomics and Medicine under the Roman Empire*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.

49. Baslez F., Hoffmann P., Pernot L. (eds.) *L'invention de l'autobiographie d'Hésiode à Saint Augustin*. Paris: Presses de l'École Normale Supérieure, 1993.
50. Berardi F. La teoria dello stile in Diogini di Alicarnasso: il caso dell' *energeia* / P. Chiron, C. Lévy (eds.). *Les noms du style dans l'Antiquité gréco-latine*. Louvain: Peeters, 2010. P. 179-200.
51. Bompaire J. Les historiens classiques dans les exercices préparatoires de rhétorique (*progymnasmata*) // *Recueil Plassart*. Paris, 1976. P. 1-7.
52. Bompaire J. Quatre styles d'autobiographie au IIe s. de notre ère: Aelius Aristide, Lucien, Marc Aurèle, Galien / F. Baslez, Ph. Hoffman, L. Pernot (eds.). *L'invention de l'autobiographie d'Hésiode à Saint Augustin*. Paris: Presses de l'École Normale Supérieure, 1993. P. 231-244.
53. Bompaire J. *Lucien écrivain*. Paris, 1958.
54. Börno M. and Coughlin S. Galen on Bad Style (*kakozelia*): Hippocratic Exegesis in Galen and Some Predecessors / V. Nutton and L. Totelin (eds.). *Ancient Medicine, behind and beyond Hippocrates: Essays in Honour of Elizabeth Craik*. Technai 11, 2020. P. 145-175.
55. Boscherini S. *Studi di Lessicologia medica antica*. Bologna: Patron, 1993.
56. Boudon V. Galien face à la peste antonine ou comment penser l'invisible? / S. Bazin-Tacchella, D. Quéruel et E. Samama (éds.). *Air, miasmes et contagion. Les épidémies dans l'Antiquité et au Moyen Age*. Langres: D. Guénot, 2001. P. 29-54.
57. Boudon-Millot V. Galien par lui-même. Les écrits bio-bibliographiques (*De ordine librorum suorum et De libris propriis*) / *Studi su Galeno: Scienza, filosofia, retorica e filologia*. Atti del seminario, Firenze 13 novembre 1998. Università degli studi di Firenze, 2000. P. 119-133.
58. Boudon-Millot V. Aux marges de la médecine rationnelle: Médecins et charlatans à Rome au temps de Galien // *Revue des Études Grecques* 116, 2003. P. 109-131.
59. Boudon-Millot V. Galien commentateur d'Hippocrate: de l'authenticité des traités hippocratiques / P. Hummel, F. Gabriel (eds.). *Verités Philologiques. Études*

sur les notions de vérité et de fausseté en matière de philologie. Paris: Philologicum, 2008. P. 75-92.

60. Boudon-Millot V. Anecdote et antidote: fonction du récit anecdotique dans le discours galénique sur la thériaque / C. Brockman, W. Brunschön, O. Overwien (eds.). *Antike Medizin im Schnittpunkt von Geistes- und Naturwissenschaften*. Berlin: De Gruyter, 2009. P. 45-62.
61. Boudon-Millot V. Galien de Pergame, un médecin grec à Rome. Paris, 2012.
62. Boudon-Millot V. Dans les yeux du singe qu'on dissèque: Galien face à la souffrance animale // *Anthropozoologica* 58, 10, 2023. P. 97-106.
63. Bowersock G. W. *Greek Sophists in the Roman Empire*. Oxford, 1969.
64. Bowie E. *Greeks and their Past in the Second Sophistic. Past and Present* 46, 1970. P. 3-41.
65. Bowie E. *Portrait of the sophist as a young man* / B. McGing, J. Mossman (eds.). *The Limits of Ancient Biography*. Swansea: Classical Press of Wales, 2006. P. 141-153.
66. Braet A. C. On the origin of normative argumentation theory: the paradoxical case of the rhetoric to Alexander // *Argumentation* 10, 1996. P. 347-359.
67. Bréchet C. *Parle avec eux. Le dialogue avec les auteurs classiques* / S. Dubel, S. Gotteland (eds.). *Formes et genres du dialogue antique*. Pessac: Ausonius, 2015. P. 155-164.
68. Brixhe C. *Linguistic Diversity in Asia Minor during the Empire: Koine and non-Greek Languages* / E. J. Bakker (ed.). *A Companion to the Ancient Greek Language*. Oxford, 2010. P. 228-252.
69. Brockman C., Brunschön W., Overwien O. (eds.). *Antike Medizin im Schnittpunkt von Geistes- und Naturwissenschaften*. Berlin: De Gruyter, 2009.
70. von Brunn W. *Darf man Galenos "Claudius" nennen?* // *Ciba Zeitschrift* 4. P. 1505.
71. Brunt P. *The Bubble of the Second Sophistic* // *Bulletin of the Classical Studies* 39, 1994. P. 25-52.

72. Cairns D., Scodel R. (eds.) *Defining Greek Narrative*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000.
73. Cairns F. *Generic Composition in Greek and Roman Poetry*. Ann Arbor: Michigan Classical Press, 2007 (first ed. 1972).
74. Calboli G. *L'expolitio comme figure de style / P. Chiron, C. Levy (eds.)*. Les noms du style dans l'antiquité gréco-latine. Louvain: Peeters, 2010. P. 299-314.
75. Chandezon Ch., Du Bouchet J. (eds.) *Artémidore de Daldis et l'interprétation des rêves*. Quatorze études. Paris: Les Belles Lettres, 2014.
76. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris: Klincksieck, 1968.
77. Chiaradonna R. *Le traité de Galien “Sur la démonstration” et sa postérité tardo-antique / R. Chiaradonna, F. Trabattoni (eds.)*. *Physics and Philosophy of Nature in Greek Neoplatonism*. Leiden-Boston, 2009. P. 43-77.
78. Chiaradonna R. *Galen on what is persuasive (pithanon) and what approximates to truth / P. Adamson, R. Hansberger, and J. Wilberding (eds.)*. *Philosophical Themes in Galen*. Bulletin of the Institute of Classical Studies, Suppl. 114, 2014. P. 61-88.
79. Chiron P., Lévy C. (eds.). *Les noms du style dans l'Antiquité gréco-latine*. Louvain: Peeters, 2010. P. 179-200.
80. Christol M. and Drew-Bear T. *Caracalla et son médecin L. Gellius Maximus à Antioche de Pisidie. / S. Colvin (ed.)* *The Greco-Roman East: Politics, Culture, Society*. New Haven, 2004. P. 85-118.
81. Coker A. *Galen and the Language of Old Comedy: glimpses of a lost treatise at PA 23b-28 / C. Petit (ed.)*. *Galen's Treatise Περὶ Ἀλυπίας (De indolentia) in Context: A Tale of Resilience*. Leiden: Brill, 2019.
82. Cox Miller P. *Biography in Late Antiquity: A Quest for Holy Man*. California: University of California Press, 1983.
83. Cribiore R. *Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton: Princeton University Press, 2001.

84. Crombie A. *Styles of Scientific Thinking in the European Tradition: The History of Argument and Explanation, especially in the Mathematical and Biomedical Sciences and Arts*. London: Duckworth, 1995.
85. Cross J. *Hippocratic Oratory: The Poetics of Early Greek Medical Prose*. London, New York: Routledge, 2018.
86. Curtis T. *Genre and Galen's Philosophical Discourses* / P. Adamson, R. Hansberger et J. Wilberding (eds.). *Philosophical Themes in Galen*. BICS Suppl. 114, 2014. P. 39-59.
87. De Jong I. F. G., Nünlist R., Bowie A. (eds.). *Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature*. Mnem. Suppl. 257. Leiden: Brill, 2004.
88. van der Eijk Ph. *Towards a Rhetoric of Ancient Scientific Discourse: Some Formal Characteristics of Greek Medical and Philosophical Texts (Hippocratic Corpus, Aristotle)* / E. J. Bakker (ed.). *Grammar as Interpretation. Greek Literature in Its Linguistic Contexts*. Leiden: Brill, 1997. P. 77-129.
89. van der Eijk Ph. *Medicine and Philosophy in Classical Antiquity. Doctors and Philosophers on Nature, Soul, Health and Disease*. Cambridge, 2005.
90. van der Eijk Ph. *Therapeutics* / R. Hankinson (ed.). *The Cambridge Companion to Galen*. Cambridge, 2008. P. 283-303.
91. van der Eijk Ph. "Aristotle! What a thing for you to say!" Galen's engagement with Aristotle and Aristotelians / C. Gill, J. M. Wilkins, T. J. G. Whitmarsh (eds.). *Galen and the World of Knowledge*. Cambridge, 2009. P. 261-280.
92. van der Eijk Ph. *Galen and the Scientific Treatise: A Case Study of Mixtures* / M. Asper (ed.). *Writing Science. Medical and Mathematical Authorship in Ancient Greece*. Berlin: De Gruyter, 2013. P. 145-175.
93. Debru A. (éd.). *Galen on Pharmacology*. Leiden, 1997.
94. Debru A. *Nommer la maladie: recherches sur le léxique gréco-latin de la pathologie*, Mémoires XVII, Centre Jean-Palerne de l'Université, 1998.
95. Delattre C., Valette E., Cottier J.-F., Kefallonitis S., Ribreau M., Soler J. (eds.) *Pragmatique du commentaire. Mondes anciens, mondes lointains*. Turnhout, 2018.
96. Dilke O. A. W. *Greek and Roman Maps*. Baltimore and London, 1998.

97. Dorandi T. ‘Editori’ antichi di Platone // *Antiquorum Philosophia*, 2010, No 4. P. 161-174.
98. Dross J. Qu'est-ce qu'un discours évident? Les rapports entre l'évidence et la claret dans l'*Institution Oratoire*. Les noms du style dans l'Antiquité gréco-latine. Louvain: Peeters, 2010. P. 179-200. P. 233-252.
99. Edelstein L. The History of Anatomy in Antiquity / O. Temkin, L. Temkin (eds.). *Ancient Medicine*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1967. P. 247-301.
100. Elliott C. J. *Galen, Rome and the Second Sophistic* (Diss.). Australian National University, 2005.
101. Fedeli P. Biblioteche private e pubbliche a Roma e nel mondo romano // G. Cavallo (ed.). *Le biblioteche nel mondo antico e medievale*. Roma-Bari: Laterza, 2004. P. 29-64.
102. Ferngren G. *Medicine and Religion: A Historical Introduction*. Baltimore: John Hopkins University Press, 2014. P. 14-35.
103. Flemming R. *Commentary* / R. J. Hankinson (ed.). *The Cambridge Companion to Galen*. Cambridge, 2008. P. 323-354.
104. Fögen T. (ed.) *Antike Fachtexte – Ancient Technical Texts*. Berlin and New York: De Gruyter, 2005.
105. Fögen T. *Wissen, Kommunikation und Selbstdarstellung. Zu Struktur und Charakteristik römischer Fachtexte der frühen Kaiserzeit*. Munich: Beck, 2009.
106. Frede M. *On Galen's Epistemology* / V. Nutton (ed.). *Galen: Problems and prospects*. London, 1981. P. 65-86.
107. Gaiser K. *Protreptik und Paränese bei Platon*. Stuttgart, 1959.
108. Garnsey P. *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis*. Cambridge, 1988.
109. Garnsey P. *Food and Society in Classical Antiquity*. Cambridge, 1999.
110. Garofalo I., Urso A. M., Fischer K. D., Lorusso V., Lami A., Palmieri N. *Congiunte e emendamenti inedita* // *Galenos* 4, 2010. P. 267-278.

111. Garofalo I., Lami A., Roselli A. (eds.) *Sulla tradizione indiretta dei testi medici greci. Atti del Seminario Internazionale* (Siena, 19-20 settembre 2008). Pisa: F. Serra, 2009.
112. Garzya A. (ed.) *Storia e ecdotica dei testi medici greci. Atti del II Conv. Intern.* (Parigi, 24-26 maggio 1994). Napoli, 1996.
113. Garzya A., Jouanna J. (eds.) *Tradizione e ecdotica. Actes du IIIe colloque international sur l'ecdotique des textes médicaux grecs.* Paris-Naples, 2003.
114. Gautherie A. *Rhétorique et thérapeutique dans le 'De medicina' de Celse.* Turnhout: Brepols, 2017.
115. Gibson C.A. *Encomium and thesis in Galen's De parvae pilae exercitio* // *Greek, Roman and Byzantine Studies* 54, 2014. P. 462-473.
116. Gill C., Whitmarsh T. and Wilkins J. (eds.) *Galen and the World of Knowledge.* Cambridge, 2009.
117. Gleason M. *Making men: sophists and self-presentation in ancient Rome.* Princeton, 1995.
118. Gleason M. *Shock and awe: the performance dimension of Galen's anatomy demonstrations* / C. Gill, T. Whitmarsh and J. Wilkins (eds.). *Galen and The World of Knowledge.* Cambridge, 2009.
119. Gleason M. *Aretaeus and the Ekphrasis of Agony* // *Classical Antiquity* 39. 2, 2020. P. 153-187.
120. Goebel G. H. *Probability in the earliest rhetorical theory* // *Mnemosyne* 42, 1989. P. 41-53.
121. Gourevitch D. *Le menu de l'homme libre. Recherches sur l'alimentation et la digestion dans les œuvres en prose de Sénèque le philosophe* // *Mélanges de philosophie, de littérature et d'histoire ancienne offerts à Pierre Boyancé.* Rome, 1974. P. 312-344.
122. Gourevitch D., Grmek M. D. *Medice, cura te ipsum. Les maladies de Galien* // *Études de Lettres*, 1986. P. 45-64.

123. Gourevitch D. *Limos kai Loimos. A Study of the Galenic Plague*. Paris: De Boccard, 2013.
124. Grimaldi W. M. A. *Semeion, tekmerion, eikos in Aristotle's Rhetoric* // *American Journal of Philology* 101, 1980. P. 383-398.
125. Grmek M. *Les maladies à l'aube de la civilisation occidentale*. Paris: Payot, 1983.
126. Gross A. *The Rhetoric of Science*. Harvard University Press, 1996.
127. Hägg Th. *The Art of Biography in Antiquity*. Cambridge: CUP, 2012.
128. Hahn J. *Der Philosoph und die Gesellschaft. Selbstverständnis, öffentliche und populäre Erwartungen in der hohen Kaiserzeit*. Stuttgart, 1989.
129. Hankinson R. J. *Galen on the Foundations of Science* / J. A. López Férez (ed.). *Galen: Obra, pensamiento e influencia*. Madrid, 1988. P. 15-29.
130. Hankinson R. J. *Galen's account of scientific knowledge* / J. A. Lopez Feréz (ed.). *Galen: Obra, Pensamiento y Influencia*. Madrid, 1991. P. 15-28.
131. Hankinson R. J. *The Man and His Work* / R. J. Hankinson (ed.). *The Cambridge Companion to Galen*. Cambridge, 2008. P. 1-33.
132. Hankinson R. J. *The Cambridge Companion to Galen*. Cambridge, 2008.
133. Havrda M. *The purpose of Galen's treatise 'On demonstration'* // *Early science and medicine*, 20 (3), 2015. P. 265-287.
134. Herbst W. *Galeni Pergameni de Atticissantium studiis testimonia*. Leipzig, 1911.
135. Holmes B. *Sympathy between Hippocrates and Galen: the Case of Galen's Commentary on Hippocrates' Epidemics book Two* / P. E. Pormann (ed.) *Epidemics in Context. Greek Commentaries on Hippocrates in the Arabic Tradition*. Berlin: De Gruyter, 2012. P. 49-70.
136. Ilberg J. *Über die Schriftstellerei des Klaudios Galenos*, Nachdruck aus *Rhein. Mus. Philol.*, 1889, 1892, 1897.
137. Ilberg J. *Aus Galens Praxis* // *Neue Jahrbücher f. d. klassische Altertum. Geschichte und Deutsche Literatur* 15, 1905. P. 276-312.

138. Ilberg J. Wann ist Galenos geboren? // Sudhoffs Archiv 23, 1930. P. 289-292.
139. Johnson W. A., Richter D. S. Periodicity and Scope // D. S. Richter, W. A. Johnson (eds.). *The Oxford Handbook of the Second Sophistic*. Oxford, 2017. P. 3-10.
140. Jones T. *The Silver-plated Age*. Lawrence: Coronado Press, 1973.
141. Jouanna J. Rhétorique et médecine dans la Collection hippocratique. Contribution à l'histoire de la rhétorique au Ve siècle // *Revue des Études Grecques* 97, 1984. P. 26-44.
142. Jouanna J. *Hippocrate*. Paris: Fayard, 1992.
143. Jouanna J. La naissance de l'art médical occidental / M. D. Grmek (ed.). *Histoire de la pensée médicale en Occident. 1. Antiquité et Moyen Âge*. Paris: Éditions du Seuil, 1995. P. 25-66.
144. Jouanna J. Médecine égyptienne et médecine grecque / J. Jouanna, J. Leclant (eds.). *La médecine grecque antique*. Paris, 2004. P. 1-21.
145. Jouanna J. Galen's Reading of Hippocratic Ethics / J. Jouanna. *Greek Medicine from Hippocrates to Galen*. Leiden, Boston: Brill, 2012. P. 259-285.
146. Kalbfleisch K. Claudius Galenus // *Berliner philolog. Wochenschrift* 22, col. 413, 1902.
147. Kennedy G. A. *Progymnasmata: Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric*. Atlanta, 2003.
148. Kerferd G. B. *The Sophistic Movement*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
149. Kirichenko A. A. *Comedy of Storytelling. Theatricality and Narrative in Apuleius' Golden Ass*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2010.
150. Kollesch J. Galen und die Zweite Sophistik / V. Nutton (ed.). *Galen: Problems and Prospects*. London, 1981. P. 1-11.
151. Kollesch J. Die Sprache von Ärzten nichtgriechischer Herkunft im Urteil Galens // *Philologus* 138, 1994. P. 260-263.

152. König J. *Athletics and Literature in the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
153. Kroon C. *Latin Discourse Particles: A Study of nam, enim, autem, vero and at*. Amsterdam, 1995.
154. Laigneau S. *Ovide, Amores I, 6: Un ‘paraclausithyron’ très ovidien* // *Latomus* 59-2, 2000. P. 317-326.
155. Laird A. *The Rhetoric of Roman Historiography* / A. Feldherr (ed.). *The Cambridge Companion to Roman Historians*. Cambridge, 2009. P. 197-213.
156. Lane Fox R. *The Invention of Medicine. From Homer to Hippocrates*. London: Allen Lane, 2020.
157. Langholz V. *Medical Theories in Hippocrates*. Berlin-New York, 1990.
158. Langslow D.R. *Medical Latin in the Roman Empire*. Oxford, 2000.
159. Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik*. Stuttgart: Steiner, 1990.
160. Lesher J.H. *Sapheneia in Aristotle: clarity, precision and knowledge* // *Apeiron* 43-4, 2010. P. 143-155.
161. Létoublon F. *Les lieux communs du roman. Stéréotypes grecs d'aventure et d'amour*. *Mnemosyne suppl.* 123. Leiden, 1993.
162. Littman R. J. and Littman M. L. *Galen and the Antonine Plague* // *American Journal of Philology* 94, 1973. P. 243-255.
163. Lloyd G. E. R. *Magic, reason, and experience: studies in the origin and development of Greek science*. Cambridge, 1979.
164. Lloyd G. E. R. *Science, Folklore and Ideology*. Cambridge, 1983.
165. Lloyd G. E. R. *The Revolutions of Wisdom: Studies in the Claims and Practices of Ancient Greek Science*. Cambridge, 1987.
166. Lloyd G. E. R. *Demystifying Mentalities*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
167. Lloyd G. E. R. *Galen and his contemporaries* / R. J. Hankinson (ed.). *The Cambridge Companion to Galen*. Cambridge, 2008. P. 34-48.

168. Lonie I. Literacy and the Development of Hippocratic Medicine / F. Lasserre and P. Mudry (eds.). *Formes de pensée dans la Collection hippocratique. Actes du IVe Colloque International Hippocratique* (Lausanne, 21-26 septembre 1981). Geneva: Droz, 1983.
169. López Férez J. A. *Sapheneia en Galeno* / R. Aguilar, M. López Salvá, I. Rodríguez Alfageme (eds.). *Xάρις διδασκαλίας. Studia in honorem Ludovici Aegidii*. Madrid: Editorial Complutense. Madrid, 1994. P. 129-142.
170. López Férez J. A. *Lectura y comentario de algunos textos de Galeno relacionados con la retórica* / J. A. López Férez (ed.). *Desde los poemas homéricos hasta la prosa griega del siglo IV d. C.* Madrid: Ediciones clásicas, 1999. P. 421-445.
171. López Férez J. A. *La rhétorique chez Galien* / J. M. Galy, A. Thivel (eds.) *La rhétorique grecque*. Nice: Université de Nice-Antipolis, 1994. P. 223-232.
172. López Férez J. A. (ed.) *Galen, lengua, composición literaria, léxico, estilo*. Madrid, 2015.
173. López Férez J. A. *Sobre algunos términos retóricos en Galeno* / U. Criscuolo. (ed.) *La retorica greca fra tardo antico ed età bizantina: idee e forme*. Napoli: D'Auria, 2012. P. 9-50.
174. López Férez J. A. *Algunos términos retóricos en Galeno* / J. A. López Férez (ed.). *Galen. Lengua, composición literaria, léxico, estilo*. Madrid: Ediciones Clásicas, 2015. P. 245-274.
175. Lowe N. *The Classical Plot and the Invention of Western Narrative*. Cambridge, 2000.
176. van Mal-Maeder D. *La fiction des declamations*. Leiden: Brill, 2007.
177. Manetti D., Roselli A. *Galeno commentatore di Ippocrate* // *ANRW II* 37. 2. Berlin-New York, 1994. P. 1529-1635; 2071-2080.
178. Manetti D. *Galeno e il significato de μακρολογία e μικρολογία* (Commento a Ippocrate sulle fratture, Kühn: 18 B 518-519 e 526-527) // *RFIC* 126, 1998. P. 55-71.

179. Manetti D. Galen and Hippocratic medicine: language and practice / C. Gill, T. Whitmarsh, J. Wilkins (eds.). *Galen and the World of Knowledge*. Cambridge, 2009. P. 157-174.
180. Manuli P. Lo stile del commento a Galeno e la tradizione ippocratica / G. Giannantoni, M. Vegetti (eds.). *La scienza ellenistica*. Napoli, 1984. P. 379-394.
181. Mattern S. *Galen and the Rhetoric of Healing*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2008.
182. Mattern S. P. *Prince of Medicine: Galen in the Roman World*. Oxford, 2013.
183. Mattern S. P. Galen. / D. S. Richter and W. A. Johnson (eds.). *The Oxford Handbook of the Second Sophistic*, Oxford, 2017. P. 371-388.
184. Mazzini I. *La Medicina dei Greci e dei Romani: Letteratura, Lingua, Scienza*. 2 vols. Rome: Jouvence, 1997.
185. Meeusen M. *Ancient Greek Medicine in Questions and Answers: Diagnostics, Didactics, Dialectics*. Leiden and Boston: Brill, 2020.
186. Menn S. *The Discourse on the Method and the Tradition of Intellectual Autobiography* / J. Miller, B. Inwood (eds.). *Hellenistic and Early Modern Philosophy*. Cambridge University Press, 2003.
187. Meyerhof M., Schacht J. Galen. *Über die medizinischen Namen, arabisch und deutsch // Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften*, 1931.
188. Migliorini P. *Scienza e Terminologia medica nella Letteratura latina dell'Età Neroniana, Seneca, Lucano, Persio, Petronio*. Frankfurt: Peter Lang, 1997.
189. Misch G. A. *History of Autobiography in Antiquity*, 1950. Vol. I. London, 1950.
190. Mitchell S. *Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor*. Oxford, 1993. Vol. I. P. 167-170.
191. Momigliano A. *The development of Greek Biography*. Cambridge, 1971.

192. Moraux P. Galen comme philosophe: la philosophie de la nature / V. Nutton (ed.). *Problems and Prospects*. London, 1981. P. 87-116.
193. Morison B. Language. / R. J. Hankinson (ed.). *The Cambridge Companion to Galen*. Cambridge-New York, 2008. P. 116-156.
194. Nutton V. Galen and Medical Autobiography // *Proceedings of the Cambridge Philological Society (Second Series)*. Vol. 18: New Series, 1972. P. 50 - 62.
195. Nutton V. The Chronology of Galen's Early Career // *Classical Quarterly* 23, 1973. P. 158-171.
196. Nutton V. Style and Context in the Method of Healing / R. J. Durling and F. Kudlien (eds.) *Galen's Method of Healing*. Leiden, 1991. P. 1-25.
197. Nutton V. Healers in the medical market place: towards a social history of Graeco-Roman medicine / A. Wear (ed.) *Medicine in Society. Historical essays*. Cambridge, 1992. P. 15-58.
198. Nutton V. Galen and Egypt / J. Kollesch, D. Nickel (eds.). *Galen und das hellenistische Erbe. Verhandlungen des IV Internationalen Galen-Symposiums*. Sudhoffs Archiv Beihefte 32. Stuttgart: F. Steiner Verlag, 1993. S. 11-31.
199. Nutton V. Galen on theriac, problems and authencity // A. Debru (éd.). *Galen on Pharmacology*. Leiden, 1997. P. 133-151.
200. Nutton V. *Ancient Medicine*. London, 2004.
201. Nutton V. Galen's Authorial Voice // L. Taub and A. Doody (eds.) *Authorial Voices in Greco-Roman Technical Writing*. Trier, 2009. P. 53-62.
202. Nutton V. Galen's library / C. Gill, J. M. Wilkins, T. J. G. Whitmarsh (eds.). *Galen and the World of Knowledge*. Cambridge, 2009. P. 19-34.
203. Nutton V. Galen's rhetoric of certainty / J. Coste, D. Jacquart and J. Pigeaud (eds.) *La rhétorique médicale à travers les siècles: Actes du colloque international de Paris, 9 et 10 octobre 2008*. Geneva, 2012.
204. Nutton V. *Ancient Medicine*. London and New York, 2013.
205. Nutton V. *Galen a Thinking Doctor in Imperial Rome*. London and New York: Routledge, 2020.

206. Nutton V. Three Pseudo-Galenic Texts: Pharmacology and Society in Imperial Rome / C. Petit, S. Swain, and K.-D. Fischer (eds.). *PseudoGalenica: The Formation of the Galenic Corpus from Antiquity to the Renaissance*. London: The Warburg Institute, 2021. P. 1-11.
207. Nutton V. Galen and the Sophists // *Aion-Sez. di filologia e letteratura classica* 43, 2021. P. 114-127.
208. Nutton V., Totelin L. (eds.). *Ancient medicine, behind and beyond Hippocrates: essays in honour of Elizabeth Craik*. Technai, 11. Pisa, Roma: Fabrizio Serra, 2020.
209. Palm J. Rom, Römertum und Imperium in der griechischen Literatur der Kaiserzeit. Lund, 1959.
210. Pearcy L. Medicine and Rhetoric in the Period of the Second Sophistic // *ANRW* 37.1, 1993. P. 445-456.
211. Penella R. J. The Progymnasmata in Imperial Greek Education // *Classical World* 105, 2011. P. 77-90.
212. Penella R. J. The Progymnasmata and Progymnasmatic Theory in Imperial Greek Education / W. M. Bloomer (ed.). *A Companion to Ancient Education*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2015. P. 160-171.
213. Pernot L. *Éloges grecs de Rome*. Paris, 1997.
214. Pernot L. Periautologia. Problèmes et méthodes de l'éloge de soi-même dans la tradition éthique et rhétorique gréco-romaine // *Revue des Études grecques* 111-1, 1998. P. 101-124.
215. Pernot L. La rhétorique de l'éloge dans le monde gréco-romaine, 2 vols. Paris, 1993.
216. Petit C. Galien et le “discours de la méthode”: rhétorique(s) médicale(s) à l'époque romaine / J. Coste, D. Jacquot, and J. Pigeaud (eds.). *La rhétorique médicale à travers les siècles: actes du colloque international de Paris, 9 et 10 octobre 2008*. Genève: Droz, 2012, P. 49-75.
217. Petit C. Signes et presages: le discours prédictif et ses enjeux chez Galien, Artémidore et Ptolémée / C. Chandezon and J. Du Bouchet (eds.).

Artémidore de Daldis et l'interprétation des rêves. Quatorze études. Paris: Belles Lettres, 2014. P. 161-190.

218. Petit C. Rhétorique et médecine: le *De elementis ex Hippocratis sententia* de Galien // Aitia [en ligne], 7.2 / 2017. URL: <http://journals.openedition.org/aitia/1945>; (ha 31.08.2024)
219. Petit C. Galien de Pergame ou la rhétorique de la Providence. Leiden, Boston: Brill, 2018.
220. Petit C. Greek Particles in Galen's Oeuvre: Some Case Studies / Scripta Classica Israelica, Vol. XL, 2021. P. 95-123.
221. Petit C. Rhetoric in medical Writing: Artistic Prose? / C. Bubb and M. Peachin. Medicine and the Law under the Roman Empire. Oxford, 2023. P. 284-307.
222. Petit C. Galen, Rhetoric, and the Second Sophistic / P. N. Singer, R. M. Rosen (eds.) The Oxford Handbook of Galen. Oxford: OUP, 2024. P. 87-99.
223. Piazza F. Διαβολή: the personal attack in Greek rhetoric / L. Calboli Montefusco et M. S. Celentano (eds.). Papers on Rhetoric XII. Perugia, 2014. P. 193-207.
224. Pigeaud J. Rhétorique et médecine chez les Grecs. Le cas d'Archigène // Helmantica 36, 1985. P. 39-48.
225. Pigeaud J. Le style d'Hippocrate ou l'écriture fondatrice de la médecine / M. Détienne (ed.). Les savoirs de l'écriture en Grèce ancienne. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1988. P. 306-329.
226. Pigeaud A. et Pigeaud J. (eds.). Les textes médicaux latins comme littérature: actes du VIe colloque international sur les textes médicaux latins du 1er au 3 septembre 1998 à Nantes. Nantes: Institut universitaire de France, Université de Nantes, 2000.
227. Plett H. F. Enargeia in Classical Antiquity and the Early Modern Age. The Aesthetics of Evidence. Leiden and Boston: Brill, 2012.
228. Pormann P. E. (ed.) Hippocratic Commentaries in the Greek, Latin, Syriac and Arabic Traditions. Leiden: Brill, 2021.

229. Prantl C. Geschichte der Logik im Abenland. Vol. I. Leipzig, 1855.
230. Prelli L. J. A Rhetoric of Science. Inventing Scientific Discourse. Columbia, 1989.
231. Raiola T. Nel tempo di una vita. Studi sull'autobiografia in Galeno. Pisa, Roma, 2015.
232. Rambourg C. Aristote et le dénigrement. Analyse des rapports entre la théorie rhétorique et la diabolè / L. Albert et L. Nicolas (eds.). Polémique et rhétorique de l'antiquité à nos jours. Bruxelles, 2010. P. 65-77.
233. Reader J. A. Galen's *Protrepticus* in Context. Florida State University Libraries, 2020.
234. Reardon B. P. Courants littéraires grecs des IIe et IIIe siècles après J.-C. Paris, 1971.
235. Richter D. S. and Johnson W. A. (eds.). The Oxford Handbook of the Second Sophistic. Oxford, 2017.
236. Rijk L. M. *Ἐγκύκλιος παιδεία*. A study of its original meaning // Vivarium 3, 1965. P. 24-93.
237. Rijksbaron A. New Approaches to Greek Particles. Amsterdam: J. C. Gieben, 1997.
238. Rocca J. Galen on the Brain. Leiden: Brill, 2003.
239. Roby C. Technical Ekphrasis in Greek and Roman Science and Literature: The Written Machine between Alexandria and Rome. Cambridge: CUP, 2016.
240. Rochette B. Favorinos et ses contemporains: bilinguisme et biculturalisme au 2e siècle de notre ère / E. Amato, M.-H. Marganne (eds.). Le traité Sur l'exil de Favorinos d' Arles. Papyrologie, philologie et littérature. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2015. P. 101-122.
241. Roselli A. Libri e biblioteche a Roma al tempo di Galeno: la testimonianza del 'De indolentia' // Galenos, 2010, Vol. 4. P. 127-148.

242. Rosen R. M. Socratism in Galen's psychological works / C. Brockman, W. Brunschön, O. Overwien (eds.). *Antike Medizin im Schnittpunkt von Geistes- und Naturwissenschaften*. Berlin: De Gruyter, 2009. P. 155-171.
243. Rosen R. M. Galen on Poetic Testimony / M. Asper (ed.). *Writing Science: Medical and Mathematical Authorship in Ancient Greece*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. P. 177-189.
244. Rutherford I. The poetics of the Paraphthegmata: Aelius Aristides and the Decorum of self-praise / D. Innes, H. Hine, C. Pelling (eds.). *Ethics and Rhetoric. Classical essays for Donald Russell on his Seventy-Fifth Birthday*. Oxford, 1995. P. 193-204.
245. Sabbah G. *Le Latin médical. La Constitution d'un langage scientifique*. St. Etienne: Publications de l'Université de St. Etienne, 1991.
246. Samama E. *Les médecins dans le monde grec. Sources épigraphiques sur la naissance d'un corps medical*. Geneva, 2003.
247. Scheidel W. *Death of the Nile. Disease and the Demography of Roman Egypt*. Leiden: Brill, 2001.
248. Schlange-Schöningen H. *Die römische Gesellschaft bei Galen. Biographie und Sozialgeschichte*. Berlin, 2003.
249. Schmidt T.S. *Plutarque et les barbares. La rhétorique d' une image*. Louvain: Peeters, 1999.
250. Schmitz Th. *Bildung und Macht. Zur sozialen and politischen Funktion der zweiten Sophistik in der griechischen Welt der Kaiserzeit*. München, 1997.
251. Segal J. Z. *Health and the Rhetoric of Medicine*. Southern Illinois University Press, 2005.
252. Singer P. N. *Galen. Psychological Writings*. Cambridge, 2013. P. 34-41.
253. Singer P. N., Rosen R. M. (eds.) *The Oxford Handbook of Galen*. Oxford: OUP, 2024.

254. Skoda F. Galien lexicologue // M. Woronoff, S. Follet, J. Jouanna. Dieux, héros et médecins grecs. Hommage à Fernand Robert. Besançon: Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 2001. P. 177-196.
255. Skoda F. Médecine ancienne et métaphore. Le vocabulaire de l'anatomie et de la pathologie en grec ancien. Paris: Peeters/Selaf, 1988.
256. Sluiter I. Textual Therapy. On the relationship between medicine and grammar in Galen / M. Horstmannhoff (ed.). *Hippocrates and Medical Education. Selected Papers presented at the Hippocratic Colloquium (Leiden, 24-26 August 2005)*. Leiden: Brill, 2010. P. 25-52.
257. Sluiter I. The embarrassment of imperfection: Galen's assessment of Hippocrates' linguistic merits' / P. J. van der Eijk, H. F. G. Horstmannhoff, and P.H. Schrijvers (eds.). *Ancient Medicine in its Socio-Cultural Context*, 2 vols. Amsterdam, 1995. P. 519-535.
258. Smith W. D. *The Hippocratic Tradition*. Cornell University Press, 1979.
259. Soler J. *Écritures du voyage. Héritages et inventions dans la littérature latine tardive*. Paris: Institut d'Études Augustiniennes, 2005.
260. von Staden H. Experiment and experience in Hellenistic medicine // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. Vol. 22 (1), 1975. P. 178-199.
261. von Staden H. *Herophilus. The Art of Medicine in Early Alexandria*. Cambridge, 1989.
262. von Staden H. The Discovery of the Body: Human Dissection and Its Cultural Contexts in Ancient Greece // *The Yale Journal of Biology and Medicine*, Vol. 65, 1992. P. 223-241.
263. von Staden H. Author and Authority, Celsus and the Construction of a Scientific Self / M. E. Vázquez Buján (ed.) *Tradición e innovación de la medicina latina de la Antigüedad y de la Alta Edad Media. Actas del IV Coloquio Internacional sobre los 'Textos Médicos latinos antiguos'*. Santiago de Compostela, 1994. P. 103-117.

264. von Staden H. *Science as Text, Science as History: Galen on Metaphor* / Ph. van der Eijk, H. F. J. Horstmanshoff, P. H. Schrijvers (eds.). *Ancient Medicine in Its Socio-Cultural Context*. Rodopi, Amsterdam-Atlanta 1995, vol. II. P. 499-518.
265. von Staden H. *Galen and the "Second Sophistic" / R. Sorabji (ed.). Aristotle and After. Bulletin of the Institute of Classical Studies, Supplement LXVIII*. London, 1997. P. 33-54.
266. von Staden H. *Character and competence. Personal and professional conduct in Greek medicine / H. Flashar, J. Jouanna (eds.). Médecine et morale dans l'Antiquité. Entretiens de la Fondation Hardt*. Vol. 43. Genève: Droz, 1997. P. 157-195.
267. von Staden H. *Gattung and Gedächtnis: Galen über Wahrheit and Lehrdichtung / W. Kullmann, J. Althoff, M. Asper (eds.). Gattungen wissenschaftlicher Literatur in der Antike*. Tübingen, 1998. P. 65-92.
268. von Staden H. *Galen's Alexandria / W. V. Harris and G. Ruffini (eds.). Ancient Alexandria between Egypt and Greece*. Leiden: Brill, 2004. P. 179-215.
269. Stok F. *Ritratti fisiognomici in Svetonio / I. Gallo, L. Nicastri (eds.). Biografia e autobiografia degli antichi e dei moderni*. Salerno, 1995. P. 109-135.
270. Stramaglia A. *Libri perduti per sempre: Galeno, De indolentia 13; 16; 17-19 // Rivista di filologia e di istruzione classica*, 2011, Vol. 139, Fasc. 1. P. 118-147.
271. Strohmaier G. *Bekannte und unbekannte Zitate in den Zweifeln an Galen des Rhazes / K. D. Fischer, D. Nickel, P. Potter (eds.). Text and Tradition. Studies in ancient medicine and its transmission presented to Jutta Kollesch*. Leiden: Brill, 1998. P. 263-297.
272. Strohmaier G. *Die Ethik Galens und ihre Rezeption in der Welt des Islams // J. Barnes, J. Jouanna (éds). Galien et la philosophie. Vandoeuvres: Fondation Hardt*, 2003. P. 307-329.
273. Swain S. C. R. *Hellenism and Empire. Language, Classicism and Power in the Greek World 50-250 A.D.* Oxford: OUP, 1996.

274. Swain S. C. R. (ed.). *Dio Chrysostom. Politics, Letters, and Philosophy*. New York, Oxford: OUP, 2000.
275. Swain S. C. R. *Beyond the Limits of Greek Biography: Galen from Alexandria to the Arabs* / B. McGing, J. Mossman, Bowie E. (eds.). *The Limits of Ancient Biography*. Swansea: Classical Press of Wales, 2006.
276. Taplin O. *Literature in the Greek and Roman worlds: A new perspective*. Oxford, 2000.
277. Taub L. and Doody A. (eds.) *Authorial Voices in Greco-Roman Technical Writing*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2009.
278. Temkin O. *Galenism. Rise and Decline of a Medical Philosophy*. Ithaka: Cornell University Press, 1973.
279. Thomas R. *Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion*. Cambridge: CUP, 2000.
280. Tieleman T. *Galen and Chrysippus on the Soul: Argument and Refutation in the 'De placitis' Books II–III*. Leiden: Brill, 1996.
281. Tieleman T. *Galen and the Stoics, or the art of not naming* / C. Gill, T. Whitmarsh, and J. M. Wilkins (eds.). *Galen and the World of Knowledge*. Cambridge: CUP, 2009. P. 282-299.
282. Totelin L. *Easy Remedies – Difficult Texts: The Pseudo-Galenic Euporista* / C. Petit, S. Swain, and K.-D. Fischer (eds.). *PseudoGalenica: The Formation of the Galenic Corpus from Antiquity to the Renaissance*. London: The Warburg Institute, 2021. P. 31-45.
283. Touwaide A. *Collecting Books, Acquiring Medicines: Knowledge Acquisition in Galen's Therapeutics* / C. K. Rotschild and T. W. Thompson (eds.). *Galen's De indolentia*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. P. 79-88.
284. Tucci P. L. *Galen's Storeroom, Rome's Libraries, and the Fire of a.d. 192* // *Journal of Roman Archaeology*, 21, 2008. P. 133-149.
285. Vegetti M. *Il coltello e lo stilo*. Milan, 1979.
286. Vogt S. *Drugs and Pharmacology* / R. J. Hankinson (ed.). *The Cambridge Companion to Galen*. Cambridge, 2008. P. 304-22.

287. Wagner H. Galeni qui fertur libellus Ei ζῶον τὸ κατὰ γαστρός. Borna and Leipzig: R. Noske, 1914.
288. Wakker G. Modal Particles and Differents Points of View in Herodotus and Thucydides / E. J. Bakker (ed.) Grammar as Interpretation. Greek Literature in its Linguistic Context. Leiden: Brill, 1997. P. 215-250.
289. Walzer R. Greek into Arabic. Oxford, 1962.
290. Watts E. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley: University of California Press, 2006.
291. Webb R. Ekphrasis, Imagination and Persuasion in Ancient Rhetorical Theory and Practice. Ashgate, 2009.
292. Webb R. Schools and Paideia // D. Richter and W. Johnson (eds.) The Oxford Handbook of the Second Sophistic. Oxford: OUP, 2017. P. 139-153.
293. White P. Bookshops in the Literary Culture of Rome / W. A. Johnson, H. N. Parker (eds.). Ancient Literacies: The Culture of Reading in Greece and Rome. Oxford, 2009. P. 268-287.
294. Whitmarsh T. Greek Literature and the Roman Empire: The Politics of Imitation. Oxford, 2001.
295. Whitmarsh T. The Second Sophistic. Oxford, 2005.
296. Whitmarsh T. Beyond the Second Sophistic: Adventures in Greek Postclassicism. Berkeley: University of California Press, 2013.
297. Whitmarsh T. Greece: Hellenistic and Early Imperial Continuities // D. S. Richter, W. A. Johnson (eds.). The Oxford Handbook of the Second Sophistic. Oxford, 2017. P. 11-24.
298. Whittaker J. The Value of Indirect Tradition in the Establishment of Greek Philosophical Texts or The Art of Misquotation / J. N. Grant (ed.). Editing Greek and Latin Texts: Papers Given at the Twenty-third Annual Conference on Editorial Problems. New York, 1989. P. 63-95.
299. Wifstrand A. Eikota: Emendationen und Interpretationen zu griechischen Prosaikern der Kaiserzeit, VIII. Galenos zum dritten Mal. Lund, 1964.

300. Winkler J. J. *Auctor et Actor. A Narratological Reading of Apuleius's Golden Ass.* Berkeley: University of California Press, 1985.
301. Woerther F. *Rhétorique, dialectique et sophistique: Aristote, Rhet.* I, 1 1355 b 15-21 // *Mélanges de l'Université Saint Joseph* 2006. P. 13-28.
302. Woerther F. *L'éthos aristotélicien. Genèse d'une notion rhétorique.* Paris: Vrin, 2007.
303. Woodman A. J. *Rhetoric in Classical Historiography: Four Studies.* London, 1988.
304. Woolf G. *Becoming Roman, Staying Greek: Culture, identity, and the civilizing process in the Roman East* // *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 40, 1994. P. 116-143.
305. Xenophontos S. *Galen's Exhortation to the Study of Medicine: An Educational Work for Prospective Medical Students* / P. Bouras-Vallianatos and S. Xenophontos (eds.). *Greek Medical Literature and its Readers: From Hippocrates to Islam and Byzantium.* London: Routledge, 2018. P. 67-93.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сочинения «Галеновского корпуса»

Сочинения расположены в алфавитном порядке русских названий с указанием общепринятого латинского наименования. Трактаты, сохранившиеся во фрагментах, а также подложные сочинения не упоминаются. Ссылки на сочинения приводятся по изданию полного собрания сочинений Галена под ред. К. Г. Кюна (*Galeni Opera Omnia / Rec. C.G. Kühn. T. 1–20. Leipzig, 1821–1833*), также указывается последнее критическое издание текста и существующие переводы на русский и современные европейские языки. Кроме того, приводится приблизительная датировка каждого произведения⁷⁴⁷.

Сочинения, сохранившиеся на греческом

Введение в логику (Institutio logica)

В издании Кюна отсутствует; Kalbfleisch K. Galeni institutio logica. Leipzig, 1896. Р. 3-49 (греч. текст); Orth E. Galen. Einführung in die Logik. Rome, 1938 и Mau J. Einführung in die Logik. Berlin, 1960 (нем. пер.); Kiefer J.S. Galen's Institutio logica. Baltimore, 1964 (англ. пер.); Garofalo I. Opere scelte di Galeno. Torino, 1978 (итал. пер.); Ramirez Trejo A. Galeno. Iniciación a la Dialéctica. México, 1982 (исп. пер.); Levet J.-P. Antiquité classique d'Hippocrate à Alcuin. Limoges, 1985. Р. 57-80 (франц. пер.). Составлен, скорее всего, после 193 г. и после написания библиографических трактатов, в которых этот текст не упоминается. К. Прантль поставил под сомнение подлинность трактата (Prantl C. Geschichte der Logik im Abenland. Vol. I. Leipzig, 1855. S. 591).

⁷⁴⁷ Датировки произведений основаны на классических исследованиях Илберга (Ilberg, 1889-1897), Бардона (1942) и Петерсона (Peterson 1977). Дату составления некоторых трактатов установить невозможно.

Каким образом следует разоблачать симулянтов (Quomodo morbum simulantes sint deprehendendi)

Kühn XIX, 1-7; Deichgräber K., Kudlien F. Galens Kommentare zu den Epidemien II des Hippokrates, CMG V 10, 2, 4. Berlin, 1960. S. 111-116 (греч. текст); Cardini M. Galeno e la patomimia / Riv. Stor. Crit. Sc. 3, 1918. P. 513-515 (итал. пер.); Fröhlich H. Galen: Über Krankheitsvortäuschungen. Friedrichs Blätter gerichtl. Med. Sanit. Pol., 1889. S. 21-26 (нем. пер.); Lafont J. B., Moreno A. R. Obras de Galeno. La Plata, 1947 (исп. пер.).

Какими очистительными средствами и когда следует очищать (Quos, quibus catharticis medicamentis et quando purgare oporteat ap. Oribasium)

Kühn XI, 343-356; Raeder J. Oribasii Collectionum medicarum reliquiae, CMG VI 1, 1. Leipzig, Berlin, 1928, 221-227 (греч. текст).

Комментарии к «Афоризмам» Гиппократа (In Hippocratis aphorismos commentarii VII)

Kühn XVII B, 345-887; XVIII A, 1-195 (греч. текст); Сорокина Н. С., Барзах З. А. Комментарии к «Афоризмам» Гиппократа // Гален. Сочинения. Т. VI. М., 2022 (рус. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.) согласно Илбергу; после возвращения Марка Аврелия в Рим в ноябре 176 г., то есть около 177-180 гг. согласно Бардонгу.

Комментарии на книгу Гиппократа «Об аптеке врача» (In Hippocratis librum de officina medici commentarii III)

Kühn XVIII B, 629-925 (греч. текст); Lyons M.C. CMG Suppl. Or. I. Berlin, 1963. P. 10-97 (араб. текст и англ. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.) согласно Илбергу; после возвращения Марка Аврелия в Рим в ноябре 176 г., то есть приблизительно в 177-180 гг. согласно Бардонгу.

Комментарии на книгу Гиппократа «О диете при острых болезнях» (In Hippocratis librum de victu acutorum commentarii IV)

Kühn XV, 418-919; Helmreich G. CMG V 9, 1. Leipzig, Berlin, 1914, 115-366 (греч. текст); Pietrobelli A. Galien. T. IX, 1re partie: Commentaire au régime des maladies aiguës d’Hippocrate. Livre I. Paris, 2019 (франц. пер.). Составлен между 177 и 180 гг. согласно Бардонгу; между 179 и 182 гг. согласно Пьетробелли (Pietrobelli 2008: XVIII).

Комментарии на книгу Гиппократа «О переломах» (In Hippocratis librum de fracturis commentarii III)

Kühn XVIII B, 318-628 (греч. текст); Andreani E. Galeno. I tre commentari al trattato delle fratture di Ippocrate. Roma, 1972 (итал. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.) согласно Илбергу; после возвращения Марка Аврелия в Рим в ноябре 176 г., то есть приблизительно в 177-180 гг. согласно Бардонгу, но возможно и ранее.

Комментарии на книгу Гиппократа «О природе человека» (In Hippocratis de natura hominis librum commentarii III)

Kühn XV, 1-173; Mewaldt J. CMG V 9, 1. Leipzig, Berlin, 1914. P. 1-88 (греч. текст); Щеглов А. П. Три комментария на книгу Гиппократа «О природе человека» // Гален. Сочинения. Т. I. М., 2014. С. 555-640 (рус. пер.). Составлен во второй римский период, в правление императора Коммода (около 189 г.) согласно Бардонгу.

Комментарии на книгу Гиппократа «О суставах» (In Hippocratis librum de articulis et Galeni in eum commentarii IV)

Kühn XVIII A, 300-767 (греч. текст); Aballe M. Galeno. I quattro commentari al trattato delle articolazioni di Ippocrate. Roma, 1972 (итал. пер.); Пролыгина И. В. Opera medica historica. Труды по истории медицины. Выпуск 4. М., 2019. С. 89-96 (рус. пер. фрагмента XVIII A: 731-736). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.) согласно Илбергу;

после возвращения Марка Аврелия в Рим в ноябре 176 г., то есть в 177-180 гг. согласно Бардонгу, но возможно и ранее.

Комментарии на I книгу «Предсказаний» Гиппократа (In Hippocratis prorrheticum I commentarii III)

Kühn XVI, 489-840; Diels H. CMG V 9, 2. Leipzig, Berlin, 1915 (греч. текст). Составлен во второй римский период, в правление императора Коммода (180-192 гг.).

Комментарии на I книгу «Эпидемий» Гиппократа (In Hippocratis librum primum epidemiarum commentarii III)

Kühn XVIIA, 1-302; Wenkebach E. CMG V 10, 1. Leipzig, Berlin, 1934. P. 1-151 (греч. текст). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.) согласно Илбергу; после возвращения Марка Аврелия в Рим в ноябре 176 г., то есть в 177-180 гг. согласно Бардонгу.

Комментарии на II книгу «Эпидемий» Гиппократа (In Hippocratis librum II epidemiarum commentarii V)

Kühn XVII A, 303-479 (текст подложный); Pfaff F. CMG V 10, 1. Leipzig, Berlin, 1934. S. 153-409 (нем. пер. единственно сохранившегося арабского текста). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.) согласно Илбергу; после возвращения Марка Аврелия в Рим в ноябре 176 г., то есть в 177-180 гг. согласно Бардонгу.

Комментарии на III книгу «Эпидемий» Гиппократа (In Hippocratis librum III epidemiarum commentarii III)

Kühn XVII A, 480-792; Wenkebach E. CMG V 10, 2, 1. Leipzig, Berlin, 1936. P. 1-187 (греч. текст). Составлен в начале второго римского периода, в правление Коммода в 186-187 гг. согласно Бардонгу.

Комментарии на VI книгу «Эпидемий» Гиппократа (In Hippocratis librum VI epidemiarum commentarii VI)

Kühn XVIIA, 793-1009; Wenkebach E. und Pfaff F. CMG V 10, 2, 2. Berlin, 1956 (греч. текст сохранившейся греч. части; нем. перевод части, сохранившейся на арабском). Составлен в начале второго римского периода, в правление Коммода (после 189 г.) согласно Бардонгу.

Комментарии на «Прогностику» Гиппократа (In Hippocratis prognosticum commentarii III)

Kühn XVIIIB, 1-317; Heeg J. CMG V 9, 2. Leipzig, Berlin, 1915. P. 195-378 (греч. текст); Rubio F.S. Comentario al Pronóstico de Hipócrates Galeno. Madrid, 2010 (исп. пер.). Составлен после возвращения Марка Аврелия в Рим в ноябре 176 г., то есть около 177-180 гг. согласно Бардонгу, но, возможно, и ранее.

Медицинское искусство (Ars medica)

Kühn I, 305-412 (греч. текст); Boudon-Millot V. Galien. T. II. Exhortation à l'étude de la médecine. Art. médical. Paris, 2000. P. 147-392 (греч. текст и франц. пер.); Johnston I. Galen. On the Constitution of the Art of Medicine. A Method of Medicine to Glaucon. Cambridge, London, 2016. P. 156-317 (англ. пер.); Martinez Manzano T. Madrid, 2002 (исп. пер.); Garofalo I., Vegetti M. Opere scelte di Galeno. Torino, 1978. P. 999-1070 (итал. пер.); Пролыгина И. В. Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 2. М., 2014. С. 95-129; Вып. 3. М., 2016. С. 108-153; Барзах З. А. Искусство медицины. Гален. Сочинения. Т. II. М., 2015. С. 172-230 (рус. пер.). Составлен в период правления Септимия Севера, после 193 г.

Метод лечения (Methodi medendi libri XIV)

Kühn X, 1-1021 (греч. текст); Boulogne J. Galien. Méthode de traitement. Paris, 2009 (франц. пер.); Johnston I. and Horsley G. H. R. Galen. Method of Medicine. Vol. I-III. Cambridge, London, 2011 (греч. текст и англ. пер.); Lorusso V. Metodo terapeutico: libri 1-4, Pleaidi 23, 27. Roma, 2018, 2021. Книги 1-7 составлены двадцать лет спустя после посещения Александрии, то есть после 173 г., а книги 7-14 еще двадцатью годами позже, то есть после 193 г.

О веносечении против Эразистрата (De venae sectione adversus Erasistratum)
Kühn XI, 147-186 (греч. текст); Brain P. Galen on bloodletting. Cambridge, 1986
(англ. пер.); Щеглов А. П. О вскрытии вен, против последователей
Эрасистрата, живущих в Риме // Гален. Сочинения. Т. I. М., 2014. С. 426-462;
Барзах З. А. О вскрытии вен, против Эразистрата // Гален. Сочинения. Т. V. М.,
2018. С. 109-128 (рус. пер.). Составлен в начале первого римского периода
(162-166 гг.), немногим спустя после прибытия Галена в Рим.

*О веносечении против последователей Эразистрата в Риме (De venae sectione
adversus Erasistrateos Romae degentes)*

Kühn XI, 187-249 (греч. текст); Brain P. Galen on bloodletting. Cambridge, 1986
(англ. пер.). Составлен во второй римский период, возможно, между 175-189
гг.

О движении мышц (De motu muscularum libri II)

Kühn IV, 367-464 (греч. текст); Daremberg Ch. Œuvres de Galien II. Paris, 1856.
P. 321-375 (франц. пер.); Rosa P. Galenus. De motu muscularum. Pisa, 2009 (греч.
текст и итал. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти
Марка Аврелия (169-180 гг.).

О диагностике по пульсам (De dignoscendis pulsibus libri IV)

Kühn VIII, 766-961 (греч. текст); Johnston I., Papavramidou N. Galen on the
Pulses. Berlin, 2024 (англ. пер.).

О диете для похудения (De victu attenuante)

В издании Кюна отсутствует. Kalbfleish K. CMG V 4, 2. Leipzig, Berlin, 1923. P.
433-451 (греч. текст); Marinone N. La dieta dimagrante. Torino, 1973 (греч. текст
и итал. пер.); Singer N. Galen. Selected Works. Oxford, 1997 (англ. пер.); Beintker
E., Kahlenberg W. Die Werke des Galenos. Band IV: Die säfteverdünnde Diät.
Stuttgart, 1952 (нем. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до
смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О естественных свойствах (De naturalibus facultatibus libri III)

Kühn II, 1-214 (греч. текст); Daremburg Ch. Œuvres de Galien II. Paris, 1856. P. 212-320 (франц. пер.); Helmreich G. Scripta minora III. Leipzig, 1893. P. 101-257 (греч. текст); Brock A. J. London, 1963 (греч. текст и англ. пер.); Mortarino M. Galeno: Sulle facoltà naturali. Milano, 1996 (итал. пер.); Beintker E., Kahlenberg W. Werke des Galenos. Bd. V: Die Kräfte der Physis. Stuttgart, 1954 (нем. пер.); Барзах З. А. О естественных функциях // Гален. Сочинения. Т. V. М., 2018 (рус. пер.); Щеглов А. П. Гален. О природных силах и способностях. М., 2024 (рус. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О затруднении дыхания (De difficultate respirationis libri III)

Kühn VII, 753-960 (греч. текст). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180) согласно Илбергу; в начале 175 г. согласно Бардонгу.

О коме согласно Гиппократу (De comate secundum Hippocratem)

Kühn VII, 643-665; Mewaldt J. CMG V 9, 2. Leipzig, Berlin, 1915. P. 181-187 (греч. текст). Часть текста сохранилась только на латинском.

О костях для начинающих (De ossibus ad tirones)

Kühn II, 732-778; Garofalo I., Debru A. Galien. T. V. Les os pour les débutants. L'anatomie des muscles. Paris, 2005. P. 1-83 (греч. текст и франц. пер.); Singer N. Galen. Selected Works. Oxford, 1997 (англ. пер.); Пролыгина И. В. Трактат Галена «О костях для начинающих» // Hypothekai. Вып. 5. М., 2021. С. 141-171 (рус. пер.). Составлен в 162-166 гг.

О кризисах (De crisibus libri III)

Kühn IX, 550-768; Alexanderson B. Galenos. Περὶ κρίσεων. Studia Graeca et Latina Gothoburgensia 23. Göteborg, 1967. P. 69-212 (греч. текст); Rodríguez Alfageme I. Galeno. Sobre las crisis. Madrid, 2003 (исп. пер.). Составлен во второй римский

период, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.) согласно Илбергу; около 175-176 гг. согласно Бардонгу.

О критических днях (De diebus decretoriis libri III)

Kühn IX, 769-941 (греч. текст); Bos G., Langermann Y. T. The Alexandrian Summaries of Galen's On Critical Days. Leiden-Boston, 2015 (англ. пер.); García S. Galeno. Sobre los tipos. Sobre los días críticos. Madrid, 2010. (исп. пер.). Составлен во второй римский период, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.) согласно Илбергу; около 175-176 гг. согласно Бардонгу.

О лечении посредством веносечения (De curandi rationem per venaे sectionem)

Kühn XI, 250-316 (греч. текст); Brain P. Galen on bloodletting. Cambridge, 1986 (англ. пер.). Барзах З. А. О лечении кровопусканием // Гален. Сочинения. Т. V. М., 2018. С. 129-146 (рус. пер.). Составлен после завершения последней книги трактата «О методе лечения», то есть после 193 г.

О любовных утехах (De venereis ap. Oribasium)

В издании Кюна отсутствует. Raeder J. Oribasii collectionum medicarum reliquiae. CMG VI 1, 1. Leipzig, Berlin, 1928. P. 187-189 (греч. текст); Scarano G.B. Il “De venereis” di Galeno // Pag. Stor. Med. 10, 1966, N. 6. P. 85-90 (итал. пер.).

О меланхолии (De melancholia ap. Aëtium)

Kühn XIX, 699-720; Olivieri A. Aetii Amideni libri medicinales V-VIII. CMG VIII 2. Berlin, 1950. P. 141-152 (греч. текст).

О методе лечения Главкону (Ad Gauconem de medendi methodo libri II)

Kühn XI, 1-146 (греч. текст); Daremburg Ch. Œuvres de Galien II. Paris, 1856, 707-784 (франц. пер.); Johnston I. Galen. On the Constitution of the Art of Medicine. The Art of Medicine. A Method of Medicine to Glaucon. Cambridge, London, 2016. P. 336-559 (греч. текст, англ. пер.); Барзах З. А. К Главкону, о

методе лечения // Гален. Сочинения. Т. II. М. 2015. С. 427-514 (рус. пер.). Составлен во второй римский период, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О наилучшем преподавании (De optima doctrina)

Kühn I, 40-52; Marquardt I. Scripta minora I, Leipzig, 1884. P. 82-92 (греч. текст); Barigazzi A. CMG V 1, 1. Berlin, 1991. P. 89-109 (греч. текст и итал. пер.); Martinez Manzano T. Galeno: Tratados filosóficos y autobiográficos. Madrid, 2002 (исп. пер.); Щеглов А. П. О наилучшем преподавании // Гален. Сочинения. Т. I. М., 2014. С. 117-127 (рус. пер.). Составлен после 162 г., вероятно, даже после 166 г.

О наилучшем строении нашего тела (De optima corporis nostri constitutione)

Kühn IV, 737-749; Helmreich G. De optima corporis constitutione. Gymn. Progr. Hof, 1900-1901. P. 7-16 (греч. текст); Singer P. N. Galen. Selected Works. Oxford, 1997. P. 290-295 (англ. пер.); Bertini Malgarini A. Galeno. De optima corporis nostri constitutione e De bono habitu. Roma, 1992 (итал. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О полноте (De plenitudine)

Kühn VII, 513-583; Otte Ch. Galen. De plenitudine. Wiesbaden, 2001 (греч. текст и нем. пер.). Составлен в начале второго римского периода Галена, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О первоэлементах согласно Гиппократу (De elementis secundum Hippocratem libri II)

Kühn I, 413-508; Helmreich G. Galeni de elementis ex Hippocrate libri II. Erlangen: Deichert, 1878. P. 1-69; De Lacy Ph. Galeni De elementis ex Hippocratis sententia. CMG V 1, 2. Berlin, 1996 (греч. текст); Tassinari P. Galeno. Gli elementi secondo la dottrina di Ippocrate. I temperamenti. Roma, 1997 (итал. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О периодах болезней (De morborum temporibus)

Kühn VII, 406-439, 440-462; Wille I. Die Schrift Galens Περὶ τῶν ἐν ταῖς νόσοις καιρῶν und ihre Überlieferung, pt. 2 [Diss.]. Kiel, 1960. S. 1-114. Этот трактат дошел до нас в рукописях в двух частях под названиями: «*О периодах болезней*» и «*О периодах болезней в целом*», но составляют одно сочинение. Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.) согласно Илбергу; после возвращения императора в ноябре 176 г. согласно Бардонгу.

О пиявках, отвлечении, кровососной банке, надрезе и вскрытии (De hirudinibus, revulsione, cucurbitula, scarificatione et incisione)

Kühn XI, 317-322 (греч. текст).

О пользе дыхания (De usu respirationis)

Kühn IV, 470-511. Noll R. Galeni Περὶ χρείας ἀναπνοῆς libellus [Diss.]. Marburg, 1915. P. 1-33 (греч. текст); Furley D. J., Wilkie J. S. Galen. On respiration and the arteries. Princeton, 1984 (англ. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О пользе пульса (De usu pulsuum)

Kühn V, 149-180 (греч. текст); Furley D. J., Wilkie J. S. Galen on respiration and the arteries. Princeton, 1984; Johnston I., Papavramidou N. Galen on the Pulses. Berlin, 2024 (англ. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О назначении частей человеческого тела (De usu partium libri XVII)

Kühn III, 1-939 и IV, 1-366; Helmreich G. Galeni de usu partium libri XVII. Leipzig, T. 1, 1907. P. 1-496; T. 2, 1909. P. 1-451 (repr. Amsterdam, 1968; греч. текст); Daremburg Ch. Œuvres de Galien I et II. Paris, 1854-1856, 111-706 et 1-211 (франц. пер.); May M. Galen. On the usefulness of parts of the body. Vol. 1-2. N.Y., 1968 (англ. пер.); Garofalo I., Veggetti M. Opere scelte di Galeno. Torino, 1978. P. 291-832 (итал. пер.); López Salvá M. Galeno. Del uso de las partes. Madrid, 2010 (исп.).

пер.); Кл. Гален. О назначении частей человеческого тела. Пер. проф. С. П. Кондратьева под ред. акад. В. Н. Терновского. М, 1971. Первая книга, посвященная Боэту, была составлена в первый римский период (162-166 гг.), а остальные книги – в начале второго римского периода (169-176 гг.).

О пораженных местах (De locis affectis libri VI)

Kühn VIII, 1-452; Gärtner F. Galeni De locis affectis I-II. CMG V 6, 1, 1. Berlin, 2015; Brunschön W. Galeni De locis affectis V-VI. CMG V 6, 1, 3. Berlin, 2021 (греч. текст); Daremburg Ch. Œuvres de Galien II. Paris, 1856. P. 468-705 (франц. пер.); Andrés Aparicio S. Galen: Sobre la localización de las enfermedades. Madrid, 1997; García Sola M. Sobre los lugares afectados. Madrid, 1997. (исп. пер.). Составлен в период правления Септимия Севера (после 193 г.).

О порядке собственных книг (De ordine librorum suorum ad Eugenianum)

Kühn XIX, 49-61; Müller I. Scripta minora II. Leipzig, 1891. P. 80-90 (греч. текст); Singer P. N. Galen. Selected Works. Oxford, 1997 (англ. пер.); Martinez Manzano T. Madrid, 2002 (исп. пер.); Boudon-Millot V. Galien: T. I. Introduction générale. Sur l'ordre des ses propres livres. Sur ses propres livres. Que l'excellent médecin est aussi philosophe. Paris, 2007. P. 1-127 (греч. текст и франц. пер.); Пролыгина И. В. Историко-философский ежегодник 2016. М., 2016. С. 50-68 (рус. пер.). Составлен в период правления Септимия Севера (после 193 г.) согласно Илбергу; возможно, в период правления Коммода (180-192 гг.) согласно Бардонгу.

О привычках (De consuetudinibus)

В издании Кюна отсутствует; Müller I. Scripta minora II. Leipzig, 1891. P. 9-31 (греч. текст); Pfaff F. CMG Suppl. III, 1941 (греч. текст, лат. пер. Николая Регийского и нем. пер. арабской версии Хунайна); Daremburg Ch. Œuvres de Galien I. Paris, 1854. P. 92-110 (франц. пер.). Составлен во второй римский период, в правление Септимия Севера (после 193 г.).

О причинах болезней (De causis morborum)

Kühn VII, 1-41 (греч. текст); Johnston I. Galen. On Diseases and Symptoms. Cambridge, 2006 (англ. пер.); Барзах З. А. О причинах болезней // Гален. Сочинения. Т. II. М., 2015, 639-663 (рус. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О причинах дыхания (De causis respirationis)

Kühn IV, 465-469 (греч. текст); Furley D. J., Wilkie J. S. Galen. On respiration and the arteries. Princeton, 1984 (англ. пер.). Составлен в первый римский период, в 162-166 гг.

О причинах пульсов (De causis pulsuum libri IV)

Kühn IX, 1-204 (греч. текст); Johnston I., Papavramidou N. Galen on the pulses. Berlin, 2024 (англ. пер.).

О причинах симптомов (De symptomatum causis libri III)

Kühn VII, 85-272 (греч. текст); Johnston I. Galen. On Diseases and Symptoms. Cambridge, 2006 (англ. пер.). Составлен во второй римский период, до смерти Марка Аврелия (169-180).

О прогнозе (De praecognitione)

Kühn XIV, 599-673; Nutton V. CMG V 8, 1. Berlin, 1979 (греч. текст и англ. пер.); Martinez Manzano T. Galeno. Tratados filosóficos y autobiográficos. Madrid, 2002 (исп. пер.). Составлен в начале 177 г. согласно Бардонгу; в 178 г. согласно Наттону.

О прогнозе по пульсам (De praesagitione ex pulsibus libri IV)

Kühn IX, 205-430 (греч. текст); Johnston I., Papavramidou N. Galen on the Pulses. Berlin, 2024 (англ. пер.). Составлен в начале второго римского периода (169-180 гг.).

О противоядиях (De antidotis libri II)

Kühn XIV, 1-209 (греч. текст); Winkler L. Galens Schrift «De antidotis». Ein Beitrag zur Geschichte von Antidot und Theriak. [Diss.] Marburg, 1980 (нем. пер.). Составлен в период правления Септимия Севера, после 193 г.

О противоестественных опухолях (De tumoribus praeter naturam)

Kühn VII, 705-732 (греч. текст); Reedy J. Galen. De tumoribus praeter naturam. [Diss.] Michigan, 1968. Р. 1-28. Составлен во второй римский период, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О пульсах для начинающих (De pulsibus ad tirones)

Kühn VIII, 453-492 (греч. текст); Singer N. Galen. Selected Works. Oxford, 1997, 325-344; Johnston I., Papavramidou N. Galen on the Pulses. Berlin, 2024 (англ. пер.). Составлен в первый римский период Галена (162-166 гг.).

О разновидностях болезней (De morborum differentiis)

Kühn VI, 836-880 (греч. текст); Johnston I. Galen. On Diseases and Symptoms. Cambridge, 2006 (англ. пер.). Барзах З. А. О разновидностях болезней // Гален. Сочинения. Т. II. М., 2015. С. 578-604 (рус. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О разновидности пульсов (De differentia pulsuum libri IV)

Kühn VIII, 493-765 (греч. текст); Johnston I., Papavramidou N. Galen on the Pulses. Berlin, 2024 (англ. пер.); Pino Campos L.M. Galeno. Sobre la diferencia de los pulsos. Madrid, 2010.

О разновидностях лихорадок (De differentiis febrium libri II)

Kühn VII, 273-405 (греч. текст). Составлен во время второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180) согласно Илбергу; около 175-176 гг. согласно Бардонгу.

О разновидностях симптомов (De symptomatum differentiis)

Kühn VII, 42-84 (греч. текст); Gundert B. CMG V 5, 1. Berlin, 2009 (греч. текст и нем. пер.); Johnston I. Galen. On Diseases and Symptoms. Cambridge, 2006 (англ. пер.); Барзах З. А. О разновидностях симптомов // Гален. Сочинения. Т. II. М., 2015. С. 700-727 (рус. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180).

О распознавании и лечении страстей и заблуждений души (De animi cuiuslibet affectuum et peccatorum dignotione et curatione)

Kühn V, 1-57, 58-103; Marquardt I., Scripta minora I, Leipzig, 1884. P. 1-81; Boer W. de. CMG V 4, 1, 1. Leipzig, Berlin, 1937. P. 3-37, 41-68; Magnaldi G. Rome, 1999 (греч. текст); Barras V. et alii. L'âme et ses passions. Paris, 1995 (франц. пер.); Molina González L. De las pasiones y los errores del alma. Medellin, 2013 (исп. пер.); Menghi M., Vegetti M. Galeno. Le passioni e gli errori dell'anima. Venise, 1984. P. 61-91 (итал. пер.); Singer S. Galen. Selected Works. Oxford, 1997 (англ. пер.); Щеглов А. П. Способ распознавания и лечения страстей любой, в том числе и своей собственной, души // Гален. Сочинения. Т. I. М., 2014. С. 214-248; О распознавании и лечении заблуждений всякой души // Гален. Сочинения. Т. I. М., 2014. С. 281-302 (рус. пер.). Составлен Галеном в возрасте 50 лет, то есть около 179-189 гг.

О свойствах пищи (De alimentorum facultatibus libri III)

Kühn VI, 453-748; Helmreich G. CMG V 4, 2. Leipzig, Berlin, 1923. P. 201-386 (греч. текст); Powell O. Galen. On the Properties of Foodstuffs. Cambridge, 2003; Grant M. Galen on Food and Diet. London, 2000 (англ. пер.); Wilkins J. Galien. T. V. Sur les facultés des aliments. Paris, 2013 (греч. текст и франц. пер.). Составлен во второй римский период, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.) согласно Илбергу, в правление Коммода (180-192 гг.) согласно Бардонгу.

О свойстве очистительных лекарств (De purgantium medicamentorum facultate)

Kühn XI, 323-342 (греч. текст); Ehllert J. Galeni de purgantium medicamentorum facultate [Diss.]. Göttingen, 1960. S. 1-21 (нем. пер.). Составлен в первый римский период (162-166 гг.).

О семени (De semine libri II)

Kühn IV, 512-651; De Lacy Ph. CMG V 3, 1. Berlin, 1992 (греч. текст и англ. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О семимесячном плоде (De septimestri partu)

В издании Кюна отсутствует. Schöne H. Galens Schrift über die Siebenmonatskinder // Quellen und Studien zur Geschichte der Naturwissenschaften und Medizin 3. 4 (1938). S. 120-138 (нем. пер.).

О собственных книгах (De libris propriis)

Kühn XIX, 8-48; Müller I. Scripta minora II. Leipzig, 1891. P. 91-124 (греч. текст); Boudon-Millot V. Galien. T. I. Introduction générale. Sur l'ordre des ses propres livres. Sur ses propres livres. Que l'excellent médecin est aussi philosophe. Paris, 2007. P. 129-234 (греч. текст, франц. пер.); Singer N. Galen. Selected Works. Oxford, 1997. P. 3-22 (англ. пер.); Vegetti M. Galeno. Nuovi scritti autobiografici. Roma, 2013. P. 93-165 (итал. пер.); Martínez Manzano T. Galeno. Tratados filosóficos y autobiográficos. Madrid, 2002. (исп. пер.); Пролыгина И. В. Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. Vol. 11, № 2, 2017. С. 636-677 (рус. пер.).

О собственных мнениях (De propriis placitis)

В издании Кюна отсутствует. Helmreich G. Galeni Περὶ τῶν ἑαυτῷ δοκούντων // Philologus 52, 1894. P. 432-434; Nutton V. CMG V 3, 2. Berlin, 1999 (издание фрагмента текста и англ. пер.); Boudon-Millot V. et Pietrobelli A. Galien ressuscité, édition princeps du texte grec du *De propriis placitis* // Revue des Études Grecques 118, 2005. P. 168-213 (греч. текст рукописи *Vlatadon* 14 и франц. пер.);

Martínez Manzano T. Galeno. Tratados filosóficos y autobiográficos. Madrid, 2002 (исп. пер.); Garofalo I., Lami A. Galeno. L'anima e il dolore: De indolentia, De propriis placitis. Mailand, 2012. P. 55-145 (греч. текст и итал. пер.); Vegetti M. Galeno. Nuovi scritti autobiografici. Roma, 2013. P. 167-247 (итал. пер.); Афонасин Е.В. Гален. О моих воззрениях. Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. Vol. 10, № 1, 2016. С. 286-306 (рус. пер.). Один из самых поздних трактатов Галена.

О составе медицинского искусства к Патрофилу (De constitutione artis medicae ad Patrophilum)

Kühn I, 224-304; Fortuna S. CMG V 1, 3. Berlin, 1997 (греч. текст и итал. пер.); Boulogne J. et Delattre D. Systématisation de la médecine. Lille, 2003 (франц. пер.); Johnston I. Galen. On the Constitution of the Art of Medicine, The Art of Medicine, A Method of Medicine to Glaucon. Cambridge, London, 2016. P. 14-133 (греч. текст и англ. пер.); Барзах З. А. К Патрофилу, о составе медицинского искусства // Гален. Сочинения. Т. II. М., 2015. С. 292-334 (рус. пер.). Составлен в конце жизни Галена.

О составлении лекарств по родам (De compositione medicamentorum per genera libri VII);

Kühn XIII, 362-1058. Составлен в период правления Септимия Севера (после 193 г.).

О составлении лекарств по местностям (De compositione medicamentorum secundum locos libri X)

Kühn XII, 378-1007 и XIII, 1-361. Santana Henríquez G.: Sobre la composición de los medicamentos según los lugares. Libros II. Las Palmas de Gran Canaria, 2005 (исп. пер.). Составлен в период правления Септимия Севера (после 193 г.).

О софизмах через выражения речи (De sophismatis seu captionibus penes dictionem)

Kühn XIV, 582-598; Gabler K. Galeni libellus de captionibus quae per dictionem fiunt [Diss.]. Rostock, 1902. P. 1-16; Edlow R.B. Galen on language and ambiguity. Leiden, 1977 (греч. текст и англ. пер.); Dalimier C. Galien. *Traités philosophiques et logiques: Des sectes pour les débutants, Esquisse empirique, De l'expérience médicale, Des sophismes verbaux, Institution logique*. Paris, 1998 (франц. пер.); Martínez Manzano T. Galeno. *Tratados filosóficos y autobiográficos*. Madrid, 2002 (исп. пер.).

О сохранении здоровья (De sanitate tuenda libri VI)

Kühn VI, 1-452; Koch K. CMG V 4, 2. Leipzig, Berlin, 1923 (греч. текст), Johnston I. Galen. *Hygiene, Books 1-4*. Cambridge, London, 2018; Johnston I. Galen. *Hygiene, Books 5-6; Thrasybulus; On Exercise with a Small Ball*. Cambridge, London, 2018 (англ. пер.). Составлен во второй римский период, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.) согласно Илбергу; согласно Бардонгу книги 1-5 составлены около 175 г., а 6 книга – в период правления Коммода (до 186 г.).

О темпераментах (De temperamentis libri III)

Kühn I, 509-694; Helmreich G. Galeni de temperamentis libri III. Leipzig, 1904 (repr. 1969). S. 1-115 (греч. текст); Singer N. Galen. *Selected Works*. Oxford, 1997. P. 202-289 (англ. пер.); Tassinari P. Galeno. *Gli elementi secondo la dottrina di Ippocrate. I temperamenti*. Roma, 1997. (итал. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О темпераментах и свойствах простых лекарств (De simplicium medicamentorum temperamentis ac facultatibus libri XI)

Kühn XI, 379-892 и XII, 1-377 (греч. текст). Первые 8 книг составлены во второй римский период, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.), а 3 последние – в период правления Септимия Севера (после 193 г.).

О териаке к Пизону (De theriaca ad Pisonem)

Kühn XIV, 210-294 (греч. текст); Boudon-Millot V. Galien. T. VI. Thériaque à Pison. Paris, 2016 (греч. текст и франц. пер.); Leigh R. On Theriac to Piso, attributed to Galen. Leiden, Boston, 2015 (греч. текст и англ. пер.). Составлен после 204 г. и до 212 г. согласно Наттону (Nutton V. Galen on theriac, problems and authencity // A. Debru (éd.). Galen on Pharmacology. Leiden, 1997. P. 133-151).

О трех видах вывиха плеча, которые не увидел Гиппократ (De humero iis modis prolapso quos Hippocrates non vidit)

Kühn XVIIIA, 346-422 (греч. текст). Текст представляет собой отрывок из *Комментария на книгу Гиппократа «О суставах»*.

О типах болезней (De typis)

Kühn VII, 463-474 (греч. текст). García Sola M. Galeno. Sobre los tipos. Sobre los días críticos. Madrid, 2010 (исп. пер.). Составлен, скорее всего, в первый римский период (162-166).

О том, что наилучший врач есть также философ (Quod optimus medicus sit quoque philosophus)

Kühn I, 53-63; Müller I. Scripta minora II. Leipzig, 1891. P. 1-8 (греч. текст); Daremburg Ch. Œuvres de Galien I. Paris, 1854. P. 1-7 (франц. пер.); Wenkebach E. Der hippokratische Arzt als das Ideal Galens // Quellen und Studien zur Geschichte der Naturwissenschaften und Medizin 3.4, 1933. S. 170-175 (нем. пер.); Singer N. Galen. Selected Works. Oxford, 1997 (англ. пер.); Martinez Manzano T. Galeno: Tratados filosóficos y autobiográficos. Madrid, 2002 (исп. пер.); Boudon-Millot V. Galien. T. I. Introduction générale. Sur l'ordre des ses propres livres. Sur ses propres livres. Que l'excellent médecin est aussi philosophe. Paris, 2007. P. 235-314 (греч. текст и франц. пер.); Garofalo I., Vegetti M. Opere scelte di Galeno. Torino, 1978. P. 91-101 (итал. пер.); Пролыгина И. В. Гален Пергамский и его трактат «О том, что наилучший врач есть также философ» // Историко-философский ежегодник 2011, М, 2013. С. 82-100; Щеглов А. П. О том, что лучший врач – еще и философ // Гален. Сочинения. Т. I. М., 2014. С. 101-107

(рус. пер.). Составлен во второй римский период в правление Коммода (180-192 гг.) согласно Илбергу.

О том, что не стоит печалиться (De indolentia)

В издании Кюна отсутствует. Boudon-Millot V., Jouanna J., Pietrobelli A. Galien. T. IV. *Ne pas se chagriner*. Paris, 2010 (греч. текст и франц. пер.); Nutton V. Galen. Psychological writings. Cambridge, 2013. P. 77-99 (англ. пер.); Brodersen K. Die verbrannte Bibliothek. *Peri alypias*. Wiesbaden, 2015. S. 59-111 (греч. текст и нем. пер.); Garofalo I., Lami A. Galeno. *L'anima e il dolore*. Milano, 2012. P. 5-53 (греч. текст и итал. пер.); Пролыгина И. В. Гален. О том, что не стоит печалиться // Философский журнал, Т. 11, № 4, 2018. С. 180-186; Философский журнал, Т. 12, № 1, 2019. С. 181-189 (рус. пер.).

О том, что способности души следуют за темпераментами тела (Quod animi mores corporis temperamenta sequantur)

Kühn IV, 767-822; Müller I. *Scripta minora* II. Leipzig, 1891. P. 32-79 (греч. текст); Daremberg Ch. *Œuvres de Galien* I. Paris, 1854. P. 47-91 (франц. пер.); Biesterfeldt H. Wiesbaden, 1973 (араб. текст и нем. пер.); Garofalo I. *Opere scelte de Galeno*. Torino, 1978. P. 957-997 (итал. пер.); Barras V. et alii. *L'âme et ses passions*. Paris, 1995 (франц. пер.); Singer N. Galen. Selected Works. Oxford, 1997. P. 150-176 (англ. пер.); Щеглов А. П. О зависимости свойств души от темпераментов тела // Гален. Сочинения. Т. I. М., 2014. С. 339-391 (рус. пер.). Составлен во второй римский период, в правление Септимия Севера (начиная с 193 г.).

О треморе, судороге, конвульсии и ознобе (De tremore, palpitatione, convulsione et rigore)

Kühn VII, 584-642 (греч. текст); Sider D., Mc Vaugh M. Galen. On tremor, palpitation, spasm and rigor // *Transact. Stud. Coll. Phys. Philad.* 1, 1979. P. 183-210 (англ. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

О формировании плодов (De foetuum formatione libellus)

Kühn IV, 652-702 (греч. текст); Singer N. Galen. Selected Works. Oxford, 1997 (англ. пер.); Nickel D. CMG V 3, 3. Berlin, 2001 (греч. текст и нем. пер.). Составлен в период правления Септимия Севера (после 193 г.).

О хорошем состоянии (De bono habitu)

Kühn IV, 750-756; Helmreich G. De bono habitu. Gymn. Progr. Hof, 1901. S. 16-20 (греч. текст); Singer N. Galen. Selected Works. Oxford, 1997. P. 296-298 (англ. пер.); Bertini Malgarini A. Galeno. De optima corporis nostri constitutione e De bono habitu. Roma, 1992 (итал. пер.). Составлен во второй римский период, в 169-180 гг.

О хороших и плохих соках (De bonis malisque sucis)

Kühn VI, 749-815; Helmreich G. CMG V 4, 2. Leipzig, Berlin, 1923. P. 389-429 (греч. текст); Ieraci Bio A.M. Galeno. De bonis malisque sucis. Napoli, 1987 (греч. текст и итал. пер.). Составлен во время второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.) согласно Илбергу, в правление Коммода (180-192 гг.) согласно Бардонгу.

О черной желчи (De atra bile)

Kühn V, 104-148; Boer W. de. CMG V 4, 1, 1. Leipzig, Berlin, 1937. P. 69-93 (греч. текст); Grant M. Galen on Food and Diet. London 2000 (англ. пер.); Ruiz Moreno A. Buenos Aires, 1947-1956 (исп. пер.); Barras V. et alii. De la bile noire. Paris, 1988 (греч. текст и франц. пер.).

О школах для начинающих (De sectis ad eos qui introducuntur)

Kühn I, 64-105; Helmreich G. Scripta minora III. Leipzig, 1893. P. 1-32 (греч. текст); Daremburg Ch. Œuvres de Galien II. Paris, 1856. P. 376-397 (франц. пер.); Dalimier C. Galien. Traité philosophiques et logiques: Des sectes pour les débutants, Esquisse empirique, De l'expérience médicale, Des sophismes verbaux, Institution logique. Paris, 1998 (франц. пер.); Martinez Manzano T. Galeno:

Tratados filosóficos y autobiográficos. Madrid, 2002 (исп. пер.). Первая версия была составлена в первый римский период около 165 г. и позже пересмотрена.

О ячменном отваре (De ptisana)

Kühn VI, 816-831; Hartlich O. CMG V 4, 2. Leipzig, Berlin, 1923, 455-463 (греч. текст).

Об анатомии вен и артерий (De venarum arteriarumque dissectione)

Kühn II, 779-830 (греч. текст); Garofalo I., Debru A. Galien. T. VIII. L'anatomie des nerfs. L'anatomie des veines et des artères. Paris, 2008. P. 51-129 (греч. текст и франц. пер.). Составлен в период между 162-166 гг.

Об анатомии матки (De uteri dissectione)

Kühn II, 887-908; Nickel D. CMG V 2, 1. Berlin, 1971 (греч. текст и нем. пер.). Составлен между 145/146 и 148/149 гг. и отредактирован после 166 г.

Об анатомии мышц (De muscularum dissectione ad tirones)

Kühn XVIIIB, 926-1026 (греч. текст); Garofalo I., Debru A. Galien. Tome VII. Les os pour les débutants. L'anatomie des muscles. Paris, 2005. P. 84-211 (греч. текст и франц. пер.). Составлен в начале второго римского периода около 175 г.

Об анатомии нервов (De nervorum dissectione)

Kühn II, 831-856 (греч. текст); Garofalo I., Debru A. Galien. T. VIII. L'anatomie des nerfs. L'anatomie des veines et des artères. Paris, 2008. P. 1-49 (греч. текст и франц. пер.). Составлен в период между 162-166 гг.

Об анатомических процедурах (De anatomicis administrationibus libri IX)

Kühn II, 215-731 (греч. текст); Garofalo I. Galeni anatomicarum administrationum libri qui supersunt novem. Earundem interpretatio arabica Hunaino Isaaci filio ascripta. Napoli, T. I, 1986 и T. II, 2000 (греч. и араб. тексты); Garofalo I. Galeno. Procedimenti anatomici. Vol. 1-3. Milano, 1991 (греч. текст и итал. перевод); López Salvá M. Galeno. Procedimientos anatómicos. Libros I-IX. Madrid, 2002

(исп. пер.). Гален начал составлять этот трактат по просьбе Боэта еще в первый римский период (162-166 гг.). Первоначально он состоял из двух книг и содержал рассказ о его первых анатомических демонстрациях. После потери этого первого варианта сочинения Гален, начиная с 177 г., приступил к составлению второй переработанной и дополненной версии в 15 книгах. На греческом сохранились первые 8 книг и начало 9 книги, остальные книги сохранились только на арабском. Книги с 6 по 11 датированы Бардонгом временем правления императора Коммода (после 189 г.). Книги с 12 по 15 – временем правления Септимия Севера (начиная с 193 г.).

Об аномальном темпераменте (De inaequali intemperie)

Kühn VII, 733-752 (греч. текст); García Novo E. Galen. On the Anomalous Dyskrasia (*De inaequali intemperie*). Berlin, 2012 (греч. текст и англ. пер.). Составлен в первый римский период, в 162-166 гг.

Об истощении (De marcore liber)

Kühn XVII, 666-704 (греч. текст). Составлен во второй римский период, до смерти Марка Аврелия (169-180) согласно Илбергу; в 175-176 гг. согласно Бардонгу.

Об общедоступных лекарствах (De remediis parabilibus libri III)

Kühn XIV, 311-581 (греч. текст). Составлен в правление Септимия Севера, после 193 г.

Об органе обоняния (De instrumento odoratus)

Kühn II, 857-886 (греч. текст); Kollesch J. CMG Suppl. V. Berlin, 1964 (греч. текст и нем. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

Об упражнении с маленьким мячом (De parvae pilae exercitio)

Kühn V, 899-910; Marquardt I. Scripta minora I. Leipzig, 1884. P. 93-102 (греч. текст); Wenkebach E. Galenos von Pergamon. Allgemeine Ertüchtigung durch

Ballspiel. Eine sporthygienische Schrift aus dem zweiten Jahrhundert n. Chr. // Sudhoffs Archiv Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften 31, 1938. S. 258-272 (нем. пер.); Singer N. Galen. Selected Works. Oxford, 1997 (англ. пер.); Johnston I. Galen. Hygiene, Books 5-6. Thrasybulus. On Exercise with a Small Ball. Cambridge, London 2018; Пролыгина И.В. Гален. Об упражнении с маленьким мячом. // Философия. Журнал ВШЭ. Т. III. № 1, 2019. С. 253-261 (рус. пер.). Составлен во второй римский период, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

Об учениях Гиппократа и Платона (De placitis Hippocratis et Platonis libri IX)
Kühn V, 181-805 (греч. текст); De Lacy Ph. CMG V 4, 1, 2, Teil 1-3. Berlin, 2005 (греч. текст и англ. пер.); Барзах З. А., Хорькова И. В., Насыров И. Р. Об учениях Гиппократа и Платона (кн. 1-5) // Гален. Сочинения. Т. III. М., 2016; Барзах З. А. Об учениях Гиппократа и Платона (кн. 6-9) // Гален. Сочинения. Т. IV. М., 2017 (рус. пер.). Книги 1-6 составлены в первый римский период (162-166 гг.); последние 4 книги были добавлены в начале второго римского периода между 169 и 176 гг.

Объяснение устаревших выражений или изречений Гиппократа (Linguarum seu dictiōnum exoletarum Hippocratis explicatio)
Kühn XIX, 62-157 (греч. текст); Perilli L. CMG V 13, 1. Berlin, 2017 (греч. текст и итал. пер.).

Против тех, кто написал о типах или периодах болезней (Adversus eos qui de typis scripserunt vel de circuitibus)

Kühn VII, 475-512 (греч. текст); García Sola M. Galeno. Sobre los tipos. Sobre los días críticos. Madrid, 2010 (исп. пер.). Составлен во второй римский период в правление императора Септимия Севера, после 193 г.

Против возражений Юлиана на «Афоризмы» Гиппократа (Adversus ea quae a Julianō in Hippocratis aphorismos enuntiata sunt libellus)

Kühn XVIII A, 246-299; Wenkebach E. CMG V 10, 3. Berlin, 1951. S. 31-70 (греч. текст); Барзах З. А. Оправдание возражений, выдвинутых Юлианом против афоризмов Гиппократа // Гален. Сочинения. Т. V. М., 2018. С. 147-163 (рус. пер.).

Против Лика (Adversus Lycum libelleus)

Kühn XVIIIA, 196-245; Wenkebach E. CMG V 10, 3. Berlin, 1951. S. 1-29 (греч. текст); Барзах З. А. Против Лика // Гален. Сочинения. Т. V. М., 2018 (рус. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия согласно Илбергу; после возвращения Марка Аврелия в Рим в ноябре 176 г., то есть около 177-180 гг. согласно Бардонгу.

Синопсис своих книг о пульсах (Synopsis librorum suorum de pulsibus)

Kühn IX, 431-533 (греч. текст); Johnston I., Papavramidou N. Galen on the Pulses, Berlin, 2024. Составлен в период правления Септимия Севера (после 193 г.).

Совет для ребенка эпилептика (Pro puero epileptico consilium)

Kühn XI, 357-378 (греч. текст); Keil W. Galeni pueru epileptico consilium [Diss.]. Göttingen, 1959. S. 1-23; Heller F. Über Pathologie und Therapie der Epilepsie im Altertum // Janus 16, 1911. S. 589-605 (нем. пер.); Botto-Mica A. Il “De puero epileptico” di Galeno // Riv. Stor. Sc. Med. Nat., 21, 1930. P. 149-169 (итал. пер.); Temkin O. Galen’s Advice for an epileptic boy // Bull. Hist. Med. 2, 1934. P. 179-189 (англ. пер.). Составлен в правление императора Септимия Севера, после 193 г.

Содержится ли естественным образом кровь в артериях (An in arteriis natura sanguis contineatur);

Kühn IV, 703-736 (греч. текст); Albrecht F. Galeni an in arteriis natura sanguis contineatur [Diss.]. Marburg, 1911. P. 1-21; Furley D. J., Wilkie J. S. Galen. On respiration and the arteries. Princeton, 1984 (англ. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

Увещание к занятию медициной (Adhortatio ad artes addiscendas)

Kühn I, 305-412; Marquardt I. Scripta minora I. Leipzig, 1884. P. 103-129 (греч. текст); Barigazzi A. CMG V 1, 1. Berlin, 1991, 111-151 (греч. текст и итал. пер.); Boudon-Millot V. Galien. T. II. Exhortation à l'étude de la médecine. Art médical. Paris, 2000. P. 1-146 (греч. текст и франц. пер.); Daremberg Ch. Œuvres de Galien I. Paris, 1854. P. 8-46 (франц. пер.); Wenkebach E. Galens Protreptikosfragment // Quellen und Studien zur Geschichte der Naturwissenschaften und Medizin 3. 4, 1935. S. 90-120 (нем. пер.); Singer N. Galen. Selected Works. Oxford, 1997. P. 35-52 (англ. пер.); Martínez Manzano T. Galeno. Tratados filosóficos y autobiográficos. Madrid, 2002 (исп. пер.); Пролыгина И. В. Гален. Увещание к занятию медициной // ВДИ № 3, М., 2013. С. 283-299; Щеглов А. П. О побуждении к медицине // Гален. Сочинения. Т. I. М., 2014. С. 151-177 (рус. пер.). Составлен после 193 г.

Фрагменты комментария к «Тимею» Платона (In Platonis Timaeum commentarii)

В издании Кюна отсутствует. Schröder H.O. CMG Suppl. I, Leipzig, Berlin, 1934. S. 9-26 (греч. текст и араб. фрагмент); Larrain C. J. Galens Kommentar zu Platons Timaios. Stuttgart, 1992 (издание греч. фрагментов); Барзах З. А. Фрагменты комментария к «Тимею» Платона // Гален. Сочинения. Т. II. М., 2015. С. 759-781 (рус. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.) согласно Илбергу; после возвращения Марка Аврелия в Рим в ноябре 176 г., то есть около 177-180 гг. согласно Бардонгу.

Фрасибул или есть ли здоровье дело медицины или гимнастики (Thrasybulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygieine).

Kühn V, 806-898; Helmreich G. Scripta minora III. Leipzig, 1893. P. 33-100 (греч. текст); Singer N. Galen. Selected Works. Oxford, 1997. P. 53-99; Johnston I. Galen. Hygiene, Books 5-6. Thrasybulus. On Exercise with a Small Ball. Cambridge,

London, 2018 (англ. пер.). Составлен в начале второго римского периода, до смерти Марка Аврелия (169-180 гг.).

Сочинения, сохранившиеся только на арабском или на латинском

Комментарий на книгу Гиппократа «О воздухе, водах, местностях» (In Hippocratis de aere, aquis, locis)

Сохранился только на арабском, готовится издание Г. Штромайером в CMG. Составлен во второй римский период, в правление Коммода (180-192 гг.) согласно Илбергу, после 189 г. согласно Бардонгу.

О движении грудной клетки и легкого (De motu thoracis et pulmonis)

Сохранился в латинском анонимном переводе: Marra P. Del movimento del torace e del polmone // Medicina nei secoli 3, 1966. Suppl. P. 38-43. Составлен во время пребывания в Смирне.

О диете Гиппократа при острых болезнях (De diaeta Hippocratis in morbis acutis)

Сохранился только на арабском: Lyons M.C. CMG Suppl. Or. II. Berlin, 1969. P. 76-111 (араб. текст и англ. пер.).

О медицинских терминах (De nominibus medicis)

Сохранился только на арабском: Meyerhof M., Schacht L. Galen. Über die medizinischen Namen. Abh. d. Preuß. Akademie d. Wiss., phil-hist. Kl. 3. Berlin, 1931 (араб. текст и нем. пер.).

О медицинском опыте (De experientia medica)

Сохранился только на арабском: Walzer R. Galen. On medical experience. London, 1944. P. 93-96, 113-114 (араб. текст); Frede M. Galen Three Treatises on the Nature of Science. Indianapolis, 1984 (англ. пер.); Dalimier C. Galien. Traités philosophiques et logiques: Des sectes pour les débutants, Esquisse empirique, De l'expérience médicale, Des sophismes verbaux, Institution logique. Paris, 1998

(франц. пер.); Барзах З. А. Гален. Сочинения. Т. II. М., 2015. С. 548-552 (рус. пер. греч. фрагмента).

О нравах (De moribus)

Сохранился во фрагментах на арабском: Badawī A. Muhtasar min K. al-Ahlāq li-Ǧālīnūs. Beirut, 1981. P. 190-211; Rosenthal F. Das Fortleben der Antike im Islam. Zürich, Stuttgart, 1965 (нем. пер.); Davies D. Character traits. // P. Singer (ed.). Galen. Psychological writings. Cambridge, 2013. P. 135-172 (англ. пер.).

О предшествующих причинах (De causis procatarecticis)

Сохранился только в латинском переводе Николая Регийского: Bardong K. CMG Suppl. II, Leipzig, Berlin, 1937 (лат. текст и реконструкция греч. текста); Hankinson R. J. Galen. On antecedent causes. Cambridge, 1998 (лат. текст и англ. пер.). Составлен в первый римский период (162-166 гг.) согласно Илбергу, в начале второго римского периода согласно Бардонгу; между 169-174 гг. согласно Ханкинсону.

О различии гомеомерных частей (De partium homoeomerium differentia)

Сохранился только на арабском: Strohmaier G. CMG Suppl. Or. III. Berlin, 1970 (араб. текст и нем. пер.).

О распознавании наилучшего врача (De optimo medico cognoscendo)

Сохранился только на арабском: Iskandar A. Z. CMG Suppl. Or. IV. Berlin, 1988. P. 30-34 (араб. текст и англ. пер.). Составлен около 175 г.

О связующих причинах (De causis continentibus)

Сохранился в латинском переводе Николая Регийского: Kalbfleish K. Marburg, 1914; Kollesch J., Nickel D., Strohmaier G. CMG Suppl. Or. II. Berlin, 1969. S. 132-141; и на арабском: Lyons M.C. CMG Suppl. Or. II. Berlin, 1969. S. 52-72 (араб. текст и англ. пер.); Duhot J.-J. La conception stoïcienne de la causalité. Paris, 1989 (франц. пер.). Составлен в первый римский период (162-166 гг.) согласно Илбергу, в начале второго римского периода согласно Бардонгу.

О частях медицинского искусства (De partibus artis medicae)

Сохранился в латинском переводе, возможно, Николая Регийского: Schöne H. Greifswald, 1911 (переизд. Kollesch J., Nickel D., Strohmaier G. CMG. Suppl. Or. II. Berlin, 1969. S. 115-129); и на арабском: Lyons M.C. CMG Suppl. Or. II. Berlin, 1969. S. 22-49 (араб. текст и англ. пер.).

Очерк об эмпирическом направлении (Subfiguratio empirica)

Сохранился только на латинском: Deichgräber K. Die griechische Empirikschule. Berlin, 1930 (реконструкция греч. текста по лат. пер. Николая Регийского); Frede M. Galen Three Treatises on the Nature of Science. Indianapolis, 1985 (англ. пер.); Atzpodien J. Galens «Subfiguratio emperica». Husum, 1986 (нем. пер.); Dalimier C. Galien. Traité philosophiques et logiques: Des sectes pour les débutants, Esquisse empirique, De l'expérience médicale, Des sophismes verbaux, Institution logique. Paris, 1998 (франц. пер.).

Сочинения, подлинность которых подвергается сомнению

Введение или врач (Introductio sive medicus)

Kühn XIV, 674-797; Petit C. Galien. T. III. Le médecin. Introduction. Paris, 2009 (греч. текст и франц. пер.).

Комментарии на книгу Гиппократа «О жидкостях» (In Hippocratis de humoribus commentarii III)

Kühn XVI, 1-488 (греч. текст). Подлинный комментарий утрачен. Текст в издании Кюна составлен в эпоху Возрождения отчасти из фрагментов утраченного в настоящее время подлинного текста.

Комментарии на книгу Гиппократа «О пище» (In Hippocratis librum de alimento commentarii IV)

Kühn XV, 224-417 (греч. текст). Подлинный текст утрачен.

Медицинские определения (Definitiones medicae)

Kühn XIX, 346-462 (греч. текст); Kollesch J. CMG V 13, 2. Berlin, 2023 (греч. текст и нем. пер.).

О диагностике по снам (De dignotione ex insomniis)

Kühn VI, 832-835 (греч. текст); Boudon-Millot V. Le *De dignotione ex insomniis* (Kühn VI, 832-835) est-il un traité authentique de Galien? // Revue des Études Grecques, 2, 2009. P. 617-634 (франц. пер.); Demuth G. Ps.-Galeni *De Dignotione ex insomniis* [Diss.]. Göttingen, 1972 (греч. текст и нем. пер.); Guidorizzi G. L'opuscolo di G. 'De dignotione ex insomniis'. Boll. Comitato Preparaz. Edizione Naz. Classici Greci Lat. N. S. 21, 1973. P. 81-105 (греч. текст и итал. пер.). Сочинение скомпилировано из отрывков *Комментария на I книгу «Эпидемий» Гиппократа.*

О диете Гиппократа при острых болезнях (De diaeta Hippocratis in morbis acutis)

Kühn XIX, 182-221; Westenberger J. CMG V 9, 1. Leipzig, Berlin, 1914 (греч. текст).

О наилучшей школе к Фрасибулу (De optima secta ad Thrasybulum)

Kühn I, 106-233 (греч. текст); Daremburg Ch. Œuvres de Galien II. Paris, 1856, 398-467 (франц. пер.).

О териаке к Памфилиану (De theriaca ad Pamphilianum)

Kühn XIV, 295-310 (греч. текст).

О том, что качества бестелесны (Quod qualitates incorporeae sint)

Kühn XIX, 463-484 (греч. текст); Westenberger J. Galeni qui fertur de qualitatibus incorporeis libellus [Diss.]. Marburg, 1906, 1-19; Giusta M. Torino, 1976 (греч. текст и итал. пер.).